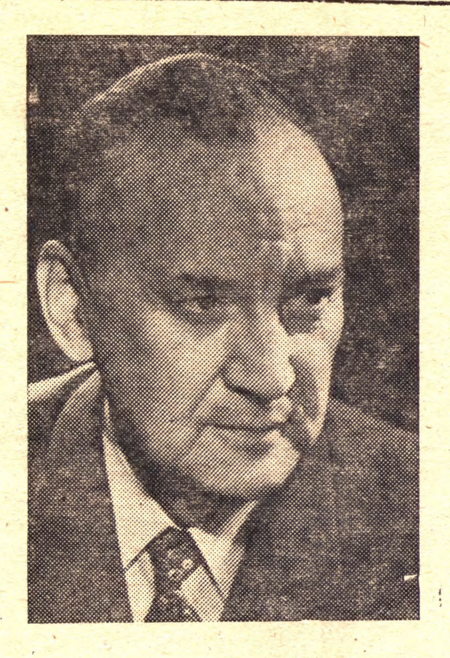
КЛЮЧ

В. Собко

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕГО РОМАНА

Настоящая мечта возвышает
человека, побуждает к познанию
нового, казалось бы, на
сегодняшний день неразрешимого.
И главное — в ней заложен
огромный нравственный потенциал.
Она ведет не к достижению
личного счастья,
а к труду на общее благо...

В. Собко

Вадим Собко

КЛЮЧ

роман

Авторизованный перевод
с украинского
Надежды Крючковой

Москва
Профиздат · 1981

ББК 84Укр7
С 54

С $\frac{70302-276}{081(02)-81}$ 64—81 4702590200

Глава первая

Жарким июльским днем восемнадцатилетний Демид Хорол лежал на узкой застланной серым одеялом кровати и читал книгу. Жилплощадь, которую он занимал на земной поверхности, равнялась семи с половиной квадратным метрам. Небольшое, зарешеченное окно выходило на юг, и поэтому комната, не ремонтированная, пожалуй, со дня постройки дома, наполнилась сейчас розовато-золотистым солнечным светом. Окно было распахнуто настежь, с улицы доносился терпкий запах свежей извести и расплавленной смолы.

Книга была интересной. Умный и находчивый капитан милиции ловил изворотливого вора, укравшего у известного музыканта бесценную скрипку работы итальянского мастера Гварнери. Опытный злодей почти уже добрался до государственной границы, но тут раздался стук в дверь, прервавший на самом интересном месте приключения злодея. Постучали уверенно, как бы с вызовом. Удивительное дело: даже в том, как человек стучит, сказывается характер.

— Войдите! — сказал Демид, не трогаясь с места.

Дверь отворилась, и девушка лет пятнадцати остановилась на пороге.

Парню показалось, будто раньше он ее где-то видел, но не мог припомнить, где именно.

— Здравствуй, — коротко сказала девушка.

— Здравствуй, — не очень приветливо отозвался Демид.

— Ты бы, между прочим, мог подняться с кровати, если к тебе пришли.

— И то правда, — Демид сел на кровать. — Ну, что еще скажешь?

— Богато живешь. Великолепная у тебя пещера. С решетками.

— Как могу, так и живу, — сердито отозвался Демид. — А что тебе, собственно, надо и кто ты такая?

Все раздражало его в этой девчонке: и пышные темно-коричневые волосы, собранные на затылке в «конский хвост», и модные джинсы с блестящими заклепками и фирменными наклейками, и туфли на толстой подошве и высоком каблуке, но особенно — взгляд больших, золотисто-каштановых, еще по-детски наивных глаз. Густо опушенные ресницами, эти странные глаза напоминали два бархатных цветка с золотой сердцевиной. В зависимости от освещения и настроения они, наверное, то становились совсем темными, то наливались прозрачно-золотистым светом. Девушка явно хотела казаться взрослой, но девчонка-несмышленыш проглядывала в каждом ее движении и слове, и это несоответствие смешило. Лицо ее, нежного овала, с прямым коротким носом и мягко очерченным подбородком, было красивым, но сейчас это почему-то вызывало у Демида раздражение. Девушка молча, критически разглядывала Демида, словно и не собиралась отвечать на его вопрос. Крупные, неумело подкрашенные губы кривились в снисходительной усмешке.

— Так что же все-таки заставило тебя прийти? — спросил Демид.

— Ничего не скажешь, вежливый хозяин, хоть бы сесть пригласил.

— И не подумаю. Так в чем дело?

— А может, я пришла к тебе на свидание?

— Соплячка еще о свидании думать!

— Перестань так примитивно ругаться. Это нужно уметь. Или уж ругайся виртуозно, или молчи: до мировых стандартов все равно не дотягиваешь. Ты кто, слесарь или радиолюбитель?

Она взглянула на железный столик из-под швейной машинки «Зингер», на котором закреплены были тиски, рядом с ними разные инструменты.

— Не угадала. Я граф Монте-Кристо.

— Смотри-ка, оказывается, что-то почитываешь. Правда, все вы, уголовники, более или менее образованны. Вам иначе нельзя.

— Послушай, — Демид нахмурил брови. — Я нахалов не люблю.

— Вот это уже разговор, — сказала девушка. — Теперь ты мне больше нравишься. А вообще, я представляла тебя не таким. Плохи у вас, у ворюг, дела. Шла,

думала увижу настоящего супермена. А ты меня здорово разочаровал.

— Меня это как раз устраивает. Итак, юная леди, долго еще просить тебя покинуть мое скромное жилище? Катись-ка ты отсюда подобру-поздорову.

— Мы сейчас вместе пойдем.

Демид поднялся с кровати (жалобно скрипнула металлическая сетка) и оказался ненамного выше девушки.

— Сто семьдесят пять сантиметров? — спросила гостья. — Рост твой сто семьдесят пять?

— Да. А при чем тут рост?

— Не вышел из тебя богатырь. Во мне и то сто шестьдесят восемь. Выходит, ничего особо интересного в тебе нет, вот только, пожалуй, глаза хорошие и брови. Смотрю и думаю, чем ты мог заинтересовать такого человека, как мой дед?

— Кто же он, твой дед?

— Аполлона Остаповича Вовгуру знаешь?

— Нет.

— И знаменитого «медвежатника» по кличке Баритон не знаешь?

— «Медвежатника»? Это еще что за зверь?

— Молодец! Так ты и должен отвечать. Тебе легко поверить — искренно говоришь.

— Ну, хватит морочить мне голову, — отрубил Демид и, приглядевшись повнимательнее к девушке, внезапно улыбнулся. — Подожди-ка, а я тебя вроде бы знаю.

— В этом нет ничего удивительного. В одну школу ходили.

Теперь у Демида как пелена с глаз упала: он ясно представил себе хорошенькую высокую девчонку в школьной форме. Была она скромной, тихой, и узнать ее в этой крале было просто невозможно.

— Припомнил, — сказал Демид. — Но все-таки, может, скажешь, чем обязан?

— Мой дед умирает и хочет тебя видеть.

— Зачем я ему понадобился?

— Дед очень просил. Он умирает...

Демид посмотрел на девушку, ничего не понимая. Вызывала она в нем противоречивые чувства: с одной стороны, обиду и раздражение от откровенно нахального тона, каким она вела разговор, с другой стороны, вроде бы сочувствие и симпатию. К тому же стало интересно: почему какому-то «медвежатнику» Баритону, вов-

се незнакомому Демиду Хоролу, понадобилось увидеть его перед смертью?

— Тебя как зовут?

— Лариса Вовгура. А тебя Демид? Смешное имя. В Беринговом проливе есть острова Диомида. Один наш, другой американский. Ты тоже такой половинчатый? Ну, ладно, не злись. Идем. И не вздумай отказываться: дед хочет тебе что-то про твоего отца рассказать.

— Про отца? — вздрогнул Демид.

— Вот именно. И ты будешь последним идиотом, если не пойдешь и не узнаешь, что он тебе хочет сказать перед смертью. Потом локти станешь кусать, да поздно будет. Когда такой человек умирает, не прийти к нему просто невозможно!

— Что он знает о моем отце?

— Он тебе это сам скажет.

— Придется идти.

— Если бы не дед, никогда бы ты меня здесь не увидел, — сказала Лариса. — Недостоин, понимаешь?

— Вот что правда, то правда, — легко согласился юноша, и девушка почему-то обиделась:

— Ты еще не раз пожалеешь о своих словах.

Он окинул взглядом свою комнату, которая ему всегда нравилась, и неожиданно признался.

— Ты права: мрачная у меня пещера.

Лариса вновь оглядела комнату, задержалась взглядом на переплетениях железной решетки и спросила:

— А решетка у тебя зачем? К тюремной жизни привыкаешь?

— Угадала, — ответил Демид. — Далеко нам идти?

— Нет рядом, за углом.

На улице горячо припекало солнце. Клены, ясени, каштаны налились буйной зеленой силой. Где-то совсем близко приглушенно шумел Брест-Литовский проспект.

— Славно тут у нас, — сказал юноша.

— Не вижу ничего хорошего, — ответила Лариса.

Она с вызовом тряхнула головой, густые блестящие волосы, схваченные пластмассовой приколкой, качнулись тяжелой волной.

— Нам сюда.

Они свернули с Фабричной улицы за угол и очутились перед большим трехэтажным домом, построенным, очевидно, еще до революции.

Лариса открыла дверь: «Проходи». Небольшой темный коридор, заставленный какими-то сундуками и ста-

рыми чемоданами, напомнил Демиду его собственную коммунальную квартиру.

Девушка уверенно, не постучав, толкнула дверь и сказала:

— Ну вот, дедушка, я его привела.

— Спасибо, — послышался в ответ могучий старческий бас. Демид невольно отметил, что такой голос вряд ли мог принадлежать человеку, который собирался покинуть этот бренный мир, и потому недоверчиво взглянул на Ларису. Накрашенные губы девушки сейчас приобрели естественный оттенок (когда она успела стереть помаду?), и от этого лицо ее стало милым, знакомым, детским. Теперь Демид узнал бы ее с первого взгляда. Внучка, видно, побаивалась своего деда. Демид вошел в комнату, освещенную двумя большими, полными солнца окнами.

На кровати лежал человек могучего телосложения, даже укрытый одеялом, он казался великаном. С первого взгляда Демид не рассмотрел лица лежащего, скрытого огромной копной волос, из-под которой смотрели черные, большие, горячечно блестевшие глаза, цепко нацеленные на вошедшего. И еще поразили юношу руки больного, лежавшие поверх одеяла, молодые руки с тонкими, гиб-

кими, длинными пальцами, с едва заметно припухшими от старости суставами, аккуратно подпиленными ногтями.

— Ну, здравствуй, — сказал дед, — давай знакомиться... — И он назвал свое имя.

— Здравствуйте, — ответил Демид и в ответ назвал свое.

— Знаю. Ты, внучка, — дед повернул голову к Ларисе, — пойди-ка займись своим делом, наша беседа — не для твоих ушей.

— Очень-то мне нужно в ваши преступные дела встревать, — дерзко бросила Лариса, тряхнула своим «конским хвостом» и исчезла за дверью.

— Вот так-то лучше. Садись, — предложил старик, указав Демиду на кожаное кресло.

Парень послушно сел.

— Садись и слушай, разговор будет долгим.

— Лариса сказала мне, будто вы что-то хотите рассказать об отце...

— Хочу. Чувствую, помру я скоро, и потому хочу рассказать. Не могу уносить с собой в могилу...

— Ну, на больного вы не похожи...

— Завтра меня отвезут в больницу, и спустя некоторое время — конец. Один шанс из ста, что я выйду живым из этой переделки. Рак у меня. Но ведь человек, если тонет, то и за бритву хватается, так и я... Ну, ладно, судьбу свою я знаю, ко всему готов.

— Вы про отца хотели...

— Не только про него. Ты знаешь, как твой отец умер?

— Убили его бандиты.

— Не совсем так. Твой отец помогал милиции. На напарника моего, Гришку Хриплого, твой отец кинулся, когда мы в сберегательной кассе сейф брали. Гришка его пером тогда пырнул, вот сержант и выстрелил. А наган знаешь какое оружие?.. Одной пулей и Гришку, и твоего отца положил. А я сдался, подумал: умереть всегда успею. Отработал сколько присудили, в родной дом вернулся, а завтра вот... на операционный стол, и все.

— Можете не ложиться, — холодно сказал Демид.

— Нет, не могу. Если есть хоть один шанс, его надо использовать. Разве не так?

— Так, конечно. И все-таки зачем вы меня позвали?

— Чтобы ты узнал всю правду про смерть своего отца. И еще потому, что не дает мне покоя его смерть.

Не я убил, а совесть мучает. А я хочу отправиться на тот свет с чистой совестью.

Демид поднялся с кресла.

— Расхотелось мне с вами разговаривать. Я об этом все давно знаю. Павлов мне рассказал.

— Павлов? Всю жизнь мне такого друга не хватало. И голова и руки — золотые. Такого бы напарника! Да разве он согласился бы! А ты садись, выслушать все равно придется.

Черные цыганские глаза где-то в глубине всклокоченных седых волос горели такой жаждой жизни и такой волей, что не послушаться его приказа было невозможно.

— Так вот слушай. Мне больше восьмидесяти, и двадцать пять из них я провел на нарах, в лагерях, на лесосплаве по Енисею. Но больше пятидесяти лет я жил на свободе и не только брал стальные сейфы, но и думал, понимаешь ты, думал. Если бы моя судьба сложилась иначе, я, вполне вероятно, стал бы ученым, знатоком точнейшей механики... Подожди немного, болит очень. Пусть отпустит...

Черные горящие глаза закрылись, и Демид сразу увидел комнату: обычную, чистую, со старой мебелью, буфетом, стоявшей на столе тарелкой с крупными, словно из слоновой кости выточенными белыми черешнями; на стене — большая выцветшая фотография пожилой женщины.

— Отпустило, — облегченно вздохнул Вовгура. — Что же ты думаешь делать в жизни?

— Осенью пойду в армию, отслужу и потом подамся на завод.

— На какой?

— К Павлову. Где создают электронно-вычислительные управляющие машины — ВУМ называется.

— Правильно, все правильно. Не мог Павлов выпустить тебя из-под своего влияния. На ловца и зверь бежит.

— А кто в данном случае зверь?

— Оказывается, ты не такой простачок, каким показался сначала. Еще какой зверь будешь! Думаю, я не ошибся, ты именно тот, кто мне нужен. С одной стороны, на тебя оказывали влияние Павлов и твоя учительница Ольга Степановна Бровко, с другой — Трофим Колобок. Интересная комбинация получилась.

— Для кого интересная?

— Для меня, для осуществления моей мечты,

— Я не собираюсь заниматься осуществлением вашей мечты. Вы из-за нее двадцать лет баланду хлебали.

— Не из-за мечты... Наоборот, из-за того, что тогда еще ее час не пробил. Не успевала за моей мечтой техника, плелась у нее в хвосте. А мечта такая, что одной моей жизни для ее осуществления оказалось мало... Молчи и слушай. Я родился в тысяча восемьсот девяностом году здесь, в Киеве. Отец мой торговцем был, не скажу, чтобы купцом первой гильдии, но мужик был богатенький. Жили мы на Бульварно-Кудринской улице, он и сейчас стоит, тот наш дом с мансардой, возле Сенного базара, и лавка наша там же, на базаре, была. Железом, красками, как теперь говорят, строительным материалом торговал мой отец. Не очень грамотный, но толковый был человек. А я в реальном училище учился, к технике с малых лет имел большое пристрастие. Отец спал и видел, чтобы я стал инженером. И вот, когда мне стукнуло десять лет, одиннадцатого июля девятисотого года, произошло событие, которое определило всю мою дальнейшую жизнь. Было, как сейчас помню, это во вторник, во время каникул. Отец мне велел быть дома, обещал показать что-то интересное. Отца я не то чтобы любил, но уважал и боялся, потому что все его уважали и боялись: власть и богатство — великая сила. Ну вот, мама надела на меня парадную форму реального училища, хотя и жарко было, картуз форменный. «Куда пойдем?» — спрашиваю, а она смеется: «Увидишь, как дурные деньги будут жечь». Тут мне и вовсе стало интересно, потому что в нашей семье не было более святого слова. Деньги для нас означали все: они были и богом и судьей, они составляли смысл жизни, а тут — на тебе — «деньги будут жечь». Отец тоже переоделся, галстук бантом завязал, волосы брильянтином спрыснул — голова блестит, как отлакированная, — усы подкрутил колечками, на голову легкую соломенную фуражку надел, и пошли мы с ним через Большую Подвальную, мимо Золотых Ворот, мимо Владимирской на Софийскую площадь. Народу там уже собралось множество, посредине городовые стоят кольцом. А в центре круга... Да что я тебе рассказываю! Читай.

Старик вдруг резко повернулся на кровати, протянул за спину худую костлявую руку и достал с тумбочки три большие тяжелые книги-альбома в коричневых кожаных переплетах. Демид отметил, как изменилось выра-

жение его глаз. Они стали задумчивыми, мечтательными, почти нежными, он осторожно, ласково погладил сухой ладонью уже изрядно потертую, словно теплую кожу переплета, потом закрыл глаза и сказал:

— Очень болит. Подожди, пусть немного отпустит.

Демид послушно ждал. Старый Вовгура раскрыл альбом. На первой странице желтоватой выцветшей бумаги была наклеена вырезка из газеты.

— Читай, — он протянул альбом Демиду.

«Киевская газета» от 13 июля 1900 года № 210.

«Во вторники в 9-30 утра, как читателям известно из объявлений киевских газет, была произведена «проба» огнеупорности изделия недавно созданной здесь мастерской несгораемых касс «Саламандра». С разрешения местной администрации, под личным наблюдением киевского бранд-майора г. Козловского и в присутствии экспертов и многочисленной публики был сложен на Софийской площади костер из целой сажени дров. Сверху поместили одну из несгораемых касс, куда на глазах у всей публики вложили ценные бумаги в конверте, запечатанном несколькими сургучными печатями, портфель с торговыми документами фирмы, несколько десятков рублей кредитными билетами, термометр, часы и пр. После этого касса была заперта, и ключ был вручен одному из экспертов. Дрова облили керосином и подожгли. Сила пламени была настолько велика, что стоять на расстоянии 50—60 шагов было невозможно. Горел костер часа два с половиной, и затем в 7 часов вечера, когда касса остыла, приступили к ревизии бумаг и ценностей, которые находились внутри ее. Проба дала во всех отношениях самые благоприятные результаты: все содержимое кассы оказалось в целости и сохранности, лишь немного побледнела краска кредитных билетов да пожелтела бумага торговых документов. Часы шли. Сургучные печати, конечно, расплавились, но нисколько не повредили находящихся в пакете бумаг. Нужно заметить, что мастерская несгораемых касс г. Штильмана в Киеве является пока единственной на юге России. До сих пор такие мастерские существовали лишь в Варшаве и в обеих наших столицах. В мастерской работает до 25 рабочих под управлением опытного мастера, иностранца, проработавшего 20 лет в мастерской «родоначальника» несгораемых касс в России — Г. Боте. Средним числом Киевская мастерская вырабатывает до 15 касс в месяц. Все выпускаемые кассы новейшей конструкции».

Демид дочитал вырезку из газеты, ясно представил себе высоченный костер на площади около памятника Богдану Хмельницкому... Вот уж поистине, чего не повидала эта площадь на своем веку: от парадных выходов князя Святого Владимира до рекламы сейфов.

— Весьма интересно, — сказал он.

— Мне тогда еще интереснее было, — сказал старый Вовгура, остро наблюдая за выражением лица Демида, словно от этого зависела его жизнь. — Тем более что вскоре такая касса и у нас в доме появилась. Только купил ее отец не в «Саламандре», а в мастерской Зверщковского, что помещалась на Большой Васильевской, семь, около костела. В Киеве Штильман и Зверщковский были два конкурента. Ну, разумеется, отец в этой кассе хранил свои деньги, и потому она стала не только центром нашего дома, но и всей нашей жизни. Деньги... Не было в моем представлении большей силы на свете, да и сейчас нет.

— Не самая главная сила, — задумчиво проговорил Демид, и старик посмотрел на него остро, встревоженно, словно хотел заглянуть в сокровенные глубины души.

— Спорить с тобой не собираюсь, — прохрипел Вовгура, — потому что прав я. Эту истину я понял очень рано. Зачем надрываться, обливаться потом, зарабатывая деньги, если они просто лежат в кассе: протяни руку и возьми.

— Но касса-то стальная.

— То-то и оно. Захотелось мне узнать, как эти кассы устроены, какие в них поставлены замки, какими они открываются ключами? И стал я собирать все, что было можно: данные и расчеты, стал бегать и к Зверщковскому, и к Штильману (его мастерская была на Крещатике, четырнадцать) и все, что узнавал, записывал. Время шло, я уже стал студентом политехнического, а страсть моя к деньгам росла, потому что знал: все покупается и все продается. Так вот, рос я, рос мой интерес к этим кассам, стал я своим человеком у Зверщковского, а потом и у Штильмана, познакомился там с Василием Федосеевичем Журавлевым. Величайшего таланта был мастер, только характер имел словно злая оса. Всех жалил. То от Зверщковского к Штильману переходил, то наоборот — от Штильмана к Зверщковскому. Придет — целуется, прошло три месяца, глядишь — разругался. И, любуясь на работу Журавлева, как он эти кассы клепает, как замки ставит, я понял, как можно любить свое дело.

Эта любовь рождает подлинный талант, как у актера. Он и умер, как артист, Василий Федосеевич Журавлев. Были у него необыкновенные ножницы для двадцатимиллиметрового железа. Любил он их со всей нежностью. И вот однажды в компании дружков выпил, показалось мало, выпили еще, снова мало. А денег уже нет. Вот один из дружков и говорит: «Продай ножницы. Больно они у тебя хороши». Журавлев спьяна возьми и продай, деньги, конечно, пропил, а на утро, уже трезвый, — к дружку: «Отдай ножницы!» — «Нет, — говорит тот, — не отдам, я тебе за них заплатил». Ну, Журавлев и повесился с горя, такая, выходит, в нем любовь к инструменту жила, такой это был мастер. И многое из того, что сам знал о замках и сейфах, он мне передал. Я же все это записал. Все до мелочей, до миллиметра, до винтика. Только Журавлев думал, как сделать сейф более мощным и сложным, а я, наоборот, как его легче открыть.

Один раз, уже окончив политехнический, уже инженером став, попробовал. Был в Киеве богатый купец Гальперин; пароходов его по Днепру ходили десятки, если не сотни. В доме на Банковой, где он жил, сейчас разместился Союз писателей, а контора его была на Подоле, неподалеку от пристани. Вот ему в ту контору Звершковский и продал кассу, сделанную Журавлевым. А я эту кассу знал как свои пять пальцев, можно сказать, видел ее не то что при рождении, при зачатии и открыл ее, не ломая, ключом, сделал три варианта, вот один и подошел. Взял одиннадцать тысяч — тогда это громадные деньги были, — поехал за границу, в Париж, и промотал их, просто пропил в хороших компаниях. Дурак был. Отец одобрил мою поездку за границу и со своей стороны немного подкинул, письма к своим деловым знакомым дал. Полиция, конечно, крик подняла: касса цела, а денег нет! Никого не нашли...

А я вернулся в Киев спокойно, только новая думка меня осенила. Не забывай, я тогда уже инженером с высшим образованием был. А мысль такая: заиметь универсальный ключ, которым можно было бы открыть любой сейф! Ведь в больших отелях (и за рубежом и у нас) каждому жильцу дают свой ключ от комнаты, а у горничной есть такой, который все комнаты открывает, он паспортом называется. Правда, не так уж много комнат на каждом этаже, значит, и замков немного. Ну, а если собрать много данных, то нельзя ли, пусть не для всех сейфов, а только для какого-то определенного их

класса, подобрать ключ? Можно, наверняка можно! Только не знал я тогда, что мысль эта ко мне постучалась рановато, не доросла еще до нее тогдашняя техника, и продолжал собирать все данные о сейфах и ключах.

Старый Вовгура закрыл глаза, застонал, долго молчал, отдыхая, а потом вновь ожег горячечным взглядом и сказал:

— Не бойся, я пока не помру!.. Ну вот, настала революция. Отец мой, Остап Семенович Вовгура, когда пришли к нам реквизировать ценности, взял да и помер. Или от горя, или от страха, сказать трудно. Комиссия сейф открыла аккуратно, ключиками, но ничего интересного, кроме николаевских денег, обесцененных и аннулированных, не нашла. А я похоронил отца и вот тут-то, можно сказать, и развернулся на полную катушку. Власть чуть ли ни каждый день меняется, буржуазия сбежала, а сейфы остались. Конечно, буржуи, кровопийцы народные, убегая, главные ценности с собой захватили, но кое-что все же осталось. А некоторые и просто не успели убежать. И стоят пустые особняки или конторы с сейфами. Вот тут я поработал! Сколько я их открыл — и сосчитать невозможно. И не думай, что я их «медвежьей лапой» ломал или «гусиной лапкой» резал. Для «медвежатников» это черная работа, а я работал по науке, интеллигентно, хорошо зная, как замок устроен, где и сколько надо дырочек просверлить, где молоточком стукнуть, куда щупом залезть. Щелкал я сейфы, как орехи. Когда сейф открыт, то о его ключе можно составить полное представление, это не трудно, ежели ты специалист с высшим техническим образованием. И вот ключ от каждого взятого мной сейфа я детально описывал, со всеми размерами, точно. Я еще даже не знал, для чего это делаю, думал так, для практики, а на деле вышло — для тебя.

— Для меня? Ну нет, пустой номер, — сказал Демид.

— Молчи и слушай. Ну вот, в один особняк зашел я прямо днем, хороший там стоял сейф, фирма Сан-Галли из Петербурга. И только начал я работу, слышу: «Руки вверх!» Сотрудники ЧК. «Гражданин, вы арестованы!» Оказался в тюрьме. Скверная была тюрьма, голодная, времен гражданской войны, сам понимаешь. Повели меня на суд, все им ясно. Расстрелять паразита Вовгуру Аполлона Остаповича решили. А тогда председатель революционного трибунала говорит: «Расстрелять всегда

успеем. Пусть он нам поможет. Советской власти буржуйские ценности ого как нужны, голодает народ. Из тюрьмы водите на работу под конвоем». И я ходил. Открываю, бывало, сейф в присутствии комиссии, есть там что-нибудь для них или нет ничего, а у меня новая запись в тетрадке.

Тут Деникин на Киев попер, красные отступили, я очутился снова на воле и замер, притаился. Когда вновь пришла Советская власть, пошел на завод металлических изделий на Подоле. Этакий честный беспартийный специалист с зарплатой в восемьдесят два рубля. Еще раз попробовал счастье и сорвался. Взяла меня милиция прямо по горячему: без напарника работал, открывать сейф без готового ключа дело долгое, предупредить меня было некому, вот и сел я на десять лет. Отсидел, а мечту свою не оставил. Снова, уже наученный горьким опытом, пошел работать на завод, туда часто привозили сейфы, и все ключи я измерял, подозрений это ни у кого не вызывало. А записи мои все росли и росли.

Потом война ударила. Ну, меня, конечно, не призвали, больше пятидесяти лет уже было, я войну вот здесь, в этой квартире, пересидел, борода седая, морда старая, документы в порядке, все честно. Страшно было, не скрою, и была у меня соблазнительная мысль — на Запад податься, в Париж или в Лондон, ведь я к тому времени не только наши отечественные сейфы знал, а и зарубежные тоже. Да удержался и правильно сделал. Невозможно было мне без Киева, здесь я родился, здесь я и помру. Если откровенно сказать, то это был единственный по-настоящему гордый поступок в моей жизни. Ну, Сталинград громыхнул, Курская дуга, погнали немцев. Я в военкомат пошел, говорю, нельзя ли меня использовать, я инженер. Военком посмотрел на меня, покачал головой, мол, староват вы, папаша, но в какую-нибудь артиллерийскую ремонтную мастерскую взять вас можно. И зачисляют меня в танковую армию генерала Катукова. И вот, как возьмем немецкий город, зовут команду саперов, толом рвут дверцы сейфов, а вместе с ними и все, что лежит внутри. Я и доложил командиру: работал, мол, на спецзаводе, кое-что в этом деле понимаю. Он обрадовался мне, как отцу родному.

Потом окончилась война, и снова я на завод. А у меня уже семья... Женился я вскоре после революции, жена сына родила и умерла. А сын вырос, внучку мою ты видел... После того случая, когда я попался, взял себе

напарника, чтобы вовремя предупредил об опасности, «на стреме» стоял, а от этого и произошла вся беда. Напарника убили и отца твоего тоже, правда случайно, а меня на пятнадцать лет за Полярный круг. Там я сейфов, как понимаешь, не открывал, но всех «медвежатников», хотя осталось их в живых немного, про ключи расспрашивал. А книги мои нетронутыми остались в Киеве, просто на них не обратили внимания, думали — институтские конспекты сына, никому и в голову не приходило, какую я провел работу. Ты слушаешь?

— Слушаю, — ответил Демид.

— Интересно тебе?

— К чему вы ведете?

— Подожди, поймешь. Еще с давних пор люди научились хранить свои богатства. — Привычным движением длинных пальцев он раскрыл первую книгу. — Вот смотри, каким был древнеримский ключ, смотри, какая сложная система бородок. Андрей Диллингер, владелец богатейшей коллекции замков, так его описал: «Ключ с четырьмя выступами на бородке цепляет за отверстие в засове, прижимает зажимчиками пружину и позволяет засову передвинуться, запереть или отпереть замок». А вот древнеегипетский замок — вместо ключа здесь металлическая пластинка со штифтами. Или, к примеру, древнекитайский — тут сразу не поймешь, где ключ, а где замок, настолько они дополняют один другого. В Помпее, в раскопках, нашли и замки и ключи, поражающие красотой и роскошью отделки. Сначала делали замки из дерева, потом принялись за бронзу, и всегда, во все эпохи над ними работали отменно талантливые мастера. А затем настало царство железа и стали. Где-то в пятнадцатом столетии это искусство особенно расцветает в Германии, там первые ключи несут на себе печать готики. Были замки в те времена с сотнями деталей. Непрактично, конечно, но зато какая же красота была! Вот послушай описание флорентийского ключа. «Головку отворяют две женские фигурки, они как бы обнимают гербовый щит с изображением серебряной конской головы; над ним находится сидящая фигура, которая поддерживает корону, дельфин с серебряными глазами составляет стержень ключа...» Но позже перестали обращать внимание на красоту, плюнули на художества, от замка требовалось одно — надежность. Англичанин Чебб в прошлом веке сделал замок, которым все мы, собственно говоря, пользуемся до сих пор. Сейфы стали изготов-

ляться сотнями тысяч, началась стандартизация. Ключи отличались лишь комбинацией высоты выступов на бородках. Замок мог быть каким угодно, и американским, и немецким, а принцип работы оставался единым — комбинация выступов располагала державки в замке так, чтобы засов-регель можно было отодвинуть или задвинуть. Вот для чего я измерял высоту бородок и выступов, хотя, честно говоря, не представлял, как можно использовать эту гигантскую статистику. Ну вот, жил я на Севере, валил лес, расспрашивал старых «медвежатников». Годы шли, и мне уже стало казаться, что жизнь моя вместе с мечтой пошла собаке под хвост и никому не потребуются мои записи, пока не встретил Александра Николаевича Лубенцова, математика, валившего вместе со мной лес. Я тебе прямо скажу: идиот он стопроцентный. Почему он в лагерь угодил? Видишь ли, в припадке ревности прикончил собственную жену. Ну можно ли представить себе большую глупость?

— Нет, это не глупость, — сказал серьезно Демид.

Старик пренебрежительно махнул рукой.

— Глупость, и говорить не о чем. Служил этот Лубенцов где-то в Сибири, в каком-то большом городе, где тьма-тьмущая институтов, отделений Академии наук и всякого такого. Как тот город назывался, не знаю, или я забыл, или он мне умышленно не сказал, не помню, да и не очень меня это интересовало. И конечно, как во всяком городе, были и там магазины, в том числе и комиссионные. А у этого ученого жена — по его словам — красавица. Ну, красавица или нет, не знаю, не видел, а вот, что жадюга была, это точно. Любила модные тряпки. Такая легче удавится, чем перенесет, что у подруги шубка красивее ее пальто. Ну, конечно, завелись у нее знакомства в комиссионном магазине, с директором познакомилась. Появится что-нибудь интересное — он ей звоночек. Один звоночек, другой, пятый, что-то продал ей по дешевке, еще какую-то услугу оказал, глядишь, она — в его власти. За услугу надо платить.

— Простите, — сказал Демид, — вы, наверное, забыли, зачем пригласили меня. Слушать все эти истории мне просто неинтересно.

— А ты, видно, парень с характером. Это хорошо. Такой мне и нужен. Но дослушать эту историю придется, даже если она тебе неинтересна. Так вот, возвращается однажды Лубенцов из научной командировки раньше обычного, открывает дверь, входит в квартиру, а

навстречу ему бежит жена, в халатике, перепуганная насмерть... Ну а в спальне — директор комиссионного магазина... Как в таком случае поступает нормальный мужчина?

— Не знаю, — гадливо передернул плечами Демид.

— А я знаю. В таком случае он хорошенько развернется и смажет по морде этому шкодливому коту, чтобы впредь не повадно было, а потом вежливо обратится к своей бывшей супруге, пальцем ее не тронув: гражданочка, скажет он, собирайте свои шмоточки и катитесь на все четыре стороны, чтобы духу вашего здесь не было, и все такое прочее. Вот так поступает настоящий мужчина. А что делает Лубенцов? У него, конечно, вся ярость была написана на лице, так что директор с перепугу сиганул в открытое окно со второго этажа, сломав при падении ногу, его там и подобрала карета «Скорой помощи». А Лубенцов, дядя здоровенный, оставшись с глазу на глаз со своей супругой, обрушил всю свою злобу и обиду на нее, да так, что никакая «Скорая помощь» уже не потребовалась. Ну не идиот, скажи на милость? Идиот, — убежденно проговорил Вовгура. — Но, как выяснилось, все-таки человек гениальный. Встретились мы с ним на Севере и жили в одном бараке, нары были рядом. А там, брат, ночи длинные, сна нет, вот он и рассказал мне свою жизнь, а я ему свою. Ну, правда, он недолго лес валил. Его вскоре от нас перевели, но срок свой он отбыл от звонка до звонка. И никуда от этого не денешься: совершил преступление — держи ответ. Сейчас Лубенцов уже давно на свободе, в Киеве живет. Может, если бы не эта история, академиком был бы... Признали, что убил в состоянии аффекта...

— Если у вас нет для меня ничего более важного, чем этот рассказ, я пойду... — сказал Демид.

Старик вновь окинул парня пристальным взглядом, в глазах его плескалась боль. Демид бросился к нему:

— Чем помочь вам? Позвать Ларису?

— Нет. Сиди. Сейчас отпустит.

Старик замолчал и, как показалось Демиду, вроде бы задремал. Он поднялся со стула, но спокойный голос Вовгуры остановил его.

— Ну куда ты спешишь? Успеешь со своими делами: вся жизнь у тебя впереди. Вот и дослушай старика до конца, доставь ему радость. Не нравится, а ты послушай. Уважь. — И вновь замолчал, шаря глазами по потолку, потом, словно вспомнив о чем-то, сказал: — Это

ведь присказка, сказка еще впереди, — и усмехнулся в бороду, — но конец уже близок. Потерпи. Так на чем я остановился? Ах да, о Лубенцове говорил... Так вот, как-то ночью рассказал я ему о моих трех книгах с записями. Он все расспрашивал: и как я ключи измерял, и как записывал, ну, а мне что скрывать? Рассказал, все-таки я человек технически грамотный, инженер, хотя от современной техники, по независящим от меня причинам, и поотставший. И тогда вдруг начал Лубенцов смеяться. Впервые за долгие годы я услышал его смех и испугался. Это очень страшно там, на Севере, в бараке, под полярной ночью, — смех. «Чего это ты заливаешься?» — спрашиваю. А он нахмурился вдруг и говорит: «Зачем тебе это? Все твои старания выеденного яйца не стоят». «Как это не стоят?» — возмущаюсь я. А он, усмехаясь, отвечает: «А очень просто. Ну, собрал ты эти данные на три тома, мог бы собрать и на шесть, толку-то все равно для тебя никакого. Как ты этим материалом можешь распорядиться? Никак! А вот электронно-вычислительная машина сумела бы твои данные использовать и создать, скажем, ключ, который подошел бы к любому сейфу». Сказал и отвернулся от меня, словно интерес потерял. А меня задело за живое, стал допытываться: «Расскажи, — говорю, — все-таки любопытно знать, как это станет машина обрабатывать мой материал. Я им распорядиться не могу, а она, видишь ли, может. Сомнительно что-то». И понимаешь, я его все-таки уломал, правда, разозлился он на меня за эти упрашивания, но рассказал. Так ведь и его понять можно: ночь, ветер завывает, душу выматывает, тоска, а тут поговорить можно, в мыслях уйти от этой тоски. «Ты что-нибудь про электронно-вычислительные машины слышал?» — спрашивает. «Теоретически представляю, на уровне газетных статей», — отвечаю. «Маловато, — говорит, — но для того, чтобы понять идею, достаточно и этого. Понимаешь, каждый ваш ключ можно записать математически. Скажем, завод, выпустивший сейф, обозначить цифрами, числом, год выпуска — другие цифры, другое число, количество выступов на бородках ключа — третье, высота выступов на бородках — четвертое и так далее. Все, что тебе про ключ известно, можно обозначить числами по двоичной системе, математически. Ключ тогда будет выглядеть как длинный ряд цифр, каждая из которых или комбинация из нескольких будет обозначать его особенность или качество. Понятно?» — «Более или

менее». — «Я так и думал, — усмехнулся он, — это и десятиклассник поймет. Значит, записываешь ты все свои ключи математически на бумаге. Это, конечно, будет нелегкая работенка, сколько там у тебя ключей?» — поинтересовался. А у меня их было пятнадцать тысяч шестьсот девяносто шесть. Я все записи пронумеровал. «Вот видишь, — сказал и вновь усмехнулся этак ехидненько, — ученый в тебе пропал... Потом ты все записи с бумаги переносишь на магнитную ленту. После этого строишь электронно-вычислительную машину, причем, должен тебе заметить, что в сравнении с известными машинами, скажем «Минском», «Днепром», «Уралом», эта твоя — простейшая. А построив машину, приглядываешь себе сейф, — тут уж он откровенно надо мной посмеивался, даже хохотнул хрипловато, — какой побольше, попузатее. Определяешь завод, который его выпустил, год выпуска, приблизительно высоту выступов на бородках ключа, одним словом, чем больше данных, тем лучше, и все эти данные, также записанные математически по двоичной системе, вводишь в машину и нажимаешь на кнопку «пуск». Машина оживет, заработает, потом остановится»...

Демид взглянул на старика и поразился его перемене: глаза сверкали горячим молодым азартом. Мечта его жизни, казалось, была так близка к осуществлению, что до нее можно было дотронуться рукой, а он умирал.

«...Это означает, — сказал тогда Лубенцов, — что машина нашла ключ, совпадающий по своим данным с твоим ключом, и дополнила его своими, вернее, твоими данными, только записанными раньше и с других ключей. Запомни, машина выдает только то, что в нее заложил человек, сама она ничего придумать не может. Ну вот, записал ты данные первого ключа и снова нажимаешь на кнопку «пуск». Снова вертятся катушки, и снова, остановившись, машина выдает тебе второй ключ, тоже похожий на тот, основной. Потом третий. Ну вот, записываешь ты все данные, берешь в руки инструмент, садишься за тиски и изготовляешь три ключа. Потом подходишь к сейфу и открываешь его одним из этих ключей. Полная гарантия». Посмотрел я на Лубенцова, — чувствую, смеется надо мной. «Враки все это», — сказал я тогда.

— Почему враки? — неожиданно возразил Демид, слушавший старика внимательно. — Насколько я понимаю, такая машина возможна. Все будет зависеть от то-

го, какое количество информации вы сможете вложить в ее память.

— То же самое сказал мне и он. И создать такую машину сможешь?

— Нет, сейчас не смогу. Надо сначала закончить институт, ума поднабраться... И вообще, такая проблема меня не интересует. Глупости все это.

— Как это глупости? — закашлялся от волнения старик. — Ты просто не понимаешь, что говоришь. В твоих руках будут деньги. Большие деньги! Сколько ты захочешь.

— Не деньги, а тюремные нары.

— Неправда! Если у тебя будет ключ, ты неуловим. На всю операцию понадобится тридцать секунд. Я проверял. Никакая милиция не успеет. А деньги — величайшая сила на свете. Всем деньги нужны! И было бы у меня их навалом, родись я позже. Рано родился — вот в чем беда, разминулся с технической эпохой. Зато ты родился в самое время. Бери мои книги, труд всей моей жизни. Верю: ты сделаешь такую машину... Заводов, выпускающих сейфы, у нас не так уж много, семь-восемь. В старые годы не лезь, возьми на прицел сейфы, сделанные после войны...

— И не подумаю.

— Пойми, я не о твоем богатстве пекусь. Мне хочется умереть, зная, что труды мои не пропали. Неужели не ясно: всю жизнь думать, работать и — остановиться у самого порога.

Он поднял три толстых фолианта, переплетенных в коричневую кожу, и протянул Демиду.

— Спасибо, — поднялся со своего стула юноша, — как говорится, благодарю за доверие, но ничего из этого не выйдет. В таком наследстве не нуждаюсь. Передайте кому-нибудь другому, лучше всего — своей внучке. Она этим добром сумеет распорядиться лучше меня. До ума доведет дело вашей жизни. А за рассказ спасибо, и в самом деле интересно, такое не каждый день услышишь.

Старик застонал, устало откинулся на подушку, слышалось его тяжелое, прерывистое дыхание. Демид переждал, когда больной вновь открыл глаза.

— Будьте здоровы, — сказал он.

— Иди! — сердито бросил Вовгура.

Демид вышел и в коридоре наткнулся на Ларису.

— Не договорились, уголовники? — спросила девушка, насмешливо улыбаясь.

— Подслушивала? — ответно усмехнулся Демид.

— Скажешь тоже! Да он все слышит, каждый шорох, вздох и то слышит. Просто дверь приоткрылась и последние слова долетели. Ну что ж, будь здоров.

— Постараюсь, — весело ответил Демид.

Глава вторая

В Киеве стояло жаркое лето, шел июнь, и тяжелые тучи чуть ли не каждый вечер собирались над городом, чтобы пролиться на зеленую веселую землю звонким дождем. А утром небо вновь сверкало глубокой, чистой голубизной, и солнце сияло яростно, будто нарочно подчеркивало вечность жизни на земле, ее красоту и радость. И просто не верилось, что на фоне такой живой, мощной красоты могли существовать и смерть, и горе, и жестокость.

На другой вечер, после того как схоронили маму («такая молодая, а хвороба съела ее за два месяца», — говорили соседи), Трофим Колобок, отчим тогда одиннадцатилетнего Демида Хорола, вернулся с работы, как обычно, в семь, позвал мальчика в свою большую светлую комнату, где прежде жила мама и еще сохранился ее, только ему, сыну, ощутимый и до слез родной запах, и сказал:

— Садись, поговорим.

Демид стоял около обеденного стола. Комната была просторной, светлой. Массивный буфет у одной стены, большая кровать тщательно застлана светлым одеялом, на стене — вышитый ковер: белоснежный лебедь плывет по синей воде к зеленому берегу. Платяной шкаф притулился в углу. С потолка над столом свисала лампа под ярким абажуром.

«Почему все абажуры оранжевые?» — неожиданно спросил себя Демид, но ответить не успел, потому что Колобок сказал:

— Садись.

Демид послушно сел на стул у окна и почему-то подумал, как может вдруг измениться, стать чужой комната, где каждая вещь, каждая малейшая трещинка на паркете, по которому он учился ходить, была знакома до боли.

— Давай-ка мы с тобой поговорим раз и навсегда, — веско сказал Трофим Иванович. — Ты еще несовершен-

нолетний, неопытный, в одиннадцать лет решить свою судьбу не можешь. Но я человек порядочный, честный и в память своей жены, а твоей матери, сделаю то, чего мне, возможно, не следовало бы делать. В интернат тебя не отдам, сам воспитаю честным и порядочным, похожим на меня человеком.

Демид молчал. Вот как оно получается: думал, что Трофим Иванович грубый, равнодушный человек, а на поверку вышло иное — великодушный и благородный. Как же ты, Демид, не заметил этого раньше?

— Да, я человек надежный и порядочный, — продолжал Колобок, — и все, что обещаю, выполню. Но ты мне чужой, не мой сын, и мне нужно знать, что деньги, которые я истрачу на твое содержание и воспитание, на пропитание и учебу, ко мне когда-то вернутся.

— Я согласен, — сказал Демид.

— Подожди, — остановил его Колобок. — Выслушай сначала. Ты вырастешь, пойдешь работать на завод или в учреждение, станешь зарабатывать и вот тогда отдашь долг, вернешь все, что я на тебя затрачу. Таков уговор. Пойми: свою старость мне тоже нужно обеспечить. Кто обо мне подумает, если не я сам?

— Я вас никогда не брошу, Трофим Иванович, — твердо сказал Демид.

— Этого от тебя никто не требует, — сказал Трофим Иванович Колобок, — станешь взрослым, женишься, я тоже еще не очень-то старый, все может случиться, но в одном я должен быть уверен: деньги ты мне вернешь.

— Конечно, верну, — с готовностью согласился Демид.

— Сколько же ты мне отдашь? — неожиданно улыбнулся Колобок, и короткие пшеничные усы его насмешливо шевельнулись.

— Сколько буду должен, столько и отдам.

— Правильно, я человек щепетильный, точнее сказать, болезненно честный. Смотри, вот книжечка, — Колобок достал из кармана красный ледериновый блокнот. — Сюда я буду заносить все расходы, связанные с тобой. Первого числа каждого месяца буду сообщать тебе, сколько ты мне задолжал. Ты, если захочешь, сможешь проверить каждую мою запись.

— Я вам все, все отдам, — горячо воскликнул Демид. — Трофим Иванович, я вас очень, очень люблю!

Выкрикнул эти слова и сам испугался своего неожиданного проявления чувств.

— А вот эти вещи ни к чему, — нахмурился Трофим Колобок, — любовь, всякие там сентиментальности — это не для меня. Мне нужно только одно — честность и порядочность. Значит, договорились?

— Договорились, Трофим Иванович! — Лицо Демида сияло от счастья; интернат, которого он неизвестно почему так боялся, отодвинулся, стал как бы тенью минувшей угрозы, отдаленным отзвуком грозы.

— Вот и прекрасно, — серьезно, не улыбнувшись, одобрил Колобок. — А теперь возьми деньги, беги в гастроном, купи хлеба, колбасы, сахару, а то эти чертовы вчерашние гости все подмели. Завтра сдашь бутылки, что от поминок остались. А сейчас — беги. — Вдруг, будто испугавшись своего решения и желая подстраховать себя, он добавил: — И имей в виду, дисциплина в нашей жизни должна быть железной. За малейший проступок я буду наказывать нещадно. Ясно тебе?

— Ясно! — радостно отозвался Демид.

В душе его жила острая потребность кого-то любить, и все лучшие чувства свои, которые, конечно, предназначались маме, паренек перенес на Трофима Колобка. Он не будет на свете одиноким, будет учиться, будет работать, а деньги он вернет до копеечки, за ним дело не станет! Главное — он не будет одиноким!

— Ну что ж, начинаем новую жизнь, — сказал Трофим Иванович, — запомни, я ко всему отношусь строго, но справедливо. Что самое важное в жизни человека? Чистота! Моральная и физическая. А в отношении физической чистоты мы с тобой, брат, существенно отстали. Простыни на твоей кровати когда менялись в последний раз?

— Перед тем как мама пошла в больницу.

— Вот видишь, полтора месяца прошло. И это называется чистота! И нужно будет все твои вещи переписать, мои тоже, чтобы знать, что у нас есть и чего нету. Ну а теперь давай возьмемся за чистоту.

В их коммунальной квартире две другие комнаты занимал наладчик с ВУМа — завода электронно-вычислительных и управляющих машин — Семен Павлов с женой и сыном, который уже ушел в армию, а в третьей жила Ольга Степановна Бровко, заслуженная учительница. Жили они мирно, во всяком случае, когда Колобок и Семен Павлов встречались на кухне поговорить и выкурить по сигарете, к ним присоединялась и Ольга Степановна со своим неизменным «Казбеком». Была она

высокая, худая, строгая, напористая, всю жизнь привыкшая отстаивать интересы других людей, потому что долгое время была депутатом районного Совета. Демид ее побаивался. А вот кого он обожал, так это Валерию Григорьевну, жену Семена Павлова, женщину лет под сорок, энергичную, улыбчивую.

Вот так и началась их новая жизнь. В Киеве цвело лето, в школе были каникулы, свободного времени даже после всей домашней работы, которую Колобок взвалил на своего пасынка, хватало, а на свете столько интересных и еще не познанных вещей, что прямо дух захватывает. Фабричная улица одним концом упирается в шумное, заполненное тысячами машин Брест-Литовское шоссе, а другим — в улицу Ватутина. Рядом стадион «Авангард». В соседних домах много знакомых ребят. Школа — в трех кварталах от дома. Кинотеатр имени Довженко тоже недалеко, но посмотреть фильм — это недосягаемая роскошь для Демида.

А вот Ольга Степановна каждую неделю ходит в кинотеатр, все новые картины смотрит. Счастливый человек! Пенсии на все хватает. Только она все-таки странная. Дня через два после похорон мамы она постучала в дверь Колобка, вошла, поздоровалась.

— Я к вам с большой просьбой, товарищ Колобок, — Ольга Степановна по своей давней учительской привычке всех соседей называла по фамилии, — с большой просьбой. Вы не смогли бы меня выручить?

— Простите, Ольга Степановна, денег в долг не даю,— сухо ответил бухгалтер, — зарплата не позволяет...

Ольга Степановна улыбнулась одними глазами. Продолговатое, с крупным носом лицо ее не изменило приветливого выражения, и непонятно было, почему же мелькнула в глазах усмешка.

— Нет, я не за деньгами пришла. Пенсии мне хватает, я же одна, — ответила она (от курения голос ее стал низким, хрипловатым, чуть ли не мужским), — мне уж помирать скоро, а здоровье слабеет — вот о чем речь. Все было бы ничего, если бы не ноги. Болят, проклятые, иногда так болят, что остановлюсь и с места не сдвинусь. Походы-то мои, конечно, недалеки...

— Чем же я вам могу помочь?

— Не вы, а Демид, — сказала Ольга Степановна. — Понимаете, я частенько заглядываю в кинотеатр имени Довженко или в какой-нибудь другой: люблю посмотреть новый фильм, это моя слабость. Так вот, признаюсь вам

честно, одной ходить страшно. Я хочу попросить вашего разрешения отпускать со мной Демида, пусть он меня провожает. Не часто, один раз в неделю.

— Пожалуйста, — великодушно разрешил Колобок. — Я ему прикажу сопровождать вас. Мы, советские люди, уважаем старость. После сеанса он вас встретит.

— А может, я буду брать его с собой? За мои деньги, конечно. Было бы удобнее, если бы он все время был со мной.

Трофим Колобок молчал, поглядывая на старую учительницу и о чем-то думая.

— Еще и нарушение деятельности головного мозга,— продолжала Ольга Степановна. — Бывают спазмы сосудов. Я, товарищ Колобок, прежде всего в этом деле забочусь о своих собственных интересах...

— Так же, как и все люди.

— Да, я не исключение. Дело в том, что на улице мне делается страшно. А с Демидом я ничего не боюсь.

Колобок вновь недоверчиво взглянул на учительницу. Как-то не вязался этот разговор с ее энергичным лицом, уверенными жестами. Вспомнил, как она моет пол в коридоре, переставляет мебель.

— Ну, — сказал он неуверенно, — впечатление больного человека вы не производите.

— Да я не очень-то и больна. Более того, когда я дома, то совсем здорова. Но стоит выйти на улицу — становится страшно... Беда, да и только.

— Хорошо, — все еще сомневаясь, сказал Колобок, — пусть ходит с вами в кино. Только на фильмы, где всяких итальянских красоток показывают, прошу его не водить. Мы с вами призваны воспитывать здоровое, крепкое поколение.

— Можете быть спокойны, — заверила старуха, — на фильмы, которые детям до шестнадцати лет смотреть не разрешают, мы не пойдем...

Вот так и стал ходить Демид Хорол каждую неделю в кино. Ольга Степановна хорошо знала, что она делает, и вовсе не боялась упасть на улице. Демид ей нравился, сложная его судьба трогала, и старая учительница, давшая путевку в жизнь тысячам и тысячам детей, не могла допустить, чтобы этот маленький и наверняка несчастливый парнишка оказался вне ее влияния.

Первого августа Трофим Иванович Колобок пришел с работы, ополоснул руки под краном, без стука, уверенно открыл дверь в комнату Демида и сказал:

— Иди-ка сюда.

Когда Демид вошел, неторопливым значительным движением вынул из ящика стола красную книжечку в ледериновом переплете, протянул парню:

— Прочитай.

Демид раскрыл книжечку. На первой странице четко, каллиграфически было выведено: «Книга затрат на содержание моего пасынка Хорола Демида Петровича». На другой страничке вверху стояла дата «17.VI—1.VIII». Семнадцатого июня — это был день похорон матери. Первое августа — сегодня. Может, и для мамы у Трофима Ивановича была такая же книжечка?

— Читай дальше, внимательно читай.

Демид взглянул на колонку цифр. Колобок четко и придирчиво записал все затраты за полтора месяца. На стирку белья, зубную пасту, на шнурки для ботинок, на еду, на плату за квартиру, электричество и коммунальные услуги. Одним словом, записано все, причем абсолютно точно. В некоторых случаях бухгалтер даже брал на себя не две трети, а почти три четверти всех затрат, вот, скажем, плату за электроэнергию.

Под колонкой цифр — жирная черта и итог: «За указанное время затрачено на содержание Демида Петровича Хорола сорок шесть рублей тридцать одна копейка». Рубли прописью, копейки цифрами.

— Это твой долг. Проверь, не ошибся ли я. Мне от тебя ни одной лишней копеечки не надо, но и своих, понимаешь, копеек мне разбрасывать нет смысла. Проверь.

Демиду страшно было взглянуть на красную книжечку. Скользнул взглядом по листкам, ничего не понял и сказал:

— Все верно.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно подвел итог Колобок. — Каждый месяц первого числа я буду тебе предъявлять счет, и ты точно будешь знать сальдо своих долгов.

Что такое сальдо, Демид не знал, но спросил с тревогой:

— Как же я их вам отдам?

— О, — Колобок поднял длинный (Демиду в эту минуту показалось: длинный, как телеграфный столб) указательный палец, — не беспокойся об этом, вырастешь, станешь зарабатывать, отдашь. А теперь иди,

Глава третья

Вот так и бежали годы, вот так и переходил из класса в класс Демид Хорол, каждый месяц узнавая, сколько потрачено денег на его маленькую жизнь. Числа в красной книжечке росли и росли, они уже перевалили за сотни, стали тысячами, и когда Демид заболел ангиной с высокой температурой, то самыми страшными видениями его бреда были эти цифры.

— Вы спокойно идите на работу, я пригляжу за ним, — сказала тогда Ольга Степановна.

— Спасибо, — с легким сердцем ответил Колобок, — человек человеку друг, товарищ и брат.

Старуха ничего не ответила на это, только с горечью посмотрела, с каким облегчением, почти радостью захлопнулась дверь за Колобком. Вот странная вещь, дверь — что с нее взять, мертвая доска, а как точно может передать и характер, и настроение человека, который ее закрывает или, наоборот, старается открыть.

Ольга Степановна долго сидела около кровати больного мальчика и поначалу не могла понять, почему он в своей бредовой маяте все время с ужасом вспоминает о каких-то сотнях и тысячах и горячечно повторяет: «Я отдам, Трофим Иванович, я все до копеечки отдам...» Эти слова звучали в разных вариантах, но все-таки повторялись упорно. Температура держалась недолго, дня два, но за это время Ольга Степановна все успела понять и, поняв, глубоко задумалась. Что ей нужно сделать? Как помочь? Конечно, об этих деньгах с Колобком говорить бесполезно: делу не поможешь, скорее, навредишь. Колобок озлобится, а злоба, как известно, плохой советчик. Единственно, что ей под силу, — постараться уменьшить влияние Колобка на мальчика. Сделать это просто необходимо. Разумеется, она даже не намекнула ни Колобку, ни Демиду, что догадалась о существовании расчетной книжки, но вскоре, кроме пристрастия к кино, Ольга Степановна загорелась любовью к театру, в комнате мальчика стали появляться интересные книги: Джек Лондон с его пылким призывом к героизму заменил Фенимора Купера, а Павка Корчагин зашел в гости к пареньку, ненамного разминувшись с шевченковской «Катериной».

Павлов купил себе новый приемник, а свой старый трофейный «Филипс», когда-то еще привезенный его отцом из Германии, выпуска 1938 года, подарил Демиду,

Большая коробка, с лампами, не транзисторная, подключалась к электросети, зеленый глазок индикатора поглядывал на Демида призывно-ласково.

— Сколько энергии съедает приемник? — сразу же поинтересовался Колобок.

— Копеек на тридцать в месяц.

Колобок спросил у электрика в тресте. Цифра оказалась верной, и тут же приплюсовалась к сумме месячных расходов Демида.

С помощью Павлова мальчик разобрал, почистил, наладил приемник и увлекся радиотехникой еще больше. Радио казалось ему чудом, близким к колдовству.

Вот так и шли годы, пока Демид не закончил десятый класс, а около Трофима Ивановича не появилась Софья Павловна. Никто, даже сам Колобок, не мог бы ответить, как это случилось, почему ему, уже в солидных годах человеку, захотелось видеть возле себя невысокую, миловидную женщину, медсестру из районной поликлиники. Они там и познакомились, когда Трофим Иванович весной проходил диспансеризацию. Приятно было убедиться, что, несмотря на годы, ты вполне здоровый человек, лишь пломбу в коренном зубе следовало сменить, только и всего.

После таких медосмотров Колобок выходил из поликлиники, снисходительно поглядывая на встречных. Он-то здоров, а они — еще неизвестно. Но именно в поликлинике и заболело его сердце: поистине — чем шут не шутит, когда бог спит.

Софье Павловне было за тридцать, но разница в годах нисколько не смущала Трофима Ивановича, наоборот, бодрила. Ему кто-то сказал, что такого рода браки омолаживают, и он тому охотно поверил, чувствуя себя рядом с Софьей и в самом деле просто молодцом. Она уже побывала замужем, но рассталась с мужем; причина его не интересовала — мало ли почему люди расходятся, ему-то что. Он вдруг обнаружил за собой какие-то странные, бессмысленные, на его взгляд, поступки: вдруг приохотился покупать цветы, подолгу простаивал у комиссионного магазина на площади Победы, поджидая Софью, причем не просто ждал, а с нетерпением, нервничая и, больше того, ни словом не упрекая ее за опоздание, а только радуясь, что наконец-то пришла. Что с ним произошло? Влюбился? Неожиданное чувство испугало его: не распоряжаться собой, своим временем, своими деньгами, идти не туда, куда хочешь, а постоянно

думать только об одном — как и где увидеть Софью, что сказать и сделать, чтобы понравиться ей. До расчетов ли здесь, когда зачастую за один цветочек приходилось платить по два рубля, чтоб им пусто было, этим цветоводам. Все это было непривычно, тревожно, радостно и страшно.

В своем успехе он не сомневался. Человек он с достатком, одинокий, морально стойкий, чем не жених? А что ему уже порядком лет, так и ей не восемнадцать. Это тоже надо понимать. А намерения его честные!

— Дорогая моя Софья Павловна, — сказал он, когда они однажды сидели на Владимирской горке, ожидая, пока начнут продавать билеты в летний кинотеатр на картину «Тени забытых предков», — я надеюсь, что за время нашего знакомства вы кое-что узнали о моем характере.

— Кое-что узнала, — приветливо отозвалась женщина. Была она круглолицая, с маленьким в легких веснушках носиком, пышные светлые волосы напоминали одуванчик (дунь посильнее, и полетят прозрачные парашютики); полные, чуть-чуть подкрашенные губы охотно улыбались; вот только глаза, не очень большие, серо-голубые, улыбались не всегда, но на такие мелочи влюбленному Трофиму Ивановичу некогда было обращать внимание. Ямочка на круглом, энергично очерченном подбородке Софьи наполняла его сердце нежностью.

— Вот и прекрасно, — обрадовался Колобок, — и надеюсь, впечатления ваши не самые худшие.

— Нет, не худшие, — подтвердила Софья.

— Вот и прекрасно, вот и прекрасно, — потирая влажные от волнения руки, проговорил Колобок, — и в связи с этим я, Софья Павловна, хочу сказать, что всей душой полюбил вас и предлагаю вам стать моей женой.

Софья сразу ничего не ответила, помолчала, подумав, что, пожалуй, место и время для объяснения в любви выбраны не совсем удачно. Но и то сказать, разве существуют правила о том, какое время наиболее подходяще для этого? Колобок ей нравился, но одновременно вызывал какие-то непонятные сомнения, какие именно, она не могла определить. Поэтому ответить сразу и решить ей было нелегко.

— Почему же вы молчите? — озадаченно спросил Колобок. — Я, Софья Павловна, человек положительный, солидный. Я вас действительно искренне полюбил и теперь очень хочу знать, каким будет ваше решение,

Он так и сказал — не «ответ», а «решение», — Софья невольно улыбнулась. Трофим Иванович истолковал эту улыбку как знак согласия и расцвел от радости, даже пшеничные усы его встопорщились и пришлось пригладить их согнутым указательным пальцем.

— Так какое же будет решение? — уже весело, уверенный в своем успехе, снова спросил он.

Вокруг них на Владимирской горке, любуясь вечерним заднепровским Киевом, гуляли люди. На другом конце скамейки паренек обнимал девушку за плечи, и оба сидели блаженно замерев, чувствуя прикосновение друг друга, любуясь сказочной россыпью огней, которые мерцали в тысячах и тысячах окон жилых массивов. Поезд метро мчался по мосту через Днепр, словно веселый огненный пунктир или будто очередь трассирующих пуль, перелетевшая через речку. Когда-то, в юности, Трофим Иванович видел такие очереди, хотя воевать ему не пришлось, его призвали в армию осенью сорок пятого...

Пауза затягивалась. Колобок не мог понять, в чем дело, и забеспокоился. По его расчетам и ожиданиям, все должно было быть иначе.

— Не знаю, полюбила ли я вас, Трофим Иванович, — наконец сказала Софья, — но в искренности ваших чувств я не сомневаюсь. В принципе я согласна, но давайте попробуем лучше узнать друг друга. Вот я, например, ничего не знаю о том, где и как вы живете...

— Господи, о чем речь... Это же проще простого. Давайте прямо сейчас, не откладывая, и отправимся ко мне в гости. Там, конечно, холостяцкий беспорядок, но вы, надеюсь, извините.

Говоря так, Трофим Иванович кривил душой, он-то знал: порядок и чистота в его комнате образцовые. Они поехали троллейбусом до Воздухофлотского шоссе, а квартал до Фабричной улицы прошли пешком. И все это время в сердце Трофима Ивановича нарастала и нарастала тревога.

— Имейте в виду, у меня не какой-нибудь роскошный дворец, а обычное холостяцкое жилье, — сказал Колобок, когда они шагнули из светлого коридора Брест-Литовского проспекта в мглистую темень Фабричной.

— Комната значения не имеет, — тихо проговорила Софья.

— А что имеет значение? — проявлял настойчивость Колобок.

— Человек, — кратко ответила женщина.

Трофим Иванович удовлетворенно улыбнулся.

Они вошли в подъезд, поднялись на второй этаж.

— Коммунальная квартира, — сказал хозяин, — для всех стала символом сплетен и ссор, а вот мы, наоборот, живем мирно и дружно. Кроме нас, здесь живут...

— «Кроме нас»? — переспросила Софья. — Вы живете не один?

Трофим Иванович на мгновение заволновался, но сразу же и успокоился. Тут ему краснеть не было оснований.

— Прошу в комнату, — аккуратно открыл ключиком дверь, — проходите, пожалуйста, и садитесь.

Софья вошла, окинула взглядом большую, безупречно чистую, ухоженную комнату с отлично натертым старинным паркетным полом, села в кресло и выжидательно посмотрела на хозяина.

— Я не ответил на ваш вопрос, — понял этот взгляд Колобок, — и сразу же хочу внести в него полную ясность. Семьи у меня нет, я вдовец, жена моя умерла семь лет назад, оставив мне пасынка, который скоро пойдет в армию. Живет он тут же, у него рядом маленькая комнатка. Отец его давно трагически погиб.

— И мальчик остался с вами?

— Да, со мной, — ответил Колобок.

— Совсем чужой мальчик?

— Он мне не чужой. Он сын моей покойной жены, — с достоинством ответил Трофим Иванович.

Софья минуту помолчала, задумавшись, потом спросила:

— Вы его воспитываете один?

— Да, один, — гордо ответил Колобок, — правда, мне кое в чем помогает Ольга Степановна.

— А она кто?

— Заслуженная учительница, пенсионерка, живет в комнате напротив. Очень хороший человек, хотя и не лишена старческих чудачеств. Каждую неделю водит его в кино, помогает готовить уроки... А продолжается это уже много лет. К тому же у нее хорошая библиотека, и она дает Демиду...

— Ваш пасынок должен быть образованным мальчиком.

— Относительно. Он закончил десятилетку неровно. Математика, физика — сплошные блестящие пятерки, литература, история — четверки, а все остальное — тройки.

Я думаю, тут сказалось влияние Семена Александровича Павлова. Это наш другой сосед. Живет с женой, а сын их в армии. Инженер, а работает бригадиром на заводе, где производят электронно-вычислительные машины. Его жена — милая женщина, но иногда бывает бестактной. Представляете, еще тогда, когда Демид был маленьким, вскоре после смерти матери, решила сама его купать. Я запретил.

— Представляю, — тихо сказала Софья.

После этого она надолго замолчала, пытаясь определить, каким кажется ей сейчас Трофим Иванович: лучше или хуже? Хочется ей того или в самом деле так, но теперь он выглядел благороднее и бескорыстнее. Ведь не каждый вдовец возьмется воспитывать пасынка. Проще было бы отдать Демида в детский дом. Почему не сделал этого Колобок?

— Сейчас будем пить чай, — весело сказал хозяин, встревоженный столь продолжительным молчанием.

— Спасибо, — тихо ответила Софья. — Можно мне познакомиться с Демидом?

— Пожалуйста.

Они вышли в коридор, и Трофим Иванович удивленно подумал, что Софья Павловна, невысокая, хрупкая на вид женщина с маленькими руками, на самом деле волевой человек: сила и уверенность чувствовались в каждом ее движении, точном и законченном...

Дверь в комнатушку Демида отчим открыл бесцеремонно, по-хозяйски, не постучав. Мальчик сидел на табуретке перед железным столиком от швейной машинки «Зингер» и трехгранным напильником опиливал ручку для чайника, зажатую стальными челюстями тисков. Увидел Софью Павловну, тут же поднялся с табурета и предстал перед нею плечистым пареньком среднего роста, с едва приметными, еще не знавшими бритвы усиками, тенью лежавшими на верхней губе. Пышные, темно-русые, слегка вьющиеся волосы непокорно нависали над высоким лбом. Продолговатое лицо было немного необычным: под темными, густыми, сросшимися на переносице бровями, никак не гармонировавшими со светлыми волосами, светились по-юношески открытые синие глаза. Прямая линия бровей словно перечеркивала лоб темной чертой, и, возможно, поэтому глаза, казалось, мерцали. Прямой нос с тонкими ноздрями, впалые щеки и по-детски пухлые губы дополняли портрет этой встревоженной юности.

Софья одним взглядом окинула комнатку Демида — тихая музыка доносилась из приемника, такая тихая, что никто в коридоре не мог ее услышать. И, может, именно эта деликатность, сдержанность многое сказали Софье Павловне и про самого Демида, и про его отношения с Колобком.

— Знакомьтесь, Софья Павловна, — подчеркнуто весело, громко и значительно сказал Трофим Иванович, — это и есть мой пасынок, которого я бы мог с полным правом назвать собственным сыном, так хорошо и дружно прожили мы с ним многие годы.

— Очень приятно, — сказала Софья, протягивая свою маленькую сильную руку.

— Ну, — засмеялся Колобок, — на «вы» его еще рановато называть.

— Нет, отчего же, — не согласилась Софья, — если юноша скоро уйдет в армию, возьмет в руки оружие, то это уже наверняка взрослый человек.

— Не имеет значения, — ответил Колобок, — для меня он был и на всю жизнь останется ребенком.

— Что вы делаете? — спросила Софья, обратившись к юноше.

Демид молча отпустил тиски и показал Софье ручку от чайника.

— Это пустяки, — гордо сказал Колобок, — настоящее его призвание — радио. В армии его наверняка пошлют в какую-нибудь радио- или ракетную часть, и оттуда он вернется настоящим специалистом.

Софья взглянула на настенный календарь, который висел рядом с большим мужским портретом, на другой стене увидела репродукцию картины, вырезанную из журнала «Огонек», — в морском просторе, подернутом серебристо-белыми барашками, летят, как на крыльях, почти касаясь воды белыми парусами, легкие, похожие на лебедей яхты.

— Почему здесь на окне решетка? — спросила она.

— А это еще дореволюционный хозяин дом ставил, у него тут, верно, какой-нибудь склад находился. Богатый, видать, был, полюбуйтесь, сколько металла не пожалел. Теперь, чтобы их сбить, весь потолок разрушить придется.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво сказала Софья, и Демид, словно поняв или узнав про нее что-то свое, только ему одному известное, сверкнул синевой глаз и снова спрятал взгляд за тенью густых темных ресниц.

— Очень приятно с вами познакомиться, — повторила Софья.

— Да скажи ты хоть слово, чтобы наша гостья, по крайней мере, услышала твой голос, — засмеялся Колобок.

— Ничего, — улыбнулась и Софья, — у нас еще будет время наговориться. Всего хорошего.

Демид молча поклонился. Трофим Иванович пропустил гостью вперед и вышел вслед за нею, прикрыв дверь.

— Вы не думайте, — сказал он, когда они вернулись в большую комнату и Софья устроилась в кресле, в котором обычно любил сидеть сам хозяин, — он вовсе не грубый, а воспитанный парень. Все это от волнения.

— А я и не думаю, — мягко улыбнулась Софья, — наоборот, Демид показался мне деликатным пареньком. Могу вам даже больше сказать, он мне очень понравился.

Раненое любовью сердце Колобка дрогнуло от ревнивой тревоги. Мелькнула мысль, что по возрасту Софья стоит где-то посредине между ним и Демидом... Да нет, глупости какие-то лезут в голову.

— Приятно слышать, — сказал он, — тем более что вы не ошиблись. Демид действительно славный парень и наверняка будет достойным защитником нашей Родины.

— Я в этом уверена, — просто ответила Софья, поглядывая, как Трофим Иванович, уже забыв про Демида, накрывает на стол.

— Прошу, — наконец сказал он, критически оглядывая свою работу, — это, конечно, холостяцкий стол, но, я надеюсь, вам понравится. Вот эти пирожки пек Демид. Он все умеет делать. Нравится?

Трофим Иванович взглянул на Софью. Она отламывала кусочек маленького, хрустящего пирожка с капустой, и ему показалось, что ответ на этот обычный вопрос мог означать значительно большее, чем похвалу кулинарному искусству Демида.

— Нравится, — весело сказала женщина, — нравится, — еще раз повторила она и добавила уверенно: — Вы спрашивали меня, согласна ли я стать вашей женой. Так вот, я не стану вас долго томить ожиданием ответа.

В тот вечер Софья ушла вскоре после ужина. В коридоре она неожиданно пошла не к выходу, а свернула к комнате Демида, постучала в дверь, та сразу распахнулась.

— До свидания, Демид, — сказала женщина, — вы ничего не будете иметь против, если я на какое-то время... а возможно, и на всю жизнь, останусь с вами?

— Буду очень рад, — через силу проговорил Демид, — очень.

— Спасибо, — послышалось на прощание. Демид минуту постоял на пороге, проводив взглядом отчима, потом для чего-то, резко надавив на дверь, запер ее на ключ.

Что смутило его, вызвав горькое чувство одиночества? Ревность, обида? Настало время, о котором ему както и не думалось прежде. Трофима Ивановича, единственного человека, которого он мог назвать родным, у него намеревались отнять. Он никогда не задумывался над вопросом, любит ли он отчима, а сейчас выяснилось, что любит. И одновременно он ясно почувствовал, что и Софья ему не безразлична. Вдруг пришло воспоминание: когда-то в журнале он видел ее портрет. Она была известной гимнасткой, о ней писали в газетах, как о будущей чемпионке, и вдруг имя ее исчезло, забылось. Позднее в спортивной газете промелькнула заметка о тяжелой травме, полученной ею во время тренировки. Очевидно, гимнастке пришлось бросить спорт.

...Встал, вышел в коридор. Зайти к Павловым или поздно? Конечно, зайти, Семен Александрович недавно вернулся с работы.

— Проходи, проходи, — весело встретил он Демида. — Садись. Чаю хочешь? Лера, угости-ка нас чайком.

Валерия Григорьевна, невысокого роста, стройная, с гладко причесанными густыми темными волосами, с энергичной походкой молодой девушки, всегда улыбчивая, приветливая, неизменно наполняла сердце Демида радостью и покоем: с замиранием он вспоминал, как она мыла его, маленького. От нее пахло мамой...

— Ну, как твои дела, солдат? — спросил Павлов.

— Не знаю.

— А я знаю, — ответила Валерия Григорьевна, — Трофим Иванович собрался жениться? Да?

— Будто бы, — потрясенно ответил Демид.

— Давно пора, — решил Семен Александрович, — противоестественно, когда такой здоровяк холостякует. И жена нужна, и дети...

— А я? — спросил Демид.

— А что ты? Тебя он уже вырастил. Ты солдатом завтра станешь. У тебя скоро своя жена будет. А ему

пора и о себе подумать. Странно, что этого не случилось раньше.

— Значит, по-вашему, тут все нормально? — Несогласие все еще терзало сердце Демида.

— Абсолютно и категорически. И пусть тебе не кажется, что у тебя украли отца или отчима, одним словом, родного человека.

Демид густо покраснел: как смог прочесть его мысли Семен Александрович?

— Не о нем, а о тебе разговор, — продолжал Павлов. — Как вернешься из армии, что собираешься делать?

— Пойду к вам на завод.

— Ты видел когда-нибудь, как работает большая электронно-вычислительная машина? Хочешь посмотреть?

— Еще бы! С радостью.

— Ты обязательно будешь счастливым, — засмеялась Валерия Григорьевна и мягкой рукой спутала пышную шевелюру Демида, — иди спать, все будет хорошо.

Глава четвертая

На другой день Семен Александрович постучал к Демиду в семь часов. Красивым был Киев в это свежее осеннее утро. На высоких каштанах и кленах, которые уютно затеняют Фабричную улицу, нет-нет да и сверкнет золотом лист, оттеняя буйную роскошь зелени. Крупные колючие шары выросли на ветках, и в каждом из них притаился готовый упасть на землю крепкий, темно-коричневый, старательно отлакированный природой каштан. Когда-то Демид собирал их корзинами. Раннюю улицу он очень любил. Еще спят служащие и не торопятся на рынок домашние хозяйки, а на тротуарах, на автобусных остановках уже людно. Фабричная улица — это начало старой легендарной пролетарской Шулявки. Рабочие Киева шли на заводы в эту раннюю пору.

Демид Хорол был вчерашним школьником, который через две недели должен стать солдатом. У него, конечно, не было никаких оснований причислять себя к этим трудовым людям, но и он, вливаясь в их поток, ясно ощутил тот момент, когда рабочий человек, выходя из дверей своей квартиры, вдруг внутренне меняется, сливаясь с гигантским «мы», огромной, хорошо организо-

ванной единой массой, способной повернуть реки вспять, запускать в космос спутники.

На остановке «Улица Шелуденко» Демид и Семен Александрович сели в трамвай и долго ехали на дальнюю окраину до Большой окружной дороги. Высокие дома подступили к самому заводу. Краны, похожие на гигантских журавлей, высились тут и там на фоне ясного неба. Да и сам завод с его огромным параллелепипедом заводоуправления и приземистыми зданиями цехов еще был, по существу, огромной стройкой. Он разрастался ввысь и вширь и даже в глубину, взгляду открывались все новые и новые цехи, и не видно было конца этому созиданию, этому вечному росту.

Павлов заказал пропуск для Демида еще вчера, и они очень быстро очутились в большой комнате, не зале, а именно комнате, где работала одна из машин заводского вычислительного центра — «Днепр-2». Поначалу казалось, что ничего особенно интересного или необычного здесь не происходит. Стоят большие, чуть не в рост человека, серые шкафы, посредине пульт управления, где мерцают длинные ряды красных и зеленых лампочек. Девушки в белых халатах, похожие на медицинских сестер или врачей, что-то колдуют над пультами. Невероятно быстро стреляет мощная пишущая машинка, отбивая на длинной бумажной ленте буквы и цифры, а машинистки нет...

И почему-то юноше вдруг показалось, будто в комнате, кроме девушек в белых халатах, Павлова и его, Демида, присутствует еще кто-то невидимый, очень умный и внимательный.

Восторг охватил его душу. Простые девчата, которые работали на машине, показались ему удивительными, нереальными. Да, он стоял на самом пороге фантастики, на грани будущего, и до этого будущего можно было дотронуться рукой.

А может, все куда проще? Может, он утрачивает чувство реальности?

Павлов молча стоял рядом с Демидом, хорошо понимая, что сейчас творится в душе парня. Первое знакомство Павлова с машиной произошло уже давно, но и сейчас ему нравилось смотреть, как она работает. Очарование высшей, организованной, умной техники действовало и на него.

Неожиданно в комнате появилась еще одна девушка, тоже в белом халате, и строго сказала:

— Девушки, если сегодня не будут уплачены профвзносы, немедленно ставлю вопрос на профкоме. Стыд и позор!

И сразу Демид из заоблачных, космических высот будущего вернулся на привычную грешную землю. Взглянул на Павлова, тот понимающее улыбнулся:

— Понравилось?

— Очень.

Демида все еще переполняла радость от общения с будущим, и он неохотно вышел из комнаты. На лестнице остановился и спросил:

— Семен Александрович, эта машина живая?

— Нет.

— Но ведь она может сделать все, что сделал бы человек?

— Даже значительно лучше, быстрее и точнее человека, если знает, что делать. Экскаватор в миллионы раз усилил возможности человеческой руки, а машина сможет в миллионы раз усилить и ускорить работу человеческого мозга. Я тоже был поражен, когда впервые увидел ее работу. Но запомни, это только машина. Пока ты не прикажешь ей работать, она будет стоять мертвой металлической глыбой. Делать она может только то, что прикажешь ей ты, человек. Прикажешь вычислить траекторию спутника, — пожалуйста, вычислит, прикажешь играть в шахматы — будет играть, прикажешь писать стихи — напишет, другое дело, какими они получатся, но ритм, рифма и логика будут на месте. И все равно, делает она только то, что ты ей прикажешь.

— А другая машина не может ей приказать?

— Может. Даже может быть целая иерархия машин, которые будут передавать приказы одна другой, но все равно где-то в самом верху этой системы должен стоять человек. Машины считают быстрее и точнее, нежели человеческий мозг, но лишены главного: инициативы, желания, мысли.

Неизвестно почему, но именно в этот момент Демид вспомнил старого Вовгуру и, внутренне усмехнувшись, сам удивляясь своей смелости, сказал:

— Нас еще в школе учили, будто все явления или предметы можно выразить математически.

— Абсолютное большинство.

— Ну, а что, например, нельзя?

— Нежность, например, выразить математически невозможно.

— Это верно, — снова улыбнулся Демид, — ну а вот такую обыкновенную штуку, как, к примеру, нос, можно выразить математически?

— Конечно. — Павлов с интересом посмотрел на Демида, еще не понимая, куда он клонит. — Правда, все зависит от того, что ты про этот нос знаешь.

— Ну, скажем, длина носа, ширина крыльев, угол носа, в веснушках он или нет, прямой или курносый, расстояние между глазами...

— Правильно, все эти данные называются параметрами и с их помощью можно каждый нос описать более или менее точно.

— Хорошо, — весело согласился Демид, и Павлов снова не понял причины его веселости. — Теперь представьте себе такую ситуацию. Мне может понравиться девушка, которая имеет только определенный нос. Ну, скажем, в веснушках, длиной в семьдесят миллиметров и так далее. Ищу я ищу по свету такую девушку, а подходящего носа не нахожу. Тогда я обращаюсь ко всем моим знакомым, к примеру, их у меня пять тысяч, и прошу описать всех их подружек и сообщить адрес каждой из них. Допустим, что они, мои добрые друзья, охотно все это исполнят. Какие-то параметры они знают, какие-то не знают... Я логично рассуждаю?

— Абсолютно.

— Ну вот, эти данные я запускаю в электронно-вычислительную машину. После того как сообщаю ей мой идеал носа и спрашиваю, где живет эта девушка, может машина мне ответить?

— Ты меня разочаровал, — сказал Павлов, — я думал, ты спросишь что-нибудь посложнее, а это проще пареной репы. Современная машина выдаст тебе не один, а несколько адресов, где проживают хорошенькие девушки, с носиками, соответствующими твоему идеалу. Если есть какие-нибудь дополнительные данные, скажем номер телефона, выдаст и его, чтобы ты мог позвонить, не теряя времени даром. Вот вернешься из армии, помогу тебе такую машину сконструировать.

— Вы могли бы?

— Конечно. Но, думаю, вряд ли тебе понадобится моя помощь — на белом свете уже давно живет девушка именно с таким носиком, о котором ты мечтаешь. А когда вы встретитесь — это только вопрос времени.

— Никакая девушка мне не нужна, — почему-то рассердился Демид.

— Поживем — увидим, — засмеялся Павлов.

Он постоял, глядя, как исчезает за стеклом прозрачных дверей плечистая юношеская фигура, довольно усмехнулся, потом задумался. За вопросом про девичьи носы явно чувствовалась какая-то другая скрытая мысль. Что это могло означать?

А Демид тем временем направился домой, вошел в свою комнату. В зарешеченное окно заглянуло солнце, и в его лучах отчетливо проступила убогость жилья: железный столик от швейной машинки «Зингер», вся его так называемая мастерская, которой он еще совсем недавно гордился. Завод, просторный, светлый, стоял перед глазами, и ничто на свете не могло с ним сравниться. Теперь бедность собственного жилища ощущалась особенно сильно, но мысль эта не причинила боли. В его жизнь вошла настоящая радость: появилась мечта. Теперь он знает, для чего живет на свете.

Чувства требовали немедленного выхода, ими нужно было с кем-то поделиться. Он вышел в коридор, остановился у дверей комнаты учительницы. Услышав тихую музыку, возможно включенный телевизор, постучал.

— Входи, Демид, — уверенно отозвалась Ольга Степановна.

Она сидела в глубоком кресле перед телевизионным экраном, мерцающим серо-зеленым светом. На сцене легко танцевала балерина, ее тонкие, выразительные руки чем-то напоминали пластичное движение змеи.

— Кофе приготовить?

— Нет, спасибо. Очень захотелось поговорить с вами, вот и заглянул. Сегодня был у Павлова на заводе. Знаете, Ольга Степановна, я теперь безошибочно знаю, о чем нужно мечтать. Вот так жил, жил, не утруждая себя раздумьями, и вдруг все изменилось.

— Что же ты увидел на заводе?

— Машину, умную машину. Нет, неправда, не только это. Я там увидел мечту. Я хочу строить такие машины. Пусть не сейчас, пусть позже. Я знаю, этому нужно долго учиться, много знать. Меня это не страшит, наоборот, увлекает. Знать, чего ты хочешь, — это очень важно. После армии сразу пойду на этот завод.

На экране телевизора вдруг поплыли черные линии, суматошно замелькали штрихи, руки балерины слома-

лись в уродливом зигзаге. Демид взглянул на учительницу с укором:

— Что же вы мне раньше не сказали, Ольга Степановна?

Вернулся к себе, взял отвертку, плоскогубцы. Поколдовал что-то над телевизором, и снова четко проступили контуры, только теперь уже не балерины, а певца.

— Какой же ты молодец, Демид! — сказала Ольга Степановна. — Спасибо. Поведешь меня в кино?

— Конечно, пойдем.

Он прошел на кухню, почистил купленную Трофимом Ивановичем рыбу, сложил в эмалированную миску, пожарил, накрыв ее тарелкой. В комнате прилег на кровать, взял книгу, стал читать и неожиданно задремал...

Тихий стук в дверь показался ему спросонья раскатом грома. Быстро вскочил: Софья Павловна стояла на пороге и улыбалась.

— Добрый вечер, — с трудом выдавил он из себя.

— Прошу ужинать, — пригласила Софья.

— Ужинать? Уже вечер? — удивленно спросил Демид, чувствуя, как пол уходит из-под ног и весь мир становится шатким и зыбким.

— Конечно. Самое время. Чему вы удивляетесь?

— Я всегда ужинал на кухне.

— А теперь будем ужинать все вместе. Что в этом странного?

— Нет, ничего, конечно, спасибо.

Софья Павловна все поняла. В душе ее бушевали противоречивые чувства. Решение Колобка самому воспитать пасынка вызывало уважение, больше того, удивляло: немногие взялись бы бескорыстно за такое дело. Если бы не Демид, Софья Павловна вряд ли согласилась перейти жить к Колобку, хотя видела его искреннюю влюбленность. Она в свое время познала силу этого прекрасного чувства, оно оглушило, наполнив радостью, счастьем, заставило боготворить человека, который вскоре оказался обыкновенным негодяем. Месяца через два после свадьбы откуда-то с Урала приехала первая его жена с ребенком, еще через месяц из Алма-Аты — другая, правда, без ребенка, но со свидетельством о браке. Обида, разочарование ошеломили ее.

Она все честно, ничего не тая, рассказала Трофиму Ивановичу, ожидала увидеть его сочувствие, понимание и ошиблась: Колобок выглядел откровенно довольным.

— Со мной не может случиться ничего подобного, — сказал он, и Софья поверила: в самом деле, с Колобком ничего подобного случиться не могло, человек, воспитавший чужого ребенка, не был способен на подлость...

— Прошу к столу, — услышал Демид, когда вошел в хорошо знакомую комнату, и сразу почувствовал, что присутствие Софьи Павловны здесь многое изменило. Ужин, в котором не было ничего необычного: чай, колбаса, масло, небольшие карпы, которых Трофим Иванович купил утром на базаре и позднее Демид собственноручно пожарил, — показался поразительно вкусным, и юноша хорошо понял, что вкус всему этому придало присутствие Софьи Павловны.

— Почему у вас нет телевизора? — после небольшого молчания спросила Софья.

— Телевизора? — удивленно переспросил Колобок. — Должен вам заметить, что это, хоть и приятная, но далеко не безопасная штука. Ведь электронная трубка постоянно излучает рентгеновские лучи. Пусть слабые, но излучает. И быть продолжительное время под их потоком вредно.

— Разве? — засмеялась Софья. — Что-то я не слышала, чтобы телевизор кому-то навредил. Правда, грудняшек к нему подносить не рекомендуют, но ведь мы давно вышли из этого возраста.

— Вот это уж точно, — весело подхватил немудреную шутку Колобок, — но я не знаю, смогу ли я так сразу...

— Я привезу свой телевизор, правда, в нем что-то случилось со звуком, он иногда пропадает, но в ателье быстро наладят...

— Не нужно в ателье, — сказал Демид, — я сделаю.

Ужин прошел весело и быстро. Когда Колобок взглянул на часы, Демид сразу поднялся со стула.

— Я сейчас уберу.

— Нет, — возразила Софья. — Вам в армии надоедят и уборка и дежурства. Пока пусть это будет моей работой.

Привычно и уверенно, так, словно всю жизнь провела в этой квартире, собрала посуду, вытерла стол, вышла на кухню.

— Софья тебе нравится? — осторожно спросил Колобок.

— Да.

— Она чу́дная, — с восторгом воскликнул бухгалтер, и Демид с удивлением отметил, что такой радости в голосе своего отчима он еще не слышал.

Софья вошла в комнату, неся вымытые тарелки.

— С Валерией Григорьевной познакомилась, — мягко сказала она, — славная женщина.

— Она... она ничего у вас не спрашивала? — задал вопрос Колобок.

— О чем спрашивать? И так все ясно.

— А все ясно? — с надеждой спросил Трофим Иванович.

— Да, все: я согласна, — спокойно ответила Софья Павловна и, увидев, как вдруг преобразилось, вспыхнув безудержной радостью, лицо Колобка, добавила: — Благодарите Демида, Трофим Иванович. Завтра пойдем подавать заявление в загс.

— Спасибо, — ничего не поняв, сказал Колобок.

Глава пятая

Утром Демид проснулся в семь, несколько раз присел, взмахнул руками, ощутив бодрящую свежесть прохладного воздуха, льющегося из распахнутого окна, почему-то как никогда с неприязнью посмотрел на решетку и пошел в ванную умываться. Софья уже была на кухне, встретила его немного сонной милой улыбкой.

Он поздоровался и услышал в ответ ласковое приветствие.

В своем цветастом коротком халатике она выглядела так по-домашнему, словно провела в этом доме не одну ночь, а всю жизнь.

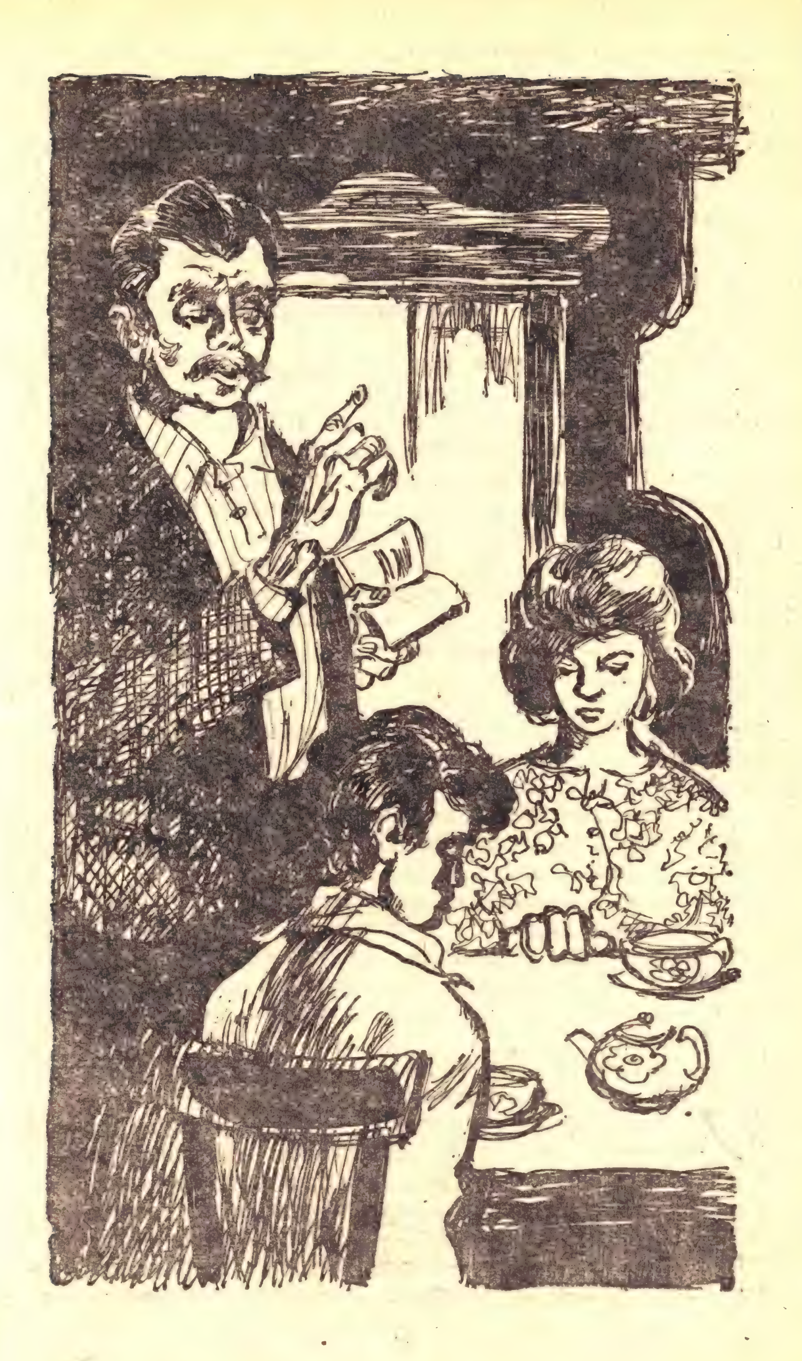
— Хорошо спали?

— Отлично. А вы?

В его вопросе был какой-то другой оттенок, и Софья сразу же это отметила, хотя догадку свою не обнаружила, лишь улыбнулась.

— Тоже неплохо. Говорят, будто сны, которые увидишь на новом месте, вещие, а мне, как на грех, ничего не приснилось.

Колобок вышел из ванны свежий, гладко выбритый, довольный. Ничего не скажешь: статный, далеко не старый, красивый мужчина. Он пожелал доброго утра, и это приветствие прозвучало непривычно радостно. На-

строение его поднималось от мысли, что завтра первое число, и он, как повелось много лет, предъявит пасынку счет, при этом будет присутствовать Софья, она сумеет все оценить должным образом. Конечно, это станет днем его триумфа.

На следующий день, первого сентября, они тоже ужинали вместе, а потом Колобок поднялся, подошел к шкафу, выдвинул ящик и достал заветную книжечку. Делал он это медленно, торжественно.

У Демида от предчувствия несчастья защемило сердце.

— Сегодня первое число, — сказал Колобок, листая свою книжку, — и я хочу, Софья, чтобы ты знала: каждый месяц мы с Демидом подводим итоги.

— Какие итоги? — спросила Софья.

— Подсчитываем средства, затраченные на наше общее житье. Демид мне не сын, я проявил великодушие, не отдал его в детский дом, полностью взял на себя и моральную, и материальную ответственность за его воспитание. Но я человек безукоризненно справедливый. В книжечке записано все точно до копейки.

— Ничего не понимаю, — сказала Софья, — что ты записываешь?

— Деньги, истраченные на воспитание Демида. Разве это не справедливо? Ведь не далек тот день, когда мы с ним поменяемся ролями. Я состарюсь, а он наберет силу. Сейчас я содержу его, а когда-то ему придется содержать меня. Конечно, ему будет намного легче, ведь я буду иметь пенсию. Мы об этом в свое время договорились с Демидом. Правда?

— Правда, — глухо ответил Демид.

— Справедливость, честность и порядочность — вот мой лозунг, вот основание, на котором построена вся моя жизнь, — почти продекламировал Колобок.

— Можно посмотреть книжечку? — резко спросила женщина.

— Пожалуйста, — широким жестом Трофим Иванович протянул записную книжку.

Софья раскрыла красную обложку, взглянула на четкий, твердый почерк. Чувствовалась железная уверенность в каждой записанной цифре, в каждом слове, уверенность в своем праве поступать так, а не иначе.

— Питание на месяц, — читала Софья, — тетрадки школьные, три штуки — шесть копеек... шариковая ручка — тридцать одна копейка... плата за квартиру и ком-

мунальные услуги — два рубля восемьдесят пять копеек...

— Хочу обратить твое внимание, здесь все строго пропорционально, даже больше того, комната Демида на три с половиной метра меньше моей, а платит он в четыре раза меньше...

— Я вижу, вижу, — чуть слышно ответила женщина.

— Можешь быть уверена, — торжественно заявил Колобок, — чужой копейки мне не нужно, но денег, наших денег, потому что теперь они наши, общие, ни одной копейки не отдам. Демид, проверь записи.

— Не нужно проверять, там все точно, — сказал Демид.

Он уже понял то, что Колобку пока не приходило в голову, и потому расстроился, разволновался, желая одного: пусть поскорее окончится эта сцена. Воздух в комнате, казалось ему, наэлектризовался, и центром этого напряжения была Софья, ее подчеркнутое спокойствие, медлительность движений и бесцветность слов.

— А все-таки посмотри. Я ведь мог что-то пропустить, забыть...

— Нет, вы ничего не забыли.

Женщина резко поднялась со стула, молча стремительно прошлась по комнате.

— Послушай, Демид, — вдруг сказала она, и голос ее прозвучал звонко и задорно, — у тебя никогда не появлялось желания набить морду Трофиму Ивановичу? — Софья впервые за все время их знакомства назвала Демида на «ты».

У Колобка под пшеничными усами отвисла нижняя губа.

— За что? — через силу спросил Демид.

— За эту книжечку.

— Там все правильно записано.

— Я знаю, что все правильно. Так никогда не хотелось?

Демид молча исподлобья посмотрел на Колобка.

— Жаль... Значит, здорово он тебя воспитал, — продолжала Софья. — Выходит, и ты таким же будешь.

— Нет, — твердо ответил Демид, — не буду.

— Извини, Софья, — вдруг опомнился и подобрал отвисшую нижнюю губу Колобок, — я не понимаю тона нашего разговора. Разве плохо, что мой пасынок вырастет похожим на меня.

Взглянул на женщину и осекся. Еще минуту назад

он никогда не поверил бы, что у нее может быть такое волевое, решительное лицо. «Вот и прекрасно, вот и превосходно, — подумал он, — характеры всегда проявляются, когда дело доходит до денег».

— Я вот что хочу вам сказать... — Софья остановилась перед Колобком.

— Тебе, — поправил Колобок.

— Нет, именно вам. Вы говорили мне, что полюбили меня на всю жизнь.

— Это сущая правда.

— Возможно. Сейчас мы ее проверим, эту правду. Я стану вашей женой при одном условии.

— Я согласен.

— Не торопитесь. Вы сейчас же порвете эту книжку, и не только эту, но и все ваши записи, которые накопились у вас за столько лет. Разорвете на мелкие кусочки и навсегда забудете...

— Прости, как это разорву?

— Вот так просто, руками.

Колобок посмотрел на свои крупные руки с сильными, как клешни, пальцами, словно сомневаясь, что они способны сделать что-то подобное.

— Скажите, — вдруг спросила Софья, — а на меня вы уже завели такую книжечку?

Колобок не то чтобы покраснел, побагровел. Как только Софья согласилась переехать к нему, он сразу решил учитывать и ее расходы, но книжечку пока не завел и потому искренне обиделся:

— Как ты могла такое подумать? Ведь Демид — чужой мне.

— Я тоже чужая.

— О, нет, ты мне родной человек. Ты будешь моей женой.

— Может, и буду, — насмешливо ответила Софья, — но сначала вы разорвете на мелкие кусочки свою подлую бухгалтерию.

— Подлую? Там все честно.

— И все подло. Пожалуйста, выбирайте: или книжечка, или я. Вы говорили, что полюбили меня, у вас есть возможность это доказать.

— Нет, Софья Павловна, — стараясь сдержать нервное подергивание губ, сказал Колобок, — вы ставите неприемлемые условия.

— Почему? Считайте, что, разорвав книжку, вы отдали деньги мне, сделали мне свадебный подарок,

— Простите, я пойду, — сказал Демид и вышел из комнаты. Как и прежде, когда бывало тоскливо и трудно, он сел за свой железный столик от машинки «Зингер», опустил ногу на педаль и стал по-сумасшедшему быстро крутить колесо, только теперь почему-то это не успокаивало.

Сейчас он увидел Трофима Ивановича Колобка с другой стороны: почти распрощавшись с детством, но еще не став взрослым, понял все и ужаснулся: неужели он сам смог бы когда-нибудь стать похожим на своего отчима, завести книжечку расходов на своих детей?

Как же он раньше не разглядел Трофима Ивановича? Почему так легко замаскировать бездушность и скаредность под благородство? Ох, как долго тебе, Демид, придется учиться распознавать людей!

А может, неправа Софья Павловна?

Нет, права...

— Вот и прекрасно, что он ушел, — сказал Колобок, когда Демид вышел из комнаты, — все-таки мне удалось воспитать не только умного, порядочного, но и тактичного паренька. Теперь мы можем поговорить спокойно, без эмоций, как родные люди, супруги.

Софья молча встала, подошла к шкафу в углу комнаты, где стоял ее небольшой чемоданчик, достала его, положила, откинув крышку, на стул и стала вынимать из комода одно за другим платья, тонкое прозрачное белье, костюм, плащ.

И вдруг вид этих женских вещей перевернул душу Колобка, он, с трудом выговаривая, произнес слова, которые были прежде невозможны для него:

— Я согласен, я разорву книжку на мелкие кусочки. Софья, только не уходи!

Он выхватил из кармана красную книжечку, раскрыл ее, хотел рвануть, но руки будто свинцом налились, опустились на колени.

— Ну так что же вы? Рвите, — сказала Софья.

Трофим Иванович не шевельнулся, Софья еще мгновение постояла молча, потом грустно, вовсе не радуясь тому, что прочла в душе Колобка, сказала:

— Вот видите...

И снова принялась укладывать вещи. Аккуратно расправив, положила сверху легонький серый плащ, закрыла крышку, щелкнула замками.

— Всего хорошего, Трофим Иванович.

— Я вас никуда не пущу!

— Как же можно не пустить человека?.. Прощайте.

И вышла. Колобок будто окаменел, не зная, что делать, как поступить.

Почему же не хлопнула входная дверь? Отчего задержалась в коридоре? Прислушался. Тишина. Встал, приоткрыл дверь. Голоса доносились из комнаты Демида. Значит, решила зайти попрощаться. И вдруг в душе его закипела злоба, словно смола в котле, злоба не на Софью, а на Демида. Он знал, что ее, эту злобу, нужно сдержать, сделал нечеловеческое усилие, чтобы не сорваться, и все-таки не смог. Вышел в коридор, на цыпочках подкрался к тонкой двери Демида и услышал голос Софьи.

— Я пришла попросить прощения и пожелать тебе всего доброго.

— Вы нас покидаете?

Это маленькое словечко «нас» чуть было не сломало твердое решение Софьи. Да, она покидала не только Трофима Колобка...

— Я ухожу домой.

— Вы мне... вы мне так понравились...

— Знаю. Хороший ты парень, Демид. Даже странно, не сказалось влияние Колобка. Возможно, потому, что рядом были другие люди. Счастливо и спасибо тебе.

— Софья Павловна, — через силу проговорил Демид, — а если бы... он разорвал книжечку, вы остались бы?

— Нет, — просто ответила Софья.

— Деньги ему я все равно отдам.

— Это твое дело.

— А он, может, не такой уж плохой, как вам показалось...

— Возможно, что так, однако... Понимаешь, это не просто подлость, а куда страшнее — мещанство, оно вбирает в себя целый комплекс понятий: восхищение собой, презрение к людям, скупость, духовная ограниченность...

— Но ведь он не отдал меня в интернат, хотя в том, как я сейчас понимаю, ничего страшного не было.

— Хороший ты парень, Демид.

Потом настала подозрительно долгая пауза, и Трофим Иванович готов был поклясться, что Софья поцеловала на прощание Демида, и снова послышался взволнованный голос:

— Можно вас проводить? Ведь чемодан тяжелый...

— Нет, легкий. Ну, всего хорошего.

Когда Софья вышла, в коридоре никого не было. «Тем лучше», — подумала она, направляясь к дверям уверенно, не крадучись. Закрыла их за собой крепко, но спокойно, как человек, который не подчеркивает свой уход.

Тишина наступила в коммунальной квартире на Фабричной улице. И именно эта тишина доконала Колобка, окончательно убедила в том, что все кончено и Софья к нему больше никогда не вернется.

Трофим Иванович почувствовал себя глубоко и несправедливо обиженным. Вдруг в памяти всплыли слова, сказанные четко, безжалостно: «Послушай, Демид, тебе никогда не хотелось набить морду Трофиму Ивановичу?» Вот как она заговорила, да еще и на «ты»! Это за его-то доброту и щедрость?

Колобок не просто вышел из своей комнаты, его вынесла черная волна ненависти. Потом он, всегда такой уравновешенный, спокойный, не мог вспомнить, как вел себя в ту минуту, что делал, и этот провал в памяти вызывал страх.

Он сделал несколько тяжелых шагов к комнате Демида, и ему вдруг показалось, будто и сейчас там звучит голос Софьи. Уже не владея собой, он с силой рванул дверь, та легко отворилась.

Демид сидел у столика швейной машинки и бесшумно крутил колесо. Увидев Колобка, его налитые кровью глаза, он прищурился, кровь отхлынула от лица, но, как ни странно, нажимать на педаль не перестал.

— Ты что делаешь, идиот?

«Тебе не хотелось набить морду?» Слова вдруг прозвучали в ушах Колобка так отчетливо, словно их произнесли вслух...

«Набить морду? Сейчас я тебе покажу, как бьют морду!» — успел подумать Трофим Иванович и, наливаясь яростью, с размаху ударил Демида. Тот, вскрикнув, упал со стула. Колобок ударил на этот раз ногой, еще и еще раз, бил, не разбирая, куда бьет, и Демид уже не кричал, только тело его содрогалось от ударов, и руки конвульсивно защищали голову.

— Я тебе покажу, щенок! — крикнул Трофим Иванович и вдруг опомнился, его обдало холодным потом.

Страх ответственности за содеянное привел его в чувство. А что если придется отправлять парня в больницу? Что если тот умрет? Это же тюрьма, верная тюрьма!

— Что тут у вас происходит? — раздался за спиной голос Павлова.

— Ничего, ничего, Семен Александрович! — Голос Колобка прозвучал хоть и напряженно, но медово, льстиво. — Просто совершился акт нормального воспитания.

— Я вижу, — сказал Павлов. — А ну, отойдите.

— Вы не имеете права вмешиваться... — запальчиво начал было Колобок.

— Имею, — оборвал его Павлов, — отойди, говорю тебе! — И несмотря на то что был на целую голову ниже Трофима Ивановича, тот послушался. Бледнея, он смотрел на Демида: парень стоял на коленях, обессиленно навалившись грудью на кровать, руки все еще защищали голову.

«Нет, нет, я не убил его, — успокаивал себя Колобок. — Он жив».

— Где болит? — спросил Павлов, дотронувшись до плеча Демида.

Тело сковало болью, от малейшего движения темнело в глазах, но Демид нашел в себе силы подняться, сначала сесть на постель, потом встать на ноги. Его била дрожь, как в лихорадке, и он с трудом сдерживался, чтобы не стучать зубами.

— Где болит? — допытывался Павлов.

— Ничего, Семен Александрович, — не узнавая своего голоса, сказал юноша, — ничего страшного.

— Я и вижу... Сейчас вызову «Скорую помощь» и милицию.

— Семен Александрович, — протянул тонко, дрожащим голосом Колобок, и было удивительно это несоответствие тонкого, перепуганного голоса и крупного мужского тела, — разве вы не учили своего ребенка?

— Что случилось? — послышался хриплый, прокуренный женский голос. Это вышла из своей комнаты Ольга Степановна.

— Ничего, ничего, некоторые недоразумения среди близких, — дрожащим дискантом проговорил Колобок.

— Все хорошо, Ольга Степановна, — и снова голос Демида прозвучал по-чужому, странно, — не беспокойтесь...

Договорить он не успел, перед глазами поплыли, все сужаясь и сужаясь, концентрические черные круги; стараясь за что-то ухватиться, но хватая руками лишь воздух, юноша рухнул на пол.

— «Скорую помощь». Немедленно, — скомандовала Ольга Степановна.

Когда приехала женщина-врач, Демид уже пришел в себя.

— Кто тебя так отделал? — спросила она.

— Упал с окна, — ответил Демид. — Хотел костыль забить и сорвался. Об этот железный столик ударился.

— Плохо выдумываешь, — сказала доктор. — Здесь болит? Согни колено.

Колено согнуть он не смог: от жестокой боли снова круги поплыли перед глазами, и он опять потерял сознание.

— В больницу, — распорядилась врач.

Глава шестая

Домой из больницы Демид вернулся через неделю. Пришел без провожатых, самостоятельно, опираясь на костыль. До призыва в армию оставалось еще девять дней, и за это время он должен был научиться ходить свободно, без помощи костыля.

И он наступал на левую ногу так, словно не было в колене мучительной боли. Идти в армию ему было просто необходимо. Медицинскую комиссию прошел раньше, осталась главная, призывная. А колено со временем перестанет болеть, так и хирург, выписывая его из больницы, сказал.

В большую комнату военкомата, где заседала комиссия, он вошел бравый и подтянутый, как и надлежало быть призывнику.

Военком сидел в центре, еще один офицер рядом, дальше представитель райкома партии, еще далее... Демид взглянул и замер: далее сидел врач-хирург из поликлиники.

— Хорол Демид Петрович, — сказал секретарь, — закончил десятилетку, характеристики отменные, имеет серьезную склонность к математике, предварительное заключение — зачислить в состав ракетных войск.

Врач встал со своего места, подошел к комиссару.

«Молчи, — беззвучно кричал Демид, — молчи!»

Но врач не промолчал, сказал что-то тихо.

— А ну, пройдитесь, товарищ Хорол, — приказал комиссар.

Большую комнату, в которой заседала комиссия, насквозь пронзали солнечные лучи. Яркое солнце радостным потоком вливалось в четыре окна, было оно уже по-осеннему прохладным, ласковым, под лучами такого

солнца трудно скрыть от людского взгляда хотя бы намек на боль. Но Демид должен превозмочь ее. Должен, чего бы этого не стоило! Он прошелся по комнате четким строевым шагом, ставя ногу на всю подошву, а огромные окна перед глазами то расплывались морями расплавленного сверкающего металла, то зияли черными провалами.

— Как видите, все прекрасно, — сказал комиссар, обращаясь к доктору.

— Вы не знаете, каких усилий стоит ему эта ходьба и какую боль он превозмогает, — сказал хирург, протягивая военкому черно-серую, покрытую непонятными черными тенями рентгенограмму.

— Это можно вылечить? — спросил комиссар.

— Да, со временем все пройдет, но только со временем.

— Когда?

— Года через два-три, а то и через все пять. Точно сказать трудно.

— Работать на заводе или учиться сможет?

— Конечно.

— Неправда! — выкрикнул Демид. — Я и сейчас хожу нормально. Даже бегать могу. Я хочу в армию!

— Подожди, — сказал хирург. — Товарищ военком, он сейчас упадет в обморок от боли. Жаль, мы теряем превосходного солдата. Волевые качества его очевидны.

Демид и сам понимал, что если сделает еще несколько шагов — не выдержит, упадет; терпеть боль дальше просто не было сил.

— У вас есть отец, мать?

— Нет, — ответил Демид, и голос прозвучал твердо, только, чуть-чуть разомкнувшись, дрогнули губы. Не рентгеновский снимок и не слова, а эта едва заметная гримаса страдания убедила комиссара.

Представитель райкома партии взял из своей папки лист бумаги, протянул военкому, тот взглянул и сказал:

— Припоминаю, припоминаю. Петр Хорол. Был смелый человек. — Потом взглянул на Демида и сказал: — Что ж, товарищ Хорол, состояние вашего здоровья не позволяет вам быть призванным в ряды Советской Армии.

— Как это не позволяет? Я же здоров! — крикнул Демид.

— Не кричите. Мы понимаем и уважаем ваши чувства и вашу выдержку. Какие будут соображения, товарищи?

— От призыва освободить, явиться на комиссию через пять лет.

Комиссар окинул взглядом членов комиссии. Все молчали, и Демид почувствовал, как этим людям хочется назвать его солдатом, как сочувствуют они ему в беде.

— Будут другие предложения? Все, товарищ Хорол, через пять лет мы вызовем вас для повторного осмотра.

Вот так и вышел Демид Хорол из дверей военкомата, растерянно оглянулся, увидел перед собой какую-то незнакомую улицу, взглянул направо, потом налево и остановился у края выщербленного тротуара, выложенного из желтого киевского кирпича, не зная, куда идти и что теперь делать. Казалось, что за один миг перенесся он за тысячи километров от Киева, возможно, даже в другую страну, настолько чужой показалась ему хорошо знакомая, много раз исхоженная, затененная высокими каштанами и тополями тихая улица имени Володарского. Деревья тут росли мощные, развесистые, они высоко в небе сплетали свои ветви, еще густо покрытые осенними багряно-медными листьями, и потому на землю опустились тихие золотые сумерки. Вокруг буйствовала яркая киевская осень, пламенела своим многоцветьем... А в жизни Демида все изменилось, планы его, так хорошо разработанные и продуманные, вдруг рассыпались в прах. С чего теперь ему начинать?

Сделал несколько шагов и понял, что не дойдет, давал о себе знать строевой шаг, продемонстрированный им перед комиссией. Врач сказал: «...Со временем ходить будете нормально». Когда это «со временем»?

Колено болело нестерпимо, и единственным желанием Демида было лечь прямо тут, на тротуаре, возле военкомата и полежать, пока успокоится боль. Но он не разрешил себе такую слабость, оглянулся. По соседству с военкоматом сносили старый дом. Подошел, взглянул на кучи битого кирпича, отыскал глазами какую-то палку, попробовал опереться — стало легче. «Дойду, — с удовлетворением подумал он, словно эта подмога что-то значила. — Дойду, а там посмотрим».

И он действительно дошел, и на второй этаж поднялся по лестнице довольно-таки легко, а вот около дверей пришлось переждать, собраться с силами, чтобы достать из кармана ключ и переступить порог. Но дверь отворилась сама, перед ним стояла Ольга Степановна, будто нарочно поджидала, когда Демид вернется.

— Зайди ко мне, — сказала она.

В комнате учительницы Демид опустился в глубокое кресло, стоявшее перед телевизором, и с удивлением отметил, что и здесь все кажется ему незнакомым, словно увиденным впервые. Какая-то глубокая перемена произошла с ним там, в военкомате, когда хватило у него сил превозмочь боль и пройти перед комиссией строевым шагом. Той минуты он никогда не забудет, потому что именно тогда понял, что способен на многое. А зачем нужна ему эта сила?

— Не взяли, — сказала учительница.

— Через пять лет перекомиссия.

— Что же ты будешь делать?

— Когда боль отпустит немного, пойду к Павлову на завод.

Ольга Степановна что-то ворожила у буфета, потом пододвинула к Демиду невысокий столик, поставила тарелку с двумя котлетами и крупными, пунцовыми, покрытыми будто изморозью на разрезах помидорами и приказала:

— Ешь.

Демид не то чтобы боялся старой учительницы, но за долгие годы привык слушаться. К тому же и есть хотелось...

Ольга Степановна подождала, пока исчезли котлеты и помидоры, положила на стол большую желто-прозрачную, будто янтарную грушу и снова приказала.

— Ешь. — И неожиданно добавила: — Господи, какая же он тварь.

Не спрашивая, о ком идет речь, Демид ответил:

— Нет, он несчастный.

— Такие, как он, не имеют права быть счастливыми.

— Нет, — сказал юноша, — быть счастливыми все имеют право. А он очень несчастлив.

— Странный ты мальчик.

— Я уже не мальчик. Спасибо, Ольга Степановна. Можно, я пойду полежу? Мне подумать, хорошенько подумать надо.

— Конечно. Иди.

Демид вошел в свою комнату и тоже увидел ее по-новому. Пропыленная она, неприветливая, голая. Теперь жизнь его словно разделилась на две части: до той минуты, когда он прошел строевым шагом перед комиссией военкомата, и после. Сел на свою старую табуретку, машинально опустил ногу на педаль швейной машинки,

колесо бесшумно и послушно завертелось, но теперь это не успокаивало, а, наоборот, почему-то раздражало.

Ребячество все это, а он не малое дитя, ему жизнь свою решать надо. Снял ногу, колесо еще долго бесшумно вертелось, отлично смазанное колесо.

Кто-то позвонил, Ольга Степановна подошла к дверям, открыла, послышались женские голоса, потом чьи-то отчетливо прозвучавшие в коридоре шаги стихли около его двери, раздался стук. На разрешение войти дверь распахнулась, и девушка, очень похожая на Ларису Вовгуру, но все-таки вроде бы и не она, остановилась на пороге. Прошлый раз, летом, Лариса приходила уверенно, смело, даже нарочито вызывающе, сейчас на дворе стояла глубокая осень, но не это, конечно, изменило девушку. Она выросла, стала женственнее (нет, девчонкой ее не назовешь), большие, в пол-лица, глаза хмуро смотрели из-под длинных ресниц. Брови густые, пушистые, нос почему-то немного вспух, и все лицо скорбно и по-детски беззащитно. На девушке — легкий модный плащ, в руках объемный пакет. Демид даже не сразу узнал ее, но как только заговорила, убедился — она, Лариса. У нее вроде бы не хватало дыхания, чтобы выговорить каждое слово, и потому голос сделался глуховатым, грудным — не скажешь, хуже или лучше, — но каким-то особенным. Она поздоровалась, прошла и села на единственный в комнате стул.

И вдруг, опустив пакет на кровать, она закрыла лицо ладонями и горько беззвучно зарыдала. Плечи ее вздрагивали, и, наверное, самым большим ее желанием было сдержать рыдания, не крикнуть, не дать прорваться горю.

Демид вскочил, колено резко ударило болью, схватил девушку за плечи.

— Что с тобой? Успокойся! Чем тебе помочь?

И снова так же неожиданно, как и заплакала, Лариса сумела овладеть собой, успокоиться. Вытерла платком покрасневшие глаза, мгновение пережидала, обретая утраченный ритм дыхания, потом сказала:

— У тебя сейчас вид перепуганного насмерть зайца.

— Верно, — ответил Демид, — я действительно испугался. Что случилось?

— Не бойся, больше ты моих слез не увидишь. Постараюсь сделать так, чтобы никому другому такого удовольствия не доставить. Пусть иные плачут, а я буду смеяться.

Стараясь утвердиться в собственном решении, она попробовала улыбнуться, но губы, еще по-детски пухлые, искривились, и из глаз вновь обильным дождем хлынули слезы. Лариса вскочила со стула, топнула ногой и, приказывая себе, крикнула:

— Перестань!

— Плакать и в самом деле не стоит, — сказал Демид, с усилием скрывая тревогу. — Может, все-таки скажешь, что произошло и чем я тебе могу помочь?

— Мне уже ничем не поможешь, — сказала Лариса, — дед мой умер, умер Аполлон Остапович Вовгура, единственный человек, кого я по-настоящему любила...

— Когда умер?

— Похоронили позавчера. На кладбище. Увезли прямо из больницы. Мой папаша не захотел канителиться, везти домой, а я так просила...

И снова у девушки перехватило дыхание, голос задрожал, но на этот раз она не заплакала.

— Что ж ты не сказала? Я бы пришел помочь.

— Ничего, справились. И хватит об этом. Хотя нет: я хочу, чтобы ты знал, почему я плачу, — я его очень любила. Был мой дед вором, двадцать пять лет отсидел по лагерям, все, что можно сказать плохого о нем, будет правдой. Я это понимаю... Но была у него одна черта, которая привязала меня к нему на всю жизнь, — он был особенный, ни на кого не похожий. В наше время все стандартное, все одинаковое. Вещи одинаковые, люди одинаковые, чувства одинаковые, и как-то так получается, что, чем больше сходства, тем лучше. Это в автомобиле все колеса должны быть похожими, чтобы удобнее было сменить одно на другое, а на деле выходит, что и люди, которые окружают тебя, одинаковые и их также можно легко заменить и разницы не ощутишь.

— Может быть, стандартизация не в людях, а в тебе?

— Как это прикажешь понимать?

— А так. Наверное, друзей себе ты выбираешь по одному стандарту. Таких, чтобы восхищались тобой, комплименты говорили, а ты бы царствовала над ними. Разве не так? Вот они-то и оказываются легко заменимыми.

— Ты злой?

— Нет, просто подумал, если судишь людей, то непременно надо начинать с себя самого.

— И ты так пробовал делать?

— Пробовал.

Лариса помолчала, недоверчиво посмотрела на юношу.

— Звучит неплохо, а в действительности ты, наверное, самый обыкновенный хвастун. Слов вы знаете много.

— Кто это вы?

— Да вы — парни. Однако, речь не об этом. Ты извини, что я нюни распустила, зрелище, конечно, не из самых приятных, я пришла к тебе вовсе не за сочувствием.

— Ты в какой класс перешла? В восьмой?

— Да... Мой дед отличался от всех людей тем, что у него была своя мечта.

— Это верно, — согласился Демид, — хорошая или плохая, нравится или не нравится эта мечта, но она у него была.

— Вот видишь. А у тебя есть мечта?

— Знаешь, — серьезно сказал Демид, — у меня не только нет мечты, но я даже не знаю, с чего начну свой завтрашний день. Все шиворот-навыворот пошло.

— И даже больше, нежели ты думаешь, — сказала Лариса. — Правда, может, все это и к лучшему...

— С какого это времени ты стала вдруг мной интересоваться?

— Уже давно. Хочу понять, почему дед из тысяч и миллионов стандартных парней выбрал именно тебя.

— И в самом деле интересно. Почему?

— Я около него до последней минуты была. Отец мой, — она на мгновение смутилась, замялась, явно не желая говорить правду и все-таки понимая, что не сказать просто невозможно, — отец прихворнул немного, сидел дома, одним словом, в больнице была я. И дед взял с меня слово, что я передам тебе его книги. Он так и сказал: «Дело всей моей жизни»...

— Зачем мне они?

— Это твое дело. А мое — передать их тебе, иначе дед по ночам будет сниться... Я его любила.

Демид внимательно посмотрел на Ларису: возможно, он слишком легко, слишком просто относился к девушке.

— А мне он не будет сниться?

— Нет, для этого надо очень любить человека. И на твоем бы месте я не смеялась. Ты можешь сделать с этими книгами все, что захочешь, я никогда о них не спрошу. Можешь выбросить, сжечь. Но прежде подумай, что книгам этим человек отдал всю жизнь. Держи.

Она развернула газету, и Демид увидел три фолианта, переплетенные в кожу.

— Я их не возьму, — решительно сказал Демид.

— Тут тебе ещё есть письмо. Прочти.

— Не хочу.

— Ну так я тебе прочту.

Девушка раскрыла тяжелую книгу, взяла лист бумаги, исписанный ровными строками. Рука, которая писала их, была крепкой и сильной. И ощущение этой сейчас уже не существующей, но явной силы заставило Демида быть внимательным.

— Он написал это в день смерти. Слушай. «В руки твои отдаю дело моей жизни. Доведи его до конца, проверь, правильной ли была моя мысль. Умоляю тебя, проверь! Счастья тебе и удачи. Аполлон Вовгура».

— Как молитва, — сказал Демид.

— Вот именно, как молитва. Мечта!

— Мечта! — неожиданно со злостью выкрикнул Демид. — Хороша мечта — сесть в тюрьму? Это твоя мечта? Космос, понимаю, мечта! Победить рак — вот это мечта! Сделать так, чтобы на земле голодных не было, — мечта! А тут что? Технически, может, и представляет интерес...

— А все-таки мечта, — упрямо, глядя в одну точку, как загипнотизированная, повторила девушка. — А у тебя и такой нет.

— Вот что правда, то правда, — постепенно успокаиваясь, произнес Демид.

— Это разговор на будущее, потому что в ближайшее время тебе будет не до мечтаний. Наши дома сносят, нас переселят, а здесь развернется новая стройка.

— Как это — сносят? — остолбенел Демид.

— Очень просто — бульдозером. И правильно делают. Я бы эти клоповники давно посносила.

— Подожди, а нас куда?

— Не бойся. Советская власть на улицу не выбросит.

— Да нет, я не этого боюсь... Как мне дальше жить?

— Так, как жил. Может, не в центре, а на окраине...

— А Трофим Иванович?

— Уж он-то себе комнату, а то и целую квартиру отхватит, можешь быть уверен.

— Не имеешь права так говорить о нем.

— Имею. Ты из-за него неделю в больнице провалялся, в армию не попал.

Лариса резко поднялась со стула, окинула Демида внимательным взглядом:

— И что дед нашел в тебе? Ведь ничего интересного в тебе нет. Не мог мне доверить свои книги!

Лицо ее от гнева порозовело, стало на редкость красивым, в нем словно бы проступили другие черты — взрослой девушки, той, какой станет Лариса через три-четыре года, и Демид невольно воскликнул:

— Какая же ты хорошенькая, когда злишься!

— Подумаешь, открытие сделал, — раздражение не оставляло Ларису. — Буду и красивой и счастливой. А на таких, как ты, даже и не взгляну.

— И правильно сделаешь, — согласился Демид. — Тебе под стать знаменитый спортсмен, или артист, или эстрадный конферансье, я — неподходящая кандидатура. Ты действительно будешь красавицей, это я тебе могу наперед сказать. И знаешь, я только сейчас понял — есть у меня все-таки мечта.

— У тебя? — криво усмехнулась Лариса.

— Представь себе. Я хочу быть счастливым, хочу встретить такую девушку, которую полюблю больше жизни, и она меня полюбит... Может, она не будет красавицей...

— Это облегчает задачу, — насмешливо бросила Лариса.

— Может, и облегчает, не знаю. Я всю жизнь страшно хочу кого-то любить. Вот ты о Трофиме Ивановиче горькие, хотя и справедливые, слова сказала. В нем, может быть, много отрицательных черт, но есть одна, на мой взгляд, самая главная: он верный. В решительную минуту моей жизни он меня не бросил.

— Пойдет с тобой в разведку, проявит чуткость...

— Перестань! Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

Лариса хотела возразить, бросить в лицо Демиду что-то обидное, но овладела собой и улыбнулась.

— Молодец, — сказал Демид.

— Почему?

— Потому что смогла улыбнуться. Пожалуй, ты намного лучше, чем кажешься.

— А я тебе кажусь плохой?

— Нет, просто ты очень современная. Из двадцать первого столетия.

— Зато ты из мезозойской эры.

— В мезозойской эре людей еще не было, — улыбнулся Демид.

— Что тебя развеселило? Моя необразованность?

— Нет, конечно. Мы с тобой ссоримся, как муж с женой...

— Муж с женой? Ну, знаешь, придет же такое в голову!

— Не беспокойся. Я пошутил, конечно. И, наверное, неудачно. Прости. Об этом я просто не думал.

— Отчего же? Недостойна тебя?

Странное чувство наполнило сердце Ларисы, она не могла понять, что происходит с ней, отчего вдруг так обидно стало от слов Демида. Обидно и горько. И захотелось заглянуть в его синие глаза, понять наконец, какой у них оттенок.

— Несерьезный у нас разговор, — сказал Демид и ладонью похлопал по своей постели. — Садись сюда.

— С какой это радости я буду с тобой рассиживать...

— Глупенькая ты девчонка, — сказал Демид, — и чего ершишься? Давай вместе дедовы книги посмотрим.

Лариса мельком взглянула на него, присела на край кровати.

— Господи, как ты только спишь здесь: не матрац, а доски.

— Ничего, привык.

Он раскрыл книгу.

— Ну, это прямо-таки научная работа. Смотри, тут и рисунки есть. «Денежный шкаф М. Фабиана в Берлине». Красиво сделано. А вот и ключ к нему нарисован. И все размеры проставлены.

— И ты мог бы такой ключ сделать?

— Конечно. Это не сложно.

— Смотри, вот сейф фирмы Гоббса и компании в Лондоне. И ключ к нему. А дед вроде бы в Лондоне не был?

— Во Франции был, — ответил Демид. — После того как первую кассу взял. Так он рассказывал.

— Он, как и ты, любил похвастаться.

— Точно подмечено, — согласился Демид, и Ларису снова передернуло от его несерьезного, шутливого тона. — Посмотри, сколько тут интересного. Вот сейф И. М. Моесмана в Нью-Йорке, стоит он в национальном банке. И ключ изображен, и чертежик к нему. А вот бронированная камера Рейнского Банкферейна, и тоже нарисованы ключи. А это уже не заграница, поближе к нам будет — сейф Чудовского завода, выпуска 1956 года. Замечаешь, как изменились со временем ключи одного и того же Чудовского завода. Огромную «научную» работу проделал твой дед!

— Слушай, — вдруг сказала Лариса, — если тебя не очень-то интересуют эти книги, отдай их мне, будет мне память о деде.

— Нет, Ларисочка, не отдам, — покачал русой головой Демид, — книжки мне завещаны. Ты их покажешь кому-нибудь, и вот тогда они вам обоим могут много горя и зла причинить.

Лариса сверкнула на него злыми ярко-золотыми глазами и встала.

— Расхотелось мне картиночками любоваться.

— Мне тоже. Я же вижу, какая мыслишка в твоем черепке шевелится. Только с того дива не будет пива. Не пущу я тебя за решетку.

— Ты не обо мне, а о себе заботишься. Просто ты трус! Тебе в руки привалило счастье, а ты испугался. Такое раз в жизни бывает. Что — боишься обжечься?

— Возможно, и боюсь. Одно могу тебе сказать: записи твоего деда прекрасны, но от них до создания ключа так же далеко, как от Луны до Земли.

— Но ведь человек уже преодолел это расстояние.

— Разве я сказал, что это невозможно? А пока тебе пора домой, спасибо, что зашла. Ваш дом тоже будут сносить?

— Будут.

— Вот и разойдемся мы с тобой, как в море корабли. Жаль. Ведь нас с тобой сроднил старый Баритон.

Лариса улыбнулась с легким оттенком превосходства, так, будто она была старшей.

— Я где-то читала, — сказала она, — что ничто так не роднит людей, как совершенное совместно преступление.

— К нам это, по-моему, не относится.

— Во всяком случае, мы подумали про такую возможность.

— Послушай, — сказал Демид, — я хочу спросить тебя: почему ты так изменилась? То была этакая девица-супермодерн, а сейчас даже говоришь по-иному.

— Разве не ясно? Умер дед. Смерть деда — мое второе по-настоящему большое горе в жизни.

— Второе?

— Да, второе. О первом говорить не хочу. Может, когда-нибудь и узнаешь, а не узнаешь, тоже беды большой не будет. Ничего в этом нет удивительного. Удивительно другое — вот сижу в твоей одиночке с зарешеченными окнами, а идти домой не хочется. Почему так?

— Не знаю. Во всяком случае, я рад...

— Ты к тому же еще и воспитанный, как на поверку выходит. Эх, жалко, не хватило у меня ума понять, какое богатство я отдала в твои руки.

— Иди, — мягко сказал Демид, — я понимаю, что не оправдал ваших надежд, но это не моя вина, а ошибка твоего деда. Злиться не надо. Когда-нибудь ты будешь на редкость хорошенькой девушкой...

— А сейчас?

— Сейчас ты гадкий утенок, но скоро станешь прекрасным лебедем.

— Ну что ж, и на том спасибо. Будь здоров, трусишка.

— Счастливо.

Она мгновение постояла, словно собираясь что-то сказать, но, не найдя нужного слова, повернулась, демонстративно ногой толкнула дверь и вышла. Прихрамывая, Демид направился вслед за ней — гостью полагалось проводить.

— Счастливо, — повторил он, закрывая за ней дверь. Вернувшись в комнату, прилег на кровать, взял книгу, перелистал страницу за страницей. Всюду мелким убористым почерком шло описание сейфов и ключей к ним. Какая махина работы была проделана этим человеком! И зачем? Сколько впустую ушло энергии, времени, сил... Ученым мог бы стать, не отклонись в сторону его талант, а стал преступником. Что там ни говори, а все-таки крал, и не просто крал, как какой-нибудь карманник, по мелочи, себе на пропитание, а матерым вором был, «медвежатником». Жизнь иногда загадывает такие загадки, сразу не отгадаешь... А ты? Что ты думаешь о своей жизни, Демид? Например, о переселении. Или это только слухи? Иначе знал бы Колобок. Нужно сходить к Ольге Степановне, расспросить.

Около двери старой учительницы он остановился, услышав голоса, доносившиеся из комнаты. Постучал, и, получив разрешение, вошел.

— Проходи, Демид, как раз тебя и не хватало.

— Он в таком деле голоса не имеет, — заявил Колобок, сидевший на диване.

— Почему же не имеет? — спросил Павлов. Он и Валерия Григорьевна сидели за столом, перед ними исходили ароматным паром чашки с чаем. — Демиду тоже дадут жилплощадь.

— Жилплощадь дадут мне, — сказал Колобок, — я

ответственный квартиросъемщик и потребую для нас две комнаты не в Борщаговке, а в центре.

— Семен Александрович, — тихо, смущаясь, будто и в самом деле не имел права голоса, проговорил Демид,— Борщаговка, это там, где находится завод счетно-вычислительных машин?

— Да, — ответил Павлов.

— Вот вам там и жить, — заметил, усмехнувшись, Колобок.

— Конечно, — сказала Валерия Григорьевна, — на одну дорогу Семен тратит в день два с половиной часа. А так все будет рядом. И я себе работу найду поблизости: ясли и детские садики есть всюду.

— А вы, Ольга Степановна, что скажете? — спросил Колобок.

— Вы знаете, — ответила учительница, — переезд меня пугает, и Фабричную улицу мне жалко, можно сказать, вся моя жизнь здесь прошла. Наша улица в старом Киеве особенная, как теперь говорят, словно со знаком качества: всегда у нас почему-то самые красивые девушки были. Нет, нет, вы не думайте, не обо мне речь,— неожиданно заволновалась она, — я здесь поселилась позже, уже вдовой. А где жить, мне все равно. В Киеве есть, конечно, неблагоустроенные районы, но плохих нет. Дадут же мне где-то комнату.

— А в кино кто вас провожать будет? — серьезно спросил Демид.

— Ты, — не улыбнулась Ольга Степановна. — Каждую неделю, тут у нас с тобой ничего не изменится. Где бы я ни жила. Правда?

— Правда, — горячо согласился Демид.

— В райсовете обо всех подумали, — сказал Павлов. — Нам с Лерой на улице Тулуза, неподалеку от завода, дают двухкомнатную квартиру. Ольге Степановне однокомнатную на бульваре Ромена Роллана. Демиду, если он захочет...

Трофим Иванович не дал договорить.

— Как это, если он захочет?..

— У вас с Демидом есть выбор: или вы вместе с ним переезжаете в Борщаговку, в двухкомнатную квартиру такой же площадью, как и ваши две комнаты, и живете вместе, или Демиду дадут маленькую однокомнатную квартиру на том же бульваре Ромена Роллана — это тоже рядом с заводом, а вам отдельно равноценную комнату в центре.

— На окраину я не поеду, — сказал Колобок.

— А я поеду, — как о чем-то давно решенном, сказал Демид, — и пойду работать на ВУМ.

Глава седьмая

Приятно звонким январским вечером, когда на улицах градусов пятнадцать мороза и снег скрипит под ногами весело и сухо, войти в теплый простор спортивного зала, почувствовать упругую прочность поролоновых матов на полу, увидеть, как, словно утратив силу земного притяжения, взлетают над снарядами сильные тела спортсменов. А когда ты видишь это впервые, впечатление тем более сильное.

Демид вошел в зал, осторожно прикрыл за собой дверь и огляделся. Был он не в спортивном костюме, а в старом, изрядно поношенном пиджаке и, может, поэтому выделялся среди других своей неуклюжей непохожестью.

— Ты почему не переоделся? — спросил его, подходя, какой-то паренек, очевидно гимнаст, мускулы на его плечах упруго бугрились. — К кому пришел?

— К товарищу Крячко.

— А, самбист, — махнул рукой гимнаст, тут же утратив интерес к Демиду, — подожди, он скоро придет.

Демид прошел и сел на низкую скамеечку, стоявшую возле стены, стараясь сориентироваться в этом огромном зале, который завком профсоюза ВУМа арендовал у соседнего предприятия. «Просто стыд и позор, — подумал Демид, — такая махина, такая силища ВУМ, а не имеет своего клуба, своего спортзала...» — подумал и улыбнулся: не рано ли он начал судить завод, на котором работает всего два месяца?

— Демид! Очень рада видеть тебя! Что ты здесь делаешь? Здравствуй, — послышался рядом знакомый женский голос, и юноша стремительно поднялся. Софья Павловна приветливо улыбнулась ему, как доброму другу.

— Здравствуйте, Софья Павловна! — сказал он радостно и взволнованно, не зная, как отнестись к этой встрече.

— Как ты поживаешь? Как твое здоровье?

— Хорошо поживаю. У меня много новостей.

— Хороших?

— Не знаю, пожалуй, все-таки хороших. Дом наш сносят. Трофим Иванович на улице Воровского комнату получил, хорошую, солнечную. Павлов вот сюда, неподалеку, на улицу Тулуза перебрался, и мы с Ольгой Степановной скоро переедем. Нам на бульваре Ромена Роллана по однокомнатной дадут. Я теперь работаю на ВУМе, подготовительные курсы уже окончил. Сейчас радиомонтажник второго разряда, но мастер сказал, что скоро присвоят третий. — Юноша смаковал слово ВУМ, как конфетку во рту.

— Наверняка скоро получишь и пятый. Я уверена. Сюда-то ты зачем зашел?

— Хочу поступить в группу Крячко. Самбо.

— Послушай, Демид, а может, лучше гимнастика?

— Нет, — твердо и упрямо сказал парень, словно подводя итог надоевшему спору, — только самбо. Вы не беспокойтесь, Софья Павловна, я никого не собираюсь бить, я только хочу, чтобы меня никто...

— Садись, — скомандовала Софья. — Снимай ботинок. Левый.

Демид послушно исполнил приказание. Сел, сбросил ботинок.

— Ложись на лавку.

Софья Павловна взяла его одной рукой за колено, другой за ступню, и оказалось, что руки у нее только с виду слабые и нежные, а в действительности сильные, как и должны быть у спортсменки. Крутанула ладонями, словно хотела вывихнуть колено, и, не отрывая взгляда от лица Демида, спросила:

— Больно?

— У вас такие руки, что и борец Бамбула закричал бы, — ответил Демид, — слону станет больно, если ему так же будут ноги выкручивать.

— Правда, — не улыбнулась Софья, — а так?

— Вы же мне ногу сломаете!

— Нет, не сломаю. Все хорошо. Больших и длительных нагрузок твое колено не выдержит, а самбо понемногу заниматься можно. Ты Крячко знаешь?

— Конечно. Он бригадир слесарей в шестом цехе нашего завода, только... не говорите ему...

— Почему?

— Не хочу, чтобы жалел и щадил меня.

— Понимаю, но предупредить все-таки надо. Колено необходимо беречь. Я твое колено только слегка посмотрела.

Демид представил, каково бы пришлось, реши Софья дать его колену полную нагрузку, и согласился.

— Ты знаешь, — весело сказала женщина, садясь на лавку рядом с Демидом, — если я что и вынесла полезного из моего недавнего неудачного «замужества», так это воспоминание о тебе. Я рада, что мы иногда будем здесь встречаться.

Легко положила свою ладонь на его руку, словно погладила (как на удивление быстро могут меняться женские ладони!), встала, легко пошла к стайке девушек в противоположной стороне зала. Скомандовала что-то, девушки выстроились в одну шеренгу. Удивительно все-таки получается: станешь разглядывать одну девушку, обязательно найдешь какой-нибудь недостаток: нос не тот, глаза маловаты. А если выстроятся они в одну шеренгу, вот как сейчас, в спортивных костюмах, готовые к работе, — сразу оказываются все, как на подбор, красавицы.

— Так, значит, для начала любуемся девчатами? — прозвучал рядом знакомый голос Владимира Крячко. — Здравствуй.

— Любуюсь, — согласился Демид, — посмотри-ка, какие они хорошенькие. Здравствуй.

— Ничего особенного не вижу.

Владимир Крячко, мастер спорта, легко опустился на скамейку рядом с Демидом. Это был высокий парень лет двадцати пяти, с рыжей шевелюрой, большим, грушей, носом и, как это часто бывает у рыжих людей, молочно-белой с розоватым оттенком кожей. На первый взгляд и не скажешь, что это знаменитый спортсмен, нет в нем ничего ярко спортивного. Разве только движения— сдержанные, экономные, словно он знает цену каждому, видит, каким точным, разящим может быть оно, стоит только направить в цель.

— Скажи мне на милость, зачем тебе самбо? — спросил Крячко.

— Хочу лишить тебя чемпионского звания.

Крячко усмехнулся, и кустистые брови его смешно шевельнулись.

— Что ж, все возможно. Во всяком случае, ты мне нравишься, и я постараюсь тебе помочь. Но дело не в чемпионском звании, не это тебя привлекает. Не красней, не красней, не ты первый, не ты и последний, вас, таких занозистых, немало через мои руки прошло. Не-

которые даже перворазрядниками стали. Когда он бил тебя, ты стоял или сидел?

— Кто он?

— Ну, не знаю. Тот, мысль о котором привела тебя сюда.

— Нет, я не собираюсь ему мстить. Просто хочу, чтобы такое больше не повторилось.

— Так как же было дело? Ты сидел или стоял?

— Сидел.

— Так? — Крячко взял табурет и сел перед Демидом.

— Приблизительно.

— А теперь попробуй меня ударить, и посильнее.

— Чего ради я стану тебя бить?

— Чтобы понять, что такое самбо. Через это испытание проходят все спортсмены. Иначе просто невозможно. Понимаешь, надо, чтобы в душе родилась вера в самбо, в его колоссальные возможности.

— И это действительно так?

— Да. Конечно, и самбиста можно убить, скажем, выстрелив в спину. Но и только. Если же он успел увидеть пистолет, то в него не попасть даже снайперу. А сейчас — бей! Бей, будто я твой враг. Тебя ногой ударили?

— И ногой.

— Бей ногой, не бойся.

Крячко неподвижно сидел на табурете, только светло-голубые глаза сделались остро-внимательными да около воротника спортивного костюма напряглась тонкая жилка. Демид обошел его со всех сторон. Крячко искоса следил за ним, чуть заметно улыбаясь. Это представление, по всей вероятности, разыгрывалось здесь не впервые, потому что в зале вдруг наступила тишина. Демид сделал еще один круг, в глубине души тая надежду усыпить бдительность противника, потом, как казалось ему, совершенно неожиданно взмахнул ногой для удара и тут же почувствовал, как железные руки перехватили ее, а он сам оказался высоко в воздухе и, перевернувшись, упал на мягкий поролоновый мат. Подняв голову, посмотрел: Крячко сидел на своем табурете по-прежнему неподвижно. Что за чертовщина!

Теперь Демид, по-настоящему разгорячившись, бросился на Крячко, но снова упал на мат. А инструктор по-прежнему оставался неподвижным и будто бы ко всему равнодушным. У Демида даже дух перехватило

от досады. Сейчас он его... Но раздались аплодисменты, и Демид опомнился...

— Ну, что же ты, бей!

— Нет, спасибо. Я уже поверил в самбо. Долго нужно учиться?

— Всю жизнь. Вот я мастер спорта, но и теперь не могу сказать, что владею всеми приемами. Совершенству учатся бесконечно. В каждом деле можно еще что-то улучшить, что-то исправить. У меня бывали случаи, когда ребята после первой такой «беседы» больше не появлялись: опасались насмешек. А ты придешь?

— Я приду. Научусь, тогда посмотрим, чей будет верх, а чья макушка...

— Договорились. Мы работаем два раза в неделю. Удобно?

— Вполне.

Подошла Софья Павловна. Демиду после его нелепых и смешных падений было стыдно поднять на нее глаза, но женщина сказала:

— Володя, а сейчас я попробую тебя сбить.

— Давай, — весело отозвался Крячко, поняв затеянную игру.

— Не нужно! — крикнул Демид.

— Нужно, — ответила Софья, подошла к инструктору поближе и взмахнула рукой для удара.

Но немногим раньше руки Крячко обхватили плечи Софьи Павловны, и она взлетела так же, как и Демид, с той только разницей, что упала не плашмя, беспомощно раскинув руки, а пружинисто приземлилась на присогнутые ноги, так, словно показывала на сцене хорошо отработанный номер. Нежность к ней прихлынула к сердцу Демида, и почему-то вдруг Крячко перестал казаться самодовольным, закипавшее в груди раздражение к инструктору как рукой сняло.

— Спасибо, — сказал Демид, — вы правы: самбо — великолепная штука.

— Лучше, нежели тебе кажется, — ответил Крячко и громко скомандовал: — Ребята, начинаем!

Молодые самбисты высыпали со всех сторон, они были не только с ВУМа, но и с соседних заводов, все аккуратные, в сине-белых спортивных костюмах. Демид взглянул на сине-белую шеренгу, сердце его защемило, и он тихо сказал Софье:

— Софья Павловна, передайте Крячко, что я начну заниматься позднее.

Софья Павловна все поняла и обратилась к инструктору:

— Володя, у Демида нет тренировочного костюма.

И Крячко, тоже ничего не спрашивая, сказал:

— Ну что ж, сейчас сходим за костюмом...

— Не надо, — жестко сказал Демид, — мне сейчас нечем заплатить. Я не хочу, чтобы за меня кто-то платил.

— Не говори глупостей, — весело сказал Крячко. — Есть профсоюз, спортивное общество, как ни старайся, богаче их не будешь.

— Не создавай себе проблем там, где их нет, — поддержала его Софья. — Ты еще не перебрался с Фабричной улицы? Значит, домой поедем вместе. — И направилась к девушкам-гимнасткам. Крячко для первого раза занимался с Демидом недолго, усадил на скамеечку, стоявшую вдоль стены, велел присматриваться к занятиям. Зачарованно следил Демид за поразительным спектаклем, который разыгрывался перед его глазами. Вот девушка, невысокая, худенькая, лет четырнадцати, не больше, разгоняется, прыгает, упираясь руками в спинку деревянного коня, перевертывается в воздухе и, как вкопанная, становится на мягкий мат. Кажется, все безупречно, а Софья Павловна недовольна, во время полета, в прыжке девушка немного согнула ноги в коленях, а они должны быть прямыми. Давай еще раз. И снова что-то не так, в сущности, мелочь, пустяк, но инструктор заставляет повторить упражнение еще и еще. Ребята Крячко бросают друг друга на пол с такой силой, что делается страшно, но, как ни в чем не бывало, поднимаются, весело улыбаясь.

— Поехали, — вдруг послышалось рядом.

Демид, вздрогнув, оглянулся: Софья Павловна, уже переодевшись, стояла рядом.

— Я готов.

Он с сожалением окинул взглядом спортивный зал, словно боясь разлучиться с ним надолго, и вышел. В гардеробе ждала очередная мука, еще одна причина для смущения: у него нет зимнего пальто, только короткий осенний бушлат, и Ольга Степановна велела накидывать на плечи под бушлат ее теплый пуховый платок. Ослушаться старую учительницу он не мог, и вот теперь придется краснеть перед Софьей Павловной. Но эта женщина каким-то непостижимым образом умела понимать людей. Посмотрела на бушлат, на платок и сказала:

— Молодец Ольга Степановна.

В вагоне было мало народу: поздний вечер.

— Красивый ты парень, — улыбнувшись, сказала Софья Павловна, не обращая внимания на то, что кто-то может услышать их разговор. — Ну, рассказывай о себе.

Демид покраснел, тепло посмотрел на женщину, потом пересилил себя и, слегка запинаясь, сказал:

— Я никогда не думал, что вы такая спортсменка.

— Могла быть спортсменкой, — улыбнулась Софья. — Не повезло. И смешнее всего — не повезло на вольных упражнениях. Это почти танец, сложный, отточенный, иногда силовой, но все-таки танец. А я попробовала сделать двойное сальто...

— Ничего особенного. Сейчас все делают.

— Подожди, — сказала женщина и мгновение помолчала, словно отгоняя от себя горькие воспоминания, — это теперь все просто дается. А я была первой... Ну, да ладно, не очень-то интересная тема... пришлось распрощаться с гимнастикой, пойти в медицинский техникум...

— Вы и сейчас превосходная гимнастка.

— Это только тебе, человеку неопытному, кажется. Теперь я, может, неплохой тренер. И медсестра — тоже. Ну, обо мне довольно, поговорили. О себе расскажи, как ты живешь?

И Демид принялся рассказывать о заводе, где он сейчас работал, рассказывал с восторгом, увлеченно, как о своей сбывшейся мечте.

— Понимаете, осенью пойду в университет, — говорил он, и глаза его радостно сияли. — На нашем заводе надо постоянно учиться и думать. Такой завод, без высшего образования здесь нечего делать. Если, конечно, хочешь стать хорошим рабочим.

— Ты им будешь. Успеха в жизни добиваются только люди, влюбленные в свое дело.

Демид на минуту задумался, набрал полную грудь воздуха, словно решаясь на что-то, лукаво и взволнованно посмотрел на Софью Павловну и неожиданно для себя смело сказал:

— Если хотите знать, Софья Павловна, то влюблен я только в вас. Нет, вы не думайте, я не собираюсь за вами ухаживать...

Софья от всей души рассмеялась: забавно бы в этой роли выглядел паренек, закутанный в пуховый платок.

— Очень жаль, — весело сказала она.

— Люблю я вас за то, что вы такая веселая, приветливая, не побоялись показаться смешной, когда вас Крячко, как куклу, подбросил. Я же знаю, это вы специально для меня сделали.

Проговорив все это на одном дыхании, сгоряча, он и сам удивился. Часом раньше, собираясь в спортивный зал, он ни о чем подобном не думал и вообще не знал, что встретится там с Софьей. А вот сейчас сказал и почувствовал, что все это правда. Пусть прозвучала она не очень складно, зато искренно, и Софья поняла это сразу, а Демид испугался:

— Только вы правильно меня поймите. Если у меня будет когда-нибудь жена, то такая, как вы.

— Когда женщине так говорят, искренно и горячо, — отозвалась Софья, — это всегда приятно. Но ты не спеши, не торопись влюбляться. Осмотрись. Вот мы и доехали, уже улица Шелуденко. Счастливо тебе!

— До свидания, Софья Павловна!

Демид на ходу соскочил с трамвая, и веселый январский мороз сразу пронял его, пробрал до костей, так что и платок Ольги Степановны не помог. Мороз взялся хороший, градусов под двадцать. Быстрее домой, потому что, не ровен час, замерзнешь вот так на улице и упадешь, как сосулька, рассыпавшись на мелкие ледышки. Благо до Фабричной недалеко, квартал по Брест-Литовскому проспекту, налево за угол и вот перед глазами его полумертвое жилище. Странно, вещи умирают так же, как и люди. В доме, предназначенном на снос, обреченность чувствуется загодя, даже если в нем еще живут люди и еще светятся некоторые окна. И до боли в сердце жалко этот двухэтажный, старенький дом, куда привезла тебя мама новорожденного, где прошло твое детство, где, собственно говоря, прошла вся твоя жизнь. На лестнице темно, неуютно, тихо. Кто-то бросился ему навстречу.

— Лариса? Ты что тут делаешь?

— К подруге приходила. Который час, скажи, пожалуйста?

Говорит, а у самой зуб на зуб не попадает, так замерзла, дожидаясь на улице.

— У меня часов нет, но скорей всего около девяти. Ко мне не хочешь заглянуть?..

— Можно на минутку... Темно у вас, как в шахте, плохо жить в мертвых домах.

Только из-под двери, ведущей в комнату Ольги Степановны, пробивалась тоненькая полоска света. Демид

щелкнул выключателем и испугался, увидев посиневшее от холода лицо Ларисы.

— Послушай, ты же вся промерзла... Что, у твоей подруги не топят, отопление отключили?

— Да.

Говорила, и было видно, что ей все равно, верит ей Демид или нет.

— Проходи, раздевайся. Сейчас я тебя чаем напою. Снимай свои туфли, в таких туфлях и на морозе, ноги-то у тебя, наверное, как ледышки. Чувствуешь их?

— Нет.

— Отморозила? Снимай чулки!

Лариса послушно, словно речь шла не о ней, сбросила чулки. Мизинец на левой ноге побелел — какое тепло могут сохранить лакированные туфельки?

— Давай сюда ноги.

— Ой, больно, не три так сильно!

— Потерпи. Я знаю, что больно, но потерпи немного, скоро пройдет.

— Я сейчас закричу...

— Молчи, Ольгу Степановну напугаешь.

Лариса крепко закусила нижнюю губу и замолчала. Демид растер ей пальцы на ногах, они даже покраснели, и, довольный, полюбовался на свою работу.

— Ты можешь выполнить одну мою просьбу? — спросила Лариса.

— Хоть тысячу.

— Нет, только одну: не задавай мне никаких вопросов.

— Не могу. Чаю хочешь?

— Хочу.

Демид, ни слова не говоря, выбежал на кухню и вскоре вернулся, неся в руках два чайника — большой и маленький, заварной, — вернулся в комнату. Лариса сидела на кровати, подобрав под себя ноги, и задумчиво листала одну из книг старого Вовгуры.

— Посмотри, — сказала она, — на эту чугунную шкатулку для драгоценностей Штольбергской фабрики в Ильзенберге. Дед и фотографию приклеил, и схему, и размеры ключей. Представляешь, какие богатства там лежат? Бриллиантовые диадемы, индийский жемчуг и непальские сапфиры...

— Представляю, — весело ответил Демид, — но у нас с тобой богатства не меньше: чай, сахар, хлеб и колбаса.

— Я хочу только чаю. — Она перевернула страницу. — Денежный шкаф фирмы Фрица Бауэра с сыновьями в Цюрихе...

— Тебе две или три ложки сахару положить?

— Три, я люблю сладкий.

— Я тоже. Бери, вот тебе бутерброд.

Лариса немного поколебалась, но тут же взяла бутерброд и жадно впилась в него зубами.

В этот момент в дверь постучали. Демид, не колеблясь и минуты, крикнул:

— Да, да, пожалуйста, входите, Ольга Степановна.

И действительно на пороге появилась старая учительница, посмотрела на Ларису, будто видела ее здесь не один раз.

— Добрый вечер. Нужна ваша помощь, дети.

— Всегда готовы, — по-пионерски вскинул руку Демид.

— Котлеты пропадают, — сокрушенно вздохнула женщина, — стою перед дилеммой: или вы их сейчас съедите, или завтра мне придется их выбросить.

— А их можно на мороз вынести, — сказала Лариса, — не испортятся. На улице — двадцать градусов.

— Ну-у, — протянула учительница, — мороженые котлеты — разве это вкусно? Одним словом, Демид, сделайте с Ларисой мне такое одолжение — съешьте...

Лицо Ларисы осталось по-прежнему спокойно-непроницаемым, лишь ноздри шевельнулись, уловив запах жареного мяса, а Демид, не скрывая своего восторга, заявил:

— Ольга Степановна, это уже не первые, не вторые и даже не третьи котлеты, которые мне приходится съедать. И зачем вы их столько жарите? Лариса не хочет, а я поужинаю. Спасибо.

— Вот и прекрасно, — Ольга Степановна вышла, поставив на столик сковородку с исходящими ароматным паром котлетами.

— Вот это да! — Демид пододвинул табурет к столу. — Я займусь этим королевским блюдом, а ты подыщи мне какой-нибудь подходящий сейф.

— Вот этот тебя устроит? С винтовым засовом? Гент и компания... Не забудь все-таки оставить мне одну котлету.

— Ради бога, что ж ты молчала, — ответил Демид и, положив на тарелку две котлеты, подал Ларисе. — Оцени искусство Ольги Степановны.

— Ты не знаешь, сколько сейчас времени?
— Десять часов.
— Откуда это тебе известно?
— Последние известия передают. Я живу по радио.
— Скажи, это очень неприлично, что я вот так забралась с ногами на твою постель?
Демид оторопело посмотрел на Ларису.
— Послушай, — сказал он, — и запомни раз и навсегда, тебе только пятнадцать лет, и ты пока всего-навсего зеленый стручок, которому предстоит еще стать красивой девушкой.
— Ну ты и нахал...
— Лежи, лежи. Тебе когда нужно быть дома?
Лариса метнула на него настороженный взгляд, поняла, что лгать, пожалуй, нет смысла: Демид обо всем уже догадался, и покорно сказала:
— Где-то около одиннадцати, наверное.
— Вот и лежи, отогревайся. Слушай музыку, поищи что-нибудь интересное, джаз, например. Я люблю. А мне в училище задали одну логическую схему набросать. — И углубился в свою схему, стараясь понять, как в простом сумматоре электронно-вычислительной машины подключаются логические элементы. Музыка тихо играла, пока не прозвучал сигнал точного временни.
— Мне, пожалуй, пора, — сказала Лариса, — уже одиннадцать.
— Я провожу тебя. На лестнице темно, и тебе будет страшно.
Лариса молча кивнула, надела шубку.
— Ты какой-то несовременный, — сказала она. — У него девушка разлеживает на постели, а он занимается своими логическими схемами.
— Я уже сказал вам, уважаемая Лариса Павловна, что вы еще не девушка, а зеленый стручок, но, если тебе так хочется, я исправлю свою оплошность и сейчас же поцелую тебя.
— И получишь по заслугам! — Глаза Ларисы вспыхнули гневом.
— Так чего же ты хочешь?
— Я хочу, чтобы за мной ухаживали, говорили мне комплименты, красивой жизни хочу.
— Дуреха ты, Лариска, вот что я тебе скажу...
— А мои учителя, например, другого мнения. За все восемь классов у меня была одна-разъединственная четверка.

— Не о том, однако, речь. Ключ, который подошел бы ко всем сейфам, тоже часть твоей «красивой жизни»?

— Возможно. Невежливо грубить хозяину, оказавшему тебе гостеприимство, но я скажу — ты все-таки не из нашего столетия...

— Ты права, я из будущего.

— От скромности ты не умрешь. Удивительное все-таки дело: ты очень правильный парень и потому должен быть скучным, а с тобой интересно. Почему бы это? Однако пора идти. Спасибо за все. Хорошая у тебя комната. Мне бы такую. Чтобы можно было запереться.

Демид минут через пятнадцать вернулся домой, и Ольга Степановна снова постучала в дверь.

«Сейчас придется выслушать нотации»... — подумал беззаботно Демид, не чувствуя за собой вины, однако глубоко ошибся. Ольга Степановна вошла, села на табуретку, стоявшую возле железного столика, с которого Демид уже успел убрать остатки ужина, помолчала немного, а потом сказала:

— Хорошая девушка была у тебя, Демид.

— Сейчас их навалом таких, мечтающих о красивой жизни, — ответил Демид.

— Ты правильно сделал, что пригласил ее. Между прочим, она очень талантливая и трудолюбивая девочка.

— Не знаю, может быть, я бесталанный, но я работать люблю и в поисках красивой жизни в туфельках по морозу не бегаю...

— Господи, какой же ты еще глупый, — спокойно заметила Ольга Степановна. — Она тебе ничего не говорила? — Они разговаривали, как два школьных товарища.

— Это я ей кое-что сказал...

— И напрасно. Она на мороз в туфельках выбежала скорее всего потому, что не успела потеплее одеться. У нее отец алкоголик... Ты этого не знал? Когда у него запой, она из дома убегает. Сколько еще горя на земле, Демид.

Юноша припомнил отца Ларисы, Павла Аполлоновича Вовгуру. Крупный мужчина, работает, кажется, где-то на мясокомбинате, рубит свиные да телячьи туши, пьяным его Демид никогда не видел.

— Ольга Степановна, вы не ошибаетесь? Он всегда трезвый. И зарабатывает хорошо. Лариса видели как одевается? Шубка, туфельки...

— Не ошибаюсь. И это очень страшно, когда человек пьет тихо, тайно, чтобы никто, кроме домашних, не

знал, а напьется — начинает издеваться, и тоже тихо, ни к чему не придерешься. Жену свою, маму Ларисы, он прежде бил смертным боем, теперь на дочку огонь перенес, новый объект подрос... И что удивительно, когда трезвый — любит ее...

— Ольга Степановна, почему на свете так много плохих людей?

— Нет, их не так уж и много. Просто хороший человек — это норма нашей жизни, а плохого сразу видно. Представь себе — красивый ковер, а на него кто-то бросил ошметки грязи. Ты не сразу разглядишь рисунок ковра, а вот грязь заметишь, грязь — она издали видна. Это, конечно, простейший случай, бывает посложнее. Вот Колобок, по-твоему, хороший или плохой человек?

Демид усмехнулся, подумал.

— Так прямо и не скажешь. Он и хороший и плохой, а иногда и... страшный.

— Вот видишь. Может, и в душе Павла Вовгуры есть что-то хорошее, только оно затуманено алкоголем. Так и живут они. Он на работу идет, Лариса еще спит. Она возвращается, он уже спит.

— А мама?

— А маме, как и всем мамам, горше и тяжелее всех. Хочет сделать всем добро, хочет всех любить, а поправить ничего не может и потому терпит.

— И неужели никто не поможет...

— Возможно, кто-то и помог бы, да не любят люди вмешиваться в такие дела. Тем более внешне все тихо-мирно, заявлений, жалоб не пишут. А с Павлом Вовгурой никто толком не говорил. Боятся. А бояться нечего, нужно только к его душе ключик подобрать...

— Ключик?

— Вот именно. Для каждого человека существует ключик, которым открывается его душа. Душа ребенка открывается просто, и ключик этот простой, но с годами все становится сложнее, и взрослый человек — это уже проблемы. К Павлу Вовгуре есть даже два ключа, один — проще простого: бутылка водки. Другой посложнее, о нем никто, может, даже сам Вовгура, не догадывается. Встретится ему в жизни человек, который отыщет этот потаенный ключик, будет счастлив Павел Вовгура, не встретится — так и останется он жалким пьянчужкой. Ничего, все равно на свете хороших людей больше, нежели плохих. Значит, победа будет за ними. А сейчас спать. Скоро полночь, не выспишься.

— Высплюсь, — беспечно сказал Демид, — мне пяти часов больше чем достаточно. А за котлеты спасибо. Ох, и вкусные были!

— На сковородке еще две остались, утром съешь...

— Потому что иначе придется выбросить, — закончил за нее Демид.

Тишина наступила в квартире. Демид протянул руку, дотронулся до батареи — горячая, отлично работает ТЭЦ. Хорошо дома, тепло, окно искрится серебристым инеем, стекла разрисованы причудливыми листьями папортников. Мороз, на улице сейчас он хозяин. Как там у Ларисы?

Повернул ручку старого «Филипса», загорелся «глазок», то сходятся, то расходятся в нем зеленые лепестки. Нашел музыку, тихую, убаюкивающую, взял одну из книг Вовгуры, ту, что потоньше других. Раскрыл ее. Здесь Вовгура уже не шатался по заграницам, а описывал наши советские сейфы. На Украине, оказывается, их производят восемь заводов. Чудовский, Белокрыницкий, Загорский, Чернопольский, Зарайский, Славногородский, Корчевский, Крампольский. Рисунки сейфов помещены на отдельных страничках, попадаются даже фотографии, особенности каждого замка выделены жирным шрифтом. Один раз увидишь — во веки веков не спутаешь. Ключи также отдельно описаны по годам, ни одной детали не пропущено.

И невольно Демид Хорол, перелистывая жесткие страницы, почувствовал уважение к этой огромной работе. «В Славгороде мастер Лановой всегда ставит первым более низкий выступ и очень любит, чтобы ключ походил на лесенку, ведущую или вверх, или вниз. В Чудове мастер Гринтгун наиболее важным делает третий выступ...» Какое же упорство нужно было вложить в эту работу! И все для чего? Для того, чтобы двадцать пять лет глядеть на белый свет сквозь тюремную решетку? Это была скорей всего не жажда денег, добыть их такому мастеру, как Баритон, было нетрудно: это была страсть, значительно большая, чем обычная работа «медвежатника» — желание открыть никем еще не открытое. Недаром, когда Лубенцов рассказал ему про электронно-вычислительную машину, он заплакал горючими слезами — понимал: времени на осуществление мечты у него не осталось.

Глава восьмая

Ранним утром, а точнее говоря, еще ночью, перед рассветом, Демид любил проходить, а вернее, пробегать километр, отделявший ВУМ от конечной остановки трамвая.

Предутренний мороз злой, но почему-то не страшный, веселый. Январь перевалил за вторую половину, и зимы осталось, как говорится, кот наплакал. Перезимуем, а весной переедем на бульвар Ромена Роллана, тогда до завода будет минут пять ходу. Демид уже видел свое будущее жилье — небольшую однокомнатную квартирку, зажатую между лифтом и мусоропроводом. Но остался доволен: ему к тесноте не привыкать. А тут — еще и кухня, и ванная. Королевские хоромы! Побыстрее бы только перебраться. Сейчас он живет с волнующим ощущением грядущей радости, ожиданием каких-то значительных событий и перемен в своей жизни. В том, что они настанут, сомнений нет!

Вот он, его завод, и сердце замирает от восторга, когда идешь через проходную, будто бы равнодушно поглядывая на высокое, четырнадцатиэтажное здание заводоуправления — мозг всего объединения, а потом поворачиваешь направо к приземистому на фоне заводоуправления трехэтажному корпусу цеха. Сразу при входе тебя обдает теплым ветром, словно кто-то сильный и добрый приветствует тебя и говорит: «Как славно, что ты пришел, сейчас я тебя обогрею, обласкаю».

В корпусе разместилось несколько цехов, шестой — цех Демида — на третьем этаже. Туда можно и на лифте подняться, но ему пробежать по широкой светлой лестнице одно удовольствие. Тем более что свой бушлат вместе с пуховым платком Ольги Степановны он оставил внизу, в гардеробе, и сейчас наденет белый халат и станет похожим на опытнейшего радиомонтажника.

Вообще, удивительный это цех! Куда ни посмотришь — всюду девушки. В белых, хорошо отглаженных халатиках, всегда модно причесаны, губы подкрашены, брови подведены, глаза... Вот с глазами дело обстояло не так-то просто. Они отличались от обычных глаз, было в них что-то сосредоточенно-веселое, неведомое Демиду.

Когда Демид впервые пришел в цех, закончив подготовительные шестимесячные курсы, начальник цеха разговаривал с ним недолго. Просто направил в бригаду, сказал:

— Я рад, что ты пришел к нам работать, товарищ Хорол. Давай иди в бригаду Пальчика.

Демид вышел из кабинета начальника цеха (собственно, назвать кабинетом эту отгороженную стеклянными перегородками часть цеха было так же трудно, как и комнаты техбюро и секретаря парткома), нашел бригадира Пальчика, парня лет двадцати пяти. Среднего роста, светловолосый, а глаза темные, внимательные. Тоже в белом халате, озабоченный, в руках бумаги.

— Подожди минутку, — сказал Пальчик, когда Демид подошел, — сейчас разделаюсь с этой бюрократией и буду весь твой. Посиди здесь, я скоро.

Он усадил Демида на стул, стоявший на небольшом возвышении, откуда был виден весь цех, и исчез. Демид с удивлением огляделся: такое множество молодых рабочих в одном цехе ему никогда не приходилось видеть. А девчата какие красивые! Что делает их такими?

— Ну, давай, Демид, знакомиться, — сказал, подходя, Пальчик. — Зовут меня Валерой.

— Откуда ты знаешь меня?

— Интересовался. Узнал, что ты увлекаешься радиоделом, в школе был чемпионом по изучению морзянки, знаю, что запросто можешь починить, отремонтировать приемник... Как видишь, мы изучаем свои будущие кадры. Теперь о твоей предстоящей работе: сейчас тебе кажется, что ты легко справишься с любым делом, какое бы тебе ни поручили. И глубоко ошибаешься, на курсах тебя учили, что здесь каждый шаг рабочего расписан, думать не надо, все за тебя решено. В принципе верно, а на деле — ничего похожего. Обязательно нужно, чтобы рабочий понимал, что он делает. Обычно говорят: пока конструируют машину — думают, а когда запустят в серию, тогда думать нечего. Это глубоко ошибочное заключение. Думать нужно постоянно каждому из нас. Сейчас тебе кажется, что ты представляешь, как работает ЭВМ, — продолжал Пальчик. — В школе рассказывали и на курсах учили. Так вот, имей в виду, знания твои пригодятся, но ты сам над своей самоуверенностью будешь смеяться, когда столкнешься с машиной.

— А у меня нет такой самоуверенности, — сказал Демид.

— Есть, она у каждого новичка есть. Так что же такое электронно-вычислительная машина? Ты ее видел когда-нибудь? Нашу М-4030?

— Видел. Три шкафа, стоящие один за другим. На передней панели первый пульт управления. Рядом пишущая машинка «Консул». В середине шкафа секции, а на них стоят вот такие платы. На каждой из них смонтирована определенная схема, каждую из таких плат можно вынуть и заменить другой.

Пальчик взял желтый прямоугольник текстолита с нанесенными на нем серебристыми узорами и сказал:

— Смотри. Вот это есть основа машины — тэз. Расшифровывается это так: типовой элемент замены. В литературе, между прочим, да и не только в литературе, инженеры — и в разговоре, и в статьях — такую машину называют электронным мозгом. По-моему, на современном уровне техники это несерьезно. Когда я думаю о машине, у меня возникает другая аналогия, эту машину хочется сравнить не с мозгом, а с большой библиотекой. Только в библиотеке книги словно спят мертвым сном, не тронь их — тысячу лет простоят и голоса не подадут. А в машине тэзы все время работают, дают о себе знать. Но у каждого, так же как и у книги, есть свое назначение. Один дает указание, куда твои данные записать, второй — какие именно данные, третий рассказывает, что с ними следует делать, четвертый переводит их на язык, понятный человеку; пятый сортирует данные, дает ход нужным и задерживает лишние. И так далее, и так далее. В машине где-то около восьмисот тэзов, и в каждом из них смонтирована определенная схема. Начнем с простейших, с тех, скажем, которые в сумматоре проводят логические операции, складывают единицу с единицей. Вот чертеж. Вот точная копия деталей, какие тебе нужно получить, вот карта, где указано, какой контакт к какому нужно подсоединить. Вот твой стол. Теперь один конкретный вопрос: паять умеешь?

— Конечно.

— Прекрасно. Давай посмотрим, как ты это делаешь. Для начала я посажу тебя рядом с девушкой, ее зовут Ганей. У нее, правда, только третий разряд, но руки — золотые.

За соседним столиком сидела темноволосая, круглолицая девушка такого же приблизительно возраста, как и Демид Хорол.

— Здравствуй, Валера, — сказала она певуче-мелодично, по-сельскому, и Демид готов был поклясться, что и живет она не в Киеве, а в одном из сел, расположенных неподалеку от завода.

— Я тебе привел ученика, знакомьтесь.

Когда Ганя и Демид подали друг другу руки, девушка посмотрела на него с интересом, потом усмехнулась.

— Рано мне обзаводиться учениками, ведь у меня только третий разряд!

— Да и паять я умею, — подал реплику Демид, — не один приемник отремонтировал на своем веку...

— Неужели? — приветливо улыбнулась девушка. Лицо у нее было веселое, ясное, на подбородке ямочка, глаза карие, усмешливые. — Так что же ты теряешь время даром, садись на мое место, паяй тэз, а мы посмотрим, может, тебе и в самом деле учиться нечему.

Поднялась со стула и оказалась невысокой, складненькой, с крепенькими стройными ногами.

— Давай, давай, — одобрительно кивнула Ганя. — Не стесняйся. Смотри, вот эти маленькие черные жучки и есть микросхемы. Что у них внутри, разбираться пока не будем, не наше дело. Бери микросхему.

Демид послушно взял маленького черного «жучка» с блестящими лапками.

— Смотри на его индекс. Где он должен стоять по чертежу?.. Правильно, молодец. Ставь на место. Просунь контакты в дырочки, теперь пинцетом загни концы. Так, хорошо. А теперь осталось припаять каждый контакт микросхемы к проводнику.

«Сейчас я вам покажу, — с азартом подумал Демид, — не такие видел».

Он взял паяльник, припаял первый контакт, второй, двенадцатый, четырнадцатый. Готово.

— Молодец, — сказала Ганя, а Валера неизвестно отчего улыбнулся. — Теперь бери другую микросхему, читай на ней маркировку, где ее место? Правильно. Ты способный.

— Я через полчаса подойду, — сказал Валера.

— Лучше минут через сорок, — сказала Ганя.

«Они считают, что раньше чем через сорок минут я не управлюсь. Ну, дорогие мои, сейчас увидите. Сейчас я вам покажу, на что я способен», — думал Демид, ставя на место очередную микросхему, загибая контакт на другой стороне текстолитовой платы и снова берясь за паяльник.

Почему Валера появился? Неужели прошло сорок минут? Взглянул на большие часы: какие там сорок — больше часа прошло.

— Готово, — сказал Демид и положил на столик припаянный тэз, с удовольствием любуясь своей работой. — Ну, умею я паять?

— Будешь уметь, и скоро, — заверила Ганя.

Демид посмотрел на нее с признательностью; в уголках пухлых губ девушки дрожала улыбка.

— Паять будешь, это верно, — сказал Валера, — но такой тэз Ганя не только постыдилась бы мне показать, но и сама вспоминала бы о нем как о кошмарном сне! Ганя, покажи-ка свой тэз.

Она протянула бригадиру желтую текстолитовую плату с припаянными микросхемами, тот взял ее, положил рядом с Демидовой.

— Смотри.

Демид взглянул и почувствовал, как краснеют, наливаясь горячей кровью, щеки, лоб, даже уши. Детали лежали рядом, внешне будто бы одинаковые и в то же время абсолютно разные. У Гани каждая пайка — аккуратное, круглое серебряное пятнышко, все они одинаковые, а у него одно маленькое, другое большое, третье на сторону съехало, четвертое вообще еле заметно, пятое с шестым слилось...

— Ну, что ж, — глухо сказал он, — конечно, у нее красивее, но ведь и я все правильно сделал.

— Сейчас увидим, — сказал Валера, взял тэз, подошел к большой коробке, рядом с которой стояла пишущая машинка «Консул», сунул его в щель, щелкнул несколькими тумблерами. Сразу побежала перфолента, «Консул» ожил, застучал. — Это контрольный стенд, он все твои ошибки подметит, сейчас посмотрим. Смотри: контакт 17—3 — ошибка; видишь потек припай, два контакта слились в один. 12—7 — нет контакта, не припаялся, 19—11 — слишком долго держал паяльник у контакта, вот и перегорел проводник схемы. Контрольный стенд ни одной ошибки не пропустит.

— Значит, брак? — произнес Демид, с ужасом постигая смысл этого слова.

— Ганя все выправит и тебя научит. Понял теперь, что такое наша Ганя и почему она у тебя за наставника?

Взял ее деталь и опробовал на контрольном стенде. «Консул» молчал.

— Понял, — через силу ответил Демид.

— Значит, неделю поработай под началом Гани, —

приказал Валера, — а потом будешь паять самостоятельно. И, пожалуйста, не кисни, смотри соколом: все мы через это прошли. Ну, Ганя, приступай к своим новым обязанностям.

С того дня прошло полтора месяца.

— Молодец, — говорила Ганя, и Демид, ликуя в душе, поражался, какую радость может доставить ему похвала девушки. И правда, не раз потом снился ему первый, словно следами оспы отмеченный тэз. И потом, через много лет, встречая Ганю, он с уважением думал о ней: мастер!

Теперь жизнь приобрела для него особый смысл. Он ходил по земле, как влюбленный, и средоточием, центром этого удивительного чувства был не какой-нибудь человек, не девушка, а завод с его атмосферой возвышенного, интеллектуального труда, ощутимой сопричастности с будущим.

А тем временем дом на Фабричной совсем состарился и погрустнел. Смотрел на вечернюю улицу только одним окном: это Ольга Степановна поджидала Демида. Какое это счастье, что в жизни встречаются такие люди, как его старая учительница! Как он жил бы сейчас без нее? Представить невозможно. Большое это дело, когда с тобой такой друг. Жаль только, что нет рядом Павлова. Правда, в шестой цех Семен Александрович раза три заходил, перекинулся словом с Демидом, посмотрел на его тэзы, кивнул одобрительно и вскоре ушел, даже не ясно было, зачем приходил.

— Павлов родня тебе? — потом спросил Валера.

— Нет, мы соседями были, жили в одной квартире. Хороший он человек.

— Он не просто хороший человек, он, к твоему сведению, один из лучших наладчиков, — с гордостью сказал Валера, — портрет его во всех газетах...

— Портрет одно дело, а хороший человек — совсем иное, — заметил Демид.

— Интересный ты парень, Хорол, — подвел итог их разговору Валера.

Когда вечером Демид пришел домой, навстречу ему из своей комнаты вышла Ольга Степановна и, с улыбкой поглядывая на него, остановилась на пороге. Высокая, сухощавая, прямая, а ей ведь далеко за семьдесят, в зубах, как всегда, папироса.

— Загляни ко мне, дело есть.

— Одну минуточку, только руки вымою.

— Садись, чай пить будем.

— Ольга Степановна, вам не кажется, что я перешел на ваше содержание?

— Нет, не кажется. Зарабатываешь ты почти сто двадцать рублей в месяц, и у меня такая же пенсия. Как видишь, мы с тобой на равных. Садись к столу. Бери колбасу, масло. Ешь.

— Спасибо.

Как-то незаметно у них сложилось общее хозяйство, ужинали они почти всегда вместе, а завтракал и обедал Демид на заводе.

— Я сегодня не так просто устраиваю чаепитие, — прокуренным голосом сказала Ольга Степановна. — Оказывается, на Борщаговке мы с тобой тоже будем соседями. Куда ближе, чем думали. Ты будешь жить в квартире на седьмом этаже, я в такой же квартире над тобой, на восьмом. Квартира, сам видел, небольшая, да мне и не нужно больше, и тут возникает проблема, куда девать всю эту мебель?

Демид посмотрел на учительницу внимательно и улыбнулся.

— Выходит, Ольга Степановна, точь-в-точь, как с котлетами? Ешь, а иначе выброшу!

— Как ты можешь в таком неуважительном тоне со мной разговаривать? — обиделась женщина. И то, как она искренне изобразила на своем лице обиду, окончательно рассмешило Демида. — Не вижу причин для веселья. Я хочу, чтобы ты мне помог. В одну мою комнату вся эта мебель не войдет, а в обеих наших квартирах великолепно разместится. И вот я прошу, чтобы ты временно, я подчеркиваю, временно поставил к себе тахту и два кресла.

— А сидеть в креслах можно будет?

— Где твое ухо, маленький грубиян, — сердито сказала Ольга Степановна, и Демид сразу послушался, подставил ухо. — Одним словом, договорились? Пускай побудут у тебя мои вещи?

— Пускай постоят, — улыбнулся Демид. — Какой же вы трогательный и милый человек, Ольга Степановна. Ну просто слов не найдешь, чтобы выразить!

Через полчаса он вернулся к себе в комнату. Теперь у него и в самом деле не было проблем. На новую квартиру он возьмет с собой портрет отца, этот железный столик от маминой швейной машинки, инструменты,

книги и еще табуретку. Кровать только тронь с места — развалится.

Взглянул на переплетенные в кожу Вовгурины записи, потянулся к ним рукой, раскрыл...

Глава девятая

В субботу и воскресенье он разрешил себе единственную роскошь в своей жизни — хорошо выспаться. Поднялся в восьмом часу вместо обычных шести, вскочил с кровати и сразу почувствовал, что в открытую форточку тянет уже не морозным, а влажным весенним ветром. И оттого сразу стало легко и радостно на душе.

Взмахнул руками, присел несколько раз, прислушался, не болит ли колено: нет, не болело, все было хорошо, просто отлично. Тогда сделал весь комплекс упражнений, на какой в обычные рабочие дни просто не хватало времени. Удивительная вещь, сколько наслаждения может принести обыкновенная гимнастика, когда ты молод и здоров, когда тебе вот-вот исполнится девятнадцать.

Провел, умываясь, ладонями по лицу, почувствовал: что-то мешает, нет привычной гладкости кожи, присмотрелся повнимательней: эге, робкие волосики покрыли щеки, и на верхней губе тень — пора начинать бриться.

Отыскал кисточку отца, намылил щеки, легко провел по ним бритвой, снова умылся: ощущение такой легкости, словно с лица снял кожу. Посмотрел на себя в зеркало: нет, все в порядке. И гордый вышел из ванны.

Зашел к Ольге Степановне, будто ничего не произошло, но та все заметила и не столько по виду Демида, сколько по его настроению.

— Теперь ты настоящий мужчина, — сказала она. — В связи с этим есть просьба: сбегай купи мне колбасы, масла и картошки килограмма четыре.

— Есть, — шутливо отрапортовал Демид.

Через полчаса вернулся с покупками, вместе с Ольгой Степановной позавтракал и, почувствовав себя и в самом деле каким-то иным, более солидным, сказал:

— Ну, Ольга Степановна, пойду сегодня в гости к Трофиму Ивановичу. Отнесу ему сто рублей. Не знаю почему, но мне не дает покоя этот долг.

— Это уж только ты можешь решить, — сказала старая учительница.

Часов в двенадцать, хорошо зная распорядок дня Колобка и будучи уверенным, что застанет его дома,

Демид направился на улицу Воровского, где в высоком доме с мансардой, рядом с горным техникумом, жил Трофим Иванович.

Поднялся на второй этаж («бельэтаж», как сказал перед отъездом Трофим Иванович), остановился около двери, с удивлением разглядел три звонка и возле каждой кнопки надпись:

«Коваленко», «Груевская», «Колобок». Видно, соседи по квартире решили основательно отделиться друг от друга. Улыбнулся, нажал на кнопку «Колобок». Где-то послышались шаги, дверь открылась, и на пороге Демид увидел высокую женщину, уже в годах, но еще красивую, с тонким носом и полными, ярко накрашенными губами.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Почему вы не пришли вчера вечером? Идите на кухню. В наше время забыли, что такое честность, доверие, уважение к старшим, к почетным званиям и заслугам. Я вчера выгнала вашего коллегу, но инструменты он оставил и сказал, что придет в девять. А сейчас который час?

— Не знаю, — ответил Демид.

— Ну вот видите! Вы не знаете, а кто же за вас должен знать? А тем временем вода из крана течет и течет. Спрашивается, можно жить в такой квартире?

Демид поначалу немного смутился от такой встречи, но вскоре освоился, и, как всегда, прежде всего оценив комичность положения, весело сказал:

— Вы ошибаетесь, я не слесарь, я к Трофиму Ивановичу.

— Так что же вы сразу не сказали?

— Просто еще не успел.

Женщина испепелила его взглядом, крикнула куда-то в глубину коридора: «Трофим Иванович, это к вам» — и исчезла за шкафом, где, казалось, и двери-то никакой не было. На ее месте тут же выросла высокая фигура Колобка.

— Здравствуйте, Трофим Иванович!

— А, это ты, чего тебе надо?

— Принес вам немного денег, — ответил Демид.

— Правду говоришь? Интересно... Ну проходи.

Колобок открыл дверь своей комнаты. Была она светлая, высокая, с двумя окнами. Мебель, знакомая Демиду, стояла в том же порядке, что и в квартире на Фабричной улице, и потому новая комната настолько походила на прежнюю, что Демид, переступив порог, ото-

ропело остановился. А вот сам Колобок чем-то изменился. Пшеничные усы, полные щеки, залысины остались теми же, но двигался и говорил он степенно, не торопясь, с достоинством, словно стал значительной персоной.

— Садись, — величественным жестом указал на кресло Колобок. — Рассказывай.

— Все хорошо, — ответил Демид, — и я рад видеть вас, Трофим Иванович, в добром здоровье.

— Да, да, на здоровье не жалуюсь. Ну, как там Фабричная улица?

— Мы с Ольгой Степановной переберемся на Борщаговку месяца через полтора. А вы как поживаете?

— Поразительно, — сказал Колобок, словно не расслышав последнего вопроса, — просто слов нет, насколько мы не знаем себе настоящей цены. Вот такой человек, как я, много лет пропадал на какой-то Фабричной улице без настоящего, достойного его общества.

В этот момент в дверь постучали, и Колобок быстро поднялся, шагнул к двери, распахнул ее.

— Я счастлив приветствовать вас, Анастасия Петровна.

— Вода на кухне все течет и действует мне на нервы. Я просто не могу выдержать таких психологических нагрузок. Ваш гость произвел на меня лучшее впечатление, нежели вы. Может, он что-нибудь способен сделать с этим краном?

— Наверное, смогу, — сказал Демид, улыбнувшись,— вот только инструменты...

— Они лежат на кухне со вчерашнего дня...

Колобок посмотрел на Демида с надеждой.

— Когда закончите работу, я приглашаю вас обоих зайти ко мне на минуту, — сказала женщина и величественно удалилась.

— Трофим Иванович, — проговорил Демид с улыбкой, — что с ней? Странная какая-то...

Трофим Иванович от возмущения даже руками всплеснул.

— Тс-с-с, — прошипел он. — Как ты можешь! Ведь не знаешь, кто она, а говоришь! Из бывших князей Груевских, внучка камер-фрейлины императрицы-вдовы Марии. Звучит? Дворец, в котором сейчас Верховный Совет дает приемы, бывший ее дворец.

— Трофим Иванович, и вы туда же... В своем ли уме? — Демиду показалось, будто он сам помешался, настолько нелепы, смешны были слова Колобка.

— Обо мне не беспокойся, я в полном порядке. Просто мы все забыли свои традиции, свою родословную. Анастасия Петровна открыла мне глаза. У нее много знакомых, прекрасно знающих историю, и вполне вероятно, что я наследник Нежинского приказного гетмана Ивана Колобка, человека голубой крови... Тот факт, что я простой бухгалтер, ничего не меняет. Но ты понимаешь, есть люди, которым мое высокое происхождение не дает покоя. Они вертятся возле Анастасии Петровны и плетут против меня интриги, стараясь доказать обратное.

— А что она делает, эта камер-фрейлина? — спросил Демид.

— Она работает в области киноискусства, контролером в кинотеатре. Повторяю, должность значения не имеет. Я тоже всего-навсего скромный бухгалтер...

— Пойдемте, посмотрим кран, — напомнил Демид.

Ящик с инструментами и в самом деле стоял на кухне. Демид перекрыл воду, снял кран, подтянул гайки — работы минут на десять, не больше.

— Готово.

— Ну, ты молодец, — с восторгом сказал Колобок, дважды пустив и выключив воду, словно играя. — Теперь зайдем к Анастасии Петровне.

— А может, не нужно?

— Ты что, как можно? Она же сказала...

И столько восторженного трепета прозвучало в голосе Колобка, что Демиду в глубине души стало жаль своего отчима.

— Вы можете войти, — послышалось из-за двери, когда Колобок постучал.

Внучка «знатной особы» сидела у стола и раскладывала большой, на весь стол, пасьянс «Наполеон». Комната была немного меньше комнаты Колобка, но с камином. Потолок украшен пропыленным лепным орнаментом. Два высоких окна, как видно, давно не протирались. На камине между двумя старинными бронзовыми подсвечниками — портрет Хемингуэя. Увидев портрет, Демид с уважением подумал: «Все-таки не отстает от времени камер-фрейлина». У одной стены — ширма из серебристого японского шелка с изображением аистов в полете, за ширмой, наверное, постель. Посредине комнаты стол, на нем небольшая хрустальная ваза и в ней одна красная гвоздика.

— Я рада встретить человека, который действитель-

но что-то умеет, — сказала женщина. — Люди, которые могут только есть в три горла, не нужны государству. Так всегда говорил наш дорогой государь-император, портрет которого с его собственноручной надписью вы видите на камине...

И тут только Демид с веселым ужасом убедился, что на камине стоит портрет не Хемингуэя, а царя-батюшки, только не Николая Второго, а его отца, Александра Третьего, и действительно внизу было что-то написано.

— Я хочу еще раз поблагодарить вас и отпустить,— сказала Анастасия Петровна. — Возможно, все, что вы здесь видите, покажется вам несколько странным.

«Очень даже может быть», — подумал Демид.

— Хотя, собственно говоря, — продолжала Анастасия Петровна, — странного здесь ничего нет. Поймите меня правильно... Во время войны я могла остаться в Киеве или даже уехать в Берлин, в Европу, но я эвакуировалась в Алма-Ату, чтобы быть с народом. Мои мысли и настроения ни для кого не секрет, правда, они не находят отклика, я очень одинока и потому рада, что нашла грубоватую, но все-таки родственную душу в лице Трофима Ивановича... В коллективе нашего кинотеатра

про мое происхождение знают, я его не скрываю. Сначала я думала, что меня уволят, но этого не случилось. Мою кандидатуру даже выдвигали в местком.

Тут Демид понял, что если он задержится в комнате Анастасии Петровны еще хоть минуту, то не выдержит и непременно расхохочется, и потому проговорил:

— Мне, пожалуй, пора. Разрешите откланяться.

Сказал и в душе рассмеялся: и на нем сказалось влияние камер-фрейлины, во всяком случае «разрешите откланяться» он до сих пор никому не говорил.

— Желаю вам успехов, — сказала Анастасия Петровна.

— Великого ума женщина, — сказал Трофим Иванович, когда они очутились в его комнате. И уже другим, деловым тоном добавил: — Ну, так сколько же ты мне принес?

— Сто рублей. Со временем буду приносить больше. У нас на ВУМе, — он сказал эти слова с нескрываемым удовольствием, — прогрессивки хорошие. Оклад у меня пока не высокий, но если мы план выполним, полагается тридцать пять процентов надбавки, если своевременно сдали машину — еще двадцать пять. У меня сейчас третий разряд, скоро будет, надеюсь, четвертый, может, даже летом, а может, осенью, но и сейчас хватает. Много ли мне надо?

— Вот именно, — засуетился Колобок, — ты знаешь, я человек благородный, ничего от тебя не требую, только одно прошу иметь в виду: расходы у меня большие, каждый день нужно покупать цветы. Это теперь дело моей чести. Понимаешь?

— Понимаю, — ответил Демид. — Всего вам хорошего.

Он вышел из дома, остановился на тротуаре, огляделся. Нет, будто бы все на месте, машины бегут, извозчиков не видно, на дворе — семидесятые годы двадцатого столетия. А где он сейчас побывал?

Дома постучался в дверь к Ольге Степановне и, сидя в кресле, рассказал обо всем, что увидел в квартире Трофима Ивановича. Смеяться почему-то уже не хотелось.

— Ольга Степановна, — спросил он, — ведь после революции прошло больше пятидесяти лет. Как же могло случиться такое? Ведь Трофим Колобок — крестьянин, к нему как-то родственники приезжали, я их видел...

— Нет, — сказала Ольга Степановна, — здесь ты ошибаешься, Трофим Иванович — мещанин. А что и в Киеве,

и в Москве, и в Ленинграде потомки всяких там камер-фрейлин остались, так в этом нет ничего удивительного. Понимаешь, этим людям с детства втолковывали об их исключительности, непохожести на остальных людей, об их высоком происхождении. А исключительность дается не происхождением, а талантом человека, его работой. Работать почти никто из них не умеет, а главное — не хочет, все про свою голубую кровь думают, ведь думать про свою исключительность особенно приятно. Вот Колобок легко попался на эту приманку. У мещанина всегда живет в душе преклонение перед титулом, званием, чином... Я тебе могу кое-что рассказать. Когда была война, меня здесь, в Киеве, оставили в подпольной группе района. Что-то нам удалось сделать, чего-то не удалось, сейчас не об этом речь...

— Вы были в подполье? И никогда ничего не рассказывали об этом?

— А с какой стати я должна хвастаться на каждом перекрестке? Так вот, в сентябре сорок первого, когда немцы подступили к самому Киеву, вышла я на Крещатик, нужно было отнести одному товарищу рацию. Вышла и поразилась: еще Киев наш, а Крещатик уже поразительно изменился. Какие-то деды в пенсне, в твердых соломенных шляпах (канотье назывались) вылезли из своих щелей, с ними женщины, тоже какие-то странные, в старомодных шляпках, перчатках, с гонором, просто и не подойдешь. Твоя новая знакомая, внучка камер-фрейлины, на поверку выходит, еще не самый худший вариант. Видишь, в Алма-Ату уехала, а гитлеровцам пятки лизать не стала, не думай о ней худо. А Колобок — смешон. Помнишь, мы с тобой когда-то смотрели картину «Мартин Боруля»? Про кулака, который мечтал стать дворянином. Он еще не умер, этот Мартин Боруля, а только превратился в Колобка.

— Дурак он, — с презрением бросил Демид. — Что за сложный город наш Киев: ВУМ, а рядом камер-фрейлина!

— Не только Киев. Вообще жизнь далеко не простая штука. Ведь прошлое столетие было совсем недавно. Еще многие люди, родившиеся в те годы, живы. Время — это весьма относительное понятие, оно и быстролетное, стремительное, как молния, и тягучее, как резина.

— Ольга Степановна, — вдруг снова взорвался Демид, — она же нашу школу кончала, может, даже комсомолкой была!

— Комсомолкой, возможно, и не была, а в школе, конечно, училась, и не беспокойся, школа, влияние товарищей и на ней сказались. Она не уехала в Германию, а эвакуировалась в Алма-Ату, для нее и это был подвиг. Личная жизнь ее, к сожалению, не сложилась, вот и осталось ей созерцать свою исключительность и портрет государя-императора на камине.

— Бред какой-то, — передернул плечами Демид, — такой цирк посмотреть, рубля не жалко. А теперь я иду на кухню и приглашаю вас сегодня ко мне на обед.

— Спасибо, охотно приду, — улыбнулась Ольга Степановна.

На другой день хмурым февральским утром Демид Хорол, как и прежде, подходил к проходной завода, возвышавшегося мощной каменной громадой. Проходная, поблескивая никелированными вертушками, словно всасывала в себя шумный, веселый людской поток. У дверей, ведущих в цехи, Демида встретил Валера Пальчик.

— Как у тебя дела в училище? — спросил он, поздоровавшись.

— Нормально, летом буду сдавать на четвертый разряд.

— Толковый ты парень, Хорол, смотрю я на тебя и диву даюсь: как ты определяешь, где в тэзе ошибка?

— Если откровенно, то сам я тут ни при чем, — искренне признался Демид, — это руки...

— И такое бывает... В голове будто бы сплошной туман, а руки свое дело знают. Вот за эти умные руки переведу-ка я тебя на другую работу. Ты знаешь, как работает электронно-вычислительная машина?

— В общих чертах.

— Помнишь, я тебе как-то говорил, что ЭВМ напоминает библиотеку? Для твоих прежних представлений этого хватало, а теперь мало. Книги в библиотеке, если ты к ним обратишься, дадут тебе исчерпывающую информацию. А в машине есть тэзы, которые ждут своей очереди, ждут, когда ты их спросишь. Они ответят на любой твой вопрос односложно: «да» или «нет». Этого вполне достаточно для разговора. Ведь и с человеком, который на все твои вопросы отвечает «да» или «нет», можно вести интересную беседу, все будет зависеть от того, о чем вы станете говорить. Как в жизни — многое зависит от этих кратких ответов. Вот, скажем, парень спрашивает девушку, любит ли она его? Сам понимаешь, как важно, что она ответит: «да» или «нет».

— А ты уже спрашивал? — Демид лукаво усмехнулся, ожидая, что Валера опять покраснеет, но бригадир и глазом не моргнул.

— Спрашивал.

— И тебе, конечно, ответили «да»? — сделал вывод Демид.

— Ты не ошибся. Но мы уклонились от темы нашего разговора. Так вот, есть тэзы, работающие только тогда, когда их о чем-то спрашивают, а есть такие, которые работают все время, как сердце человека. Вот на них-то я тебя и переведу. Смотри, перед тобой генератор тактовых импульсов машины М-4030. Это, пожалуй, наиболее интересный тэз машины. Сколько ударов в минуту делает твое сердце?

— Ударов семьдесят, наверное...

— Правильно. А этот генератор посылает в машину за одну секунду четыре миллиона импульсов. Вот это, — он указал на припаянную серебристую, величиной с фасоль металлическую коробку, — кварцевый стабилизатор импульсов.

— Я знаю, что такое стабилизатор. На радиостанциях они бывают: длину волны держат.

— И это верно. Там длину волны, а здесь количество импульсов. Явления одного ряда. И те и другие зависят от частоты колебаний. Эти тэзы ты сейчас и станешь регулировать.

Он был старше Демида лет на пять, не больше, а казалось, что между ними пролегли целые десятилетия. В действительности так оно и было, только десятилетия не времени, а мудрости, десятилетия, до предела сжатые новой технической эрой.

— Понимаешь, — продолжал Пальчик, — когда твое сердце отсчитывает семьдесят или восемьдесят ударов в минуту, ты разницы большой не ощущаешь, а генератор должен дать точно четыре миллиона импульсов в секунду, и не на единицу больше или меньше, потому что каждый импульс решает свою, только ему предназначенную задачу. И если задача, скажем рассчитанная на сотый такт, попадет на сто десятый, то твоя машина, вместо того чтобы складывать числа, начнет писать стихи. Смотри, вот они, эти импульсы-такты.

— Разве их можно увидеть?

— На экране осциллографа можно. Они идут будто бы по кругу.

Он щелкнул тумблерами осциллографа, и вдруг на темном серо-голубом экране вспыхнула ярко-зеленая ломаная линия. Словно обозначилась верхушка старообрядческой средневековой башни с пятью квадратными выступами.

— Теперь смотри — это неотрегулированный тэз. Видишь, линия на экране осциллографа перекосилась, углы стали неровными — то острыми, то тупыми, а импульс должен быть полноценным на протяжении всей своей короткой жизни от начала до конца.

— Что же теперь делать?

— Конструкторы все продумали. Вот тебе другой тэз, тот был генератор, а этот формирует тактовые импульсы. С его помощью проверим все цепи нашего генератора. Видишь, вот здесь вкралась ошибка. Или база какого-то транзистора заземлилась, или кварц неверно смонтирован. Так и есть. Смотри, припай капнул с паяльника, база и соединилась с одним контактом. Подчистим. Ну а теперь как?

Включил осциллограф. Все линии — пять бойниц старообрядческой башни — ровные, точно прямоугольные. Просто поразительно!

— Ну, знаешь, — сказал Демид, — мне такую премудрость никогда не одолеть.

— А Ганя уже одолела.

— Ганя, Ганя, — передразнил Демид, — может, она гений, твоя Ганя, а я нет.

— Нет, ты тоже самый обыкновенный гений, — пошутил Валера, уже не краснея, — и не дольше как через неделю будешь регулировать тэзы не хуже Гани. На твое счастье, сейчас начало месяца, спешки нет. А под конец месяца мы, бывает, порем горячку. Ничего не поделаешь, штурмуем план.

— Завод коммунистического труда, а штурмуете?

— Штурмуем, да еще как. Скоро почувствуешь это на своей шкуре. А сейчас спокойненько, не торопясь, бери тэз и попробуй его отрегулировать. Я к тебе подойду в конце смены. Не спеши и главное — думай и думай. Смотри на схему и проверяй, где должен быть ноль напряжения, а где единица. Помощники у тебя есть — осциллограф, частотомер. Что ж ты, хуже других? Если до конца смены отрегулируешь хоть один тэз, я тебя от души поздравлю. Счастливо.

И отошел, оставив Демида наедине с осциллографом, частотомером и кучей неотрегулированных тэзов. Юноша

окинул взглядом цех, и ему показалось, что он увидел его по-особому, как бы со стороны. Девчата паяли тэзы, на монтаже пультов управления ребята о чем-то спорили, показывали друг другу то чертежи, то микросхему. Цех работал умно, точно, сотнями контрольных приборов отыскивая и находя ошибки, и только он, Демид Хорол, сидел, как болван (это слово пришло в голову неожиданно, но оказалось очень подходящим к этому случаю), и думал про свою бездарность. Боже мой, речь идет об одном-единственном тэзе, а он же мечтал создать современную электронно-вычислительную машину!

И вдруг его сердце охватила холодная злость на самого себя. Смотри-ка, распустил нюни, как девчонка, работы испугался. Хорошо отрегулировать «Спидолу» тоже ведь нелегко. А брался и делал. И сейчас надо взяться, начать, а там посмотрим, чья возьмет. Ничего, не боги горшки обжигают!

Командир не отдает солдату заведомо невыполнимый приказ. Валера дал ему эту работу не для того, чтобы посмеяться над его беспомощностью, значит, считает, что Демид может ее выполнить. Вот мы сейчас и проверим, на что ты способен, Демид.

Теперь он смотрел на себя будто бы со стороны, словно стоял рядом, там, где только что был Валера.

Однако раздражение и недовольство собой не проходили, наоборот, усилились, заслонив все другие чувства. Сейчас увидим, чему ты научился, чего стоит вся твоя самоуверенность.

Да, он знает, с чего начинать. Вставляем тэз в разъем и подаем напряжение на его двадцать седьмой контакт. Если там все более или менее собрано, то кварцевый генератор должен начать давать импульсы. Включим осциллограф. Есть импульсы? Есть, только до чего же искаженные, перекошенные!

А ну, товарищ тэз 0200, где вы тут спрятались, почему позволяете себе хулиганить на экране осциллографа, не выполняете своих прямых обязанностей? Ага, вот где ошибка! Контакт от одной микросхемы отошел.

Перепаяем контакт, снова поставим тэз на место и включим осциллограф. Ох, далеко еще этой кривой до классически идеальных линий. Правда, выступы стали прямоугольными, но один наклонился, а другой какой-то недомерок, одним словом, снова ищи, где ошибка.

— Демид, обедать пойдешь?

— Разве уже пора?

Столовая здесь же в цехе. Борщ, котлеты, компот — что еще нужно человеку?

Какая-то девушка, хорошенькая, веселая, с лукавинкой в глазах, посмотрела на него и спросила:

— Почему у тебя такой трагический вид?

— Тэзы не регулируются, — серьезно ответил Демид.

Девушка весело рассмеялась:

— А ты представь, как он работает, тэз, поставь себя на его место, попробуй выполнить в воображении его работу и сразу увидишь, чего ему не хватает.

— Ты так делала?

— Всегда. И помни: не боги горшки обжигают.

— Не боги, — улыбнулся Демид и, помолчав, добавил: — А мастера, как сказал один хороший поэт.

Он вернулся к своему столику, вспоминая совет девушки: «Поставь себя на его место». Смешно, как это может человек вообразить себя на месте электрической схемы? Давай-ка пройдемся по ней, вот здесь генерируются импульсы — это, пожалуй, сердце. Вот кварцевый стабилизатор — это какая-то часть мозга, которая задает ритм сердцу, нормальный здоровый ритм. Вот система логических элементов, они направляют импульсы. Мамочка моя родная, куда же ты смотрел, товарищ Хорол? Вот же он, транзистор, который не работает! Ну-ка, долой его, поставим новый! А теперь взглянем, как выглядят эти капризные линии на экране осциллографа. Видишь, совсем другое дело. Немного перекосились, но длина всех одинакова. Сейчас найдем, как исправить этот перекос. Вот этот черненький триод вроде бы перевернут. Попробуем его заменить. А теперь как? Красота!

— Молодец! — Демид оглянулся и увидел Валеру. — Смена уже минут десять как окончилась.

— Вот видишь, а ты говоришь — молодец. Таких тэзов радиомонтажник должен десять штук за смену регулировать.

— Не торопись с козой на базар, поспешишь — людей насмешишь, — засмеялся Валера, — будешь делать и по пятнадцать. А похвалил я тебя за то, что стремишься к абсолютной безупречности в работе. Одним словом, монтажник из тебя выйдет.

— Послушай, Валера, — сказал Демид, — мы переезжаем на новую квартиру. Нельзя ли попросить ребят помочь немного?

— Кто это мы? Ты женат?

— Нет, что ты! Моя соседка по старой квартире, учительница, и я. И здесь мы жить будем рядом.

— Только дай знать, когда тебе нужно, перелетишь со всеми своими вещами как на ковре-самолете. Завтра твоя норма — два тэза.

— Какой у тебя темп!

— А как же! Это не мой темп, это темп завода. Ты его скоро сам почувствуешь и поймешь. Иначе нельзя. В технике каждый день приносит что-то новое, не выдержишь темп — отстанешь. Ну, всего хорошего тебе.

— Счастливо. Спасибо.

Неожиданно в глубине души родилось и окрепло чувство причастности к огромному веселому молодому коллективу. Он, Демид, будто бы стал маленькой частицей гигантского организма, который называется заводом, и нужно было много, еще очень много работать и учиться, чтобы заслужить звание мастера.

Сложный и хороший сегодня день. Ну, а сейчас в спортзал, на свидание с товарищем Владимиром Крячко и, что особенно приятно, с Софьей Павловной...

— Хорол, сначала в кабинет к врачу! — скомандовал Крячко, когда Демид вошел в зал.

— Владимир Семенович, с какой это радости я пойду к врачу? У меня же ничего не болит.

Здесь, в спортзале, цехового мастера Володю Крячко, мастера спорта, называли почтительно, по имени и отчеству.

— Вот врач и скажет, болит или не болит! Тебя постоянно нужно держать под наблюдением, а то вместо мастера спорта станешь калекой. Я хочу тебе увеличить нагрузку. Итак, марш!

— Болит? — спросил доктор, нажимая на колено.

— Нет, — заверил Демид.

— Неправда, — улыбнулся врач, — но раз ты выдержал боль, не вскрикнул, значит, все в колене если не в полном порядке, то где-то близко к этому. Попроси Крячко зайти ко мне на минуточку. Понемногу можно увеличивать нагрузку.

Демид вошел в спортивный зал, присел на скамеечку, стоявшую возле стены. Перед ним на ковре тренировались гимнастки, готовились к выступлению, и он невольно залюбовался слаженностью их движений, гибкостью молодых красивых тел. Просто не верилось, что человек может достичь такого совершенства, такой пластичности, акробатической виртуозности.

Переведя взгляд, Демид увидел Софью Павловну, она стояла у стены и тоже смотрела на девушек. Что-то изменилось в ее облике. Прическа? Белокурые волосы, ниспадая тяжелой волной, почти закрывали левую щеку, зато справа, забранные за ухо, они неожиданно ярко открывали сосредоточенное в эту минуту лицо.

— Софья Павловна, что с вами происходит? — спросил Демид, подходя к ней. — Здравствуйте.

— Здравствуй.

— Такой красивой я вас никогда не видел.

— Не преувеличивай, — почему-то покраснела Софья, — просто изменила прическу. Приятно, что ты это заметил.

— Хорол, на минутку, — послышался голос Крячко, — теперь ты у меня, с разрешения врача, поработаешь...

Демид стал постигать приемы: учился защищаться от удара ножом, от подножки, от выстрела из пистолета, учился сам нападать, и все это время легкая волна золотистых волос Софьи Павловны была перед глазами.

— Мастером спорта ты, возможно, и не станешь, но зато наверняка через год тебе никакой хулиган не будет страшен, сумеешь отразить любой удар, — с удовлетворением сказал тренер, заканчивая занятия.

Демид вымылся под душем, не торопясь оделся, закутался платком Ольги Степановны, сверху натянул бушлат и вышел из спортзала. Возле крыльца стояли синие «Жигули», а рядом прогуливался высокий мужчина в осеннем пальто, перехваченном широким поясом. На голове черная меховая шапка, лицо сухощавое, с глубокими складками возле рта, не старое, подбородок крепкий, с ямочкой. Волевое лицо и одновременно какое-то беспомощное. Глаза... Вот глаза странные, вроде бы не обращают внимания на окружающее, и в тоже время замечают каждый предмет в отдельности, пристально, внимательно рассматривают его. Человек на несколько минут задержал взгляд на Демиде и тут же словно забыл о нем. Когда же в дверях показалась Софья Павловна, глаза мужчины радостно засветились.

Она подошла к нему, подала руку, здороваясь, Демид услышал сочный, хорошо поставленный баритон. Мужчина что-то говорил Софье Павловне, радостно улыбаясь. Потом он распахнул дверцу машины перед женщиной и, когда та села, так же не переставая улыбать-

ся, закрыл дверь. Вскоре заработал мотор, и сумеречную улицу перечеркнул отсвет красных огоньков...

Демид стоял на тротуаре, чувствуя и радость, и приглушенную ревность. Глупый! При чем тут ревность? И, может, впервые в жизни он, не веривший ни в бога, ни в черта, подумал, как помолился: «Пусть они будут счастливы».

Глава десятая

Валера Пальчик сказал:

— Ребята, Демиду с его половиной, — тут он лукаво посмотрел на Ганю, — нужно помочь переехать на новую квартиру — на бульвар Ромена Роллана.

— У него есть жена? — небольшие глаза Гани на мгновение стали огромными, круглыми, словно диафрагма фотоаппарата, расширились и сузились.

— На такой работе девчатам, вообще-то говоря, делать нечего, — заметил Володя Крячко, — но тебя, Ганя, мы все же возьмем, в порядке исключения.

— Обязанности распределим таким образом, — прозвучал уверенный голос Данилы Званцова, — Крячко обеспечивает транспорт, Валера и я — тягловую силу, думаю, захватим с собой еще Альберта Лоботряса, чтобы нас было четверо, а Гане поручим службу информации и общее руководство.

Честно говоря, Ганя была разочарована, когда увидела Ольгу Степановну. Ей уже рисовалась романтическая история с женитьбой Демида, о которой потом можно было бы поговорить с подружками, а тут на тебе: старая энергичная учительница, в руки которой как-то само собой, без особых усилий с ее стороны, перешло все руководство «операцией».

Подъехал грузовик, ребята вынесли мебель Ольги Степановны, погрузили в кузов.

— Товарищ водитель, — попросил Альберт Лоботряс, — пожалуйста, не включайте третью скорость, а то, не ровен час, вся наша обстановка рассыплется в труху.

Учительница молча строго посмотрела на него.

— Я бы все эти вещи, — признался Альберт, — оставил здесь, в старом доме, на новую квартиру нужно везти новую мебель.

— Ничего, пока и эта послужит. А там посмотрим. Вот разбогатеем с Демидом, тебя позовем в консультанты — гарнитур выбирать.

В это время вынесли из дверей железный столик от ножной швейной машинки «Зингер» с тисками, прикрепленными к крышке.

— Вот это техника! — ликующе воскликнул Альберт. — Специально для будущих межпланетных кораблей! Личный экземпляр конструктора. Ликуйте, люди!

— Трепло ты! — рассердился Демид. — Если хочешь знать, это моя самая любимая вещь, больше того — мой друг. Когда у меня скверно на душе, я сажусь за нее и начинаю вертеть колесо, и оно наматывает, как нитки на катушку, все мои неприятности.

Хотя такой способ избавиться от плохого настроения мог бы вызвать шутливые реплики, никто почему-то не улыбнулся, все поняли товарища.

— Минуточку, ребята, — крикнул Демид, когда все было погружено на машину, — только одну минуточку подождите.

Он не мог сказать друзьям, что хочет просто взглянуть в последний раз на свою комнатенку и сказать ей спасибо за все: за тепло ее батарей, за все радости, которые ему случалось пережить, за горести, которые минули. За все спасибо!

Он взбежал на второй этаж, каким-то помрачневшим, чужим коридором прошел в свой родной угол, и почему-то слезы навернулись на глаза. Пустая, покинутая, сиротливая его комната, но разлучаться с ней — будто навеки потерять родного человека. Взглянул на оконную решетку и нахмурился. Нужно было давно выпилить ее, попросить кого-нибудь из ребят вырезать автогеном, минутное дело — выбросить ко всем чертям это наследие дореволюционного прошлого.

Подошел к окну, взялся обеими руками за железные переплеты, тряхнул и вдруг почувствовал, что решетка качается, еще раз дернул — посыпался старый цемент, тяжелая решетка подалась и легко выскочила из гнезда в подоконнике.

Демид бросил ее на пол. За незнакомо новым окном синело яркое мартовское небо, и оттого вся комната похорошела, посветлела, будто благодарно улыбнулась: всю жизнь на нее падала тень от этой проклятой решетки! Оказывается, все так просто: подойти, не страшась, взяться за дело. А какое было бы счастье — жить в комнате с таким красивым, большим окном, и как жаль, что пришло оно, это счастье, когда дом идет на слом. Уди-

вительно, как часто мы лишаем себя радости только потому, что и мысли не допускаем, как она доступна и близка.

Эта мысль пришла неожиданно, и Демид подумал, что теперь постарается не пропустить своего счастья. Презрительно оттолкнув ногой поверженные решетки, сказал:

— Спасибо тебе, родная моя комната. Не грусти, что я ухожу, ты возродишься новой, и так будет постоянно, всегда. На руинах будут вырастать новые дома, красивее и светлее, чем были прежде.

Сказал и, оглянувшись смущенно, подумал: «Каким-то я становлюсь сентиментальным, вроде бы рановато еще?» Засмеялся и, растроганный, выбежал из дома.

На улице, по самые края залитой мартовским теплым солнцем, ребята из шестого цеха уже расселись в кузове грузовика на узлах, диване, в креслах. Домоуправ привел дворника с молотком и гвоздями. Сейчас забьют досками двери, и дом совсем умрет.

— Демид! — вдруг послышался голос с другой стороны улицы.

Оглянулся — Лариса. В руке — портфель, на голове — беретка, волосы гладко причесаны, — обычная школьница, заканчивающая восьмой класс.

Демид подбежал к девушке.

— Видишь, переезжаем. А вы скоро?

— Скоро. Говорят, на какую-то Борщаговку. Страшное дело — деревня!

— А ты видела ее, эту Борщаговку? Нет? А говоришь! Соседями будем. Дай о себе знать, когда переедете. Ну, счастливо тебе, — взял ее руку, крепко пожал тонкие пальцы и сразу вспомнил, как совсем недавно оттирал озябший мизинец.

— Много у тебя друзей, — сказала Лариса, на мгновение задержавшись взглядом на круглом веселом лице Гани.

— Много. Переезжай быстрей... Поехали, ребята!

Последние слова он прокричал, уже взобравшись в кузов. Ольга Степановна в кабине что-то сказала шоферу, машина тронулась с места. Маленькая, одинокая фигурка Ларисы напротив обреченного на снос дома будто впечаталась в память.

Они ехали через весенний Киев и пели: «Наш паровоз, вперед лети...».

Машина с новоселами мчалась мимо бывшего завода капиталиста Гретера, внук которого теперь работает

инженером на «Точэлектроприборе», мимо новых высоких домов, под мостом-путепроводом, мимо комбината печати. Поворот налево на Пушечную улицу, где когда-то в далеком прошлом жили киевские пушкари, и машина словно ворвалась в будущее, в новый район, на проспект Космонавта Комарова. Вокруг — дома, краны, новые корпуса. Ох, и красиво будет, когда все отстроится, опушится киевскими каштанами и кленами!

А вот и широченный бульвар Ромена Роллана с точными силуэтами девятиэтажных домов и молоденькими, недавно посаженными тополями, которые старательно вытягивают свои тоненькие шейки, пытаясь заглянуть в окна верхних этажей. Долго им еще придется тянуться...

Вы когда-нибудь бывали в пригородном селе, которое прежде называлось Никольской Борщаговкой, а теперь стало Ленинградским районом столицы? Если не бывали, выберите выходной день, сядьте в трамвай или в автобус, идущий до Большой окружной дороги, сойдите на конечной остановке, погуляйте там часок-другой, и в душе вашей, какие бы в ней ни кипели бури, страсти или разочарования, воцарятся покой и умиротворенность. Киев здесь не походит на свой центр, нет тут шумного Крещатика с его красивыми, утонченными формами, нет здесь тесных и чарующих улочек старого центра города — Золотоворотского сквера. Тот Киев словно весь в прошлом, уютный, мудрый, иногда лукаво улыбающийся, нарисованный тонкой кистью великих мастеров.

Здесь же, около ВУМа и других заводов Ленинградского района, кисть художника стала вроде бы размашистее, смелее, потому что только так можно нарисовать все громады зданий. Хотите вы или нет, а чувство встречи с грядущим, чувство пребывания в городе будущего, где архитекторы прежде всего думали о чудном просторе бульваров и зеленых улиц, о воздухе, которым дышишь и не можешь надышаться, об удобстве жизни, когда и до гастронома и до комбината бытового обслуживания всего десять минут ходу, это чувство встречи с будущим поражает.

Грузовик остановился около одного из домов на бульваре Ромена Роллана.

— Ура! — почему-то закричал Званцов, спрыгивая на землю. — Сейчас будем брать эту крепость приступом.

«Крепость» и в самом деле пришлось брать приступом. Встретившая их высокая и строгая женщина —

домоуправ — объявила, что дом сдан строителями и уже заселяется, но лифты еще не работают.

— Только бы мы в жизни своей и видели горя, — сказала в ответ Ганя. — Ребята, взяли!

Там, на Фабричной, как-то так вышло, что командовала Ольга Степановна, а здесь вдруг словно бы сменилась власть поколений — маленькая, кругленькая Ганя стала старшей.

— Нам бы такую, — сказала она, когда вошла в квартиру Демида, чем-то напомнившую спичечную коробку.

— Будет и у нас квартира, — заверил ее Валера.

— Будет, конечно, — вздохнула Ганя, — но когда?..

И Демиду вдруг стало стыдно, что вот ему дали квартиру, а Валера и Ганя живут в общежитиях, хороших, чистых, но все равно общежитиях, где им даже поцеловаться негде.

— Вот что, — неожиданно заявил он, — я передумал сюда перебираться. Иду в общежитие, на место Валеры, а ты, Валера, давай сюда, тебе эта квартира в сто раз нужнее, чем мне.

В комнате, полной молодого веселого народа, сразу стало тихо, и в этой тишине прозвучал спокойный и уверенный голосок Гани:

— Хороший ты парень, Демид, и твой благородный порыв мы все оценили, спасибо. Только не сердись на меня — ты несусветный дуралей.

— Почему? — обиделся Демид.

— А очень просто. Если ты пойдешь в райсовет и скажешь, что тебе квартира не нужна, тебя в тот же миг переселят в общежитие, квартиру отдадут не нам, а очереднику, и это будет справедливо. Тебе ее дали потому, что у тебя была комната в доме, обреченном на снос. А потом встретишь девушку... И что ты тогда будешь делать? Представляешь? А за нас не беспокойся, рано или поздно, будет у нас с Валерой жилье...

Кровь жаркой волной хлынула в лицо Демиду.

— Все, с этим вопросом покончили, — сказала Ольга Степановна. — Прошу ко мне, друзья мои, какое же это новоселье без стаканчика доброго вина! Я еще на Фабричной улице все загодя приготовила...

Все нерешительно переглянулись, и первым, кто подал голос, опять была Ганя:

— Все верно, новоселье и должно быть новосельем!

— Пойдем ко мне, девочка, поможешь мне.

— С радостью!

Они вышли, и в комнате Демида остались Валера, Володя Крячко, Данила Званцов и Альберт Лоботряс, мужчины «вумовского» возраста — двадцатилетние или чуть старше. Минуту держалась пауза, потом Альберт, курносый паренек, белобрысый и сероглазый, которому в самую пору подошло бы имя Ваня или Паша, а тут на тебе — Альберт, сказал:

— Все-таки матриархат в мире еще существует. Ольга Степановна сказала, все сразу и послушались.

— И слава богу, что существует, справим новоселье, — ответил Данила Званцов. Он был почти двухметрового роста: Валера пригласил его как «грубую физическую силу», а в действительности Званцов своими длинными тонкими пальцами отлично справлялся с точнейшей работой.

— А машина у тебя, Демид, знатная, — сказал Володя Крячко, — если появится желание сконструировать свою электронно-вычислительную, можешь к колесу провести пасс от вентилятора: машина будет работать в постоянном температурном режиме.

— Зачем мне понадобится ЭВМ? — спросил удивленный Демид, ему вдруг показалось, что ребята знают про фолианты Аполлона Вовгуры.

— Ну, мало ли для чего! — тряхнул гривой черных волос Данила Званцов. Прическа у него была затейливой, сразу и не поймешь, парень перед тобой или девушка. — Я, например, знаю одного товарища, который для своей любимой не то что ЭВМ, а целую кибернетическую систему сконструировал.

При этом он покосился на спокойного, немного вяловатого Альберта Лоботряса.

— Какую систему? — заинтересовался Демид.

— Ну, это, брат, система, как бы тебе сказать... — Данила на мгновение задумался. — Система, которая лично у меня, если хочешь знать, вызывает к этому представителю колхозного крестьянства, овладевшему если не высотами, то, во всяком случае, высокими ступенями кибернетики, глубокое уважение. Как и у многих из нас, у него есть любимая девушка, которая, по его мнению, недооценивает его чувств и в честь которой он хочет совершить как можно больше рыцарских подвигов.

— Очень даже дооценивает, — сказал Альберт, и его полные румяные щеки смешно надулись, словно он не сказал, а выдул эти слова.

— Утешительно, но сути дела не меняет. А система такая: шесть часов пятнадцать минут утра. Девушка сладко спит и видит розовые сны, а электрические часы, сконструированные Альбертом и показывающие время с точностью до нескольких наносекунд — миллиардных долей секунды, уже подают сигнал, и машина включает электрический чайник. Еще через пять минут те же часы, выполняя заданную им программу, включают маленький мотор, и в окне открывается форточка. Через десять минут машина подключает магнитофон и начинает говорить тихим и ласковым голосом нашего Альберта: «Милая Роксана, уже шесть часов двадцать минут, пора просыпаться. Доброе утро, моя дорогая». Роксана, конечно, на эти нежные слова ноль внимания, и продолжает сладко спать... Тогда машина усиливает звук, хотя слова остаются такими же нежными. Тут уж так просто не полежишь, Роксана поворачивается на другой бок, не открывая своих, прямо скажем, чудесных глаз, говорит ласково: «Иди-ка ты, мой милый, ко всем чертям, мы с тобой вчера гуляли до половины первого, а потом еще полчаса в подъезде целовались, так дай мне еще хотя бы пять минуточек поспать!» Но машина неумолима, программа милосердия у нее на этот случай не отработана, и потому она повторяет нежные Альбертовы слова, а потом включает музыку Баха, и все инструменты, от органа до барабанов и литавр, играют на полную мощность. Музыка прекрасна, но спать под нее, увы, невозможно. Роксане, хочет она того или нет, приходится вставать, хотя бы для того, чтобы выключить магнитофон. А тут уже автоматически включается обычное человеческое сознание: Роксана видит, что времени в обрез, только умыться, одеться и бежать на работу, хорошо, что чайник уже кипит и комната проветрена... А ты говоришь, для чего человеку конструировать ЭВМ.

Демид слушал рассказ Данилы с некоторым страхом: а не обидится ли Альберт? Но парень только довольно щурил свои светлые глаза, растянув пухлые губы в улыбке, будто слова рассказчика звучали для него как настоящая музыка.

— Причем, — продолжал Данила, — не забывайте, что машина эта собрана из интегральных микросхем и стоит по классу в одном ряду с машинами, которые выпускает наш завод.

— Подожди, — сказал Демид, — а где же он схемы берет? На заводе?

— Видишь ли, — торжественно заметил Данила Званцов, — конечно, детали у нас мелкие, любую можно положить в карман и вынести, но нет у нас на ВУМе мелких воришек. Все дело в наносекундах.

— При чем тут наносекунды? Какое они имеют отношение ко всему этому?..

— Самое прямое. На заводах микросхемы проходят очень строгий контроль. Скажем, если эта схема должна послать свой сигнал точно между пятисотой и пятьсот двадцать второй наносекундой, то это должно случиться именно в это время, не раньше и не позже, иначе сигнал попадет совсем не туда, куда нужно. Требования здесь жесткие. И вот, скажем, у микросхемы КИЛБ-554 время задержки больше чем двадцать две наносекунды, тогда вся эта схема — брак. Ее могут, конечно, использовать в приборах, где допуски больше, но чаще всего уценивают и передают в магазин «Юный техник» или «Укрточприбор», в которых каждый человек имеет право, выбив чек на двадцать шесть копеек, приобрести такую схему.

— Ты, кажется, смеешься надо мной, — неожиданно проговорил Альберт, — а напрасно: я когда-нибудь приглашу тебя, и ты убедишься, что эта система работает безотказно, она моя гордость.

— Система или Роксана? — не удержался Данила.

— И система, и Роксана, — без тени обиды ответил Альберт. — Для того чтобы все это разработать и собрать, нужно было прежде всего здорово пошевелить мозгами. Ты рассказывал, надеясь, что все будут смеяться, а никто даже не улыбнулся. Вот что значит кибернетика.

— Какое у тебя образование? — спросил Демид.

— Радиотехникум. Сейчас на первом курсе политехнического, заочно.

— И ты сам все это разработал?

— Ну, эта проблема не из сложных, — сказал Валера, — такую машину сможет сконструировать каждый из нас.

В этот момент дверь распахнулась.

— Пожалуйста, к столу, — пригласила Ольга Степановна, появляясь на пороге.

— Просим, — добавила Ганя. У нее с Ольгой Степановной, видно было по всему, сразу установилось душевное взаимопонимание.

— Простите, — вдруг сказал Альберт, — но мне сейчас некогда. У меня... у меня свидание.

— Где она тебя ждет? — спросила Ольга Степановна.

— Здесь, — замялся Альберт, — неподалеку.

— Мы будем рады увидеть твою девушку и познакомиться с нею.

— Правда? — Круглое лицо Альберта покраснело так, что стало напоминать налитую сладким соком спелую вишню, — я только не знаю, будет ли она... Нет, она будет рада...

— Беги и от нашего имени пригласи ее, ждем! — сказал Демид.

— Я уже исчез, — крикнул Альберт в дверях.

— Прошу, товарищи, — еще раз пригласила Ольга Степановна.

Все вместе вышли из дверей Демидовой квартиры, и юноша с наслаждением запер ее, почувствовав в ладони холодную тяжесть маленького ключа.

Странная вещь: квартира Демида, хотя все вещи были вроде бы правильно расставлены, производила впечатление мебельного магазина, а комната Ольги Степановны уже казалась обжитой.

На столе стояли три бутылки шампанского и закуски, приготовленные еще там, на Фабричной улице: колбаса, жареные караси, большой кусок запеченой в духовке телятины, от которого будто бы мимоходом острым ножом отрезали только один кусочек...

Вошел Альберт, с ним немного смущенная Роксана, и все внимание переключилось на нее.

Да, для Роксаны стоило поломать голову и сконструировать любую кибернетическую систему. Это было вне всякого сомнения. Одни ресницы — загляденье: на целое орлиное крыло, пожалуй, хватило бы.

— С новосельем вас, — глубоким грудным голосом сказала Роксана.

— С новосельем!

Застолье не затянулось. Они распрощались, перемыв посуду. Но перед этим случилось небольшое происшествие, показавшееся на первый взгляд не столь важным, но позднее давшее о себе знать. Валера отнес на кухню тарелки и сказал:

— Ну, строители, чтоб они пропали!

— А что такое? — встревожилась Ольга Степановна.

— Посмотрите в ванную.

По рисунчатому полу ванной растеклась большая лужа. К утру пол промокнет и внизу на потолке у соседей будет мокрое пятно, начнет отваливаться штукатурка...

— Чертовы души эти сантехники, — сказал Данила Званцов, — если бы мы так вкалывали, то никто и копейки бы не заработал, а им хоть бы что. Знают, что жильцы сами все отладят.

— Мелочи, — спокойно сказал Демид, — каждая машина требует доводки. А современный дом — это тоже машина. Одну минуту.

Выбежал и тут же вернулся с инструментами, поколдовал что-то над трубой, подкрутил гайки, кран, и вода перестала капать на пол. Ольга Степановна взяла тряпку, вытерла лужу.

— Здорово, — воскликнул Данила, — у тебя, Демид, великое будущее...

Об этом случае все сразу забыли, потому что настало время прощаться. Ольга Степановна и Демид остались одни.

— Хорошие у тебя друзья, — сказала учительница.

— Хорошие... Смешная у Альберта фамилия — Лоботряс.

— А смотри-ка, какая красавица его любит. Кем она работает?

— Лаборантка. В лаборатории стендов. Вы думаете, она его любит?

— Да, очень любит.

Они снова помолчали, и именно в эту минуту Демиду захотелось, чтобы и его кто-то когда-то так же полюбил. В памяти, словно на оборванной киноленте, возникла тоненькая фигурка Ларисы с портфельчиком в руке. Смешно, что вспомнилась именно она. Почему? Может, потому что глубоко, до боли в сердце жалко девчонку... И неожиданно он рассердился на себя. Работать и учиться, учиться и работать — вот его задание на данный отрезок времени. Некогда о девчатах думать.

Ольга Степановна посмотрела на бескрайний, уже сумеречный простор за окном. Щелкнула зажигалкой, закурила, думая о чем-то своем. Прислушалась, помолчала, потом сказала:

— Знаешь, в этой квартире я бы не смогла жить, если бы где-то совсем рядом не было тебя. Я ведь старая, очень старая... Нет, нет, ты не думай, что я потребую большой помощи. Я тебе еще сама не один раз помогу. Но иногда бывает так, что чувствуешь, как под ногами качается земля. Я не боюсь смерти, но изредка мне бывает скверно, очень скверно...

— Ольга Степановна, я всегда готов...

— Об этом и речь. Если я постучу в пол вот так три раза, — она стукнула каблуком в еще не отциклеванный и не натертый паркет, — тогда поторопись ко мне.

— Ольга Степановна, — вдруг засмеялся Демид, — милая моя, хорошая моя учительница Ольга Степановна, отстали вы от жизни...

— Почему я отстала? — обиделась женщина.

— Конечно, эта сигнализация неплохая, и, считайте, мы договорились, но только на первое время. Я зайду в магазин «Юный техник», там продаются детские телефоны. Протягиваем из окна в окно провод, вы нажимаете на кнопку — у меня сигнал, и я тут как тут: «Алло, Ольга Степановна!» Все это я сделаю, не проблема. А вам большое спасибо за новоселье.

И снова он сидит у себя дома в глубоком кресле и думает, думает. Ему и в самом деле есть над чем подумать. Есть заботы мелкие, а есть большие. Например, в квартире своей он быстро обживется, в кухню купит стол и шкафчик, самый простенький. Тарелки, ножи, вилки и ложки у него есть. С одеждой и бельем, конечно, дело обстоит хуже, но можно пока обойтись. А вот злосчастный долг Трофиму Ивановичу — проблема.

Взгляд его невольно остановился на книгах, лежавших на подоконнике. Три тома старого Вовгуры выделялись среди учебников, как три медведя среди стаи мелких зайцев. Взял один том, раскрыл... «Ключи к сейфам корчевского завода, — читал он, — не отличаются разнообразием и оригинальностью. Первый и последний выступы на бородках (всего выступов и углублений шесть) всегда выше. Второй выступ, как правило, на одну ступень ниже. Если третий ниже на две ступени, то четвертый уже выше...» Закрыл книгу и улыбнулся, вдруг вспомнив про систему, созданную Альбертом Лоботрясом для пробуждения от утреннего сна своей любимой Роксаны.

А если бы у него была любимая девушка, сделал бы он такую систему?

Сначала, Демид, давай попробуем сделать что-нибудь попроще, скажем, машину, которая могла бы произвести сложение: к единице прибавить единицу и получить две, потом к двум прибавить еще два и получить четыре, к четырем прибавить еще два и получить шесть. Вот и все задание. Схема эта, очевидно, простейшая, примитивный сумматор. Сможет он ее разработать? Все-таки и читал кое-что, и училище закончил. Неужели не сумеет?

Решительно взял тетрадь, положил на вовгуровский фолиант и начал рисовать схему. С чего начать? Конечно, с питания. Вот они, провода питания, от них и будем танцевать. Дальше рисуем схему на диодах и резисторах, вот так должен выглядеть логический элемент «И». Посмотрим, прав был или ошибался Валера... Он так увлекся этой необычной работой, что даже не сразу услышал стук в дверь. Вскочил с кресла, открыл: на пороге стоял, загораживая своей фигурой всю дверь, Данила Званцов в модной синтетической куртке с белыми меховыми отворотами, темные вьющиеся волосы спадали чуть ли не до плеч, лицо встревоженное.

— Случилось что-нибудь? — забеспокоился Демид.

— Ничего особенного, — ответил Званцов, — ты извини, ради бога, что я беспокою, но сейчас ты единственный человек, который может спасти благополучие и семейное счастье моих очень хороших друзей.

— Каким образом?

— Поверь, мне очень неудобно...

— Глупости. В чем дело?

— Мои друзья переехали в соседний подъезд, что там может случиться? Обычное дело — кран прорвало...

— А ты где был?

— Где, где... Я просто не умею. Да и инструментов у меня нет. — Поможешь, или мне искать другого? Там вода хлещет.

— Иду, конечно. Иду.

Счастье друзей Данилы и в самом деле висело на волоске, потому что кран прорвало не у них, а этажом выше. Вода заливала стены. Перекрыл воду он в один миг, и только успел это сделать, как в дверях появилась чернобровая, высокая девушка, одетая так, словно сошла с картинки журнала мод. Лицо сердитое, губы капризно надуты.

— В печенке они у меня сидят, эти управдомы, невозможно слесаря найти! — сказала она, раскрасневшись от досады.

— Не волнуйся, — успокоил ее Данила Званцов. — Мой друг всех спас. Демид Хорол — познакомься, Лиля.

— А что, — сказала Лиля, — он производит очень хорошее впечатление, твой друг. Только имя необходимо немного подправить. Демид звучит архаично, будто только что вылез из пещеры. А надо чтобы звучало современно — Диомид.

«В Беринговом проливе есть острова Диомида...» —

почему-то как далекое-далекое воспоминание прозвучал в сознании голосок Ларисы.

— Ничего не нужно подправлять, — сказал юноша, — Демид останется Демидом.

— Потом, — продолжала Лиля, не обратив внимания на возражение, — тебе нужно немного приодеться, сейчас ты выглядишь так, словно только что вернулся из трудовой колонии; впрочем, я ошиблась, там стригут наголо, а у тебя такая прелестная шевелюра. Вид у тебя нищенский, а в наше время это подозрительно. Ты, случаем, не тунеядец?

— О, нет! — ответил за товарища Данила.

— Почему же тогда ходишь в таком затрапезном ватнике? Что тебе, денег жалко куртку на поролоне купить? Или ты алименты за четверых платишь?

— Нет, алиментов не плачу, — улыбнулся, не смутившись, Демид, — а денег у меня и в самом деле в обрез.

— А вообще, ты мне нравишься, — сказала Лиля, — будут у тебя деньги. Клиентуру беру на себя.

— Я тебе, Лилька, сейчас устрою клиентуру, — сказал Данила. — Что это за манера сразу совать нос в чужую жизнь? А может, ему не нужна твоя помощь?

— А куртка, обыкновенная меховая куртка и приличные ботинки ему нужны? Ничего, Демид, человек ты, конечно, пещерный, но мне нравишься, а значит, не пропадешь.

— Я и без тебя не пропаду.

— А может, лучше пропадать вместе со мной? — В голосе Лили послышалась лукавая нотка.

— Быть тебе битой, Лилька, — сказал Данила, улыбаясь. — Остерегайся ее, Демид.

— Лиля, — вмешался хозяин квартиры, по мнению Демида, человек в годах, лет этак под сорок. — Демид нас очень выручил, а ты... Неудобно.

— Ничего, ничего, удобно. А то он на себя внимания не обращает, а вы все, вежливые, делаете вид, будто так и должно быть. Постыдились бы...

— Тут есть что-то от правды, — сказал Данила.

— Всего вам хорошего, — попрощался Демид, — мне время идти, завтра позовите управдома, там еще немало работы. Счастливо вам!

И направился к дверям.

— Подожди, — остановила его Лиля, — тебе заплатили?

— За что? За два поворота ключа?

— Вот ты какой, — пропела Лиля, — теперь ясно, почему ты голодранец. Я эту породу людей уже встречала в жизни.

Хозяин давно мял в руке три рубля, и Демид поспешил выйти из затруднительного положения.

— Я беру натурой, — улыбаясь, сказал он, — ну знаете, помидорами, яйцами, консервами и особенно пирогами!

— Молодец, — рассмеялся и Данила Званцов, — хорошо ответил.

— А это идея, — заявила Лиля. — В какой ты живешь квартире?

Демид назвал.

— Очень хорошо. Если у меня сломается кран, а ты починишь, расплата будет натурой. Ты мне понравился.

Тут длинные, сильные руки Данилы схватили Лилю за плечи, тряхнули.

— Ох, что ты! — взмолилась девушка. — Рукав порвешь.

— Проси прощения, иначе действительно порву, распустила язык...

— Прошу прощения, — покорно сказала Лиля.

— Всего хорошего, — сказал Демид, выходя. Ему в этот момент было очень жалко хозяина, который так и стоял, тиская в кулаке деньги.

— И все-таки я одна сказала тебе правду, — проговорила Лиля вслед Демиду, закрывавшему дверь, и обратилась к Даниле: — Ну-ка, поведай мне, что это за чудо?

— Он не для тебя, Лиля, — сказал Данила Званцов. — Тебе нужен миллионер.

— А может, я из него сделаю миллионера.

В это время Демид спешил домой, и в душе его бушевала буря. Что-то странное, влекущее было в голосе этой красивой девушки, во всяком случае, таким взволнованным он себя еще никогда не чувствовал.

Пришел домой, положил в передней инструменты, шагнул в комнату, тихую, теплую. Вот бедовая девица! Открыл дверцу платяного шкафа — на внутренней ее стороне было зеркало. Взглянул на себя и рассмеялся: точно она сказала, голодранец! Ну ничего, подождите немного, все у нас будет. А пока возьмемся за схему. Стала бы работать эта, с позволения сказать, электронно-вычислительная машина, или здесь все ошибочно?

По теории должно быть так: щелкнул первым тумблером, поднялась вверх его ручечка, загорелась первая лампочка, около которой написано «1». Щелкнул вторым тумблером, первая лампочка погасла, зато загорелась вторая, рядом с которой написано «2». Все, значит, верно, один плюс один будет два. Третий тумблер прибавляет уже не единицу, а двойку. Значит, должны погаснуть и первая и вторая лампочки и загореться третья, рядом с которой написано «4». Если бы была четвертая лампочка, то возле нее появилась бы «8», и так далее...

Полюбовался на свою схему и пренебрежительно поморщился: ничего не скажешь, в наше время, когда ЭВМ вычисляют траекторию спутников, сталь варят, ставят больным диагнозы, он, видишь ли, нарисовал схему прибора, который может к одному прибавить один, и рад этому, как ребенок. К тому же еще неизвестно, будет ли работать этот прибор. Нужно обязательно посоветоваться с кем-нибудь. Подойти к Семену Александровичу Павлову, проконсультироваться.

Взглянул на подоконник, где лежали книги, взял первый том, развернул. «Фирма Карл Аде в Берлине изготовляет замки, которые можно открыть лишь двумя ключами, хотя вставляются они в одно отверстие...» Здорово придумано, не каждый вор додумается, что в замочную скважину нужно вставить один ключ, повернуть его, вынуть, потом туда же вставить второй, повернуть дважды, и только после этого сейф поддается. А Баритон не только додумался, но и дал описание ключей.

И неожиданно для себя Демид Хорол понял, что знает на память все три книги. Ну, конечно, размеры бородок и выступов на них запомнить невозможно, а вот, например, сейф одного завода от сейфа другого он отличит безошибочно. И год выпуска определит. Совсем недавно случилось: он зашел к домоуправу, ордер оформлять. В кабинете сейф стоял. Демид только взглянул и сразу определил: загорский, выпуска 1956 или 1957 года. И не то чтобы раздумывал над этим или высчитывал, а просто увидел, как вывеску на магазине.

А все-таки любопытно было бы сделать такую машину, просто из интереса.

А зачем? Демид знал ответ на этот вопрос. Пройдет время, он поднаберется опыта, умения, станет наладчиком универсальных электронно-вычислительных машин, а потом их творцом, станет человеком, который с помощью машин сможет решить любую задачу. Не сейфы

открывать с их, пусть даже самыми сложными, замками, а создавать системы, которые облегчат труд человеку, выведут шахтера из-под земли, обезопасят труд на вредных производствах, заменят человека всюду, где трудно работать, — вот его мечта!

Должна быть у человека мечта? Безусловно. Так вот, она у него есть, и очень хорошо, что об этом подумалось именно сейчас, когда перешел на новую квартиру, когда началась новая жизнь.

Оглядел свою комнату и улыбнулся. Тахта, шкаф, два кресла. Столик от машинки «Зингер» пришлось переставить на кухню, там у него будет мастерская. А в комнату еще нужно будет приобрести низенький столик и стулья. Чудо, не квартира!

Демид застелил тахту простыней, взбил подушку, разделся, пошел в ванную. Как он еще мало ценит свое жилье! Пусть комната маловата, но ванная большая, просто дворец, с никелированными кранами, причем ни один не подтекает, все великолепно.

Встал под душ, сначала теплый, потом сделал его холодным, чуть ли не ледяным. Вытянулся на пружинном матраце тахты (роскошное у него теперь ложе), накрылся одеялом, и сразу почему-то вспомнилось веселое, самоуверенное лицо Лили, ее многообещающая улыбка, и тут же, вслед за нею, — тоненькая фигурка Ларисы с портфелем, сиротливо стоявшей на другой стороне неширокой, мартовским синим ветром промытой Фабричной улицы. Ну и что в том плохого, если девятнадцатилетнему парню снятся девушки?

Глава одиннадцатая

Завод, в который Демид безоглядно влюбился, не был образцовым с точки зрения организации производства. В первую декаду месяца, как правило, никто не спешил: завод-смежник еще не доставил агрегаты. Зато во вторую, а особенно в третью декаду завод гудел, как растревоженный улей, работал в две, а иногда и в три смены. С этой штурмовщиной, конечно, боролись, но до победы пока было далеко.

В эти штурмовые дни Демиду особенно нравилось пройтись по заводским цехам, расположенным на трех этажах огромного корпуса.

Наиболее интересно в девятом. Около больших рам сидят молодые женщины в белых халатах, королевы ге-

нерального монтажа, волшебницы наивысшей квалификации. Халаты у них накрахмалены и отглажены, без единой морщинки, словно не на работу собрались, а на праздник. В одной руке прибор для закрутки (здесь провода уже не паяют, а вяжут на четырехгранных стерженьках, так надежнее), в другой пинцет. Перед глазами карта соединений, а на панели или на раме, в которую вставляются несколько панелей, такой хаос проводов, что горемычный гоголевский черт, если бы сюда попал, наверняка сломал бы себе голову. Но хаос этот мнимый. Все здесь подчинено точной, заранее разработанной и расписанной системе, и девушки чувствуют себя в этой умопомрачительной сложности прекрасно, даже находят время перекинуться с подругами новостями.

Но пусть не говорят, что на ВУМе механическая, бездумная работа, будто там все расписано, все указано, только нажимай кнопки. Действительно, все расписано, организовано, скоординировано, но попробуй не думать, не понимать того, что делаешь. Контрольный стенд не пропустит ошибки. «Консул» — автоматическая пишущая машинка — такое выдаст, что глаза на лоб полезут. А так берет королева монтажа свою смонтированную панель, подходит к контролеру, ставит ее на стенд, и бежит перфорированная лента программы контроля. Молчит «Консул», — значит, нет ошибок. Вот тебе и бездумная работа! Вот что значит подлинное мастерство. Начинает стучать машинка, но девушка не беспокоится, на строчке написано: «тест завершен, циклов 00001, перебоев 00000, ошибок 00000...»

И всегда, наблюдая за этой работой, Демид мысленно будто примерял ее к себе. Сможет ли он так работать? Сейчас это стало делом его чести. Делом чести? Где-то он недавно слышал нечто подобное. Кажется, Колобок произнес, рассказывая о своей «фрейлине»: «Это дело моей чести...» Честь чести рознь. У него, Демида, представления о ней такие: хочет выпускать свои тэзы точно в срок и в границах допусков. Собственно говоря, больше от него никто ничего не требует. Он знает, что генератор тактовых импульсов должен давать их четыре миллиона в секунду плюс-минус одна тысяча. А у него генератор будет давать четыре миллиона тактов плюс-минус пятьсот, а то и четыреста. Чем ближе эта цифра к четырем миллионам, тем лучше будет работать машина. Вот в этом-то состоит рабочая честь. Не должно быть случая, чтобы контролер вернул его работу на до-

водку. Пусть квалификация у него пока еще не очень высокая, но то, что он делает, будет сделано безупречно.

Однажды подошел к его столику Альберт Лоботряс, посмотрел, как работает Демид, и сказал:

— Что ты с этим тэзом голову себе морочишь? Ведь все точно.

— Нет, не все.

Частотомер показывал четыре миллиона шестьсот тактов в секунду.

Снял конденсатор, подобрал другой, чуть побольше, теперь прибор показывал четыре миллиона двести пятьдесят импульсов в секунду.

— Вот сейчас все.

— Ты подумал о том, что за это время мог бы отрегулировать не один, а два тэза?

— Подумал. Но я хочу, чтобы мою работу мне не возвращали на доводку.

— А о том, что работая вот так, ты меньше заработаешь?

— Тоже думал. Значит, нужно научиться работать так, чтобы и точно все было и заработки шли нормальные. План я, между прочим, выполняю.

— Зачем тебе это?

— Я уже говорил: — не хочу, чтобы мой тэз возвращался на доводку. У нас цех коммунистического труда, и мне стыдно переделывать свою работу.

— Вон ты какой, — внимательно посмотрел на Демида товарищ, и в этом взгляде было все: и удивление, и насмешка, и уважение.

Альберт отошел. Демид снова принялся регулировать генератор.

Этот разговор слышал Валера Пальчик и тоже не сказал ни слова.

В тот день Демид вышел с завода не поздно, где-то часу в пятом. Скоро вступительные экзамены в университет. «В каждой науке есть столько науки, сколько в ней есть математики», — кажется, это сказал Кант.

Перекусил в кафе: сосиски с картофелем и чай, — пришел домой, взглянул на свою комнату. Конечно, понемногу она обживается, над тахтой висит репродукция — белые яхты в море, напротив портрет отца, да и на кухне появились стол и табуретки. И все равно каждому, кто сюда войдет, ясно, что живет здесь неприкаянный холостяк.

Сел в кресло, взял учебник по тригонометрии и толь-

ко начал читать, как в дверь позвонили. На пороге стояла незнакомая женщина: лицо, наверное, когда-то было красивым, а сейчас увяло, поблекло, словно выцвело. Взгляд встревоженный — и неудобно ей, видно, беспокоить Демида, и не может иначе.

— Простите, пожалуйста, — сказала женщина, запинаясь, — вы товарищ Хорол?

— Да. Проходите, прошу вас.

— Извините, ради бога, но у нас воду прорвало...

— Вы из нашего дома?

— Нет, не из вашего, неподалеку отсюда, мы только что переехали...

Голос такой испуганный, будто она боится всего на свете. А чего бояться?

— Простите... Я понимаю, что отрываю вас, но мы заплатим...

— Не говорите глупостей! — вдруг резко сказал Демид и оттого смутился, покраснел. — Подождите, я сейчас переоденусь.

Они спустились на лифте, вошли в новый дом, возвышавшийся в самом конце проспекта Космонавта Комарова. О, какая приятная неожиданность: лифты в новом доме уже работают. Прекрасно, скоро строители будут сдавать дома в полной готовности. Как же они сантехнику-то прозевали?

— На девятый этаж, пожалуйста, — пояснила женщина. — Я бы вас не беспокоила, но наш управдом уехала в райсовет, а слесарь занят...

— Не беда, — сказал Демид, выходя из лифта, и чуть было не упал, споткнувшись о железный порожек: прямо перед ним стояла Лариса.

— Ты? — удивленно воскликнула девушка. — Мама, как тебе...

— А что делать? Пусть лучше заливает?

— Хорошо. Проходи, Демид, — сказала Лариса и, закрыв дверь, ведущую в комнаты, прислонилась к ней спиной. — Здравствуй.

Юноша окинул ее внимательным взглядом: подросла, но такая же тоненькая, кажется, дунь ветерок посильнее — и переломится. Правда, появилась в фигурке девушки округлость, женственность, и это обстоятельство, видимо, смущало ее. Да, время бежит, вот уже и Лариса переходит в девятый класс.

— Что тут у вас случилось? — подчеркнуто по-деловому спросил Демид.

— Труба течет. Тазик подставляем, чтобы к соседям не протекло, а она набегает и набегает... Всю ночь с Ларисой не спали. Слесаря вызывали, да разве его дозовешься... Помогите, пожалуйста...

— Сейчас сделаем. — Взял свои инструменты, быстро перекрыл воду (системы эти во всех домах стандартные), потом осторожно развинтил трубу, уплотнил соединения, снова свинтил...

— Готово.

— Спасибо вам. — Женщина протянула пятерку. Видно, подорожала его работа, раньше трояк совали.

— Не надо. Я не возьму.

Он повернулся к выходу, но в этот момент дверь, ведущая в комнаты, распахнулась настежь, и здоровый, значительно выше Демида, мужчина, с плечами как у грузчика, вырос на пороге. Вытаращенные мутные глаза с кровавыми прожилками, не мигая, уставились на Демида. Тяжелые, сплошь заросшие густыми волосами руки безвольно свисали, как мокрые тряпки. Лицо, опухшее, иссеченное морщинами, было сине-багрового цвета. Прихожая сразу наполнилась тяжелым запахом перегара.

— Павел, ради бога, иди в комнату, — попросила женщина.

— Кто денег не берет за работу? — загремел Павел Вовгура. — Ишь какой аристократ нашелся! Брезгуешь нашими рабочими рублями?

— Нет, не брезгую, просто не беру.

— Ну, а выпить со мной стопочку согласишься или тоже нос воротишь?

— Я вообще не пью, и вам не советую.

— Ты мне советуешь? Кто ты такой, чтобы Павлу Вовгуре советовать? Мозгляк сыскался. Да я тебя одним пальцем с землей сравняю, мокрого места не останется... — И он размахнулся для удара.

Целая зима прошла с того времени, когда Демид впервые пришел в спортивный зал и попробовал ударить Володю Крячко. За это время, конечно, классным самбистом он не стал, но уклониться от пьяного удара было нетрудно. Он своевременно, еще тогда, когда Вовгура замахнулся, сделал шаг назад, весь секрет состоял в том, что сделал он этот шаг именно так, как учил Володя Крячко, — ловко угадав момент. Кулак Павла Вовгуры, которым, казалось, можно было свалить быка, прошел где-то совсем рядом с грудью Демида, а сам хозяин, вло-

живший всю силу в этот удар, потерял равновесие и рухнул на пол.

— Папа! — бросилась к отцу Лариса.

— Я его мигом... — попробовал подняться Вовгура и снова упал.

— Всего доброго, — сказал Демид и вышел, чувствуя жгучую боль в сердце. Ему было жаль и Ларису, и ее мать, и даже пьяного Вовгуру. Ну что тому нужно? Такая славная у него жена, такая дочка, а напивается как свинья... Болезнь? Тогда лечись!

Демид, забыв о лифте, быстро шагал вниз по лестнице и удивился, увидев перед собой Ларису (она, видимо, спустилась в лифте). Девушка стояла строгая, независимая, решительная, с гордо поднятой головой.

— Ну, доволен? — вызывающе сказала она.

— Чем?

— А как же, показал все свои лучшие качества: исправил водопровод, не взял денег, побил пьяного... .

— Неправда, я его и пальцем не тронул. А он меня мог бы здорово покалечить. Он сильный и на много превосходит меня в весе, килограммов на сорок, не меньше. Если бы задел, действительно, от меня осталось бы мокрое место.

— Имеешь еще одну причину для радости, и тут ты прав... А может, я его, своего отца, люблю больше всех на свете, и он, когда трезвый, пушинки с меня сдувает.

— И часто бывает трезвым?

— Часто. Запои у него раз в месяц, а то и реже. А смотри, как он меня с мамой любит, как одевает, как заботится о нас. Взгляни, какие он мне вчера туфли подарил.

— Хорошие туфли, — сказал Демид.

Туфли и в самом деле были чудесные, легкие, белые, на высоком изящном каблуке.

— А ты зазнался, подумаешь, знаменитый самбист...

— Знаменитого самбиста из меня не выйдет, — сказал Демид, — колено не позволяет. А ты, собственно говоря, откуда знаешь о моем увлечении самбо?

— Сорока на хвосте принесла. У меня к тебе просьба: если мама позовет зачем-нибудь, не приходи больше к нам...

— Хорошо, не приду.

Все, стук-стук-стук легонькими каблучками по бетонным плитам — и исчезла Лариса. Демид немного постоял, раздумывая, почему она не хочет его видеть.

Медленно пошел, неся в руке чемоданчик с инструментами, дотащился до угла, взглянул — улица Тулуза. Здесь же Павлов живет! Вот с кем поговорить, душу отвести, да и посоветоваться надо — схема-то в кармане лежит.

На третий этаж, где была квартира Павловых, он махнул одним духом, нажал кнопку, за дверью мелодично прозвучала музыкальная фраза. «Обязательно нужно и себе такой звонок поставить, красиво звучит», — мелькнула мысль.

Валерия Григорьевна обрадовалась Демиду, как родному.

— Кого это так ласково встречают? — спросил, выходя в коридор, Павлов. — О-о! Проходи, гостем будешь. Мы всегда рады тебе!

— Можно подумать, что давно не виделись, — засмеялся юноша. — Семен Александрович, почему вы в наш шестой цех частенько заглядываете? — спросил он, пройдя в комнату и уютно усевшись в кресло напротив хозяина.

— Ну а как же иначе? Нельзя замыкаться в своем десятом — туда зайдешь, там поглядишь, может, ума-разума и прибавится.

— А мне разведка донесла, будто вы интересовались, как я работаю.

— Славно, когда работает разведка. Сейчас ужинать будем.

— Спасибо, я по пути зашел, видите, в рабочей робе.

— Снова кому-нибудь краны ремонтировал?

— А что поделаешь? Не откажешь, если людей вода заливает.

— И то правда. Ничего, рабочая роба не укор. Иди, мой руки.

Демида охватило радостное ощущение встречи с близкими людьми, блаженное сознание, что тебе рады. Словно родных нашел.

— А я собиралась к тебе, хотелось взглянуть, как ты обжился на новом месте, — говорила Валерия Григорьевна, — да все времени не выберу.

— Это уж точно, — согласился Демид, — дни летят, просто оглянуться не успеваешь. Утром — на работу, с работы — домой, там всегда кто-нибудь просит помочь, потом в учебники надо заглянуть, ведь скоро экзамены, посмотришь на часы — уже последние известия — десять

тридцать, пора спать. Вторник и пятница — спортзал, ну где время взять?

— В университет пойдешь или в политехнический?

— В университет, на мехмат.

Снова вмешалась в разговор Валерия Григорьевна:

— Просто стыдно, что до сих пор не выбралась к тебе. Ну, как ты, устроился?

— Да вроде все нормально, — отозвался Демид. — Некоторые вещи от Ольги Степановны перекочевали ко мне — кресла, тахта и шкаф. Чисто, пыль вытираю, и паркет блестит. Но если правду сказать, как-то неуютно. Пустая она, моя квартира.

— Ольга Степановна как поживает?

— Хорошо, купили мы с ней детские телефоны, прекрасные аппаратики, работают на плоских батарейках от карманного фонарика. Теперь у нас прямая связь — нажмет она на кнопку, у меня звонок: «Здравия желаю, Ольга Степановна»!

— Здорово придумал. А с нами нельзя такую связь установить?

— Нет, детские телефоны работают на сто метров.

— Прошу к столу, — ласково пригласила Валерия Григорьевна. — Соловья баснями не кормят.

Была она такая веселая и приветливая, так искренне рада встрече с Демидом, что юноша совершенно неожиданно сказал:

— Валерия Григорьевна, оказывается, я вас очень люблю. Вот давно не видел и не думал об этом, а увидел — и понял: люблю вас так, что прямо сердце заходится...

— Вот и прекрасно, — засмеялась Валерия Григорьевна.

— Я тебе дам «люблю», — нарочито сердитым голосом вмешался Павлов. — Найди себе девушку и люби на здоровье.

— Может, когда-нибудь и найду, а любить буду того, кого хочу. Разве можно запретить любить? — Демид посмотрел Павлову в глаза. — Живому человеку всегда нужно кого-нибудь любить.

— Ты прав, — сказал Павлов. — Любить надо обязательно. Есть люди, которые думают, будто можно прожить, только ненавидя зло и борясь с ним, а оказывается, одной ненависти мало, обязательно нужно еще и любить. Но над всем этим у тебя еще будет время пораз-

мыслить. А пока расскажи лучше, как живешь? Обед сам варишь?

— Нет, перешел на общественное питание, но ужин готовлю сам.

— Тогда ешь. Смотри, какие карпы. Язык проглотишь.

Небольшие, сухо поджаренные по краям и сочные в середине карпы, действительно, прямо таяли во рту. После ужина Демид достал из кармана листок со схемой, протянул Павлову и спросил:

— Семен Александрович, посмотрите, будет работать?

Павлов взял лист бумаги, сложенный вчетверо, развернул, минут пять смотрел, потом перевел глаза на Демида и опять на схему.

— Конечно, будет, что ж тут сложного? Я бы, правда, вот здесь и здесь еще два резистора поставил по триста тридцать омов, эти диоды будут надежно работать. Но можно и так, схема верная, хотя и примитивно простая. Зачем она тебе? Ведь всю эту схему из четырех-пяти интегральных микросхем можно собрать за час.

— Можно, конечно. Черненький прямоугольник — кусочек пластмассы, четырнадцать контактов, а что в них происходит, никто не знает.

— Как это не знает? — засмеялся Павлов, — все известно. Какая же тут тайна?

— А я хочу до этой тайны своим умом дойти, сам все сделать, — ответил Демид. — Мечта у меня: хочу быть наладчиком электронно-вычислительных машин, но таким наладчиком, который знал бы о машине действительно все. Я поначалу эту схему, каждый ее диод, каждый резистор подержу в своих руках, на место поставлю, припаяю, потом соберу более сложную схему, а уже потом, когда в пальцах появится ощущение точности, примусь за что-нибудь настоящее.

— Как ты сказал? — заинтересовался Павлов. — Ощущение в пальцах?

— Да. Вот мы тэзы собираем. Они разные. Одни просты и понятны, другие — не очень. Когда я, например, таймер-календарь регулирую или собираю автомат пультовых режимов, то у меня всегда есть это ощущение, а на других тэзах его еще нет. Я к действующей вычислительной машине пока не подходил и прежде хочу понять, что в ней происходит.

— Несчастная будет твоя жена, — Валерия Григорьевна подошла к Демиду, провела рукой по его густым волосам. — Один такой одержимый уже есть, двадцать лет с ним мучаюсь.

— Ты от этих мучений только хорошеешь, так что молодые люди тебе в любви объясняются, — засмеялся Павлов и, увидев, как порозовело от удовольствия лицо жены, обратился к Демиду: — В третьем корпусе общежития на седьмом этаже помещается радиоклуб. Там есть и осциллограф и измерительные приборы. Всегда можно проконсультироваться с ребятами, они там, по-моему, днюют и ночуют. Там же найдешь и «собачники», которые тебе очень пригодятся. Знаешь, что такое «собачник»?

— Нет.

— Панели, на которых вот такие же ребята, как ты, собирали свои схемы. А почему их прозвали «собачниками» — уму непостижимо. Обычно бывает так: придумает паренек схему, купит диоды, резисторы, транзисторы, одним словом, работает как одержимый. Собирает он свою схему, а после того, как удостоверится, что она работает, утрачивает к ней интерес.

— Между прочим, типичная эгоистическая психология мужчины, — сказала Валерия Григорьевна, — своего добился и забыл.

— Не совсем так, — продолжал Павлов — не в забывчивости дело. В другом: решил задачу, сделал выводы и штурмуй новую высоту. Как правило, эти старые «собачники» выбрасывают в корзины, ни у кого нет охоты их разбирать. Так что в радиоклубе за двадцать минут, взяв в руки паяльник, ты сможешь выбрать себе и диоды и резисторы, а к ним еще и панель. Вот и монтируй свой «собачник».

— «Собачник», — обиделся Демид. — Это будет настоящий сумматор.

— Что ж, ты прав — примитивный, но сумматор. И чем больше ты их сделаешь, тем лучше будешь знать машину, ее ритм, настроение. Я их сделал сотни. И совет мой такой, — сказал Павлов, — найди председателя радиоклуба, он инженер лаборатории стендов, наверняка поможет. Хороший парень, ему будет приятно, что клуб пользуется авторитетом.

— Так я и сделаю. Спасибо за совет, — поблагодарил, вставая, Демид. — Спасибо и вам, милая Валерия Григорьевна, я давно так вкусно не ужинал.

Когда гость ушел, Валерия Григорьевна обратилась к мужу.

— Знаешь, может, это и смешно, но теперь судьба парня во многом будет зависеть от того, какая девушка ему встретится, в чьи руки он попадет.

— Нет, — возразил тот, — тут ты ошибаешься. Демид ни в чьи руки не попадет, он парень с характером и головой, но в чем-то ты права. Многое зависит от того, какая с ним рядом будет девушка.

— Машина, которую он делает, интересная?

— Все мы начинали с простых схем. Важно сейчас не то, что машина, над которой он бьется, не столь сложная, а то, что он стремится думать, учиться — вот стержень, на котором все в жизни держится. Он парень хороший, после университета таким станет специалистом, что нам и не снилось.

Сказал и потянулся к раскрытой книге, которая лежала на письменном столе.

Валерия Григорьевна отметила этот жест мужа, окинула внимательным взглядом его фигуру, склоненную над книгой голову, подумала, что он, мгновенно сосредоточившись, забыл о ней, будто она и не сидела с ним рядом, и грустно вздохнула. Павлов встревоженно поднял голову.

— Ты что вздыхаешь?

— Взгрустнулось... Вот Демид сейчас сказал, что любит меня, а ты мне этого не говоришь... Уже много лет не слышу от тебя...

— А разве обязательно говорить? Разве это важно?

— И это тоже важно. Очень важно.

— Хорошо, я все понял, исправлюсь, — сказал растроганный Павлов, обнимая жену.

Глава двенадцатая

Молодежный заводской радиоклуб помещался на седьмом этаже третьего корпуса общежития. Внизу, в холле, вахтерша, сидевшая за столом, отгороженным от всех смертных барьером, равнодушно посмотрела на Демида, взяла его удостоверение и сказала:

— Будешь уходить — верну.

Когда-то в новоотстроенном общежитии, в котором молодые специалисты жили в комнатах по двое, вспыхнула настоящая война между жильцами и комендантшей.

Она хотела, чтобы были отдельно мужские и отдельно женские общежития, иначе, говорила она, «махровым цветом расцветет распутство».

Как ни странно, самыми горячими сторонниками совместных общежитий оказались девушки, и закончилась эта война полной победой здравого смысла. Комнаты парней и девушек располагались в общежитиях по соседству, а «распутства» и в помине не было, наоборот, установилась атмосфера веселая и дружеская.

Демид поднялся на седьмой этаж, толкнул дверь с надписью «Радиоклуб». Вечерело, и широкое окно комнаты было залито светом. Над столом на стене висела обыкновенная школьная доска, вся вкривь и вкось исписанная формулами. Впечатление было такое, словно тут продолжался бой, причем противники сражались безжалостно и исступленно молчаливыми математическими символами. В комнате, около осциллографа, сидел Альберт Лоботряс. Он встретил Демида так, словно давно поджидал его.

— Здорово. С чем пришел?

— Хочу схему опробовать. А ты?

— Ремонтирую магнитофон. Не можешь вообразить себе, во что превращается современная техника в руках варваров...

— Она тоже относится к числу варваров? — невинно спросил Демид.

— Она чемпион среди них.

Он сказал эти слова с гордостью, и Демид подумал, что, если бы Роксана захотела разбить магнитофон о голову Альберта, парень все равно был бы счастлив.

— Мне председатель клуба разрешил взять из старых «собачников» кое-какие элементы, — сказал Демид.

— Бери все, что тебе нужно, — согласился Альберт, — я еще парочку подкину. Покажи схему.

Демид молча протянул Альберту схему, тот посмотрел внимательно и сказал:

— Примитив, но работать будет. Сам схему составил?

— Сам.

— Молодец. Для практики полезно. Я тоже когда-то такими глупостями занимался. — И снова погрузился в работу, возрождая к жизни искалеченный магнитофон.

Демид подошел к окну. Совсем неподалеку лежала Петропавловская Борщаговка, отчетливо виднелись яблоки в колхозном саду. Красиво выглядит сад поздним летом! Среди яркой зелени нет-нет да и мелькнет золотая

россыпь листвы, плоды налились спелым янтарем и зрелым румянцем, воздух еще теплый и прозрачный, и только неизвестно откуда взявшийся холодный ветерок напомнит, что осень не за горами.

— Ты загляни в стол, там у нас имеются кое-какие запасы, — не поворачивая головы, сказал Альберт, — или в шкафу поищи. Нет, это просто невероятно: чтобы так разладить магнитофон, нужно иметь отменные технические способности! — с удовлетворением отметил он. — Роксана несомненно одаренный человек. Нашел?

— Да, все есть. Лампочки я завтра куплю.

— Шесть копеек штука, — пояснил Альберт и снова замолчал, склонившись над магнитофоном.

Дверь открылась, вошел еще один паренек, поздоровался, вынул из ящика стола свою схему и стал над ней колдовать.

Из радиоклуба Демид вышел в восьмом часу. Солнце клонилось к горизонту, но было еще жарким, хотя и ленивым, уставшим от работы за день. Скоро первый вступительный экзамен в университете, на заочном отделении мехмата: письменный — математика. Чего-чего, а этого экзамена он не боится и устного по математике

и по физике не боится, а вот с сочинением по литературе будет морока. Значит, нужно пойти к Ольге Степановне, попросить ее еще немного с ним позаниматься.

Но все планы Демида пошли насмарку: около подъезда стояла Лиля Барсук, когда-то высмеявшая его затрапезную одежду. Она и сейчас окинула его быстрым взглядом, но повода для критики не нашлось: летом парню легче пристойно выглядеть — джинсы, яркая сорочка, на ногах сандалии — и порядок.

Зато сама Лиля была одета изысканно. Джинсовая юбка с вышивкой, элегантная блузка на кокетке, туфли-босоножки на платформе с высоким каблуком. На юбке широкий ковбойский пояс с блестящими заклепочками. На плечи накинута замшевая курточка. Было очевидно, что Лиля не собирается скрывать ни одного преимущества своей ладной фигуры. И бедра, и талия, и ноги — все подчеркнуто, все на виду. Волосы у нее серебристо-голубоватого оттенка, густые, тяжелые, и, нужно отдать ей должное, прическа сделана умело и аккуратно. Хорошенькое личико слегка подкрашено. Одним словом, на первый взгляд типичное, но вполне разумное дитя прагматического века.

— И где тебя черти носят? — выкрикнуло «современное дитя», увидев Демида. — Я здесь с полчаса жду. Уже человек десять спрашивали, кто удостоился такой чести? Здравствуй.

— Здравствуй. И что ты отвечала?

— Таинственно молчала. Еще не хватало признаваться, что жду тебя. Слушай, у тебя есть возможность отличиться.

— Опять кран прорвало?

— Узко мыслишь, Демид, — с чувством превосходства ответила Лиля.

— Так зачем же я понадобился?

— Нужен ты для консультации. Пойдешь со мной.

— Понимаешь, послезавтра первый экзамен в университете.

— Очень он тебе нужен, университет! Ты с меня пример бери. Третий разряд имею, социальное положение безукоризненное — рабочий класс, заработок стабильный. А что тебе даст университет?

— Я работаю еще и потому, что мне интересно работать, а заниматься моим делом без университета просто невозможно.

— Значит, ты любишь свою работу?

— Люблю. Каждый раз иду на завод как на праздник.

Лиля взглянула на парня с недоверием.

— Странно, — сказала она, — работа есть работа. При чем здесь праздник? Не вижу причины радоваться.

— Потому-то у тебя и третий разряд.

— А зачем мне четвертый? Я не честолюбива. Все равно на деньги, которые я буду зарабатывать, имея четвертый и даже пятый разряд, жить так, как я хочу, невозможно.

— А как ты хочешь?

— Широко, красиво, чтобы все мне было доступно.

Удивительно, и слова были другие, и люди разные, и возможности не равноценны, но Демиду именно в этот миг вспомнился старый Вовгура с его горящими черными глазами и тот почти священный трепет, с которым он говорил о деньгах.

— А от меня что требуется?

— Сейчас узнаешь.

Они шли рядом вдоль бульвара Ромена Роллана. Лиля положила руку на согнутый локоть Демида, и почти все встречные оглядывались, увидев эту пару. Парень как парень, только глаза поразительно синие под черными бровями, волосы русые, взгляд умный, сосредоточенный, и больше ничего особенного, таких парней на ВУМе — пруд пруди. А вот Лиля... Статная, с горделивой походкой, с длинными стройными ногами, она привлекала к себе всеобщее внимание.

Странные мысли лезут тебе в голову, Демид. В конце концов, не все ли равно, какие у Лили ноги? На ВУМе пройдись по цехам — увидишь и получше. Но у нее — особенные. И ступает она как-то особенно, по-своему. А может, это потому, что идет эта красивая девушка рядом с тобой, доверчиво опираясь на твой локоть?

— Пришли, — сказала Лиля.

— Ты живешь одна? — почему-то волнуясь и не сознавая причины своего волнения, спросил Демид.

— Нет, с мамой, у нас двухкомнатная квартира. Отец у меня тоже есть, он шофер в совхозе, часто там и ночует. Проходи и оцени: это мое царство, здесь я королева, — сказала Лиля. — Нравится?

Она плавно повела рукой, показывая просторную комнату, одну стену которой занимал монументальный зеркальный платяной шкаф. Бра со свечами были вмонтированы в обе створки дверей, зеркальная поверхность

увеличивала комнату во много раз. Другую стену занимал высокий, до потолка, стеллаж, правда, еще не полностью заполненный книгами. Книги стояли красиво, гордо, будто похвалялись своим видом и своей хозяйкой. Демид обратил внимание на то, что цвета корешков были подобраны умело, продуманно, полки будто переливались всеми цветами радуги. Только верхний правый угол, еще пустой, немного нарушал гармонию.

У третьей стены стояла широкая тахта, рядом стол, полированный, темно-коричневый, как и остальная мебель. Кресла и стулья удобные и обиты не каким-нибудь материалом, а мягкой кожей. Все сверкает, будто только что привезено из магазина. Хрустальная, в подвесках, люстра вспыхивала зелеными и красными огоньками.

— Богато живешь, — сказал Демид. — И библиотека у тебя хорошая.

Подошел к полке, взял книгу: Бальзак. Раскрыл, хрустнули еще склеенные от краски страницы — новенькая книга.

— Поставь, пожалуйста, на место, — сказала Лиля, — ведь ты сейчас не собираешься читать?

Демид послушно поставил книгу на полку.

— А представляешь, как будет красиво смотреться эта стена, когда заполнится и верхний угол сначала голубыми, а потом темно-синими книгами? — спросила Лиля. — Представляешь, какие будут переливы красок, не обыкновенный банальный спектр, а именно переливы оттенков? Говорят, собрание сочинений Гюго будет синим.

— Значит, ты собираешь книги по цвету переплетов? — поразился Демид.

— Ты — монодумный человек, как и все люди нашего времени, — заявила Лиля, — воспринимаешь вещи только в их прямом назначении, а я... — она на мгновение остановилась, словно припоминая нужное ей слово, потом добавила: — человек полифоничный, многогранный... Для тебя книга имеет только одно назначение — читать ее. И это правильно, главное назначение книги — давать информацию.

Девушка говорила медленно. Демиду казалось, что она повторяет хорошо усвоенный урок. Ну что ж, в конце концов, беда небольшая — мы всю жизнь пользуемся словами и выражениями, которым научились в школе...

— Да, главное назначение книги — давать информацию или вызывать эмоции, — продолжала Лиля, — но где

сказано, что книга не может играть и другую роль в нашей жизни, скажем, украшать нашу квартиру? А раз так, то почему корешки переплетов не могут быть подобраны гармонично, как мягко сменяющие друг друга волны радуги?..

— Все правильно, — сказал Демид, — только знаешь, у меня такое впечатление, будто ты повторяешь чьи-то слова. Вызубрила и повторяешь.

— Умные речи приятно и повторить. Что в этом плохого?

— Сдаюсь, — засмеялся Демид, — ты меня убедила, но мне важно, читаешь ты эти книги или они для тебя всего-навсего многоцветные волны красок, украшающих твое гнездышко?

— А какое это имеет значение? Тем более для тебя? Понимаешь, сейчас мне нужна твоя техническая консультация. Подойди сюда, пожалуйста. — Она распахнула дверь в ванную. — Входи!

Демид вошел: так он и знал, Лиля пригласила его затем, чтобы он исправил какой-нибудь кран. Но почему же она не сказала об инструментах?

— Видишь эту ванну и эти краны? — сказала девушка, показав на стандартное оборудование ванной комнаты.

— Конечно, вижу. Не слепой.

— На мгновение дай волю своей фантазии и представь меня под этим душем. Как ты думаешь — красиво я буду выглядеть в этой убогой обстановке?

— Здорово рассуждаешь, — рассмеялся Демид, — сама бы ты до этого не додумалась. Кто же тебя просветил?

— Есть умные люди. Ну так как, можешь представить?

— Пытаюсь.

— А теперь скажи, к лицу мне весь этот стандарт? Недостоин он меня! Вот я и хочу, чтобы ты мне помог. Смотри.

Лиля наклонилась и достала из-под умывальника набор сверкающих позолотой кранов. Краны были с большими пятигранными ручками, скорее всего фарфоровыми, а между ними золотой цветок-регулятор.

— Откуда у тебя это? — Демид не мог не признать, что краны действительно хороши.

— Там, где я достала, тебе не достать, — уверенно сказала Лиля. — Дипломат один сдал весь этот комплект

в комиссионный магазин, а там один знакомый моего знакомого вспомнил обо мне. Правда, они хорошо заработали на этом деле, но я все равно безмерно благодарна. Представляешь, какая красота? Во всем Киеве ни у кого нет ничего подобного! Только у меня одной.

— Представляю, — протянул Демид, — и вправду, отлично все сделано. Подожди, Лилька, откуда же ты взяла такую прорву денег? С твоим третьим разрядом не очень-то разгуляешься...

— А мама на что? Ну, кто сейчас живет на одну зарплату?

— Я, например.

— А я так жить не хочу и не буду. И не волнуйся, никакого криминала в том, что мы с мамой делаем, нет. Мы не спекулируем, не крадем — мы работаем. Одним словом, пусть этот вопрос тебя сейчас не волнует. Тут все честно и чисто. Вот чек комиссионного магазина, где куплена вся эта красота.

И она нежно, так как ласкают любимого человека, провела ладонью по золотому цветку.

— Поможешь мне все это установить?

— Конечно. Только экзамены сдам и поставлю.

— Это же долго! — сказала Лиля. — Я эту радость, можно сказать, всю жизнь ждала, а тут терпеть еще две недели.

В голосе ее слышалось такое разочарование, что сердце Демида дрогнуло.

— Понимаешь, — сказал он, — если бы не проклятое сочинение по литературе, то я бы об этих экзаменах вообще не думал, ни математики, ни физики я не боюсь. Но все-таки очень не хотелось бы срезаться по литературе. Ольга Степановна мне здорово помогла, я ей уже одиннадцать сочинений написал, а она все недовольна. Стыдно быть неграмотным.

— И много ошибок делаешь? — спросила Лиля.

— Как когда, иногда целую страницу напишу без ошибок, а иногда две-три влеплю и сам удивляюсь: вижу ошибку, а пишу.

— Молодец, Ольга Степановна, — сказала Лиля, — и, по всему видно, очень тебя любит.

— Послушала бы ты, как она меня любит! Так отчитывает, только что не последними словами.

Лиля на это ничего не ответила, только улыбнулась как-то по-матерински мудро и почему-то именно в эту минуту очень понравилась Демиду.

— Это все чепуха, — снова легкомысленно сказала она, — сдашь ты свои экзамены. Все будет в порядке. Так, все-таки когда будем ставить эту систему?

— После экзаменов.

— О, боже, — всплеснула руками Лиля, — несчастной будет твоя жена! Ты же деспот, тиран и эгоист. Неужели для тебя желание другого человека ничего не значит?

— Эти краны — твое желание?

— Чтобы ты знал — да, страстное! Люблю, чтобы вокруг меня все было красивое. Я тебе не какая-нибудь мелкая мещанка, а радиомонтажница третьего разряда. И обожаю, когда меня окружают красивые вещи и красивые люди. Я, может, от этого чувствую к себе уважение... Я могла бы попросить любого слесаря, а пошла к тебе, еще и на улице ждала целых полчаса. Видишь, какая я принципиальная. А все почему? Потому что ты красивый.

— Я? — Демиду показалось, что он ослышался.

— Да, ты. Девушки этого тебе еще не говорили? Подожди, скажут. И не красней, как барышня, тебе же девятнадцать лет. И потом, у нас с тобой серьезный, деловой разговор. Посмотри на себя в зеркало. Глаза синие, брови черные, волосы... Между прочим, они у тебя немного потемнели, раньше светлее были.

— Нужно бы сходить подстричься...

— И не думай! Пусть отрастут еще немного. Мы — рабочий класс, не какие-нибудь хиппи, но от моды не должны отставать.

— Одним словом, Лилька, — сказал Демид, — не морочь мне голову. Ты говоришь глупости, а они меня почему-то волнуют, мне же надо думать только об университете. Сдам экзамен, сделаю тебе все краны так, что и персидскому шаху не снилось.

— Вот это меня устраивает, и все же... — сказала Лиля. — Пойдем в комнату, поговорим. — Она прошла в свою комнату, прикрыла дверь за Демидом, оглядела сверкающее, отполированное царство, села на тахту, похлопала ладонью узорчатую ткань обивки и пригласила Демида сесть рядом с собой. Потом немного наклонилась к нему, словно доверяя большую тайну, сказала: — Я тебя очень прошу, начни работу в ванной немедленно.

Она наклонилась еще ближе, и Демид невольно увидел в вырезе легкого платья налитую круглую грудь. Подумав, что надо немедленно уходить, он не сдвинулся с места.

— Я тебя очень прошу, — прошептала Лиля.

И тут случилось то, о чем Демид и думать не думал, — они поцеловались. Кто проявил инициативу, трудно сказать. Демид был опытным в этих делах человеком. Еще в шестом классе он влюбился в Катьку Лаврущенкову, они целовались раз пять, а может, восемь, после того времени, правда, был большой перерыв, до сегодняшнего дня, но новичком себя в этих делах Демид не считал. Да, видно, время внесло принципиальные коррективы, а может, сам Демид изменился, потому что Лилины поцелуи ну никак не походили на холодные Катькины губы. И, не очень-то хорошо понимая, что он делает, Демид обнял Лилю с такой силой, что девушка невольно вскрикнула. Руки его скользнули по ее гибкой спине...

Потом все перепуталось в каком-то сумасшедшем всполохе мыслей, чувств, недоговоренных фраз. Помнилось только ощущение счастья. Лиля лежала на тахте, уткнувшись лицом в вышитую красно-черную подушку, и плечи ее вздрагивали.

— Лилечка, — с чувством раскаяния сказал Демид,— я виноват перед тобой. Прости.

— Я сейчас пойду в милицию и заявлю, что ты овладел мной, применив приемы самбо, — проговорила девушка в подушку.

— Точно, применил, — виновато подтвердил Демид, — что же мне теперь делать? Как мне заслужить прощение? Я на все готов.

Он был уверен, что девушка ответит: «Давай подадим заявление в загс», и ничего страшного в этом не видел, наоборот, с радостью согласился бы, но вместо этого услышал:

— Поставь краны. Завтра же поставь.

— Лилька, о чем ты говоришь! Поставлю. Завтра воскресенье, работы там на день, не больше. Все сделаю!

Резким движением Лиля повернулась на спину, и Демид увидел, что она не только не плачет, а весело беззвучно смеется, и сразу у него словно тяжелый камень свалился с сердца. Как же хорошо, что он не причинил девушке горя!

Лиля бросилась Демиду на шею, и снова приникла губами к его губам. Поздно вечером, когда Демид собрался домой, Лиля накинула на себя халатик и сказала, прислонившись к косяку двери:

— Ты мне понравился. Завтра приходи с инструментами часов в восемь, чтобы до вечера все закончить.

Встречаться мы с тобой будем, но не здесь. У тебя... Здесь мама. Неудобно... У меня к тебе будет просьба. Я буду иногда просить тебя помочь моим друзьям, моим хорошим друзьям.

— Чем помочь?

— Работой, конечно. Если где-то что-то испортится.

— Ради бога, Лиля, о чем разговор! Ведь я всему микрорайону помогаю.

— Знаю. Но не отказывай и моим друзьям. Я тебе буду писать записочку: «Прошу помочь. Лиля» — и адрес.

После того как за Демидом закрылась дверь, из другой комнаты вышла Лилина мама, сухощавая, еще не старая женщина, с недобрым брезгливым взглядом темных глаз.

— Ну и что теперь будет? — спросила она.

— Как было, так и будет, — спокойно ответила дочь.

— А что люди скажут?

— Ничего. Кому какое дело?

— Беда, конечно, невелика, — продолжала она, — только так все быстро...

— Мама, я вам уже говорила, что вы с вашей мещанско-набожной философией отстали от нашего времени на целое столетие.

— Смотри, чтобы ты его не опередила.

— Не бойтесь. А парень этот, Демид Хорол, — настоящее золотое дно.

— Как это понимать?

— А вот так... Вам тоже придется поработать. Я расскажу потом, как именно. И кроме того, он мне нравится.

— Может, замуж за него пойдешь?

— Узко мыслите, мама. Разве мне такой муж нужен? Поступит он в университет и еще шесть лет будет учиться. А мне нужен сейчас полковник или генерал, чтобы меня на черной «Волге» катал, а его ординарец мне честь отдавал... Помяните мое слово, так и будет. Кандидатура уже есть. Не торопитесь, мама, дайте мне только срок.

— Ну-ну, может, ты и права, — вздохнула мать. — А счастье?.. Как же со счастьем-то быть?

В комнате Демида, едва он вошел, раздался тонкий звонок детского телефона. Бросился опрометью, схватил трубку.

— Где ты был? — строго спросила Ольга Степановна.

— Друзьям краны ставил.

— Нашел время. Послезавтра экзамены. Завтра будем писать диктант.

— Простите, Ольга Степановна, но там работа еще не закончена. Завтра весь день провожусь. А оно, может, и лучше перед самым экзаменом дать отдохнуть голове.

— Вот как? Ну, смотри, что-то новое появилось в твоем голосе.

— Новое, Ольга Степановна! Я счастлив!

— Правда? Тогда доброй тебе ночи.

Ольга Степановна положила белую трубку детского телефона с легким сердцем. Влюбился Демид, это ясно, а к экзаменам он готов, можно не волноваться.

Глава тринадцатая

В центре Киева, можно сказать, в самом его сердце, возвышается огромное квадратное здание с восемью багряно-красными колоннами. Это университет. Покрасили храм науки в такой цвет еще в прошлом столетии, и сколько потом ни старались его перекрасить, из этого ничего не получалось. Пробовали сделать здание желтым или зеленоватым, пробовали превратить в серое, похожее на бетонную глыбу, но успеха не добились. Радостная красная краска проступала неуклонно и наконец победила окончательно, ее подновили, подсветили фасад здания мощными прожекторами, и оказалось, что выглядит это очень красиво.

А мысли Демида Хорола, когда он ясным августовским утром вышел из троллейбуса на бульваре Шевченко и побежал к университету, были далеки от архитектурных примечательностей города. Налетев на какую-то женщину и буркнув «простите», он хотел прошмыгнуть как можно быстрее к дверям, но женщина цепко схватила его за руку и сказала:

— Не спеши, у тебя еще есть время.

— Софья Павловна! А вы как здесь очутились? Тоже поступаете?

— Нет, — засмеялась Софья, — у меня здесь были кое-какие личные дела, а в университет мне поступать поздновато. Как ты живешь?

Она выглядела такой похорошевшей, такой счастливой, что Демид просто диву дался. Что же могло так преобразить женщину?

— Живу великолепно, — ответил юноша, — у меня прекрасная комната в Ленинградском районе, и я приглашаю вас в гости. Специально для вас приготовлю обед.

— Охотно приду.

— Спасибо, буду ждать. Но прежде с меня еще сдерут три шкуры на экзаменах. Математики и физики я не боюсь, а литература — прямо ужас!

— Кто принимает математику? — неожиданно спросила Софья.

— Откуда я знаю? Может, там целая комиссия.

— За твою математику я спокойна. И литературу, надеюсь, сдашь.

— На это вся моя надежда. Ольга Степановна говорит, что за последнее сочинение, написанное для нее, поставила бы тройку.

— Что еще хорошего случилось в твоей жизни?

— Хорошего? А вам откуда известно?

— На лице у тебя написано.

— А вы знаете, Софья Павловна, — вдруг осмелел Демид, — у вас тоже такой вид, будто в вашей жизни случилось что-то очень хорошее.

— Так оно и есть, — просто ответила женщина. — Славный ты парень, Демид, и если встретишь девушку...

— Я уже встретил. Вот поступлю в университет, обживусь немного на новой квартире и женюсь. И, нужно признаться, сделаю это с величайшей радостью.

— Вот как?

— Да, — гордо сказал Демид, — я выгляжу хвастуном?

— Есть немного. Желаю тебе счастья.

Она улыбнулась своей тихой, милой улыбкой и совсем неожиданно сказала:

— Ты знаешь, я чем-то похожа на тебя. Вот обживусь немного, попривыкну, и, может, выйду замуж. Я тоже выгляжу хвастунишкой?

Они оба весело рассмеялись.

— Ни пуха тебе ни пера, — пожелала женщина.

— Как говорится, к черту. Сдам экзамены, зайду к вам в поликлинику.

— Буду рада.

Демид быстро прошел через высокие тяжелые двери, вовсе не думая, что точно так, как он, через них проходили люди, которые потом стали гордостью мировой науки: академиками, основоположниками целых научных школ и направлений. Он не собирался стать знаменитым

ученым, ему хотелось познать основу всех основ — математику, понять не в общих чертах, а досконально, как работает ЭВМ, чтобы быть ее хозяином, а не слугой.

По широкой, металлической, кованной причудливыми узорами лестнице поднялся на второй этаж, прошел длинным коридором, повернул направо, мимо парткома и комитета комсомола, потом снова направо и очутился перед деканатом механико-математического факультета.

Среди абитуриентов заочного отделения были почти одни парни. Экзаменационную карточку с фотографией Демид получил еще раньше, сейчас выйдут члены приемной комиссии, объявят, кому куда идти, и все начнется...

Хотя он и уверял себя, что экзамена по математике не боится, все равно где-то под самым сердцем ощущался холодок беспокойства: а вдруг...

Сквозь толпу абитуриентов к деканату прошел высокий худощавый человек. Демиду показалось, будто он где-то встречал его. Возраст его определить было трудно. Если смотреть в глаза — тридцать, не больше, — такие они были светлые, прозрачные, словно удивленные, ждавшие встречи с радостью. Если же взглянуть со спины, видна широкая лысина и исполосованная морщинами шея. Можно дать и шестьдесят, хотя на висках, где остались тщательно подстриженные волосы, седины немного. Одет он в мягкий кожаный коричневый пиджак, воротник голубой рубашки расстегнут.

Прошел в деканат, закрыл за собой дверь, и в толпе абитуриентов кто-то с уважением сказал:

— Лубенцов.

Неожиданно в памяти Демида возникли лихорадочно блестевшие глаза Аполлона Вовгуры и вспомнился рассказ про талантливого профессора. Неужели это тот самый Лубенцов? Быть не может!

А почему не может? С тех пор прошло немало лет. Давно отбыл срок своего наказания молодой Лубенцов. Только как-то странно встретить его здесь, в университете...

— Этот Лубенцов гений, — сказал какой-то паренек, стоявший рядом с Демидом.

— Только ему ходу не дают, — подхватил другой, — если бы все шло нормально, давно бы был академиком...

— От этого у него ума не убавится, — добавил третий парень, — а ходу ему не дают, это точно, в университете он только спецкурс ведет, или экзаменует, или

консультирует... А все равно, если какой-нибудь аврал, то к Лубенцову бегут.

— А что же он такое сделал, почему ходу не дают? — спросил Демид.

— Не знаю точно, то ли украл что-то, то ли убил кого-то, одним словом, уголовное дело... Очень давнее.

Демид подумал, что дело это действительно давнее и, наверное, нет уже людей, которые помнили бы, за что был осужден профессор. Но на свете существуют анкеты, они никогда ничего не забывают, даже то, о чем хотелось бы умолчать.

«Не мне судить Лубенцова, он уже получил наказание и осудил себя сам, — вдруг подумал Демид. — Еще неизвестно, как другие повели бы себя на его месте... Вот я, например?..»

Мысль была странной, тревожной, но на нее нужно было ответить. Как поступил бы он, застав Лилю с другим парнем? Так же, как Лубенцов?

Нет! Значит, у профессора Лубенцова не такая была любовь, как у него, Демида, а глубже, трагичнее. Лубенцов, наверное, и в науке такой же увлекающийся, одержимый, и потому какая разница в том, академик он или нет, ведь обращаются все-таки к нему, когда возникает необходимость в его помощи. Возможно, и не к нему одному, есть выдающиеся математики в Советском Союзе, не один и даже не два, но и его, Лубенцова, не обходят.

Такие мысли совсем неожиданно и не к месту появились в голове Демида, появились тогда, когда им совсем не следовало бы появляться, потому что из дверей деканата вышла девушка-секретарь и объявила, кто в какой аудитории будет держать экзамен по письменной математике. Демиду надлежало идти в двести пятидесятую, расположенную рядом с деканатом. Аудитория небольшая, столы выстроились в несколько рядов, на стене большая черная доска, мел. Вошел молодой ассистент и сказал:

— У кого экзаменационные карточки с четными номерами, прошу сесть по левую сторону, у кого с нечетными — по правую.

После этого подошел к доске, провел мелом жирную вертикальную черту, разделив ее пополам, и стал писать задания. Написал все десять примеров, по пять для каждой группы абитуриентов, обернулся к экзаменующимся:

— Желаю успеха, товарищи, — и сел к столу, уткнув нос в книгу. Демид взглянул искоса на название книги:

«Артур Хейли. Аэропорт». Читал он этот роман, понравился...

Что ж, возьмемся за алгебру. Он знает, как найти весьма запутанное решение, когда икс и игрек хитроумно спрятаны за множеством маскирующих их элементов, как все свести к четкой формуле.

Скрипнули двери аудитории. Демид взглянул и обмер: вошел Лубенцов, сел рядом с ассистентом. Тот хотел было спрятать книгу, но профессор взял ее, взглянул молча, кивнул, мол, читал, потом перевел взгляд на абитуриентов. Смотрел он так, словно ему было доподлинно известно, чего каждый из них стоит. Демиду почему-то показалось, что взгляд его выражал желание помочь каждому, и это как-то не вязалось со всем, что он знал о Лубенцове. Юноша даже расстроился. Он ясно видел, что профессор добрый, веселый человек, способный на выдумку, шутку, даже на розыгрыш. Руки у него крупные, сильные. И этими руками он...

Демид сощурился не от страха, а, скорее, от удивления и непонимания того, как совершенно противоречивые качества подчас могут существовать в одном человеке. Взглянул на профессора еще раз с острым интересом. Лубенцов заметил этот взгляд. Встал из-за стола, подошел к Хоролу, посмотрел на решенный пример, улыбнулся и сказал глубоким баритоном:

— Спокойно, спокойно, у вас все идет хорошо.

Взгляд, голос экзаменатора были доброжелательны, полны сочувствия.

— Работайте, работайте, — сказал Лубенцов и отошел.

Что ж, Демид будет работать... Наверное, лет двадцать прошло с того дня, когда директор комиссионного магазина сиганул со второго этажа. Можно представить себе, какое лицо было тогда у Лубенцова. И лысины тогда у него, наверное, не было. Послушай, Демид, о чем ты думаешь во время вступительных экзаменов? Тебе нужно тангенс определить, а не о волосах молодого Лубенцова думать. Силой заставил себя сосредоточиться на задаче. Ничего в ней нет особенно сложного. Как орехи, щелкает примеры. Больше того, вот эту геометрическую задачу он решит и так и этак...

Подошел к столу, протянул исписанные формулами листки, но взял их почему-то не ассистент, а сам Лубенцов. Пробежал глазами, передал ассистенту, потом взглянул на Демида, и в глубине его светло-голубых глаз

юноша увидел радость, словно слегка приглушенную страданием.

— Очень хорошо, — сказал профессор, — отношения с математикой у вас добрые. Это приятно. Вы где работаете?

— На ВУМе.

— Еще более приятно. Всего лучшего.

Действительно ли увидел Демид в его глазах отблеск страдания, или сам выдумал? Так бывает, человек видит именно то, что надеется увидеть... Почему это его задевает? Какое ему дело до профессора? Ответить на этот вопрос было трудно, а ниточка отношений между ними все-таки протянулась. Почему? Может, у них родственные характеры?

Вышел, избегая взгляда профессора, и поскорее направился домой. Внизу, в подъезде, на стене подвешены почтовые ящики. В номере сто семнадцатом, как всегда, две газеты: «Молодежь Украины» и «Правда». Кроме того, еще записка. Что за чудо? Он не ждал ни от кого писем. Развернул листок, прочел: «Дорогой, очень прошу, помоги моим друзьям. Зайду завтра вечером. Л.» Дальше были написаны два адреса, совсем рядом живут Лилины друзья. Что ж, он поможет им, конечно. Переоделся, взял инструменты.

Встретили Демида странно: приветливо и одновременно требовательно, словно он не имел права от этой работы отказаться. А может, это только ему показалось? Да, скорее всего так, потому что, когда отлаженный замок исправно щелкнул, закрыв дверь, его искренне благодарили, сказали «спасибо» и попросили и впредь не отказывать в их просьбе, если случится необходимость. В другом доме его встретили как спасителя: кран протекал. Ну, это дело и вовсе пустое, раз, два — и готово. Будьте здоровы, Лилины друзья.

Вернулся домой, поднял трубку детского телефона, нажал кнопку. Ольга Степановна сразу отозвалась:

— Ну, как экзамен?

— Хорошо. Примеры были легкие.

— Поднимайся ко мне. Сочинение по литературе — вот где тебя ждет двойка.

— Бегу, Ольга Степановна.

Зашел в ванную, вымыл руки и задумался. Как-то странно изменились его отношения с жильцами микрорайона. Всегда предлагали ему кто деньги, кто выпивку, а тут никто даже не заикнулся. Странно. А почему

странно? Видишь, какой ты, Демид, оказывается, лицемерный. Помогаешь людям, делаешь это от души, а все-таки хочешь, чтобы тебя благодарили. Да нет, просто все узнали, что ты помогаешь бесплатно, вот в чем дело.

— Ну как, понравился тебе Лубенцов? — сразу спросила старуха, как только Демид переступил порог ее квартиры.

— Интересный человек.

— Не просто интересный — гениальный. Ты, когда поступишь, старайся держаться к нему поближе, ни одной лекции не пропускай.

— Для этого надо еще сдать экзамен...

— Сдашь. Садись, будем работать, сегодня диктант...

Через два дня они снова встретились с Лубенцовым. Устный экзамен по математике он принимал вместе с тем же ассистентом.

Взглянул на Демида, на экзаменационную карту.

— Вы работаете на ВУМе? В каком цехе?

— В шестом.

— Какие тэзы собираете?

— Чаще всего регулирую, а не собираю. У меня четвертый разряд.

— А скажите, пожалуйста, товарищ Хорол, — неожиданно и будто бы не к месту спросил Лубенцов, — вот, например, вам дали смонтировать тэз, часть арифметического устройства, скажем, сумматора. Вы будете монтировать строго по инструкции?

— Конечно. Иначе контроль не примет.

— Это верно. А как работает этот сумматор, вы знаете? Про Булеву алгебру что-нибудь слышали? Про Булевы функции знаете? Или работаете только по инструкции?

Асссистент смотрел на профессора с удивлением: подобные вопросы не входили в программу экзаменов. Может, нужно вмешаться, с этим Лубенцовым никогда не знаешь, в какую историю попадешь. Нельзя же, в самом деле, требовать от абитуриента знания Булевой алгебры. Взглянул встревоженно сначала на Лубенцова, потом на Демида и увидел, что парень почему-то разозлился, тряхнул своей золотисто-медной гривой и спросил:

— А что, разве Булевы функции под силу только профессорам университета?

— Нет, конечно. Но мне хотелось знать, представляете ли вы их себе?

— Представляю.

— И схему какого-нибудь простейшего сумматора можете нарисовать?

— Могу.

— Александр Николаевич, — несмело возразил ассистент, — мне кажется...

— Минуточку, — спокойно перебил его Лубенцов и, обращаясь к Демиду, сказал: — Рисуйте.

Для Демида, который совсем недавно разработал вместе с Павловым сложнейшую схему, это задание было просто детской игрушкой. Нарисовал, показал профессору, тот взглянул, внимательно проверил и сказал:

— Схема производит хорошее впечатление. Будет работать.

— Нет, не будет, — сам пугаясь своей смелости, сказал Демид.

— Почему не будет?

— Вот здесь и здесь недостает двух резисторов.

Лубенцов посмотрел на юношу и вдруг покраснел, а Демид в страхе подался назад. Но профессор неожиданно рассмеялся, весело, от души.

— Александр Николаевич, — снова попробовал вмешаться ассистент, — мне кажется, наш экзамен...

— Проходит в несерьезной обстановке? — закончил его мысль Лубенцов. — Ничего, зато результаты хорошие. Все, молодой человек, можете идти.

— А экзамен?

— Уже сдали. И отлично сдали. Не сердитесь на меня, просто мне хотелось узнать, какие рабочие сейчас работают на ВУМе. Всего вам хорошего, товарищ Хорол.

Демид растерянно посмотрел на экзаменатора, в груди которого все еще клокотал раскатистый смех, пожал плечами и вышел.

— Александр Николаевич, — сказал ассистент, — вы же не знаете человека. А если этот Хорол захочет пожаловаться?..

— Не думаю. — Смех замер в груди Лубенцова. — Он не производит впечатление неграмотного человека, и вообще, получив пятерку, не жалуются.

— Вы думаете поставить ему пятерку?

— Обязательно. Если бы в нашей системе оценок существовали плюсы, я бы прибавил ему еще и плюс. А теперь пригласим следующего, и будем спрашивать его про бином Ньютона и квадратуру круга. Не бойтесь, никаких неприятностей не будет. Лет через десять этот Демид Хорол таких, как я, за пояс заткнет...

Демид вышел из университета взвинченный до крайности. Ничего не скажешь, гениальный профессор, открыл новую систему экзаменов! А если бы он не смог нарисовать схему, тогда что было бы? Двойка? Нет, тогда професссор, наверное, пошел бы по программе десятилетки, успокоил сам себя Демид и неожиданно подумал: «Он меня так экзаменовал, потому что я работаю на ВУМе, а звание рабочего этого завода, хочешь ты того или не хочешь, накладывает дополнительную ответственность... Надо быть образованным... Подумаешь, Булевы функции, великая тайна... Удивил!»

— Демид! — послышалось рядом, и сразу все обиды и беспокойство юноши как рукой сняло: навстречу шла Софья Павловна, не торопясь, будто прогуливаясь. — Ну как твой экзамен?

— Не знаю, что и сказать... Попал к одному гению... К Лубенцову. То ли он действительно чудак, то ли чудит, как и положено гениальному человеку. Удивительные вещи о нем рассказывают...

— Что рассказывают? — Софья насторожилась.

— Да сплетни скорее всего. Просто он очень нестандартный человек. У него в прошлом были большие неприятности, но можно с уверенностью сказать, что они и в будущем у него будут. Спокойно счастливыми бывают только посредственности.

— Вот уж что правда, то правда, — грустно согласилась женщина, крепко пожала ему руку и пошла к университету. Только теперь походка ее стала энергичной, стремительной, похоже было, что Софья Павловна хотела наверстать упущенное в разговоре с ним время.

Юноша поспешил к троллейбусной остановке, раздумывая о Софье Павловне. Очень она изменилась за последнее время. В спортивном зале — решительная, самоуверенная, веселая, сейчас — какая-то грустная и счастливая одновременно, как влюбленная девчонка.

Скоро вечер опустится на Киев, какие еще он принесет неожиданности? В почтовом ящике газеты и записка, уже привычная: «Помоги моим друзьям», дальше — адреса и внизу приписка: «Вечером приду. Л.».

Сердце радостно забилось, когда прочитал эту приписку; как это славно, что на свете существуют такие хорошие, открытые, простые девчата, как Лиля. И женой она будет хорошей, вот только нужно немного стать на ноги, обзавестись хозяйством, а то что за жених, у которого даже брюк приличных нет?

Пришел домой, сразу же взялся за трубочку телефона.

— Ольга Степановна, как вы там? Какой-то был странный экзамен... Помните Лубенцова?

— Рассказывай.

И он рассказал все подробно, ничего не забыв, даже коридорные слухи. И когда старая учительница поздравила его с успешно сданным экзаменом по математике и пригласила вечером заняться диктантом, он отказался:

— Сегодня не могу, много работы.

— Какой работы?

— Слесарной. Людям помочь надо.

— Понимаю, надо... Да, пожалуй, еще один диктант или сочинение ничего не изменят и не решат. Что знаешь, то знаешь. Все будет хорошо, не забывай меня.

И снова краны, замки... Ох, и здорово научился ремонтировать их Демид! И что приятно: благодарят, а о деньгах — ни слова. Видно, твердую репутацию он себе заработал. Что ж, тем лучше.

Лиля прибежала где-то около девяти, веселая, красивая, желанная.

— Как твой экзамен?

— Нормально.

— Я так и знала. Завтра воскресенье, у меня к тебе просьба...

— Опять краны, батареи?

— А разве плохо — людям делать добро? Вечером мы с тобой сходим в кино, погуляем. Одеть бы тебя попригляднее, но ничего: волосы твои все спасают. До чего же красивый цвет, вот бы мне такой! Все-таки нет правды на земле. Мне нужно — бог не дал, тебя наградил, а ты и внимания не обращаешь. Ну ничего, парик себе куплю. Говорят, когда-то во Франции сама королева парики носила.

Поцеловала Демида, прижалась к нему всем телом и исчезла, словно ее и не было, остался только запах духов да отзвук звонкого милого голоса. Что она нашла в нем, Демиде? Волосы? Смешно...

Утром, как всегда в семь, позвонил Ольге Степановне.

— Доброе утро!

— Доброе! Ну как поживает наша литература?

— Все будет отлично, моя дорогая учительница!

Вечером они с Лилей, перед кино, прошлись по бульвару. На лице Лили — гордое презрение ко всем, кто

осмелится подумать о них худо. «Он, конечно, одет еще простовато, но зато красив и мне нравится», — казалось, говорили ее глаза.

Величав и прекрасен бульвар Ромена Роллана ранним вечером. Где-то далеко, за многочисленными домами Борщаговки, садится солнце, и все пространство между ними, и широкая лента бульвара залиты ласковым золотистым светом.

Если вот так гулять по бульвару, то обязательно встретишь людей, которых вовсе не ожидал встретить. Например, Ларису Вовгуру. Идет легко и грациозно, как балерина, весело и задорно поглядывая на встречных. В руке сетка с пакетами молока и консервными банками, видно, была в гастрономе. Взглянула мельком на Демида и Лилю и не узнала, взгляд равнодушно скользнул мимо, лишь чуть-чуть дрогнули ресницы, и, наверное, не остановилась бы, если бы Демид не окликнул:

— Лариска, ты что, зазналась?

— Ах, это ты? — удивилась она. — Извини, я спешила.

— Познакомься, это Лиля, работает на нашем заводе.

Девушки поздоровались.

— Ну, как вы поживаете? — спросил Демид.

— Можно подумать, что ты не знаешь, как мы живем, — не глядя на Лилю, ответила Лариса. — Все по-старому. Что было на Фабричной улице, то и здесь — одинаково. Экзамены сдаешь?

— Сдаю.

Она будто совсем не замечала присутствия Лили, обращалась только к Демиду, и игра эта была такой детской, что Лиля рассмеялась и спросила:

— Ты в какой класс перешла? В седьмой?

— В шестой, — ответила Лариса и добавила: — Простите, мне некогда, мама ждет. До свидания.

Кивнула головой и ушла.

— Хорошая девушка, — заметила Лиля.

— Мы соседями были на Фабричной.

— Ты с ней там, на Фабричной, целовался?

— Ты что, в своем уме? Она же совсем ребенок!

Они пошли в кинотеатр «Лейпциг», на площадь, где пересекается проспект Космонавта Комарова с улицей Гната Юры. Там недавно закончили строить подземно-надземный трехэтажный переход, где никто друг другу не мешает: ни машины трамваю, ни трамвай пешеходам. Демид всегда любовался этим чудесным сооружением, ха-

рактерным для нового Киева, столь не похожим на тесный центр столицы, любовался с восхищением. Для него это был будто наглядный пример, как может воплотиться в сталь и бетон богатая фантазия архитектора. Но на этот раз такое чувство не возникло, а даже наоборот — почему-то вспомнилось, как однажды зимней ночью к нему пришла озябшая Лариса и он оттирал ей пальцы на ноге, прихваченные лютым морозом...

— Эта Лариса произвела на тебя глубокое впечатление, — посмеиваясь, сказала Лиля. — Ты молчишь вот уже целых десять минут.

— Твоя правда, она хорошая девушка и очень несчастная.

— Возможно, она и хорошая, а вот несчастная ли — не думаю. Я ее недавно видела около кафе «Элион» в одной недурственной компании.

— Компании? Какой?

— Как тебе сказать... Опытной компании. Эта компания, если схватит — не выпустит.

— А ты откуда знаешь?

— Бывала в ней, правда, не школьницей. Ну да ладно, вряд ли стоит твоя Лариса, чтобы о ней так много говорили. Идем, скоро сеанс начнется.

Через два дня Демид написал сочинение по литературе, допустив одну орфографическую ошибку и пропустив три запятые. Он стал студентом заочного отделения мехмата. Вернувшись домой, после того как нашел свою фамилию в списках зачисленных студентов, он заглянул к Ольге Степановне и, поздоровавшись, упал в кресло.

— Смешно, — сказал он, — мечты, которые сбываются, перестают быть мечтами и оборачиваются обыкновенной работой. Мечтал я — не передать как — об университете, а поступил — и вместо радости вижу перед собой целую махину работы, шесть лет каторжного труда. Ольга Степановна, а не проще бы было собирать тэзы в шестом цехе и не засорять себе голову всякими мечтами? Получить пятый разряд, хорошо зарабатывать, жениться на хорошенькой девушке, славного мальчонку, смешного и замурзанного, сыном назвать...

— Конечно, проще,— ответила учительница.

— Так зачем же я стараюсь?

— Самолюбие не позволяет. Хочешь быть современным рабочим. По всем статьям.

— Это что, плохо — самолюбие?

— Плохо — себялюбие, а самолюбие — понятие слож-

ное. Иногда, конечно, плохо, а иногда благодаря этой огромной движущей силе делают великие открытия, пишут прекрасные стихи.

— Ну, к таким высотам я не рвусь.

— Может, и не рвешься, но быть в последних тоже не согласишься.

— Ну, и как вы думаете, хорошо это или нет?

— Трудно сказать. Ясно одно: сложно.

Глава четырнадцатая

Просто странно, как мало и как удивительно много — двадцать четыре часа, вмещающиеся в одни сутки. Можно ничего за это время не успеть, а можно переделать гору всяких дел, прямо диву даешься. Работа на заводе, потом разные слесарные дела (чтоб они пропали, столько времени отнимают!), свидания с Лилей (тут время летит — и не заметишь!), а поздно вечером, когда все спят, приятно включить паяльник и поколдовать над своей первой электронно-вычислительной машиной. Пожалуй, это слишком громко сказано, и все же: пусть его машина умеет только складывать элементарные числа — все равно она машина, ЭВМ, иначе ее не назовешь.

Что ж, отнесем свой «собачник» в радиоклуб, подключим к питанию, попробуем щелкнуть тумблером. Все правильно, вспыхнула «единица». Поднимем вверх ручку второго тумблера, должна загореться «двойка», а «единица» погаснуть. Ничего подобного не произошло, как горела «единица», так и горит. Где же кроется ошибка? Отключим осциллограф, возьмем наконечники, посмотрим на схему. Здесь должен быть ток, он и есть. А здесь его не должно быть, а он почему-то есть. В чем же дело? Ага, припай растекся и замкнул два контакта. Ясно. А сейчас как? Щелк, щелк.

Теперь все верно: погасла первая лампочка, зажглась вторая. Пойдем дальше.

Только через день таким же поздним вечером стали исправно загораться все лампочки точно так, как предписано схемой. Сначала Демид чуть было не заплясал от радости. Пришла уверенность в своих силах. А потом сразу пропал интерес к этой машине. Поразительно четко представилась ее простота, примитивность. Захотелось сделать что-то более сложное, интересное... Подожди,

кто-то говорил ему об этом. Кто? А, Павлов, кажется... Все верно: достигнутое уходит в прошлое значительно быстрее, чем нам хотелось бы.

Когда возвращался из радиоклуба и шел по бульвару Ромена Роллана, навстречу попалась компания: впереди парень с гитарой, за ним пара — девушка и коренастый мужчина. Хотел обогнать, не обращая внимания, и почти обогнал, как вдруг послышалось:

— Демид!

Остановился как вкопанный: Лариса.

— Познакомься с моими друзьями.

— Геннадий,— буркнул высокий парень с гитарой, волосы прямые, длинные, доходят до плеч, глаза светлые, нахальные.

— Тристан Семенович Квитко,— отчетливо красивым баритоном проговорил мужчина,— член коллегии адвокатов. Рад познакомиться.

Глаза, слегка прищурившись, смотрели чуть насмешливо, цепко — умные глаза.

Демид, назвавшись, пожал протянутую руку. Он сразу понял, что спутники Ларисы немного навеселе.

— Демид мой давний друг,— пояснила Лариса.— Мы еще на Фабричной улице были соседями.

— Значит, есть основание отметить встречу,— подытожил Тристан Семенович. Лет тридцати, не больше, лицо продолговатое, чистое, короткая черная «ассирийская» бородка красиво оттеняла матовую бледность щек.

— Ты познакомил меня со своей подругой,— язвительно заметила Лариса, — а теперь я рада познакомить тебя с моими друзьями.

— Пойдемте,— настойчиво повторил Квитко,— знакомство надо спрыснуть.

— Спасибо, как-нибудь в другой раз. Мне рано вставать на работу,— отказался Демид.

— Где же ты задержался, у подруги? — снова уколола Лариса.

— В радиоклубе. Извините, мне пора...

Когда отошел на порядочное расстояние, оглянулся: в свете фонарей четко вырисовывались три фигуры — две высокие мужские и в середине тоненькая девичья. «Как под конвоем»,— подумал он, и почему-то стало грустно, больно за Ларису. А почему? Вроде бы все нормально и все-таки... Компания не для нее.

Утром и радости и огорчения минувшего дня как-то приглушились, отодвинулись на второй план, все засло-

пило удивительное событие. На доске итогов соревнования за август месяц была его фамилия.

Вот чего не ожидал, того не ожидал! Работал спокойненько, не думая о славе, а она, оказывается, думала о нем: среди шестерых лучших рабочих и его имя. Не было ни одного случая, чтобы его тэз был возвращен техконтролем на доработку.

Радостная эта минута: сознавать, с каким трудом, преодолевая массу трудностей, ты становишься мастером своего дела.

— Хорошо работал,— поздравил его Валера,— и премия будет хорошей!

— Как нельзя кстати. У меня долги...

— Долги нужно отдавать,— думая о чем-то своем, сказал Валера.

После работы в своем почтовом ящике Демид обнаружил уже привычную записку. Лиля на этот раз просила зайти к ней.

— Видела твое имя на доске Почета,— сказала Лиля, когда он, поздоровавшись и поцеловав ее, сел в кресло.— У тебя сегодня двойная радость. Вот возьми пакет.

Демид, пораженный странным видом Лили, нерешительно спросил:

— Извини, но что ты сделала со своими волосами!

— Не удивляйся — парик. Красиво и главное удобно. Никакой мороки; надел, как шапку,— и все, голова в порядке. Да и модно сейчас, это ведь тоже со счетов не сбросишь. Нравится?

— Тебе идет даже этот дурацкий парик. Красивой женщине — все к лицу. А это что такое? — спросил он, беря протянутый Лилей конверт.

— Твои честно заработанные деньги.

— Интересно! Какие деньги?

— Разве я могла позволить, чтобы ты работал задаром? Здесь сто рублей. Бери.

— Ничего не понимаю...

— А тут и понимать нечего. Я все организовала. Через маму. Она договаривалась с клиентурой, мол, придет слесарь, все сделает на совесть, возьмет недорого. Вот и все.

— Да как ты могла, Лилька! Я тебя просил?..

— Могла! А почему нет? Ты что, эти деньги украл? Ты их честно заработал. На заводе ведь получаешь зарплату, почему же здесь должен вкалывать задаром?

И потом обрати внимание — все заинтересованные лица остаются довольны. Если бы ты работал бесплатно, то людям было бы неловко чувствовать себя твоими должниками. А так расплатились — и у всех на душе спокойно. Представь себя на их месте: пришел человек, починил кран и отказался от денег... А? Как бы ты себя чувствовал?

— Обыкновенно. Мне ребята помогли переехать на новую квартиру и ни копейки не взяли.

— Сравнил! Новоселье — совсем другое дело, это праздник. А ты подумай о человеке, который у тебя работал и отказался от денег. Приятно будет тебе с ним встретиться? Не думаю.

— Я ему тоже чем-нибудь помогу.

— А если случая такого не представится?

И хотя Демид не мог согласиться с Лилей, в словах ее была своя логика. Пусть чуждая ему, но все-таки логика. Основанная на принципе «ты — мне, я — тебе...».

— Потом, и это тоже немаловажное обстоятельство,— продолжала Лиля,— ты попадешь в смешное положение. Как Дон-Кихот, рыцарь Печального образа, в век атомных реакторов. Тебе приятно выглядеть чудаком? Что молчишь? Сказать нечего? Вот и выходит, что права я. И еще: здесь две трети того, что ты заработал, одна треть — маме, за ее труды.

— Все ясно,— сказал Демид, вставая.— Извини, пожалуйста, но это наш последний разговор. Деньги возьми себе.

— Хочешь меня обидеть? — резко спросила Лиля.— Платишь мне?

— Да ты что, Лиля, я и не думал...— испугался Демид.

— Знаю, что не думал, потому и не влепила тебе пощечину. Знаю и то, что таких идеалистов, как ты, жизнь здорово проучит, обломает за милую душу. Так вот, имей в виду: деньги будут лежать, они твои. Захочешь — возьмешь, я человек принципиальный и честный.

Где-то Демид уже слышал подобные слова: «Я человек принципиальный и честный...» Ну, конечно, их любил повторять Трофим Иванович Колобок, благодетель Демида.

— А сейчас уходи. А то, не ровен час, я рассержусь и наговорю кучу обидных слов, и тогда тебе прийти ко мне будет трудно. Замуж за тебя я не пойду, не надейся, хотя ты мне и нравишься...

— Всего хорошего,— сказал Демид, повернулся и вышел.

Укорять себя ему было не в чем: он поступил правильно. Грустно, конечно, и больно, но он не барышня, раскисать себе не позволит. Нужно приниматься за серьезные дела. Десятого сентября начнется экзаменационная сессия на факультете, продлится десять дней. Еще есть время подумать над тем, какой будет его следующая электронно-вычислительная машина. Делать простейшее сложение мы уже научились. Здесь действуют самые обыкновенные тумблеры. А что, если сделать машину с кнопками? Нажал на кнопку — по схеме побежал импульс, нажал на другую — другой импульс, третий, четвертый, десятый. Машина точно запомнила бы, подсчитала, сколько их было, а потом выдала число, зажгла бы соответствующие лампочки. Это куда сложнее, и схема тоже будет сложнее. Можно спроектировать такую машину? А чего хитрого? Подумаем и сделаем.

Через две недели, в субботу, где-то около полудня, Демид Хорол пошел к Колобку. На этот раз дверь открыла не внучка титулованной особы, а сам Трофим Иванович, в домашнем новом бархатном халате, важный и гордый, даже, можно сказать, величественный.

В квартире стояла неживая тишина.

— Как вы поживаете, Трофим Иванович? — спросил Демид, входя вслед за хозяином в его комнату.

— Как мне и надлежит. А как ты в своей глухомани? Устроился?

— Еще не совсем, но понемногу обживаюсь. Я очень рад вас видеть, Трофим Иванович!

Слова прозвучали искренно. Теплая волна далеких детских и юношеских воспоминаний прихлынула к сердцу. Колобок причинил ему немало зла, но в трудную, решающую минуту не бросил, поддержал.

— Я тоже рад тебя видеть. И хочу тебе сказать, что пришел ты в самое время. Дело в том, что скоро должно состояться мое обручение с Анастасией Петровной Груевской, а через год — свадьба.

Демид посмотрел недоверчиво: смеется или серьезно говорит Колобок? Но Трофим Иванович и не думал смеяться.

— Понимаешь,— продолжал он,— в нашей обычной жизни мы все простые люди. Но есть еще и другая

жизнь, она глубоко таится в наших душах, это жизнь аристократов. Внешне это никак не проявляется. Анастасия — билетерша в кинотеатре, я скромный бухгалтер, но дома, оставаясь наедине с собой, мы становимся элитой, людьми благородной крови...

«Он произносит не свои слова. Как Лилька»,— подумал Демид, а вслух сказал:

— Мне трудно вас понять, мои предки — рабочие.

— Так и должно быть,— глубокомысленно изрек Колобок.— Видишь, дело в том, что люди моего происхождения должны иметь доказательство этого. Обручение объявим, но свадьба может состояться лишь тогда, когда у меня на руках будут эти документы. Точные, безупречные, подтверждающие мою высокую родословную.

Расстроенный Демид подумал, а не сбегать ли вниз к телефону-автомату и не вызвать ли «Скорую»? Но Колобок опередил его.

— Ты, может, сейчас думаешь, не свихнулся ли я часом,— так же медленно и значительно сказал он,— так вот, психика моя в полном порядке. Просто категории, которыми я оперирую, настолько в нашей жизни непривычны, что кажутся смешными. Подумал, что я не в своем уме?

— Подумал,— признался Демид.

— Вот видишь. А я абсолютно здоровый человек. Ты задолжал мне много денег, около четырех тысяч.

— Да...

— Я благородно разрешил тебе начать уплату долга с первого ноября, понимая, что устроиться на новом месте тебе будет нелегко. Теперь этот срок приближается, и я хочу спросить тебя: как ты собираешься рассчитываться со мной?

— Каждый месяц буду приносить вам восемьдесят — девяносто рублей.

— Сколько ты зарабатываешь?

— Сто пятьдесят — сто шестьдесят.

— Ясно, значит, ты намерен отдавать половину своей зарплаты. Что ж, вообще говоря, это честно с твоей стороны, но, посуди сам, выплата долга растянется на тридцать девять месяцев. Немыслимо долгий срок, ждать столько я просто не могу! Деньги мне необходимы не позже чем через год — первого ноября. Люди, знающие, где и в каких архивах можно отыскать документы о моей родословной, уже работают, и труд их должен быть оплачен. Свадьба тоже влетит в копеечку. Простой поп

не может венчать внучку камер-фрейлины. К счастью, согласился архимандрит... за две тысячи...

Демид невольно улыбнулся.

— Я выгляжу смешным? — сразу забеспокоился Колобок.— Пойми меня правильно, я не требую, а убедительно прошу: заработай, займи у кого-нибудь эти деньги к ноябрю будущего года. Работа в архивах отнимает уйму времени, но первого ноября она будет закончена, и моя родословная, или, точнее, генеалогическое древо, будет в полном порядке. И не забывай о благодарности: ведь я не отдал тебя в интернат.

— Это правда,— сказал Демид,— хотя сейчас интернат почему-то не кажется мне страшным. У нас работает много ребят, воспитанников детдомов, мой бригадир например.

— Прежде ты не относился к этому так спокойно.

— Мал был и глуп. Значит, в месяц я должен буду вам отдавать около трехсот рублей?

— Триста двадцать три рубля и сорок пять копеек.— Он вдруг резко вытянул руку с растопыренными пальцами и с силой опустил ее, будто намереваясь раздавить кого-то. Жест был и в самом деле театрально-величественным.— Пойми, от этого зависит мое счастье!

Сказал так, что мысль Демида о его безумии исчезла. Перед ним был человек, охваченный странной, немыслимой, но, безусловно, глубокой страстью.

— Вы так ее любите?

— Кого? — удивился Колобок.

— Анастасию Петровну?

— Да, я влюблен, и она меня тоже полюбила.

— Значит, триста двадцать три рубля? — повторил юноша.— Много...

— Не больше того, что я потратил на тебя.

— Ладно,— вдруг посуровев лицом, словно принимая решение, сказал Демид,— может, так и лучше. Одним махом...

— Но не вздумай красть,— предостерег Колобок.

— Постараюсь...— ответил Демид.

— Выходит, договорились?

— Да, договорились.

Демид вышел на осеннюю улицу Воровского, и красота родного Киева снова очаровала его. Удивительный это город, все в нем есть: и Золотые Ворота, через которые когда-то выходили воины на поле брани, и ВУМ с его мудрыми машинами, и метро, пронзившее древние Киев-

ские холмы, и прекрасные соборы. В этом городе живет и Семен Павлов, наладчик сложнейших электронно-вычислительных машин, способных обеспечить стыковку спутников в космическом пространстве, и внучка бывшей камер-фрейлины Анастасия Петровна, которая способна всего-навсего отрывать корешки у билетов в кинотеатр. Все в нем есть, в этом прекрасном осеннем Киеве, где сейчас медно краснеют опавшие листья каштанов и клены, как по команде, сбрасывают свою листву сразу за одну ночь.

А теперь — бегом до остановки трамвая и к себе на Борщаговку. Все верно... Нужно заработать эти деньги, вернуть долг, чтобы раз и навсегда забыть про Колобка.

Забыть? А он тебя семь долгих лет разве забывал? Ничего нельзя забывать. Ни добра, ни зла. А больше всего надо чтить добро, запомни это на всю жизнь, Демид.

Возле Лилиных дверей позвонил уверенно, без колебаний.

— Ну, вот и ты! — радостно встретила его Лиля, и едва заметный пушок на верхней губе дрогнул в улыбке.— Видишь, я же говорила, что ты придешь.

Потянулась к нему, обняла, поцеловала, будто ничего между ними не произошло, будто совсем недавно не распрощались они навсегда.

Демид посмотрел на нее. Словно не видел давным-давно: красивая, молодая, славная, и ему ничего, кроме добра, не сделала.

— Пришел, потому что понял — ты права,— сказал Демид. — За честную работу не стыдно получать достойное вознаграждение. Позови Гафию Дмитриевну.

— Интересно, послушаем, что за идеи пришли тебе в голову. Мама!

Женщина вошла, недобро взглянула на Демида, хмуро поздоровалась и опустилась на стул, стоявший около дверей. Напряженное лицо выдавало настороженность.

— У Демида появилась новая идея,— обратилась к ней Лиля.— Ну, Демид, выкладывай.

— Мне необходимо заработать около четырех тысяч,— сказал Демид.

— Немало,— сухо заметила Гафия Дмитриевна.

— Люблю широкий размах,— засмеялась Лиля.

— Причем они мне нужны в этом году, к ноябрю,— добавил Демид.

— Для этого придется, не ленясь, поработать,— скупо процедила женщина и крепко сжала губы.

— Знаю. Каждый месяц мне надо класть на книжку триста двадцать три рубля и сорок пять копеек.

— Здорово ты все подсчитал, мне это нравится,— снова засмеялась Лиля.

— Мне тоже. Рублей сто я смогу отрывать от зарплаты. А остальные придется прирабатывать.

Сказал и снова взглянул на постное лицо Лилиной мамы, на ее поджатые бледные губы, взглянул и подумал, что она, пожалуй, не такая уж и старая, вот только эти злые губы прибавляют ей возраст.

Лиля смотрела на Демида как-то недоверчиво, но с явным интересом.

— А можно узнать, зачем тебе вдруг понадобились такие деньги?

— Хочу дом купить,— и на мгновение запнулся,— есть подходящий и недалеко, в Буче. Отец одного моего товарища продает. Сын вернется из армии в будущем году, первого ноября, и сразу женится. У них квартира в Киеве, а у невесты дача в Ирпене. Зачем им две дачи?

Демид видел, как алчно загорелись глаза у Гафии Дмитриевны.

— Хорошая идея,— медленно сказала Лиля.— Разведешь поросят, кур, уток... Знаешь, сколько на этом деле можно заработать?

— Пока не знаю, но узнаю со временем. Гуси и утки — дело хорошее. Да и на завод близко. Электричка...

— Думаю, что смогу тебе найти работу,— после недолгого молчания, мысленно ведя свой подсчет, сказала Гафия Дмитриевна.

— Буду вам благодарен,— обрадовался Демид.— Я готов к любой работе.

Демид ушел, а Лиля продолжила разговор с матерью.

— Дом, конечно, хорошая затея, только что-то мне не верится... На него это не похоже. По-моему, он темнит.

— Ты хочешь иметь этот дом?

— Я? Зачем он мне? Это не мои масштабы — дом, дача. Смешно! Но мне хотелось бы понять этого паренька...

— За год все выяснится. За год он свои четыре тысячи возьмет, и мы в накладе не останемся.

— Да, за год много воды утечет,— задумчиво сказала Лиля,— и никто не знает, где я окажусь за этот год.

— Теперь что-то темнишь ты,— рассердилась женщина и вышла.

Глава пятнадцатая

Валера Пальчик, бригадир и комсорг, как бы забыв о Демиде, целый год не давал ему никаких общественных поручений. Вспомнил о нем в самое неподходящее время, когда тому просто вздохнуть было некогда, спать приходилось часа четыре-пять, не больше. Работа на заводе, ремонт сантехники, сессия в университете... Вот тут-то и объявился Валера со своей инициативой. Подошел к Демиду, собиравшему в этот момент таймеры (электронные часы), и сказал:

— Тебе не кажется, Демид, что настала пора проявить свою гражданскую активность?

— Нет, не кажется. Мне дух перевести некогда...

— Знаю, в университете учишься, зимнюю сессию сдал. Прямо скажем, не отлично, даже посредственно, но все-таки сдал! По математике — пятерка, а остальные — тройки.

— Так и должно быть,— хмуро буркнул Демид,— времени у меня не хватает на пятерки по другим предметам.

— Вот я и хочу, чтобы в твоей многогранной жизни (показалось Демиду, или в самом деле промелькнула в словах бригадира насмешливая нотка) нашлось немного места не только для личной, но и для общественной работы.

Тон разговора какой-то странный, вроде бы и шутливый и одновременно серьезный. Может, знает Валера о Демиде куда больше, чем кажется тому на первый взгляд. Может, и про Лилю Барсук знает, и про маму ее, Гафию Дмитриевну?

Отчего такие неуместные мысли лезут в голову, ведь Валера говорит совсем о другом?

— Послушай меня внимательно,— продолжал комсорг,— и не отвлекайся в мыслях, у тебя есть странная способность отключаться во время разговора, толкуешь тебе о серьезных вещах, думаешь, что ты слушаешь, все понимаешь, а ты, оказывается, в эту минуту перенесся в четвертое измерение или на другую планету...

Славный ты, конечно, парень, Валера, но тебе бы так повкалывать, как приходится вкалывать ему, Демиду, и у тебя появилась бы эта способность переселяться не то что на другие планеты, но и в другие галактики. Усталостью она называется.

— Ты меня слушаешь?

— Слушаю.

— Комсомольское поручение не сложное. Раз в три месяца организовать коллективный поход в кино или в театр. Согласен?

— Конечно, у меня есть хороший консультант. Картины можно любые смотреть, и заграничные тоже?

— Какие хочешь, лишь бы были хорошие. Обойди в обед всех ребят и девушек и каждому вежливо скажи, мол, приглашаю в кино на коллективный просмотр. Задание ясно?

— Может... Может, немного позже?

— Не вижу причин для проволочки. Такие походы сплачивают коллектив, но учти — они абсолютно добровольны, понимаешь? Хочет парень — идет, не хочет — не идет.

— А если желающих будет мало?

— Ничего страшного. Не паникуй и не волнуйся, если сначала нас будет трое. Потом ребята заинтересуются. Не тяни за руку, не принуждай, а приглашай, в этом весь секрет. И если человек не хочет, не высказывай сожаления, не убеждай. Вот только выбирай хорошие картины.

— А кто эти трое?

— Ты, Ганя и я.

— Тогда нас будет четверо, еще мой постоянный консультант, большой специалист в области кино — Ольга Степановна, да ты ее знаешь, перевозили нас вместе с Фабричной улицы.

— Она всех наших девчат приворожила, когда выступала у нас. Рассказывала, как была радисткой во время оккупации. Учит их вязать свитеры и рукавички. Очень умная женщина. Удивительно, была разведчицей, теперь рукавички вяжет.

— Когда же она выступала? Почему я не знал?

— Месяца три назад, Данила Званцов организовывал.

— А ты всем даешь комсомольские поручения?

— Не ошибся. В том и состоит на нашем заводе комсомольская работа, чтобы понемногу, но всем. А потом, как посмотришь, из этих мелочей выросла целая гора.

— Хитрый ты, Валера.

— Нет тут никакой хитрости. Просто знаю, что комсомольская организация тогда становится комсомольской организацией, когда каждый ее член, кроме социалистических обязательств, выполнения плана, помнит еще и о том, что он и в обычной жизни комсомолец.

— Может, это и справедливо. Хорошо, организую культпоход.

— Вот и договорились... Что ты с этим тэзом морочишь себе голову? Ведь все в порядке, в границах допуска.

Валера взял тэз, вставил в разводку испытательного стенда, щелкнул тумблером.

— Смотри, все готово.

— Правильно, но этот параметр меня не устраивает. Он на границе нижнего допуска, а я хочу, чтобы он имел небольшой запас, чтобы была полная уверенность.

— Настырный ты парень, Демид, упрямый.

— Уж какой есть.

Как ни мало у тебя времени, скольких заказчиков не нашла для тебя Гафия Дмитриевна, а комсомольское поручение выполнять нужно. Ну что ж, сходим в кинотеатр, тем более что он совсем рядом, а пока посоветуемся с Ольгой Степановной.

— Идет хорошая картина,— сказала учительница,— «Белорусский вокзал». Я ее еще раз посмотрю с удовольствием. Жаль, редко теперь ходим с тобой. Хорошо было прежде, когда ты в школе учился... Я тогда была молодая...

И она вздохнула грустно и мечтательно. В то время, когда они с Демидом впервые пошли в кино, ей было около семидесяти. Странно меняются представления о возрасте в зависимости от времени.

— Меня с собой возьмете?

— Ольга Степановна, о чем разговор? Я всем девчатам скажу, что вы с нами пойдете. Вот увидите, как все будут рады.

Хорол не стал откладывать дело в долгий ящик. Поговорил с комсомольцами и через несколько дней, пройдя через служебный ход кинотеатра, остановился перед дверью с табличкой «Директор». Очутился с глазу на глаз с полным, хорошо выбритым и тщательно причесанным мужчиной, подтянутым, видимо, по многолетней привычке бывшего военного. Даже обычный штатский костюм сидел на его ладной фигуре безукоризненно, как китель. С небольшой проседью усы подстрижены щеточкой, галстук подобран в тон рубашки. Демид подумал, что директор по меньшей мере полковник в отставке.

— Прошу,— директор ответил на приветствие паренька и указал на стул,— в вашем распоряжении только пять минут.

Демид не мог понять, чем был так занят директор кинотеатра: возможно, сказывалась давняя военная привычка экономно расходовать время.

— Мы хотим провести культпоход на фильм «Белорусский вокзал».

— Кто это «мы»? — спросил директор.

— Комсомольцы шестого цеха ВУМа.

— Молодые люди, вы прекрасно придумали, этот фильм рассказывает о боевых традициях, о дружбе, патриотизме и взаимовыручке. Я должен вам сказать...

Что он хотел сказать, осталось для Демида неизвестным: все его внимание сосредоточилось на ключе от сейфа, лежавшем на столе директора. Сейф же возвышался стальной глыбой за его креслом. Демид, едва взглянув, сразу определил: Загорский завод, выпуска шестидесятого года. Потом еще раз задержал взгляд на ключе. Именно так и записано в книге Вовгуры. Две бородки, на каждой по семь выступов, первый и последний самые высокие, средний — самый низкий, и от него ступеньками поднимаются остальные. Интересно, можно ли запомнить все четырнадцать размеров? Нет, невозможно. А десять можно? Тоже трудно, но, скажем, пять-шесть — возможно наверняка.

— ...В этой картине показаны...— рокотал мощный бас директора.— Молодой человек, вы меня слушаете?

— Слушаю,— вздрогнул Демид.

— А мне показалось... Сколько комсомольцев собирается в культпоход?

— Шестьдесят два человека.

Демид и сам не знал, почему многие охотно откликнулись на его призыв.

— Небогато. Некоторые ваши цехи берут по двести билетов. Деньги вы можете передать мне.

— Пожалуйста.

Директор пересчитал деньги, поднялся, открыл тяжелые стальные дверцы сейфа, спрятал пачку в глубине стальной прямоугольной пещеры, закрыл, сел в кресло, положив ключ перед собой, и начал писать расписку.

Ключ лежал на столе и, как магнит, притягивал взгляд Демида. Да, пять размеров он может легко запомнить, четыре последних известны. Неужели машина, обобщая весь опыт Аполлона Вовгуры, не сможет определить трех параметров, которые не запомнились? Возможно, что и определит... Подумал об этом и неожиданно улыбнулся: зачем ему все это?

— Я не понимаю вашей улыбки, молодой человек,— вдруг обидчиво заметил директор.

— Улыбки? — удивился Демид и, спохватившись, добавил: — Да это я своим мыслям улыбаюсь, над собой смеюсь.

Демид взглянул еще раз на ключ. Сможет он записать порядок выступов ключа, когда выйдет из кабинета? И тут же рассердился на себя: уж не грабить ли задумал? Нет, конечно же, нет. Но в голове уже рождалась мысль о новой, сложной машине, о работе, которая даст толчок смекалке, проверит знания. Это не примитивный сумматор смоделировать, здесь придется как следует поломать голову.

Оказавшись в коридоре, он попробовал представить ключ, потом на оборотной стороне расписки записал ряд чисел, обозначающих размеры выступов. Интересно, если бы сравнить эти записи с ключом, сошлись бы они? Аполлон Вовгура имел натренированную память, она словно фотографировала ключ. Ну, а Демиду такая память ни к чему...

И все-таки, сможет он создать такую машину?

— Ты прирожденный культорг,— сказал Валера, когда выходили из кино,— фильм действительно хороший.

— А народу было мало.

— Ты недоволен собой?

— Да. Другие цехи по двести билетов берут...

— Выходит, тебе есть над чем подумать.

На этом они и распрощались. А киевское вечернее небо рвал злой ветер, хлестал по улицам ледяным дождем, сыпал снегом, налетал порывами, пронизывая стужей до костей.

— Без тебя я бы и не добралась до дома,— уже в подъезде, отдышавшись, сказала Ольга Степановна,— теперь ты редко ко мне заходишь.

— Работы много...

— Оно, конечно, так, только всю ее не переделаешь. Не много ли взвалил себе на плечи?

— Нет, в самый раз.

— Ну, смотри, тебе виднее. Доброй ночи.

— Мне до ночи еще далеко.

И хотя на улице было темно, для Демида восемь часов — еще не вечер, можно успеть вдоволь поработать. Что ему написала Гафия Дмитриевна?

Переоделся, взял инструменты, собрался было идти, но в этот момент в дверь позвонили. Открывал удивленный: вроде бы и не ждал никого.

— Лариса! Ты? Проходи, пожалуйста. Давно тебя не видел...

— Ты только пришел или собираешься уходить?

— Собираюсь идти.

— Извини, что я вот так, вдруг... Но у меня, кроме тебя, нет никого, к кому бы я могла прийти запросто, без приглашения... Мне надо переждать, пока отец угомонится, а на улице — светопреставление.

— О чем разговор, проходи, раздевайся.

Лариса сняла шубку, шапочку, прошла в комнату. Демид залюбовался ею: какая славная растет девушка. Высокая вытянулась, стройненькая. Глаза большие, глубокие, утонуть в их глубине можно...

Села в кресло, форма на ней школьная, не успела и переодеться, видно, прямо из школы нарвалась дома на пьяного отца и убежала. Нос покраснел, плакала, видно. Устроилась удобнее в кресле, положив ногу на ногу, посмотрела на Демида, сказала:

— Ты иди, куда собирался, а я, с твоего разрешения, немного у тебя посижу. Поздно вернешься?

— Не знаю, все будет зависеть от того, какая подвернется работа.

— Работай спокойно. Я побуду часов до одиннадцати, пока он утихомирится и уснет.

— А как же мама?

— Маму он сейчас не трогает. Почему-то всю свою пьяную злобу обрушивает на меня. Почему — не знаю. А трезвый на руках готов носить, пылиночки сдувать... Вот так бывает в жизни. Ты прости, что я тебя беспокою, но ведь не каждому скажешь, какая дома беда, стыдно... А ты знаешь, ты свой, и я тебя не стыжусь. Спасибо тебе...

— Ну что ты, Лариса! Что ты такое говоришь? Да как же иначе? Приходи всегда, я рад тебя видеть. Слушай, а ничем нельзя помочь? Может, полечить бы его?

— Лечили уже несколько раз. Месяца три не пьет, потом снова-здорово. И сегодня сорвался. Ну, иди...

— Дождись меня, поужинаем вместе, у меня масло, колбаса на кухне. И домой я тебя провожу.

— Хорошо.

Демид вышел, позвякивая инструментами, и на сердце было так же скверно, как и в небе, что обрушилось на

землю злым дождем и снегом. Как помочь девушке? Что он может сделать? Ничего. Вот и выходит, что, когда человеку горько живется, он один. Да, нелегкая штука жизнь.

Работы было много, в трех квартирах, и Лариса, не дождавшись его, ушла. На тахте лежал один из томов Вовгуры. Рядом расписка директора кинотеатра с рисунками ключа, и тут же стояли три вопросительных знака. Демид сунул ее в эту книгу просто так, не зная почему, даже улыбнулся тогда, подшучивая над собой: «Продолжаю работу Баритона».

Под рисунком была какая-то приписка. Приглядевшись повнимательнее, прочел: «А это от чего ключ?» — спрашивала Лариса.

Демид в сердцах отбросил записку, проговорил вслух:

— Нет, девочка, ошибаешься. Не пойду я его дорогой, не пойду.

А Ларису жалко, так жалко, что сердце сжимается от боли. Ведь она пока в девятом классе, ребенок еще... Если будет нужно, он защитит ее, чего бы это ни стоило, защитит. Нет, милая Лариса, ты в беде не будешь одинока!

Он не знал, что в это мгновение случилось, пожалуй, важнейшее событие в его жизни; появилось желание взрослого человека, мужчины, защитить слабого, уберечь от беды девушку. Демид взглянул на старый будильник, доставшийся ему в подарок от Альберта Лоботряса. Тот сказал, что выкинет его, если Демид не возьмет. Этот допотопный будильник в сравнении с системой, точной до секунды, видите ли, оскорблял глаза его любимой Роксаны. Показывал он сейчас без четверти двенадцать. Час и сорок пять минут у него еще есть на работу. Будильник зазвонит в шесть тридцать. Пять часов на сон вполне достаточно. Руками он сегодня наработался, теперь пусть потрудится голова.

Удивительная наука — математика, только не та, которая «дважды два — четыре», хотя и без нее не обойдешься, а высшая. Правда, до нее ему еще идти и идти, через такие научные дебри продираться, страшно становится, когда подумаешь, зато числа для него перестают быть мертвыми, они будто бы оживают, превращаясь в обобщенные понятия, слагаются в поразительно стройную систему. Давно люди придумали изречение: «математически точно». Если строго говорить, то математика не такая уж и точная наука, ведь точно определить, чему

равняется третья часть обыкновенной единицы, почти невозможно. 0,3333... Эти тройки можно писать до бесконечности, необходимая величина будет приближаться к своему точному определению, но никогда к ней не подойдет. И, возможно, в том, что математика не может быть абсолютно точной, есть своя привлекательность, своя притягательная сила. Демид давно заметил: все законченное, сделанное, известное для него утрачивает первоначальный интерес. Так было, к примеру, с его первой собранной системой, так будет и с будущими. А почему? Потому, что идет он пока пройденным путем. Настоящий интерес появится тогда, когда он найдет свой собственный путь, еще никем не пройденный. Ну что ж, его стоит поискать.

Пример с тройками примитивный, но в высшей математике есть области, где далеко не все ясно, вот в этих-то областях и лежат важнейшие открытия будущей науки. Демид как-то на консультации сказал об этом Лубенцову. Они тогда сидели вдвоем в аудитории, кроме него, на консультацию из заочников никто не пришел (заочников вообще мало на мехмате). Профессор выслушал Демида и быстро взглянул на него, взгляд выражал живой интерес. Он долго молчал, размышляя над чем-то, потом сказал:

— Не хотели бы вы перейти на очное отделение? Пока вы молоды, очень молоды и сил у вас много, вы не должны упускать эти годы зря. Наука этого не простит вам потом. У вас математический склад ума, вы мыслите в математике образами, а это — редкостный дар. Мне самому математика иногда представляется не системой формул, а системой образов...

Странный все-таки этот профессор и рассуждает как-то не по-научному. А может, она и должна быть такой, современная наука, современная математика,— сложной, гибкой? Разве мало примеров тому, как понятия, представлявшиеся вначале неколебимо точными, со временем пересматривались, уточнялись. Вот дознались люди до строения атома; казалось, все, наконец-то докопались до самого дна, до простейших частиц — протона и электрона. Но не тут-то было: протон взял да и поделился, и не просто пополам, а конца края нет этому дроблению. А теперь открыли кварки. Что это за штука такая, пока трудно сказать, но доказали, что присутствие их многое объясняет в строении атомного ядра. Вскоре выяснилось, что и кварки, в свою очередь, можно разделить, и так до

бесконечности, как бесконечна и разнообразна сама природа...

— Ну так как же с переходом на основной курс?

— До нового года не могу.

— Почему?

— Деньги зарабатываю.

— Деньги? Странно... Зачем они вам, вы же пока один?

— Как сказать... У человека может быть мать или сестра, отчим, наконец...

— Простите,— спохватился Лубенцов.— Тут, конечно, вам виднее, и я не хочу вмешиваться в ваши личные дела. Но все же... Если надумаете, скажите, я вам охотно помогу.

— Спасибо.

И совсем неожиданно они протянули и крепко пожали друг другу руки.

Когда Демид вышел из университета, он снова, как и прежде, увидел Софью Павловну. Она стояла у красной колонны, освещенной косым лучом прожектора, и, по всей видимости, кого-то ждала.

— Здравствуй, Демид,— приветливо улыбнулась она.— Закончилась консультация?

— Закончилась,— удивившись ее осведомленности, но не обнаружив своего удивления, сказал Демид.— Как поживаете, Софья Павловна, у вас все хорошо? Помочь ни в чем не нужно?

— Спасибо, Демид, все славно.

— Я рад.

Глава шестнадцатая

Теперь он лежал на тахте с учебником, но почему-то не читал, а думал о Лубенцове, о Софье Павловне, о Ларисе, о том, как формулы могут превращаться в образы, и вообще, возможно ли это?

Этого не поймешь, пока не освоишь ту элементарную премудрость, которую до тебя уже постигли миллионы и миллионы студентов. И хоть тебе хочется спать, так что слипаются веки, ты будешь читать и делать выписки до половины второго, когда, наконец, можно позволить себе уснуть, и ты уснешь, как убитый, а в шесть тридцать зазвонит будильник, и ты, не позволив себе полежать и минуты, вскочишь с постели и — прямо под холодный душ (потому что иначе тебе просто не проснуть-

ся), и снова начнется день, и красивая работа в цехе, и необходимые заработки по адресам Гафии Дмитриевны, и еще случайный приработок, когда кто-нибудь попросит отремонтировать приемник, подрегулировать телевизор, и все это для того, чтобы первого ноября состоялась свадьба шляхетного Колобка... И он все выдержит, все сделает, потому что твердо решил всегда держать свое слово.

Первого марта Гафия Дмитриевна снова отдала ему заработанные деньги и сказала:

— По моим подсчетам, у тебя на книжке уже значительно больше тысячи.

— Нет, не значительно, — вздохнул Демид, — а вообще-то, вы почти попали в точку.

— Дом твой стоит?

— А куда он денется?

Лиля выглянула из своей комнаты, окинула его хмурым взглядом.

— Ты что такая сердитая? Случилось что?

— Настроение скверное. Жить красиво хочется, а ты мало работаешь.

— Вот чего не могу тебе обеспечить, того не могу. А работать больше просто не в состоянии, времени в обрез,— засмеялся Демид, он вошел вслед за Лилей в комнату, осторожно присел на краешек кресла, чувствуя, как она следит за каждым его движением: не дай бог испачкает своей спецовкой золотистую обивку или поцарапает полировку. Протянул руку, чтобы коснуться девушки, прижать ее к себе, и неожиданно почувствовал, что совсем не хочет этого. Что за напасть?

— Ты можешь внимательно выслушать меня? — Лиля лукаво улыбнулась, прищурила глаза.— Продается шубка... ничего особенного, дубленка, но канадская. Сделай мне подарок.

— После первого ноября.

— Ну, конечно, тебе и в голову не приходило сделать мне подарок... Что ж, подождем до ноября.

— Лиля, ты же знаешь...

— Знаю, все знаю...

— Вот и хорошо,— снова потянулся к ней и снова почувствовал неискренность в этом движении. Что-то изменилось в нем...

— Видишь,— сказала Лиля,— ты переменился, ты даже любишь меня не так, как прежде. Но мне все равно. Иди!

— Лиля, что с тобой?

— А ты не знашь? Я ревную. К этой твоей рыжей красотке ревную, что к тебе по вечерам прибегает.

— Какой красотке?

— Ларисе. Скажешь, неправда?

— Она была у меня один раз. И потом, она же ребенок, опомнись!

— Хорош ребенок! Одним словом, знай: если хочешь видеться со мной — чтобы и духа ее не было.

— Ты это напрасно. Мы же друзья детства... По-твоему, я ее должен выгнать?

— Я повторять не люблю. Узнаю, что она была у тебя,— между нами все кончено.

— Как хочешь. Ты же прекрасно знаешь о нашей давней дружбе.

Демид поднялся, внимательно посмотрел на девушку. В его синих глазах под строго сдвинутыми бровями иногда появлялось вот такое характерное выражение — недоумение и осуждение одновременно.

— Ты что же думаешь, я могу встречаться с тобой и одновременно с кем-то еще?..

— Извини.

Лиля неожиданно подумала, но не решилась произнести вслух, что он ни разу не сказал ей «люблю». Подумала без горечи, без обиды, и тут же пришла успокоительная мысль о том, что Демид привязан к ней крепкой веревочкой, которую так просто не оборвешь. Оказывается, этот паренек деньги любит, дом собственный, видите ли, захотел иметь... Смотри ты, как вкалывает! Будто каторжный. И не подумаешь, глядя на него. И потом, что за нужда ей волноваться: замуж за него она ведь не собирается, но и ссориться тоже незачем.

— Странный у нас с тобой разговор,— сказала Лиля, хотела смягчить тон, но не смогла,— а Лариса твоя, дите твое, уже давно не ребенок. С Геннадием-гитаристом гуляет, с Данькой Званцовым водится, с адвокатом Тристаном Квитко крутит, с тобой...

Эффект от этих слов был неожиданным: Демид от души, весело рассмеялся:

— Ежели она со всеми крутит так, как со мной, то она и в самом деле опытная девчонка. Ох, и злая ты, Лилька! Ты же знаешь, что говоришь неправду, а плетешь? Зачем? Что, приятно Ларису грязью вымазать?

— Она этого заслужила!

— Сплетня останется сплетней, и честного человека

грязь не коснется. Или ты хотела меня уколоть? Пустой номер. О людях у меня свои представления.

Лиля видела, что так оно и есть: отравленная стрела пронеслась мимо и не задела его сердца. Захотелось тут же сорвать на нем свое зло, вспылить, накричать, но она сдержалась.

— Хорошо, поживем — увидим. И поговорим еще. Я как-нибудь загляну к тебе.

— Буду рад. Только сначала спроси у мамы, она знает, когда я работаю, а когда бываю дома.

— Мама, идите сюда,— позвала девушка, когда за Демидом закрылась дверь.— Посоветоваться надо. Что-то не нравится мне его настроение.

Гафия Дмитриевна вошла, неся невысокую табуретку, села на нее, словно бедная родственница у двери, взглянула на дочь серыми неласковыми глазами, губы по привычке поджала.

— О чем советоваться-то?

— О жизни, мама. Во-первых, надо бы вожжи, на которых вы держите Демида, немного пообслабить. А то, не ровен час, ваша покорная лошадка или надорвется, или взбунтуется. И полетят тогда все наши планы вверх тормашками. В электронно-вычислительной технике есть понятие — тайменг. Это точный расчет времени, когда каждый импульс в машине должен приходиться строго на свое место, в свое время. Так и в жизни: если мы что-то планируем, то надо все точно рассчитать и продумать.

— Что-то мудрено говоришь...

— Сейчас все поймете. Когда, по вашим расчетам, у Демида на книжке должна быть полная сумма?

— Если будет работать так, как работает, то где-то в конце декабря, к Новому году.

— Нужно, чтобы все деньги у него были в срок, когда он хочет. Первого ноября. Нужно, чтобы дом он купил.

— Пускай работает больше!

— Не может он больше работать, просто часов в сутках не хватит. Вы ему дайте немного вздохнуть и сделайте так, чтобы вся необходимая сумма была собрана к первому ноября, а там посмотрим, на чье имя будет куплен этот дом. Главное — соблюсти точно назначенное время. Вот это и есть тайменг.

— И что ты о нем заботишься? Замуж, что ли, за него собралась?..

— Скажете такое... Передо мной другой путь открывается... Но дом на всякий случай пусть будет. Как запасная позиция, куда и отступить не страшно.

— Какой же это путь?

— Это, мама, пока секрет. Многие блистательные карьеры были погублены только из-за того, что люди не умели держать язык за зубами.

— В этом ты права. Хорошо, устроим ему тайменг. Небольшой, конечно.

— Вот и прекрасно. Вы у меня умница.

Этот разговор имел свои последствия. Демид вскоре почувствовал, что стал зарабатывать больше.

— Руки мне должен целовать, такие выгодные наряды я тебе даю,— сказала как-то Гафия Дмитриевна.

— Спасибо. Первого ноября обязательно поцелую.

Далеко не все знают, какие перегрузки выдерживает человек, поставивший перед собой цель. Финишный рывок спортсмена, как правило, бывает стремительнее бега на всей дистанции. Но интересно заметить, что человек, привыкший делать одну работу быстро, энергично, уже не может другую исполнять медленно и лениво. Характер сказывается во всем. Заданный ритм определяет всю его деятельность. Демид с равным напряжением работал на заводе, выполнял наряды Гафии Дмитриевны и успевал сдавать зачеты в университете. Выяснилось, что время находится в прямой зависимости от нагрузки. Человек, работающий в полную силу, живет вдвое дольше, чем тот, кто работает вполсилы. Известны примеры, когда короткая, но творчески яркая жизнь оставляла глубокий след в истории человечества. Лермонтов за свою короткую жизнь сделал столько, что и до сих пор невозможно понять, как это ему удалось. Или другой пример — Моцарт. Для того чтобы специалисту просто переписать созданные Моцартом произведения, потребуется куда больше времени, нежели он прожил. Вот какие нагрузки может выдержать человеческий мозг, вот какой запас прочности подарила ему природа!

Конечно, Демид Хорол не Лермонтов, не Моцарт, не Эйнштейн. Жизнь его только начинается, и трудно сейчас сказать, кем он будет в свои зрелые годы. Но то, что работал он в эту весну с нечеловеческим напряжением, можно было отметить без всякого сомнения. А когда человек работает вот так самоотверженно, вдохновенно, то в какую-то, совсем незаметную для него самого, но очевидную для других минуту к нему приходит подлинное

мастерство. Вот так возрастали умение и опыт, руки приобретали профессиональный автоматизм, нервы — ощущение точного мастерства, и вдруг всем стало ясно, что Демид Хорол — радиомонтажник пятого, высшего разряда, и не хватает только формальности, чтобы это закрепить. Демид отнесся к этому событию спокойно, для него ничего не изменилось в жизни, и сам он, и его товарищи, и бригадир Валера Пальчик хорошо знали, на что он способен, и повышение отметили приказом, но подарок все-таки приготовили, только, пожалуй, не совсем обычный.

Как всегда, перед праздником Первого мая в ленинской комнате шестого цеха состоялось собрание. Народу пришло — не протолкнуться. Демид с трудом пробрался в угол, устроился на подоконнике. Парторг произнес короткую речь о значении этого пролетарского праздника, потом председатель цехкома профсоюза огласил список передовиков соцсоревнования. Было там и его имя...

А потом поднялся из-за стола начальник цеха.

— Товарищи, я хочу выполнить приятную обязанность: вручить награду, которую с полным правом можно было бы назвать рабочим орденом. Что такое честь рабочего? Это прежде всего качество его работы. В нашем цехе есть человек, чья работа всегда была безупречной. Ни разу техконтроль не возвратил на доводку собранные и отрегулированные им тэзы или панели. Товарищ Хорол, пожалуйста, к столу.

Демид не тронулся с места, будто речь шла не о нем. Он даже оглянулся, глазами отыскивая этого самого Хорола, которого приглашают к столу президиума.

Крепкий кулачок Гани Пальчик больно ткнул его в ребро.

— Ты что, оглох, приди в себя!

И только тогда он поднялся и пошел. Остановился возле стола, посмотрел в зал. Лучше бы ему сквозь землю провалиться.

— Ничего не скажешь, очень интеллектуальное лицо,— это подал голос Альберт Лоботряс, и добродушный смешок пронесся по залу.

— Тише, товарищи,— навел порядок начальник цеха.— Товарищ Хорол, вы работаете в нашем цехе полтора года, начали работать со вторым разрядом, сейчас имеете пятый. И ни одного случая брака! Администрация цеха вручает вам личное клеймо. Это значит, что техконтроль, начиная с сегодняшнего дня, не проверяет

вашей работы. Изделия, на которых стоит персональное клеймо Демида Хорола, безупречны. У нас уже больше пятидесяти рабочих удостоены этой чести. Хотите что-нибудь сказать?

— Спасибо,— тихо сказал Демид.

С завода он вышел вместе с Альбертом Лоботрясом.

— Рад? — спросил Альберт.

— Честно говоря, рад, на руках хочется пройтись.

— А это, знаешь, хитрая штука — личное клеймо. Заставляет по десять раз один и тот же тэз перепроверять. Одно дело, когда контролер следит за твоей ошибкой, и совсем иное, когда ты сам за все отвечаешь. И работать без него куда легче...

— У тебя есть такое клеймо?

— Нет. Я и не стараюсь его заслужить. Пусть меня лучше контролер проверяет — спокойнее. А то я однажды видел, как радиомонтажник, обладатель вот такого же личного клейма, разыскивал на складе сданную им продукцию. Показалось ему, что там не все благополучно. А я хочу спать спокойно.

— А я как спал спокойно, так и собираюсь спать,— сказал Демид,— но ты прав, ответственности поприбавится...

— Вот то-то и оно,— многозначительно произнес Альберт, но Демид так был занят своими мыслями, что не заметил за этой многозначительностью обыкновенную зависть.

Рука сама нажала в лифте на кнопку восьмого этажа, где была квартира Ольги Степановны. Позвонил в дверь, звонок тут же отозвался нежной мелодией, и на пороге появилась учительница. Седые, коротко подстриженные, легкие волосы серебристым нимбом окружали голову, маленькая, сухощавая, но еще энергичная, во рту привычная папироса.

— А у меня праздник, Ольга Степановна!

Вошел и показал круглую коробочку из белого металла, открыл крышечку с ручкой, на оборотной стороне — печать: две буквы и номер.

— Что это такое, объясни.

— Мое персональное клеймо! Это значит, что мне доверяют, что я стал настоящим мастером, и, верите ли.

Ольга Степановна, я так рад, будто меня орденом наградили.

Ольга Степановна села в кресло, раскрыла коробочку, долго молча смотрела на печатку, потом перевела взгляд на Демида, и в уголках ее глаз юноша заметил сверкнувшие слезы.

— Это от радости,— улыбнулась учительница.— Не тревожься. Сейчас будем пить кофе.— Минуту помолчала, потом добавила: — Ты почаще мне звони... Худо иногда мне бывает. Нет, нет, ты не пугайся, я еще до ста лет доживу, но сам понимаешь, все-таки страшновато. Я недавно на Байковом кладбище была, просто так, погулять ездила. Сколько там знакомых, друзей, подруг... А я все еще живу.

— Ольга Степановна, почему вы об этом заговорили?

— Сама не знаю. Одним словом, звони мне почаще.

Солнце уже село, и Киев, принаряженный к празднику, светился, переливаясь всеми огнями, оправленный в бирюзу парков, скверов, садов, как девушка в зеленом венке с яркими цветами. Демид представил себе, как завтра пойдет на демонстрацию, пройдет по Крещатику, а вокруг будут полыхать знамена, лозунги и на огромном плакате, который пронесут перед трибунами, будет написано: «ВУМ», и вокруг него будут люди, и они тоже — ВУМ, и машины, которые вычисляют орбиты космических кораблей, и маленькое персональное клеймо, лежавшее у него в кармане,— все это ВУМ, и он уже не может представить себя вне завода. Любимая работа вошла в жизнь, и гордо, радостно стало на сердце. Выходит, он, Демид Хорол, не лишним человеком оказался в этом огромном деле. Захотелось подхватить на руки милую Ольгу Степановну и закружиться с ней в вальсе, мелодия которого звучала в его груди. Но он сдержался: старая учительница разливала кофе, а это для нее было священнодействием.

Глава семнадцатая

Валера Пальчик подошел к рабочему столу Демида, отлаживающего очередной дешифратор, и сказал подчеркнуто официально:

— Так вот, товарищ Хорол, на некоторое время наши ежедневные свидания отменяются.

— Ты что, меня с работы увольняешь? — удивился Демид.

— Нет, в бригаде ты мне еще пригодишься, но немного позднее. Тебя посылают в командировку.

— Далеко?

— Не знаю. Ты и Данила Званцов поступаете в распоряжение бригадира Павлова из десятого цеха на неопределенное время. А это означает, что Валера Пальчик будет вкалывать за вас обоих, вытягивая план, в то время как вы будете выполнять интересную работу особого назначения. Итак, марш в десятый цех.

— Рад тебя видеть,— Павлов, здороваясь, протянул руку Демиду, когда тот появился в десятом цехе.— А где твой напарник?

— Вот и я,— подошел Данила Званцов, и его широкие плечи на мгновение будто заслонили свет, бьющий из окна.— Отчего такой аврал и паника?

— Нет ни того, ни другого,— улыбнулся Павлов, невольно любуясь ладной богатырской фигурой Званцова, его плавными уверенными движениями. Наверное, нужно быть очень сильным, чтобы так легко, красиво двигаться, имея без малого два метра роста.— Ребята, вы хорошо представляете наш современный Киев?

— Приблизительно представляем,— сказал Данила Званцов.

— Весьма приблизительно, — уточнил Демид.

— А я,— продолжал Павлов,— был уверен, что, будучи коренным киевлянином, знаю о Киеве почти все. И что же выяснилось? — Павлов сделал длинную паузу.

— Действительно, что же выяснилось? — с легкой иронией спросил Данила Званцов.

— Выяснилось, что ни я, ни вы о Киеве ровным счетом ничего не знаем. Вернее, знаем кое-что в пределах своего микрорайона.

— И для того чтобы совершить экскурсию по Киеву, администрация завода откомандировала нас в ваше распоряжение?

— Вот именно! Поедем сейчас с вами в центр города, — ответил довольный Павлов, подводя ребят к ярко-зеленым «Жигулям», стоявшим неподалеку от проходной.— Полюбуйтесь этим чудом! Купил три недели назад. Обкатываю, езжу потихоньку. Прошу!

Пожалуй, еще никогда в жизни Демид, сидевший рядом с Павловым, не видел всей красоты современных киевских окраин. Есть в них что-то от далекого и одновременно близкого будущего. Когда мы говорим «будущее», то нам представляется оно в образах, далеких от

повседневных, они как-то и просторнее, и шире, и выше, и значительнее того, что видим сейчас вокруг.

Демид Хорол невольно улыбнулся. За старательно протертым стеклом «Жигулей» мелькали дома: одни красивые, другие нет, одни заслуживающие своего пребывания в будущем, другие не достойные этого даже в прошлом. Когда смотришь на дома, то, кажется, все просто, все понятно. А вот с людьми куда все сложнее...

Машина наконец остановилась около невысокого, но как-то на свой манер ладно и основательно возведенного здания, где размещалось управление милиции.

Они подождали у подъезда, выходящего на площадь, пока Павлов поставит неподалеку на стоянку машину, потом, показав свои заводские пропуска, прошли по коридору до двери с табличкой «Заместитель начальника управления». Молоденький лейтенант вскочил при их появлении.

— Пожалуйста, товарищ Павлов, полковник ждет.

Из-за широкого стола навстречу им поднялся моложавый, лет сорока, полковник милиции. Он улыбнулся белозубо, открыто и сразу стал похож на первого парня на деревне — тракториста-гармониста.

Окинув всех троих быстрым взглядом, крепко пожал им руки, предложил присесть поближе к столу и задал удививший Демида вопрос:

— Вы хорошо представляете себе сегодняшний Киев, товарищи?

— Весьма приблизительно,— неуверенно ответил Павлов.

— Вы правы. И мы здесь, в городском управлении, тоже знаем его приблизительно. А должны и хотим знать точно.

— Поставьте телевизионные камеры на каждом перекрестке — и будете все знать,— предложил Званцов.

Полковник взглянул на него остро, оценивающе, мгновение подумал, потом сказал:

— Это было бы идеальным решением проблемы, но очень неэкономичным. К слову, в Москве в местах наиболее интенсивного движения транспорта такие камеры есть и здорово помогают автоинспекции. Стоит это не дешево, наша же идея более скромная. Сейчас я вас с нею познакомлю. Прошу.

Он двинулся к выходу, гостеприимно приглашая следовать за собой. Они прошли анфиладу комнат. На распахнутых дверях одной из них висела табличка с над-

писью «02». В комнате стоял стол с несколькими телефонами, за столом сидели два лейтенанта.

— Здесь,— пояснил полковник,— сосредоточиваются все вызовы по телефону 02, все сигналы о кражах, хулиганстве, несчастных случаях. Если сейчас телефоны молчат, значит, в городе все спокойно. Но, как вы сами понимаете, в двухмиллионном городе всякое случается. Пойдемте дальше, ваша работа не здесь.

В третьей, самой большой, комнате он показал на огромную карту, занимавшую всю стену, план Киева от Новобелычева на западе и до Бортнычева на востоке, от Ветряных гор на севере до Феофании на юге. Широкая, извилистая лента Днепра с Русановским притоком и выходом к Десне разделяли его почти пополам. Труханов остров с Матвеевской затокой напоминал клешню мощного рака. Крещатик на этом плане, где были нанесены основные высотные здания, казался маленькой улочкой в сравнении, скажем, с Краснозвездным проспектом, о существовании которого знает не так уж много киевлян.

План, изображенный на матово-прозрачном синтетическом материале, был тщательно разграфлен прямыми линиями на пронумерованные квадраты. Справа и слева внизу установлены два небольших, похожих на телевизионные, экрана. Напротив плана — огромный, явно еще не смонтированный пульт управления.

— Вот это, товарищи, ваше хозяйство. Идея простая: смонтировать эту аппаратуру по всем правилам современной науки. Разумеется, всякая модель выглядит упрощеннее оригинала, но представление о нем дает более или менее полное. Когда в городе что-то случается, скажем автомобильная пробка, пожар, кража, драка или какое-нибудь другое происшествие, требующее нашего вмешательства, то донесение об этом печальном случае попадает в районное отделение милиции, а оттуда — на этот план. Причем точно высвечивается квадрат, где произошло несчастье. Аппаратура спроектирована так, что тут же моментально можно перенести этот квадрат на один из экранов в увеличенном виде, где отчетливо видна каждая точка объекта. Тогда дежурный офицер сможет легко принять решение. Сейчас все это хозяйство мертво. Ваше дело оживить этот план, сделать его как можно больше похожим на Киев. У вас есть вопросы, товарищи?

— Нет. Я знаком с проектом,— сказал Павлов.— Мы смонтируем и, возможно, сделаем все это быстро, ведь

основная работа — пульт, экраны, коммутаторы — сделана и отрегулирована на заводе.

— И чем быстрее вы сделаете,— сказал полковник,— тем, разумеется, лучше. Но не торопитесь. Главное — точность.

— Странно все-таки,— сказал Демид,— наш разговор мне показался необычным. В нем не было даже намека на секретность. Вы забыли упомянуть об этом или сделали умышленно?

— В этой работе нет ничего секретного,— ответил полковник.— И само понятие секретность тоже меняется и довольно быстро. Все, что можно увидеть, перестает быть секретным.

— Значит, тайн уже не существует?

— Ну, почему же? Существуют, конечно. И прежде всего две — это мысль и время. Мысль, воплощенная в чертеж, формулу, проект — разве это не тайна? Тайна рождения нового. И время — часы, минуты, секунды, необходимые для претворения этой мысли в реальность — гидростанцию, прекрасный стадион, жилой дом, машину... Это вечное таинство, как сама жизнь. Но к нашему плану это не имеет никакого отношения. И потому со спокойной совестью рассказывайте своим друзьям про свою работу, про наш прекрасный город. Посмотрите, он и в самом деле красив, даже на плане! А вообще жаль, что мы занялись этим макетом только сейчас, такие планы давным-давно существуют и в Москве, и в Париже, и в Лондоне... Правда, создаем мы его по последнему слову науки, поэтому, можно надеяться, он будет совершеннее.

На другой день ранним утром они показали офицерам управления милиции, что значат монтажники высшего разряда. Детали будто сами оказывались на нужном месте. Огромный экран осветился сначала снизу, еще через неделю свет завоевал Пущу-Водицу, расположившуюся под самым потолком высокой комнаты. Через какие-то две недели или чуть больше ожил весь план.

— Будем сдавать, ребята,— сказал Павлов,— славно поработали.

Послышались уверенные шаги группы людей, и знакомый им полковник отрапортовал:

— Товарищ генерал, план города готов к сдаче.

Генерал подошел ближе к яркой схеме, разрисованной дорогами, улицами, перекрестками, домами, окинул

взглядом стоявших рядом Павлова, Демида и Званцова, поздоровался и, одобрительно кивнув им, сказал:

— Давайте посмотрим, что получилось из нашей задумки. Когда-то давным-давно, еще в детстве, я жил на Юрковской улице. Можно взглянуть, какая она сейчас?

Данила Званцов щелкнул тумблерами. Маленькие, отгороженные заборами дома появились на правом экране внизу.

— Ну и ну! — растроганно проговорил генерал. — Смотрите, товарищи, вот в этом доме мы жили. А тут должен быть поворот на Печенегскую улицу...

— Есть и такой поворот,— снова щелкнул тумблерами Званцов.

— Все точно. У нас, юрковцев, прежде с печенегами разыгрывалась настоящая война не на живот, а на смерть, неподалеку был Татарский переулок...

— Сейчас посмотрим и его,— отозвался Званцов.

— От него почти ничего не осталось,— покачал головой генерал,— маленькие домики были, а теперь смотрите, какие вымахали. Ну что ж, товарищи рабочие, такой план для нас большая подмога. Теперь в часы «пик» будет значительно легче пропускать потоки транспорта, видеть, где сосредоточивается множество народа, скажем, перед футбольным матчем, чтобы своевременно бросить в эти места дополнительные силы регулирования. Планом нам еще предстоит овладеть, чтобы легко и быстро в нем разбираться, ну это уже наша забота. А вам, товарищи, большое спасибо за работу.

Пожал всем руки, жестом пригласил следовать за ним своего заместителя и вышел.

— Поехали, ребята,— скомандовал Павлов.

И снова они ехали улицами жаркого июльского Киева. Разве может сравниться план с живым, солнечным, многолюдным городом! И все же...

— А между прочим, мы заработали рублей по триста, если не больше,— неожиданно сказал Павлов.— А потому в связи с этим событием прошу часов в семь ко мне, как говорится, на чашку чая. Валерия Григорьевна ждет, я предупредил по телефону. Ну как, согласны?

— Спасибо,— ответил Демид, выходя из машины. Увидел, провожая взглядом «Жигули», как сверкнуло в лакированной зелени машины предзакатное солнце, и побежал к своему подъезду. На сердце было легко, радостно от удачно законченной работы. Огромный город-кра-

савец еще стоял перед глазами, когда он вошел в комнату,— распахнутое окно напоминало один из экранов, расположенных рядом с планом, но на тех экранах не было буйного движения машин, сочной зелени деревьев и пламени цветов на клумбах, там была всего лишь модель, будто отголосок жизни, а здесь она расцвела перед глазами тысячами окон, миллионами судеб и желаний, мыслей и надежд.

В почтовом ящике, как всегда, записочка от Гафии Дмитриевны. Два адреса, зайти туда до семи часов он успеет. Демид почти уже закрыл за собой дверь, как раздались тоненькие звонки детского телефона.

Демид остановился, встревоженно прислушался. Ольга Степановна никогда не звонила днем. Утром всегда звонил он, спрашивал, что нужно купить и принести. Вечером звонила она, желала ему доброй ночи. Все было хорошо, и в этих звонках не было тревоги, а сейчас днем... Он бросился к телефону.

— Не волнуйся,— услышал он тихий, какой-то прозрачный голос учительницы,— спустись вниз и вызови «Скорую помощь».

— Вам плохо?

— Скажешь, что у меня острые боли в сердце, пусть немедленно приезжают. Лет мне семьдесят пять, они спросят. Потом поднимись ко мне, дверь откроешь сам, чем хочешь. Я встать не могу.

— Ольга Степановна!..

— Не теряй времени... И с дверями не церемонься.

Что-то тихонько всхлипнуло в трубке и смолкло. Демид мгновение стоял, не в силах понять значения услышанных слов, потом, схватив свою сумку с инструментами, кинулся со всех ног вниз. Оттолкнув какого-то мужчину, входившего в телефонную будку, и не обращая внимания на его брань, набрал «03». «Скорая помощь» ответила сразу. Девичий голос повторил адрес, фамилию, возраст больной. «Доктор будет у вас минут через двадцать — двадцать пять».

— А раньше нельзя? — крикнул Демид.

— Не успеют,— ответила девушка и отключилась: для нее эта просьба была одной из тысяч просьб, криков о помощи, о спасении, которыми взывал и, возможно, еще будет взывать сегодня Киев.

Демид выбежал из телефонной будки, бросился в лифт (как медленно он поднимает!), подступил к дверям так, будто они должны были открыться от одного

его грозного взгляда. Коротко и тихо позвонил: пусть Ольга Степановна знает, что он уже здесь, вызвал «Скорую», сейчас откроет дверь, и все будет хорошо. Все будет хорошо. Двери поддались быстро...

Шагнул в комнату и словно споткнулся о едва заметную, специально для него, для этой встречи приготовленную улыбку Ольги Степановны.

— Очень плохо?..

— Нет, сейчас не очень. Было хуже.

— Доктор будет через двадцать минут.

— Спасибо тебе. Теперь сядь вот сюда, поближе и слушай, не перебивай. Я могу умереть каждую минуту... Оно устало, сердце, оно больше не может. И не смей плакать, слышишь?

— Слышу.

— Жизнь не дала мне своих сыновей, но было у меня их много, моих учеников. А ты самый любимый. Мы все воспитывали тебя: Павлов, Валерия Григорьевна, я, завод... и от каждого ты что-то взял. Так вот, когда тебе будет трудно, подумай, как в таком положении поступил бы каждый из нас, с кого ты хочешь брать пример.

— Ольга Степановна, вы не умрете, не бойтесь!..

— А кто тебе сказал, что я боюсь? Этот пакет возьми себе — распечатаешь, когда меня похоронят...

— Мне не придется его распечатывать.

— Когда-нибудь придется. Книги тоже, пожалуйста, возьми себе, я их очень любила, и мне будет приятно сознавать, что они у тебя. Управдому я обо всем уже сказала, мебелью пусть они распоряжаются, как хотят. И не печалься, милый мой мальчик, я тебя очень любила, и был ты моей радостью, утехой, моим сыном. Не смей плакать!

В шелесте тихого голоса послышалась твердая учительская нотка, и Демид обрадовался, услышав ее.

— Я не плачу.

Она замерла на миг, прислушиваясь, как где-то глубоко в груди бьется раненое сердце, потом сказала:

— Дай мне папиросу.

— Ольга Степановна, может, не надо...

— Дай мне папиросу.— Она сказала это твердо, ослушаться было невозможно. Демид взял со столика коробку «Казбека», дрожащими руками достал папиросу.

— Прикури, руки мои уже не слушаются,— медленно проговорила Ольга Степановна.

Демид неумело зажег папиросу, поднес к губам учительницы.

— Спасибо.

Она привычно глубоко затянулась, взглянула на Демида, на какой-то миг взгляд ее стал веселым, словно она вдруг вспомнила из своей жизни что-то свое, только ей известное, нужное и очень хорошее — она, заслуженная учительница Ольга Степановна Бровко. Потом отвернулась к стене, чтобы Демид не видел ее лица, и умерла тихо и незаметно. Демид так и не понял, в какой момент это произошло.

— Где больная? — послышался неторопливый голос, и врач, усталая женщина, уже в годах, вошла в комнату. Взглянула на Демида, взяла стетоскоп, приложила к груди Ольги Степановны, мгновение послушала и просто, как говорила уже не раз, сказала:

— Поздно.

— Мне... Мне не нужно было давать ей папиросу? — дрожащим голосом спросил Демид.

— Большого значения это уже не имело,— ответила врач.— Вы ее сын?

— Она жила одна.

— Позовите управдома, я напишу справку. Паспорт ее завтра сдадите в загс.

Потом вдруг тяжело опустилась на стул.

— Это... Ольга Степановна?

— Да...

— Она была моей учительницей. Еще до войны. Странно встречаются на свете люди... Не встречаются, а прощаются, как сейчас.

Лицо врача как-то сразу потухло, постарело, и Демиду захотелось чем-то утешить эту женщину, которая когда-то маленькой девочкой с белым бантом в тугих косах первый раз пришла с мамой в школу, в класс Ольги Степановны. Но как утешить, что сказать, он не знал.

— Вы ей родственник?

Ольга Степановна была для него самым близким, родным человеком, была радостью, воплощением справедливости, честности, она была для него всей жизнью, юноша понял это лишь теперь, после утраты, но на прямо поставленный вопрос только и смог ответить:

— Мы были соседи. Давние. Еще с Фабричной улицы.

— А я на улице Володарского жила,— сказала врач.

Помолчала, пригорюнившись, но тут же поднялась, собранная, деловитая,— ее ждала работа,— сказала:

— Нужно спешить на бульвар Ленина. Тоже вызов. Значит, и там беда.

В дверях уже стояла домоуправ Стелла Ивановна Громова, официальная, строгая. За окном играл горячий золотой солнечный свет, и слегка повернутое к стене лицо Ольги Степановны казалось живым.

«Мне здесь уже больше нечего делать»,— подумал Демид и шагнул к дверям, неся в руках пакет Ольги Степановны.

— Завтра зайди, возьмешь книги, — напомнила управдом,— такова была воля покойной, она давно предчувствовала свою кончину... А мебель,— она критически оглядела комнату,— не знаю, что с нею и делать, может, просто выбросить? Кому нужны эти дрова... Ты не возьмешь себе что-нибудь?

— Нет.

— А родственников покойницы ты не знаешь?

— Нет.

— Хорошо, я подумаю, может, кому-нибудь пригодится. Хотя в наше время всем подавай полированные гарнитуры...

Но Демид уже не слушал деловых рассуждений управдома. Он поспешил к себе, в свою комнату, чтобы ничто не мешало ему думать. О чем думать?

О смысле жизни и о смерти. О красоте сильной человеческой личности, о следе, который человек оставляет на земле. Ольга Степановна оставила незабываемый след в душах своих учеников, в том числе и в душе Демида. Она сказала: «Когда тебе будет тяжело, подумай, как поступил бы каждый из нас, с кого ты хотел бы брать пример...»

И вдруг пришла мысль: а как бы повела себя Ольга Степановна, если бы у нее умерла ближайшая подруга? Убежала бы так, как это сделал он? Оставила бы покойницу одну, пока придут люди одеть ее в последний путь?

Демид покраснел от стыда. Когда прибежал в комнату Ольги Степановны, там уже сидели две пожилые женщины и мужчина, седой, с протезом. Мужчина, не торопясь, по-стариковски обстоятельно что-то рассказывал:

— ...Сбросили нас с самолета в районе Ирпеня, а мы и потеряли друг друга. Парашюты спрятали, а друг друга не найдем...

Беседа текла неторопливо. Одна из женщин разложила на столе ордена и медали Ольги Степановны.

— Нужно пятнадцать подушечек,— сказала она,— четыре ордена и одиннадцать медалей.

— Их пионеры школы, где Ольга Степановна учительствовала, понесут,— сказал мужчина, и только сейчас Демид понял, что мужчина такой же старый, как и Ольга Степановна.

— Да, было что вспомнить Оле Бровко,— сказал старик,— отчаянной смелости была девушка!

— Тебе тоже есть что вспомнить, — почему-то сердито сказала женщина, раскладывающая на столе ордена.

— Ну, я все-таки гитлеровских генералов не убивал.

— А она? — вдруг прозвучал от дверей девичий голос.

Демид оглянулся — Лариса. Опушенные ресницами глаза — иссиня-черные от волнения.

— Убивала,— не оглянувшись, ответил старик.

В этот момент в комнату вошел высокий, темноволосый молодой человек. Он назвал себя директором школы, в которой когда-то работала Ольга Степановна, высказал сочувствие ее друзьям, сообщил, что гроб с телом покойной будет установлен в Доме учителя на площади Калинина, что гражданская панихида начнется в двенадцать часов, вынос тела в два.

Он был такой энергичный, деловой, голос его звучал так уверенно, будто для него смерть Ольги Степановны и ее похороны были одним из заранее запланированных общественных мероприятий, которые надлежало провести как можно лучше.

— Пойдем,— Лариса взяла Демида за руку и вывела из комнаты.

— Пойдем,— согласился Демид.

— Дай ключи.

Демид покорно протянул девушке ключи. Они вошли в его квартиру, сели в кресла. Пакет Ольги Степановны лежал на тахте.

— Что это за сверток?

— Еще не знаю. Снова в доме горе?

— Нет, дома все спокойно. Тебе плохо, вот я и пришла.

Он почувствовал, как к горлу подкатил ком, не давая вздохнуть, и единственная возможность избавиться от него — или расплакаться, или рассмеяться громко, отчаянно. Он понял, что сейчас разрыдается, что такое с ним никогда не случалось. Страшнее всего было произнести хотя бы слово, оно рвануло бы, как детонатор.

Лариса поднялась с кресла, посмотрела в потемневшие глаза Демида, все поняла и нарочно, желая отвлечь от терзавших его мыслей, сказала:

— А ты, оказывается, слабак. Может, истерику закатишь?

— Нет. Истерики не будет,— овладев собой, сухо бросил он. И вдруг все его горе, бессилие перед случившимся, его минутная слабость обернулись против Ларисы: так молния, набрав силу, ударяет в неповинный громоотвод.

— Зачем ты пришла?

— Чтобы спасти тебя от истерики,— сказала Лариса.

— Плохо ты меня знаешь.

— Нет, я знаю тебя хорошо. Ты много раз выручал меня...

— А сейчас выручи меня ты,— спокойно сказал Демид.

— Каким образом?

— Уйди отсюда! — не выдержал спокойного тона, сорвался на крик Демид.

— Хорошо, хорошо! Только успокойся, пожалуйста.— Лариса заторопилась, в глазах плескалась боль.— Ты молодец, держишься лучше, чем я ожидала. Держись! И помни, я все время рядом.

Девушка шагнула к двери, и он сделал над собой усилие, чтобы не закричать: «Подожди, не уходи, мне страшно оставаться одному».

Но Лариса ушла, дверь захлопнулась, и Демид тяжело опустился в кресло.

Глава восемнадцатая

Неожиданное горе обрушилось на него. Не стало верного друга, хорошего, доброго человека, преданного тебе до самого последнего часа. Нет Ольги Степановны, ушла навсегда, и ничем тут не поможешь. Человек рождается и умирает, и не только человек — все живое... Но мысль эта не принесла облегчения: горе оставалось горем, потеря — потерей.

Вот так, выходит, остался он на свете один-одинешенек... Взглянул на тахту, на пакет, переданный старой учительницей. Нельзя сейчас читать ее последнее письмо.

В дверь постучали: управдом просила помочь перенести гроб с телом Ольги Степановны в машину.

И снова Демид один в своей комнате, а вокруг тягостная тишина. Хотя бы раз еще услышать знакомый, родной голос. Он взял пакет, карманным ножом взрезал его. На тахту упали письма и деньги — большие желтоватые купюры по сто рублей. Кровь прилила к лицу: будто Ольга Степановна с того света протягивала ему руку помощи.

«Мой дорогой Демид,— читал он исписанный крупными буквами лист бумаги,— я давно хотела помочь тебе рассчитаться с Колобком, но боялась обидеть тебя, ты бы наверняка не взял этих денег. Теперь уже не боюсь. Рассчитайся с ним и раз навсегда плюнь на все краны и унитазы, которые тебе приходилось ремонтировать. Вспомни, что на свете есть театры и кино, стадионы и друзья, книги и хорошие девушки, среди которых наверняка есть и твоя невеста. В жизни ты дал мне большое утешение, ты был моим сыном, а может, больше, чем сыном,— другом. Я никогда не умела экономить деньги, поэтому скопила их не много, но тебе, наверное, хватит. И не плачь, прощаясь со мною, мы с тобой провели вместе столько чудесных часов: и в театре, и в кино, и на улицах... В жизни я желаю тебе только одного, найди себе девушку, хоть немного похожую характером на тебя. Это, конечно, сложно, но найди. Это письмо я пишу в прекрасный солнечный день, чувствую себя великолепно и совсем не собираюсь умирать, а все-таки почему-то пишу. Прощай, мой верный киноспутник, моя душевная опора, мой верный друг. Счастья тебе!..»

И может, не зная, как подписаться, потому что фамилия здесь выглядела бы неестественно и странно, подписалась «Ольга».

И именно это ничем не защищенное, сиротливое имя, каким его никогда не слышал Демид, помогло пролиться слезам. Он плакал горько и сладко, плакал долго, пока слезы не высохли сами собой. «Любимая моя учительница, какое счастье, что вы были у меня, что судьба свела нас...»

Он положил деньги в конверт — пятнадцать бумажек, полторы тысячи. С Колобком он рассчитается не позже завтрашнего дня, еще и на жизнь останется. Да на какую жизнь! Без долгов, без осточертевшей работы и... без Ольги Степановны. Лучше бы вечно ремонтировал унитазы и краны, только бы она жила!

...Демид думал, что будет много хлопот с организацией похорон, а оказалось, что друзей у Ольги Степановны много, два часа шли и шли люди к гробу, стоявшему в большом и светлом зале, где звучала тихая, торжественно-печальная музыка. Потом пятнадцать пионеров вынесли красные подушечки, на каждой из которых лежали ордена и медали: боевые и трудовые награды заслуженной учительницы Ольги Степановны Бровко. Какие-то пожилые люди, ее бывшие ученики, обнимались, неожиданно встретив друг друга. Когда-то Ольга Степановна вела их через чащобы букваря, теперь они стали рабочими и артистами, инженерами и врачами. И Демиду на минуту показалось, будто высокий, ярко освещенный зал, в середине которого стоял гроб, походит на большую гостиную, где хозяйка собрала своих старых друзей для последнего прощания.

И эта минута настала. Демид подошел к гробу и поцеловал холодные губы своей учительницы. Солнечный луч скользнул по восковому лицу, и Демиду показалось, будто оно улыбнулось. Так и унес он в душе на всю жизнь эту ласковую улыбку.

Потом был путь в автобусе на Байково кладбище. «Какая здесь буйная зелень»,— почему-то подумалось Демиду. Слова над могилой, громкие удары первых пригоршней земли, а потом целая пирамида из венков и... абсолютная тишина.

Демид вдруг осознал, что стоит перед этой горой из цветов не один, кто-то был рядом, и это присутствие постороннего человека раздражало, нарушая течение тяжелых, но, как ни странно, уже не столь болезненно-горьких мыслей. Оглянулся: Лариса. Стоит и смотрит на портрет, врезанный в грань зеленой пирамиды. Взглянув на Демида, девушка тихо проговорила:

— Вот тоже прощаюсь с Ольгой Степановной...

— Разве ты ее хорошо знала?

— Лучше, чем ты думаешь. А сейчас поехали домой, не нужно тебе здесь долго оставаться.

«Она же только что перешла в десятый класс,— подумал Демид,— а разговаривает, как старшая...»

Молча доехали до Борщаговки.

— У тебя есть немного свободного времени? — спросил Демид.

— Конечно.

— Помоги мне... перенести книги.

Они нашли управдома, Стеллу Ивановну Громову, и та, увидев Демида, встретила его, как своего спасителя.

— Выручи, пожалуйста,— попросила Громова,— выброси всю эту рухлядь из квартиры. Понимаешь, когда жилец уезжает, я от него требую убрать, вымыть квартиру и уж потом даю справку о выписке из домовой книги. А здесь... Может, подружка твоя поможет?

— Помогу, разумеется.

— А ключи потом принесете мне. Если что захочешь, возьми себе. Кому это старье нужно?

В квартире Ольги Степановны еще держался слабый запах табака и кофе.

— Ты не куришь? — спросила Лариса.

— Нет. А ты?

— Иногда. Когда захочется немного пофасонить.

— Брось,— строго сказал Демид.

— Хорошо, брошу, — покорно согласилась девушка, и вдруг лицо ее осветилось улыбкой, не очень уместной в эту минуту.— Послушай, Демид, ведь в эту квартиру в скором времени переедут новые жильцы, и наверняка это будет молодая пара, потому что квартира малень-

кая... Давай приготовим им подарок; сделаем здесь все так, чтобы они сразу почувствовали себя, как дома.

— Прекрасно придумала, Лариска, а ты, оказывается, не такая легкомысленная, как тебя охарактеризовал твой дед Аполлон Вовгура.

— Аполлон Вовгура был ярчайшей личностью,— быстро подхватила девушка.— А вот почему он свое внимание остановил на тебе — и по сей день для меня остается загадкой. И в этом причина того, что я тоже заинтересовалась тобой. Не мог он ошибиться, должно в тебе быть что-то необыкновенное. Может, это я по своей глупости не вижу.

— Во мне и нет ничего необыкновенного,— сказал Демид.— Ты, выходит, права.

— Нет, все-таки должно что-то быть.

Они работали до самого вечера, и когда все было вымыто, вычищено, расставлено по местам, позвали Громову.

— Принимайте квартиру.

— Я же сказала: все выбросить.

— А разве так хуже?

И вдруг Громова, эта вечно озабоченная и чем-то недовольная женщина, улыбнулась.

— Повезло кому-то. Хорошо придумал, Демид.

— Это не я придумал — Лариса.

— Неважно, кто придумал. Важно, что хорошо сделали. Спасибо.

И снова улыбнулась, на щеках заиграли лукавые ямочки, и лицо вдруг помолодело, стало добрым и привлекательным.

— Ко мне не зайдешь? — спросил Демид Ларису.

— Нет, спасибо. Как-нибудь в другой раз. Сейчас, наверное, отец ждет.

— Спасибо тебе.

— Ну что ты! Не за что,— и побежала вниз, забыв о лифте, каблучки звучно процокали по ступеням, словно отбивали чечетку.

— Хорошенькая девочка,— вдруг сказала Громова.— А будет еще краше. И все же не женись на ней...

Демид оторопело взглянул на женщину, не поверив своим ушам.

— Жениться?.. Я вообще не собираюсь жениться. Что это вам взбрело в голову?

— Хотела тебя предупредить... Понимаешь, я не один день живу на свете и заметила, что дурные люди лип-

нут к дурным, как иголки к намагниченным ножницам. Может, я ошибаюсь, и Лариса неплохая девочка, но почему-то она всегда оказывается в центре сомнительной компании... Хотя, извини, конечно, если я сказала что-то не так... Только знаешь, если ты имеешь на нее влияние, то отвлеки ее от дурной компании, где верховодит этот адвокат...

— Тот, что с бородкой?

— Вот видишь, и ты знаешь... Сам он сухим выйдет из воды, скользкий, как уж, а Ларису мне жалко. Запутается — потом не выберется. Впрочем, не моя печаль. И ты ей не брат и не сват, пусть сама думает. Счастливо тебе!

Повернулась и пошла вниз по ступеням, видно, тоже забыв о лифте. Выходит, и управдому этот разговор был неприятен. Демид постоял немного, раздумывая, посмотрел на дверь, которая не один раз распахивалась, впуская его в уютную, пропахшую табаком и кофе комнату старой учительницы, и медленно направился к себе.

Книги высились вдоль стен внушительными стопами. Какую прекрасную библиотеку подарила ему Ольга Степановна! И не только библиотеку, подарила и время для чтения! Он же теперь свободен, как вольная птица! Вот только сходит к Гафии Дмитриевне, в последний раз, скажет, что ее наряды ему больше не нужны. Потом купит бутылку шампанского и отправится к Колобку, отдаст ему долг, до последней копеечки, с великой благодарностью. Они выпьют по бокалу шампанского и распрощаются, как мужчина с мужчиной, а на прощание Демид обязательно скажет Трофиму Ивановичу, что в случае необходимости всегда готов прийти ему на помощь.

А на сердце — печаль и тревога, все переплелось: и смерть Ольги Степановны, и беспокойство за Ларису. Что это за компания завелась у нее? Хотя, в сущности, какое ему дело? Пусть сама разбирается в своих делах...

Тишина, покой и грусть в его заваленной книгами квартире. Молчит детский телефон, никогда уже не отзовется голосом Ольги Степановны.

С завтрашнего дня он начнет жизнь по новой программе. Оглядел свою комнату и улыбнулся ей, как можно улыбнуться доброму живому существу: «Я запустил тебя немного, но теперь у меня будет свободное время после работы и кое-какие деньги, ведь я радиомонтажник пятого разряда и получаю двести пятьдесят рублей,

иногда и побольше, сделаю тебя такой уютной, как игрушку, чтобы девушка, которая когда-нибудь заглянет к нам, сказала: «Ой, как здесь хорошо!»

И вдруг рассердился на себя за эти мысли: нашел время! Вновь посмотрел на телефон, неожиданно для себя нажал кнопку, поднес трубку к уху — нет, не бывает чудес на свете: Ольги Степановны не стало, но в памяти остался ее прокуренный голос, ее добрые слова... И ее жизнь.

На другой день с портфелем в руке, в котором лежала бутылка шампанского, он позвонил в Лилину квартиру. Дверь открыла Гафия Дмитриевна и испуганно отпрянула, загородив вход в комнату Лили.

— Как поживаете, Гафия Дмитриевна, все ли в добром здоровье?

— Все здоровы, будь здоров и ты, проходи ко мне,— проговорила Гафия Дмитриевна, с опаской поглядывая на Демида.

— А к Лиле вы меня уже не пускаете? — спросил Демид, слыша доносящийся из-за двери мужской голос.

— Понимаешь...— Женщина пыталась что-то объяснить, но тут дверь в комнату распахнулась и на пороге появилась Лиля.

— Что случилось, мама? Мы с Омаром всегда рады гостям. Проходи, Демид. Знакомься, мой жених Омар Назири, сегодняшний студент политехнического института и будущий эмир, или по-нашему король. Правда, королевство не очень большое, но богатое.

Навстречу Демиду поднялся темнокожий юноша и протянул на удивление мягкую и гибкую с длинными пальцами руку.

— Очень рад познакомиться с друзьями Лили.

Произнеся имя девушки, он сделал ударение на последнем слоге, и от этого оно стало незнакомым, будто бы иностранным. Волосы, причесанные на косой ряд, блестели от бриллиантина, на смуглом лице ослепительно сияли белки глаз и зубы.

— Извините,— немного смущенно сказал Демид,— я, собственно, к Гафие Дмитриевне.

— Почему? — строго спросила Лиля.

— Поблагодарить за все доброе, что она сделала для меня.

— Проходи, раз уж пришел, садись к столу,— овладела положением Гафия Дмитриевна,— пожалуй, сейчас выпить шампанского самое подходящее время.

— Мама, как всегда, права: я выхожу замуж и, возможно, когда-нибудь стану шахиней,— объявила Лиля.

— Вполне вероятно,— сказал Омар,— но только в том случае, если я стану эмиром. И потому должен предупредить честно: отец мой, да продлит аллах его дни, еще молодой, ему только сорок четыре года, так что стать супругой эмира у тебя шансов немного.

— Ничего,— уверенно сказала Лиля,— там посмотрим.

— Вы прекрасно владеете русским языком,— удивился Демид.

— Я на пятом курсе политехнического,— сказал будущий король,— было время выучиться. Я лично считаю, что каждое дело, за которое берешься, надо доводить до конца. Так и с языком.

— Хорошее правило, — сказал Демид. Будущий король маленького эмирата нравился ему все больше и больше.— Но согласитесь, немного странно: сын эмира — и учится в Советском Союзе...

— Ничего в этом нет странного,— ответил Омар,— у вас учатся разные студенты, и далеко не все они коммунисты. Образование в Советском Союзе, я имею в виду техническое образование, лучше и дешевле, чем в других странах. Мой эмират очень богатый, но все равно деньги надо считать — на то они и деньги.

— Вот что правда, то правда, деньги надо считать,— сказал Демид и вздохнул с облегчением, как человек, стряхнувший с плеч тяжелую ношу.— До того это справедливо, что прямо смешно.— Он рассмеялся без видимой на то причины, и Гафия Дмитриевна поняла его по-своему, сверкнула на Демида колючими глазами остро и настороженно и, встав из-за стола, позвала:

— Выйдем-ка на минутку.

— Нет, сначала надо выпить,— потребовала Лиля и, как из пушки, выстрелила пробкой из бутылки.— Люблю, когда стреляет.

— Я тоже,— заметил Омар.

— Ты же, наверное, масульманин,— сказал Демид, не замечая, что перешел с эмиром на «ты»,— а масульманам нельзя.

— Можно,— ответил будущий король,— религия давно отреклась от смешных нелепостей.

— Тогда — за ваше счастье! — провозгласил Демид.

Они выпили холодное, шипучее вино, и тогда Гафия Дмитриевна увела все-таки Демида в другую комнату.

— Что же ты: Ольга Степановна умерла, а ты смеешься?

— Она бы меня поняла. Смеюсь оттого, что на душе полегчало: работа моя у вас окончилась. Передумал я покупать дом.

— Почему передумал? Лилькино замужество охоту отбило?

— Угадали, Гафия Дмитриевна. Без нее зачем мне дом?

— Откуда ты узнал, что она надумала?

— Раньше намекала...

— Ох! Мне эта свадьба, — вдруг горестно пожаловалась женщина,— как нож в сердце. Так все хорошо шло, поженились бы вы с ней, домик купили, деток народили славных, курочек развели бы, поросят... своя бы свининка к празднику... Так нет же, взбрело ей в голову стать шахиней! Он, конечно, богатый, видел, какие кольца на пальцах.

— Что-то внимания не обратил...

— Потому что простак. А у него золото, и не дутое, а литое, массивное. Ну да ладно, видно, окончилось наше с тобой сотрудничество. Но все-таки, в крайнем случае, если я обращусь к тебе, помоги. Понимаешь, есть люди...

— Понимаю,— ответил Демид и встал.— Все хорошо, Гафия Дмитриевна, и всегда, если будет очень нужно, я к вашим услугам.

Из соседней комнаты доносилась музыка, энергичный танцевальный ритм.

— Танцует, а у меня душа не на месте,— жалобно проговорила женщина.— Растила, растила, лелеяла и на тебе: увезут на край света.

— Ничего,— утешил ее Демид,— такая девушка, как Лиля, нигде не пропадет.

— Только на это и надежда.

Демид вышел из дома и, не торопясь, направился по бульвару Ромена Роллана.

— Гуляем? — вдруг послышалось рядом.

— Гуляем,— машинально ответил Демид, а обернувшись, увидел долговязого Геннадия с гитарой. Рядом с ним вышагивал адвокат Тристан Квитко, темная бородка красиво сочеталась с такими же темными густыми волосами. Сзади этой группы Демид с удивлением увидел Данилу Званцова.

— А если мы тебя пригласим заглянуть в кафе «Элион» на коктейль? Пойдешь?

— Нет.

— Я не люблю, когда пренебрегают моими друзьями,— тихо сказал адвокат.— Вы что, брезгуете нашей компанией?

— Угадали,— ответил Демид и, отступив на шаг, спружинил ноги, чуть согнув колени, как учил его Володя Крячко.

— Осторожно, Геннадий, видишь, он уже приготовился,— предупредил Званцов своего дружка.

— Что ж, отложим выяснение отношений до другого случая.

— Отложим,— сказал Демид.— Я похоронил близкого мне человека, и сейчас мне не до кафе.

— Понимаем и подождем,— согласился Геннадий,— только прими один совет: перестань забивать глупостями голову девчонке.

— Какой девчонке? — не понял Демид.

— Ларисе. Сделай вывод, мы тебя предупредили.

Демид постоял немного, глядя вслед удаляющейся группе. Небо стало нежно-серебристым, каким оно бывает, когда за тонкой сеткой облаков прячется полная луна; все вокруг наполнилось голубоватым светом, и дома, и деревья, и фонари, и скамейки на дорожках бульвара — все вдруг изменилось, сделалось нереальным, сказочным. Как было бы славно на земле, если бы рядом жила Ольга Степановна! Но ее нет и не будет. Демид тяжело вздохнул и, уже не глядя на окружавшую его красоту, пошел домой. Во всем он успеет разобраться, разберется и с этими шалопаями, угрожающими ему за Ларису. Ее он в обиду не даст! Вот только завтра сходит к Трофиму Ивановичу.

На другой день, после работы, Демид оформил в сберегательной кассе книжку («на предъявителя», как и велел Трофим Иванович). Вся сумма, до копейки. На его книжке еще немного осталось, да и зарплата скоро. Так что ты богатый человек, Демид Хорол, жить можно. На зиму надо что-то купить попристойнее его бушлата, и костюм не мешало бы...

На улицу Воровского он пришел часов в семь, Трофим Иванович в это время наверняка должен быть дома. Поднялся по мраморным ступеням на второй этаж, представляя, как будет удивлен и обрадован Колобок, когда Демид вернет ему долг значительно раньше, чем рассчитывал. Бутылка шампанского оттягивала пластмассовый кулек. Что-то он зачастил пить шампанское: вчера — с

будущим королем, сегодня — с внучкой бывшей камер-фрейлины. Высоко залетел ты, Демид, смотри, где-то сядешь. Подумал и улыбнулся: никуда он не залетит, крепко стоит на своей земле — и дед, и прадед, и отец его были рабочими, да и его, Демида, дети тоже ими будут...

Дети. До детей дожить еще нужно.

На его звонок дверь открыл сам Колобок.

— Что ты звонишь, как на пожар,— недовольно сказал он, пропуская Демида и запирая за ним дверь.— Проходи в комнату... Чего ради ты заявился? Кто тебя подослал?

— Никто не подсылал. Сам приехал, долг принес. По этому торжественному случаю припасено шампанское.— Демид поставил на стол пузатую бутылку. Колобок взглянул на нее, как на гранату, из которой уже вынули чеку, еще мгновение — и она взорвется.— Успокойтесь, что с вами? Кого вы боитесь?

— Врагов, которые не могут простить моей женитьбы на Анастасии Петровне.

— Так вы поженились? Без архимандрита? Поздравляю. Следовательно, пришел я своевременно.

Демид с наслаждением вынул из кармана новенькую серую сберегательную книжечку. Раскрыл первую страницу, протянул Колобку, тот взглянул и замер.

— Пожалуйста,— сказал Демид,— ваша!

Колобок схватил книжку, все просмотрел, проверил печать, подписи — все правильно, все законно. И быстро сунул ее в боковой карман.

— Только ты и видел эти денежки...

И в этот момент Демиду вспомнились слова Софьи Павловны: «Послушай, а тебе никогда не хотелось набить Трофиму Ивановичу морду?» Они прозвучали так громко, словно она только что произнесла их вслух. Демид даже оглянулся, но в комнате, кроме их двоих, сидящих за столом, никого не было. Взгляд его упал на бутылку.

— У нас когда-то были красивые высокие бокалы, специально для шампанского.

Эти бокалы покупала мама, сначала их было шесть штук, потом Демид разбил один, затем второй, осталось что-нибудь от них сейчас?

— Этого добра у нас хватает.— Колобок уже успокоился, подошел к буфету, достал два высоких бокала, поставил на стол.

Когда шампанское было разлито по бокалам и они медленно, смакуя, отпивали обжигающее приятное вино, Демид сказал:

— Когда вы влюбились в Софью Павловну, на вас приятно было смотреть — такой вы были радостный и молодой.

— Эх, Софья Павловна,— медленно поднося к губам бокал, задумчиво и мечтательно проговорил Трофим Иванович. — Один только шаг отделял меня от счастья.

Они выпили, и Колобок достал из кармана сберегательную книжку, посмотрел, убедился в ее реальности и снова спрятал.

— Я счастлив, что воспитал тебя честным и верным. Ты сдержал слово. Выпьем за твое здоровье.

В этот момент в дверях появилась Анастасия Петровна.

— О, у нас гости! — весело воскликнула она.— Выпиваете и без меня?

Демид даже не узнал ее, настолько она была приветлива, любезна.

— Анастасия... — начал было Колобок, но договорить ему не пришлось.

— А ты, чурбан, сиди и помалкивай, пока тебя не спрашивают,— вызывающе проговорила Анастасия Петровна, словно и не была внучкой камер-фрейлины.— Бокал я себе принесу. У меня черешни есть и абрикосы — прекрасная закуска к шампанскому.

Она театрально улыбнулась гостю и вышла из комнаты, а Демид понял, что отношения в квартире на улице Володарского далеко не простые.

— Сейчас будущее мое представляется мне туманным,— отозвался Колобок.— Раньше она не уважала меня за недостаточно высокое происхождение, сейчас, когда в кинотеатре стала председателем месткома и не захотела, чтобы нас венчал архимандрит, не уважает за незнание поэзии, за нелюбовь к театру и за то, что меня никто никуда не выбирает. И потому я прошу тебя, — он прижал ладонь к груди, где в кармане пиджака лежала сберегательная книжка,— прошу тебя — ни слова о деньгах! Они еще могут мне здорово пригодиться...— помолчал и добавил, сожалея: — До счастья был всего лишь шаг...— и замолчал уже надолго, потому что в комнату вошла Анастасия Петровна.

Демид подумал, что главные испытания у Трофима Ивановича еще впереди.

Глава девятнадцатая

На следующее утро он проснулся до восхода солнца и несколько минут лежал неподвижно, глядя, как медленно и радостно комнату заполняют солнечные лучи. Свет постепенно меняли, становясь ярче, чище, и соответственно поднималось и его настроение, даже воспоминание о вчерашнем свидании с Колобком исчезло, не оставив горького следа. Нет у него больше ни долгов, ни обязанностей ни перед Колобком, ни перед матерью Лили, ни перед самой Лилей...

А что же у него есть?

Во-первых, ВУМ. Во-вторых, университет. В-третьих... Здесь он неожиданно для себя словно споткнулся. Оказалось, что на третьем месте для него — три тома, завещанных Вовгурой. Подожди, подожди, кто тебе сказал, что ты о них должен думать? Никто не говорил, думать над ними ты не обязан, и все-таки не выходит из головы разговор с Баритоном. Все-таки интересно решить эту математическую и техническую задачу, интересно, наконец, создать такую машину. И отсидеть за нее пятнадцать лет в тюрьме?

Нет, он не собирается воровать, не будет делать ключей к сейфам! Все это не для него. А вот попробовать, хватит ли у него знаний математически рассчитать и потом начертить схему такой машины — это его дело.

В-четвертых, не далее как сегодня он снова пойдет в спортзал. Соскучился по Володе Крячко и по Софье Павловне, и вообще по нормальной жизни. Пусть Колобок тетешкает свою сберегательную книжку: он, Демид, так жить не будет.

И вновь неожиданная горечь сжала сердце: нет у него друга и советчика, умерла Ольга Степановна, пусть земля ей будет пухом.

Демид резко поднялся с тахты, взмахнул несколько раз руками, наклонился раз десять, коснувшись пальцами пола. Можно считать, с зарядкой покончено. Оделся, оглядел себя в зеркало. Правду сказала Лиля, голодранец он на вид, только и красы, что буйная темно-золотая шевелюра да синие глаза. Но ведь это девчатам пристало гордиться глазами, а ему, парню,— нет. Правда, если быть до конца откровенным, то взгляд ему нравится — прямой, твердый, и брови, почти сросшиеся на

переносье, мужественные, строгие, как у отца на фотографии.

Вот и часы нормальные для дома надо бы купить, с боем! А будильник Альберта Лоботряса — на кухню, там ему и место. Да и столик какой-нибудь не мешало бы заиметь.

Купим часы! И столик купим! Как это хорошо, когда ты никому ничего не должен и можешь теперь распоряжаться и своим временем, и своей судьбой. Его словно на крыльях вынесло из дома, перенесло через улицу. Это не составило никаких физических усилий и, хотя противоречило законам физики, было чистой правдой: видно, не все зависит от законов физики, многое — от настроения.

И вдруг увидел впереди Ларису. Девушка стояла, перекладывая из одной руки в другую тяжелую сетку с продуктами. Улыбчиво щуря пронизанные солнечным светом глаза, спросила:

— Что это ты сверкаешь, как медный таз?

— От счастья!

— А ты знаешь, какое оно?

— Знаю.

— Может, и мне скажешь? — Темные глаза девушки мерцали в чащобе густых ресниц.

— Конечно. Счастье — это возможность заниматься делом, которое тебе по душе.

— Ну, а как быть с работой, которая никому не нравится? Ее на мою долю оставишь или как?

— Нет, ее тоже мне придется делать,— вздохнул Демид.— У кого хватит духа заставить такую хорошенькую девушку заниматься делом, которое ей не нравится!

— Я не люблю, когда надо мной подшучивают, и прошу это запомнить,— веско заметила Лариса.— Комплименты позволительны, когда для этого есть основания, а иначе они походят на насмешку.

— При чем тут комплименты,— горячо отозвался Демид,— когда это чистая правда. Я действительно так думаю.

Взглянул на нее и улыбнулся: никакой особенной красавицы пока из нее не вышло, просто симпатичная, славная девчонка... И вдруг вспомнился тот морозный вечер, когда он оттирал ей замерзшие пальцы. Сам не зная почему, сказал:

— Приходи в гости. Не только тогда, когда тебе будет трудно, а просто так...

— Спасибо, приду.

— Счастливо. Подожди,— вдруг вспомнил Демид,— тут мне на днях один тип настоятельно рекомендовал не морочить тебе голову. Ты не знаешь, каким образом я это делаю?

— Какой тип?

— Геннадий, Тристан... Это твоя компания?

— Моя. С ними интересно. Я о тебе с ними часто говорю...

— О чем именно, если не секрет?

— Что нашел в тебе мой дед? Ты же знаешь, как меня этот вопрос занимает.

— Ты им обо всем рассказала?

— Нет, о книгах не говорила, это не мой секрет. О тебе расспрашивала, понять тебя хотела, вот они и решили, что у нас с тобой... Скажу тебе честно, что для меня будет величайшим разочарованием убедиться, что ты всего-навсего стандартный продукт научно-технической революции, и ничего больше...

— Так оно и есть,— ответил Демид,— а Тристан Квитко не стандартный?

— О, нет... Я, возможно, за него замуж выйду. Правда, с одним условием...

— У вас уже и такие разговоры ведутся?

— Да, так вот: может, и выйду, если он совершит поступок, который будет равен подвигу.

— Ну что ж, договор серьезный. А пока подвиги еще не совершены, приходи ко мне в гости.

— Может, и приду когда-нибудь...

Несколькими минутами позже Демид уже входил в свой девятый цех. Первым ему встретился счастливо улыбающийся Валерий Пальчик.

— Можешь поздравить! Вчера переехали.

— Квартиру получили?

— Маленькую, но отдельную. Рай!

— Поздравляю. Насколько я понимаю, Гане скоро предстоит идти в декретный отпуск?

— Думаю, что именно так и случится,— ответил счастливый Валера.

В тот день все ладилось у Демида: и работа выпала интересная — монтаж пульта управления М-4030. Передняя ее панель — целый щит размером, примерно, в квадратный метр, если не больше, а на нем ряды тумблеров, по двадцать два в каждом, над ними лампочки. Внизу девять черных квадратных кнопок, которые задают

режим работы машины. А по углам щита тоже тумблеры и тоже лампочки. Одна из них, в правом углу внизу, особенно зловредная, называется «схемный контроль», красная, как огонек светофора. Когда она горит, это означает, что в машине где-то неполадки. Организм машины настолько сложный и быстродействующий, что человек просто не в состоянии уследить за его работой. Для этого и смонтированы автоматические схемы контроля.

Сейчас перед Демидом всего лишь голый щит, где слесари установили тумблеры, переключатели и лампочки, а на его долю выпало связать все эти элементы заблаговременно приготовленными проводниками в единую систему; словно вдохнуть в металл живую душу.

Машина, о которой мечтал Аполлон Вовгура, пожалуй, имела бы чуть меньший пульт управления, но также обошлась бы без вспомогательной аппаратуры, одним магнитофоном. Высоту выступов на бородке ключа просто можно было бы прочитать на лампочках, смонтированных попарно. Скажем, ни одна не горит — два миллиметра, первая загорелась — четыре, вторая — шесть, обе горят — восемь миллиметров. Конечно, не точно, но если подумать о системе допусков в современных замках, то плюс минус один миллиметр абсолютно приемлемы.

Интересно получается, Демид! Ведь знаешь, что такая машина никому не нужна, и все равно всякий раз, когда думаешь о ней, сердце полнится волнением, как перед путешествием в далекую и неведомую страну. Строить такую машину, конечно, не стоит, а набросать схему можно. Для практики, для того, чтобы доказать себе самому, на что ты способен.

Нужно не спеша разработать математическое обеспечение машины, осмыслить и записать все данные. Язык слов и размеров перевести в двоичный код, понятный машине, а уж потом решить, захочется ему строить такую машину или достаточно будет одной теории. Так он и сделает. Руки орудовали паяльником и пинцетом, а мысль, как загипнотизированная, возвращалась к машине, о которой мечтал дед Ларисы.

Смотри-ка, вот и конец смены. Завтра закончим этот пульт управления. А у его машины пульт управления будет другой. Он установит маленькие тумблеры, они продаются в магазине «Юный техник» по двадцать одной

копейке за штуку. Фольговый текстолит для панелей тоже там продается, и выбракованные интегральные схемы он видел... Что же выходит? Признайся сам себе, ты уже думал над тем, где взять детали для своей будущей машины? А там, глядишь, и ключ к сейфу сделать захочется?

Нет, этого не случится. Демид заставил себя забыть о машине Баритона. Самое время было заглянуть в десятый цех, посмотреть самую интересную на свете вещь: как работает комплекс Павлова.

Теперь, когда стало много свободного времени и появилась возможность перейти с заочного на вечернее отделение университета, когда отданы все долги, а на душе так, словно ты на рассвете вышел на берег реки, которая еще парует прозрачным туманом, и бросился с разбега в эту тихую, сонную воду, вынырнул, набрал полную грудь лесного пряного воздуха и, посмотрев в высокое чистое небо, снова нырнул,— теперь обо всем можно мечтать.

Возможно, не совсем такое, но схожее чувство испытывал Демид, когда приходил в десятый цех, шел в дальний угол, где шла сборка машины М-4030, ставил стул к стене и будто смотрел хорошо поставленный спектакль, наблюдая за работой наладчиков.

Поначалу ему казалось, что он понимает решительно все. Через час убеждался, что не понимает ровным счетом ничего. Еще через час снова все представлялось ясным, а потом опять полнейший хаос.

Тогда он решил следить не за работой всей бригады, а за тем, что делает один инженер-наладчик, и сразу начал понимать куда больше. Как прослеживает, проверяет инженер работу каждой электрической цепи машины? Когда подводит осциллограф, размещенный на маленьком столике, и на его экране проверяет наличие или отсутствие напряжения? Как запускает программу теста и приказывает машине проверять саму себя?

Демид так мог сидеть часами. Раньше у него просто не было на это времени, а теперь появилось. Рано или поздно, а он будет работать здесь, в десятом цехе, это его мечта, и она сбудется, а пока нужно вжиться в цех, в работу бригады, больше того, постигнуть логику мысли каждого наладчика. Только не быть назойливым. У ребят и так работы по горло, разрешают смотреть — и на том спасибо.

Потом, когда стрелки на часах, вмонтированных в стену под самым потолком, вытянулись в одну прямую линию, показывая шесть часов, он незаметно вышел, весь еще наполненный напряженным ритмом работы. Шел, не торопясь, будто боялся что-то забыть, что-то упустить, расплескать хотя бы каплю своего настроения.

Он будет приходить сюда каждый день после своей смены и, конечно, многому научится, сроднится с работой бригады, и придет время, когда он станет здесь работать. Наладчики из десятого цеха ВУМа часто идут на повышение, переходят в научно-исследовательские институты, становятся руководителями огромных вычислительных центров. Возможно, когда-нибудь освободится место и для Демида Хорола, и очень хотелось бы оказаться к тому времени не наивным новичком, а опытным рабочим.

Что ж, начинать новую жизнь, так начинать, и начнет он ее с магазина. Демид с удовольствием купил себе спортивный костюм, кеды и подошел к спортивному залу именно в тот момент, когда около подъезда остановилась новенькая синяя машина. За рулем сидел профессор Лубенцов в светлой, в яркую клетку рубашке. Воротник расстегнут, лицо веселое, азартное, сильные руки, поросшие темными волосами, лежат на руле, как железные, лысина блестит, и глаза полны ликования. Но не он удивил Демида: рядом с ним сидела Софья Павловна, радостная, светящаяся улыбкой. Смеется, что-то говорит, прощаясь, кладет свою руку на руку профессора и легко выходит из машины.

«Жигули» сразу рванули с места, а Софья Павловна осталась стоять на тротуаре с приветливо вскинутой рукой.

И Демид решил: молчать он не имеет права. Софью Павловну необходимо предупредить.

Женщина заметила его, все так же улыбаясь, подошла ближе, окинула взглядом его хмурое лицо.

— Что случилось, Демид? Ты чем-то расстроен?

— Со мной ничего не случилось,— тяжело ворочая языком, проговорил Демид,— все в полном порядке.

— Снова на самбо будешь ходить?

— Буду,— с сожалением глядя на Софью, на ее красивое, яркое лицо, сказал Демид.

— Ну тогда идем в зал.

В душе паренька грохотал гром, бушевал ураган. Ему необходимо сейчас, сию минуту сказать Софье Павловне,

что и на этот раз судьба сыграла с ней жестокую шутку. А может, лучше поговорить с самим Лубенцовым? У Демида Хорола хватит смелости. Пусть знает, что у Софьи Павловны есть надежные друзья и защитники.

— Привет! — обрадовался Володя Крячко, увидев его в зале.— Я знал, что рано или поздно ты вернешься. Человек, попробовавший вкус самбо, не забудет этого чувства всю жизнь.

— Это не от меня зависело...

— Надеюсь, что не от врача? Пойдем, проверим.

И снова жесткие пальцы хирурга мяли, давили ногу Демида.

— В армию его в таком состоянии могут и не взять. Колено надо разрабатывать, терпеливо и длительно. Нагрузку можно усилить.

— Вот это мы сейчас и проделаем,— обрадовался Володя Крячко и действительно усилил нагрузку, так что о Софье Павловне Демид вспомнил, лишь когда мылся под душем.

— Можно вас на минуточку? — спросил он женщину, когда та вышла из раздевалки.

— Мы долго не виделись, Демид, целую вечность,— весело сказала Софья.— И я рада видеть тебя.... Мне там, у входа, показалось, что у тебя что-то случилось.

— Случилось. Ольга Степановна умерла. Помните?

— Конечно. Очень жаль. Какая это страшная неизбежность — смерть.

— Да, вы правы,— сказал Демид.— Посидим немного?

Софья посмотрела в широкое окно вестибюля: у подъезда синих «Жигулей» еще не было.

— Не хотелось бы мне заводить этот разговор, — начал было Демид, опускаясь в кресло,— но и молчать не могу. Не сердитесь на меня, Софья Павловна, может, я бестактно вмешиваюсь не в свое дело, но мне страшно.

— Страшно? — Серые глаза женщины остановились на лице Демида.— За кого?

— За вас. Сегодня вы вышли из машины, за ее рулем сидел человек... И мне стало страшно.

Софья нервно достала сигарету, протянула ее Демиду.

— Спасибо, я не курю. Володя Крячко запретил.

Женщина глубоко затянулась, выдохнула легкое облачко дыма и спросила:

— Откуда ты узнал?

— Рассказал человек, сидевший вместе с ним в тюрьме. Софья Павловна, поймите меня правильно, это не сцена ревности, хотя я, признаюсь, был в вас влюблен, это страх перед человеком, который... Очевидно, в его жизни бывают минуты, когда он не управляет собой, когда чувства становятся не подвластны рассудку... Вы знали об этом?

— Знала.

— И все-таки...

— Если хочешь знать, я рада, что ты начал этот разговор. Я сама все хорошо понимаю. Я часто спрашивала себя: чем привлекал меня к себе Колобок? Ведь чем-то привлекал. Это не была легкая интрижка, как говорили в прошлом столетии. Долго думала и поняла: он меня привлек тобой, преданностью тебе, тем, что не бросил в трудную минуту, хотя мог это легко сделать. Ты когда-то сказал, и эти слова я запомнила: «Он верный». Так вот, это, скорее, относится к Лубенцову, это он верный, но нужно быть и с ним таким же честным человеком, таким же преданным ему, как и он.

— Я его не осуждаю,— глухо сказал Демид.— Я за вас боюсь.

— А я осуждаю,— строго сказала Софья.— Человеческая жизнь слишком большая ценность, чтобы так просто распоряжаться ею. Но я уверена, что у Лубенцова было время понять это. И на всю жизнь сделать выводы... Ко мне поздно пришла эта любовь, но хорошо, что пришла. И не ослепила. Я еще ничего не решила...

— Он хороший, он очень хороший,— горячо проговорил Демид, вспомнив рассказ о Лубенцове Аполлона Вовгуры.

— Вот видишь, то ты меня предостерегаешь, то агитируешь,— засмеялась Софья,— все тут так сложно... Знаешь, когда я вижу, как у него навстречу мне расцветают глаза... Ты помнишь его глаза?

— Помню.

— Где-то здесь, совсем рядом, наше счастье. И очень хотелось бы не ошибиться. Потому что та история действительно страшная...

— Посмотрите, уже стоят «Жигули».

— Да, уже стоят. Ты знаешь, человеческая психика — странная штука, я сейчас вдруг, разговаривая с тобой, все решила.

— Скажите ему об этом. Мне очень хочется, чтобы он был счастлив.

— Говорить я пока ничего не буду,— ответила Софья, загасила недокуренную сигарету о пепельницу и быстро, не прощаясь, вышла из вестибюля. Демид еще успел увидеть, как навстречу ей засветились глаза Лубенцова...

Он продолжал еще сидеть в кресле, глядя в окно, за которым только что стояли синие «Жигули», когда к нему подошел Данила Званцов и сел рядом.

— Ждешь кого?

— Нет, думаю. Послушай, Данила, ты помнишь ту нашу встречу на бульваре Ромена Роллана?

— Еще бы! И поверь мне, драться еще будете. Ты встречаешься с Ларисой?

— Специально — нет. Так, изредка, случайно, на улице. Мы с ней были соседями на Фабричной.

— К слову, вашу Фабричную уже переименовали в улицу имени Аветика Исаакяна.

— Знаю, но для меня она на всю жизнь останется Фабричной.

— Ну и что там, на Фабричной, у вас с ней было?

— Ничего. Детьми мы с ней были!

— Странно. Вроде бы действительно все так, как ты говоришь,— словно стараясь решить какую-то сложную задачу, сказал Данила,— и все-таки чего-то я тут не понимаю. Каждое третье слово этой Лариски о тебе, о том, что ты потенциальный преступник и что тюрьма по тебе плачет. Говорит, в этом нет никакого сомнения...

— Ну хорошо, допустим, я злодей в будущем, но Тристану-то до этого какое дело? Он что, хочет расширить свою адвокатскую практику?

— Он просто не может пережить, когда говорят о ком-то другом. Он умный и, если хочешь знать, по-сумасшедшему влюблен в Лариску.

— Влюблен? Что ты плетешь?..

— Что слышишь. И не плету, а говорю правду. На все готов, чтобы добиться своего, взять ее, покорить, даже, может, жениться на ней. Думаю, если бы она поменьше о тебе говорила, ему бы не так этого хотелось. Понимаешь, гордость мужская. У него репутация человека, перед которым ни одна девушка не устоит.

— И это действительно так?

— В какой-то мере. Он остроумный, щедрый, начитанный, знает много стихов, умеет тронуть нежнейшие струны девичьей души.

— И много у него этих... душ?

— Я не Лепорелло, и счет его донжуанским подвигам не веду, но знаю, что было немало. И что удивительно: казалось бы, девчата, когда он их бросает, должны его ненавидеть. Ничего подобного! И вот — на тебе: появляется этакая Лариса, которая вовсе не вздыхает по Стану, а все время говорит про какого-то Хорола. Есть от чего свихнуться.

— Она же только в десятый класс перешла, ребенок еще.

— Вот здесь ты ошибаешься, — серьезно сказал Данила, — Лариска — все, что хочешь, только не ребенок... Мы мало про нее знаем. Что-то она в себе утаивает. Вдруг начнет мечтать о вещах, нам непонятных. О возможности вдруг стать обладательницей несметных сокровищ... Откуда это у нее?

— От деда. Дед у нее был большой выдумщик.

— Все эти мечты и разговоры связаны с тобой, и только с тобой. Вот Стан и мучается. Он как-то мне сказал, что, как только она закончит школу, женится на ней и такую ей устроит житуху, что ее в дрожь будет бросать от одного имени Демида Хорола.

— Странные вещи,— сказал Демид,— живет себе на свете человек, в данном случае я, работает, учится, смотрит на свет божий и не имеет никакого представления, что вокруг него кипят, можно сказать, испанские страсти.

— Так-то и не знаешь?

— Представь себе. Послушай, а он в своем уме, твой влюбленный Стан?

— Во-первых, он не мой, а во-вторых, он далеко не дурак. Это человек, который привык быть первым... Он просто не может быть на втором плане, не может быть в тени. Любой ценой, но он будет первым, в самом центре событий, внимания, обожания, если на то пошло. Разумеется, не всего Киева, так хоть одного кафе «Элион», но в центре. А Лариску он одолеет, для него сейчас это дело чести. Я так понимаю. Есть такие натуры: для них главное — настоять на своем. Наверное, женится на ней. Другого пути я не вижу.

— А если она не захочет?

— Вряд ли. Когда такие люди, как Стан, предлагают руку и сердце, девчонке трудно устоять.

— Жаль мне Ларису...

— Имей в виду, от жалости до любви один шаг. Во всяком случае, хочу тебе дать добрый совет: поостерегись, рядом со Станом всегда Геннадий...

— Хорошо, поостерегусь,— засмеялся Демид.

Они вышли вместе из спортзала, и снова Демид отметил, как привлекает внимание прохожих ладная атлетическая фигура Званцова, его на удивление пластичные движения.

И сразу предостережения Данилы развеялись, как легкий утренний туман от резкого порыва ветра. Некого ему, Демиду Хоролу, бояться! Он живет и будет жить, как хочет. А вот книги старика Баритона, видно, сильно повлияли на Ларису. А на него не повлияли?

Пришел домой, поужинал, взгляд упал на тахту, где лежал переплетенный в кожу один из томов Вовгуры. Не удивительно, что на Ларису, в сущности. еще глупенькую девчонку, они производят впечатление, есть в них что-то особенное, завораживающее... Вот у нее воображение и разыгралось... Милая, смешная девчонка! В книгах деда все прозаично, всего-навсего описан ключ от сейфа, который в 1954 году выпускал славгородский завод. Хотя... Старался Баритон, старался. Ни одной детали не упустил. Перевести все это на математический язык ему, студенту мехмата, проще пареной репы. Кстати, надо съездить в университет, подать заявление о переводе с заочного на вечернее отделение. Одно дело слушать обзорные лекции Лубенцова во время сессии и совсем другое — прослушать весь его курс. И снова мысли обратились к Софье Павловне, только на этот раз почему-то за нее не было страшно... Посмотри-ка, как тщательно описан ключ от сейфа Фрица Вертгейма! Переведем это на язык цифр, и станет он длинным числом, состоящим только из нулей и единиц. Вполне возможно, машина не только определит размеры, но и спроецирует ключ на экране. А что, не исключено! И опять, зачем понадобился тебе ключ от сейфа старого Вертгейма?

Не ключ был важен Демиду. Был в его интересе к записям Вовгуры один момент: чисто мальчишеское еще удивление перед этим электронным чудом — ЭВМ, вера в ее безграничные возможности, ожидание чего-то необычного. Вполне возможно, машина найдет свой вариант решения, подскажет свой путь — и откроется тайна. Разве это не чудо? Машина — это не мозг человека, но решения ее зачастую могут быть неожиданными. Пиши, пиши, не ленись, места на магнитной ленте хватит.

А вот этот ключ так понравился Вовгуре, что он даже нарисовал его. Какой это номер? Тридцать восьмой...

Демид не заметил, как задремал за книгой, и рису-

нок ключа словно ожил... Вдруг очнулся. Книга, соскользнув с колен, упала на пол. Что его разбудило? Знакомо и тихо позвал звонок детского телефона. Так по утрам его будила Ольга Степановна... Демид почувствовал, как по телу пробежал озноб.

Телефон позвонил снова, и парень взял трубку.

— Слушаю,— через силу, осипшим вдруг голосом сказал он.

— Демид, иди к нам чай пить,—послышался молодой, хорошо знакомый голос.— Ты что молчишь? Это я — Ганя, не узнал?

Оказывается, как все просто в жизни: нет чудес, есть обыкновенная очередь на получение квартир в райсовете...

— Это я от неожиданности,— наконец справился с собой Демид.

— А для нас не было неожиданностью, ведь мы знали, где ты живешь,— весело щебетала Ганя.

— Почему же не позвали помочь?

— Не нужно было, здесь все оказалось в лучшем виде, ты все организовал. Я знаю. Управдом так и сказала.

— Не совсем так,— возразил Демид, с болью вспоминая свою учительницу.— Просто не хотелось выбрасывать вещи Ольги Степановны, понимаешь, рука не поднялась. А придумала все это Лариса...

— Вот и расскажешь о ней, когда придешь,— уже тоном приказа заявила Ганя.— Мы ждем. А этот телефон — твое лучшее изобретение!

Демид, уже стоя на пороге, оглянулся. Неуютная все-таки у него квартира. Шторы бы, что ли, на окна купить? Впрочем, вряд ли помогут шторы. Хозяйка здесь нужна, хозяйка!

Глава двадцатая

После Нового года, когда мороз разрисовал огромные окна шестого цеха фантастическими листьями папоротников и пальм, Валера Пальчик подошел к монтажному столу, за которым работал Демид, и сказал:

— Все!

— Я знаю примерно десять значений этого слова в твоем лексиконе...

— Сейчас узнаешь одиннадцатое. В шестом цехе ты больше не работаешь.

Валера сказал эти слова торжественно, гордо и одновременно трагически.

— Вечная история,— заявил он,— мы берем сырой материал, отформовываем его, обрабатываем, шлифуем, а когда он становится скульптурой, передаем другим.

— Это я, что ли, стал скульптурой?

— Ты, конечно. И переводят тебя в десятый цех к комплексу товарища Павлова. Ты сам об этом просил, или они проявили инициативу?

— Просил я сам,— искренне признался Демид,— но эту мысль когда-то подкинул мне Павлов.

— Значит, потянуло к широким горизонтам и необъятным мечтам, и стало тебе маловато наших скромных тэзов, на которых, можно сказать, держатся все электронно-вычислительные машины.

— Честно говоря, маловато...

— Понимаю, все понимаю. Ну, хорошо, закрывай свои наряды, сдавай инструменты, а завтра — к Павлову.

— Валера,— неожиданно заинтересовался Демид,— а тебе никогда не хотелось перейти в десятый?

— Мне даже предлагали,— ответил бригадир, и Демид не усомнился в искренности его слов,— только я однолюб. Люблю свой цех, свою бригаду. Хочу сделать их такими, чтобы и они мной гордились. Переходить от интересного к более интересному, меняя место работы,— это просто. Интересное сделать еще более интересным — вот задача!

— Ты не одобряешь моего поступка?

— Почему же? Одобряю. Все правильно. Для тебя, а не для меня. Просто у нас с тобой разные характеры. Когда ты впервые пришел к нам в цех, я уже знал, что ты здесь не засидишься, я к твоей работе приглядывался. И если основная проблема кибернетики когда-нибудь будет решена, то сделают это такие, как ты.

— А в чем, по-твоему, эта проблема?

— В отставании математики, в отставании программирования от технических возможностей машины. Программист иногда годами составляет программу, которую машина потом решает за пять минут. До тех пор пока мы не научим машину программировать, поставив перед ней лишь общую задачу, кибернетика не станет кибернетикой в полном понимании этого слова.

— И ты думаешь, что решать эту проблему придется мне?

— Может, не тебе лично, но твоему поколению.

Валера был старше Демида только на семь лет, но по работе с полным правом мог считать себя старше на целое поколение. И если такой, как Валера, рядовой бригадир, правда, с высшим образованием, задумывается над основными проблемами кибернетики, то они наверняка будут решены. Ведь если лучшие, ищущие умы думают над этим, то просто невозможно, чтобы где-то не вспыхнула искра нового открытия.

— Андрей Валерианович тебе не мешает? — вдруг, улыбнувшись, спросил Валера.

— Какой Андрей Валерианович? — не сразу понял Демид.

— Мой Андрюшка.

— А-а, нет, не мешает, его и не слышно вовсе,— засмеялся Демид и в душе позавидовал: у Валеры есть сын.

— Вот подожди — мы с ним скоро гантелями начнем заниматься,— пообещал Валера,— тогда услышишь.

Демид еще что-то говорил, шутил, смеялся, заканчивая работу и сдавая инструмент, а мысли его были уже там, в десятом цехе.

Есть какая-то удивительная притягательная сила в науке, которая называется кибернетикой, и во всем, что связано с электронно-вычислительными машинами. Они вошли в быт и в промышленность, простейшие из них стоят в обычных сберегательных кассах, а все равно столкновение с ними, соприкосновение с заложенной в них идеей обязательно вызывает ощущение встречи с будущим. И это справедливо: наше будущее, завтрашний день всей планеты в большей степени зависит от того, как станет развиваться именно эта наука. Будет ли человечество жить мирно и счастливо, или через несколько поколений погибнет в атомной катастрофе, тоже в большей степени зависит от нее. Кибернетика — это наука-инструмент, и, чем точнее и надежнее он будет, тем счастливее будут люди. Счастливее? Да, все дело в том, в какую сторону пойдет развитие этой науки, в чьих она окажется руках...

«Мысли мои, наверное, весьма примитивны. Чтобы по-настоящему глубоко рассуждать о таких серьезных вещах, еще нужно учиться и учиться»,— подумал Демид, открывая дверь своей квартиры. Всегда хочется быстрее

очутиться в знакомом уютном тепле, хотя ему теперь и мороз нипочем. Он купил себе теплую синюю куртку, меховую шапку. А старый платок Ольги Степановны, который когда-то спасал его от простуды, теперь вспоминает с нежностью и грустью. Вот так мы теперь живем, товарищ Хорол, а летом, может, в Крым в отпуск поедем, а может, и за границу. В завкоме есть любые путевки, заводской профсоюз — организация мощная, было бы желание ездить, смотреть, узнавать...

Ну, а сегодня он займется библиотекой, надо привести книги в порядок. Комната небольшая, вот он и сконструировал специальные полки, нашел ребят-столяров из соседнего дома, они сделали все точно, как он хотел, еще и чертежи у него выпросили, пригодятся, говорят, для других книголюбов, все квартиры стандартные, выходит, и мебель может быть одинаковой.

Вчера он просверлил дрелью в бетонной стене отверстия, вбил туда деревянные пробки, сегодня привернет шурупами полки, все будет держаться прекрасно. Красивое наследство оставила ему Ольга Степановна! Книги он разместит так, чтобы удобно было ими пользоваться: вниз поставит собрания сочинений, энциклопедический словарь. Над ними поместит современную литературу, справочники, еще выше встанет поэзия, он до нее не часто добирается, но может быть, придет время, захочется и ее почитать.

Взявшись обеими руками за раму, тряхнул стеллаж: стоит словно забетонированный, можно расставлять книги. И только наклонился за первыми томами, как позвонили в дверь. Бросился открывать — так и есть, Лариса. Стоит на пороге, нос покраснел, шубка заиндевела.

— Ты счастливый человек, Лариса, — сказал Демид, здороваясь с ней и принимая от нее пальто,— приходишь, когда тебя ждут и помощь твоя просто необходима. Видишь, благоустройством занимаюсь, стеллаж установил, будем с тобой книги разбирать.

— О, это я люблю,— Лариса взяла первую попавшуюся ей под руки книгу, раскрыла ее, лицо приобрело детское, ласковое выражение, пухлые губы тронула улыбка.— Гоголь, «Вечера на хуторе близ Диканьки»... Это не я счастливая, а ты: видишь, какими сокровищами владеешь! Я у тебя буду брать, как в библиотеке, ладно?

— Бери, пожалуйста. Прошлый год у меня был трудный, минуты свободной для чтения не мог выкроить.

Но зато теперь уйма времени, так что наверстаю. Составлю себе программу...

— Ты не человек, а счетно-вычислительная машина. Таких, как ты, знаешь как современные девчата называют? Кибер! Шагу не ступишь без программы. Интересно, если тебе когда-нибудь захочется поцеловать девушку, ты тоже сначала запрограммируешь сей шаг?

— Все будет зависеть от того, какая окажется девушка. Если такая же хорошенькая, как ты, особенно с мокрым от мороза носом, то жди неожиданностей.

Лариса достала из рукава школьного платья платочек, вытерла нос. Наверное, снова дома переодеться не успела.

— А ты понемногу приучаешься говорить девушкам комплименты и превращаешься в обычного нахала. Прежде я смело шла к тебе, зная, что ты на такие штучки не способен, теперь такой уверенности у меня нет. Ты изменился к худшему.

— Не я изменился, Лариса,— улыбнулся Демид,— а ты красивой девушкой стала...

— Вот опять твои шуточки... А скажи откровенно, почему я тебе не нравлюсь? Как девушка?

— Ну, какая ты девушка? — снова рассмеялся Демид.— Ты для меня Лариска с Фабричной улицы. Но не зарекаюсь, подождем с годик, может, я ковром перед твоими ногами расстелюсь, стихи сочинять стану, конечно, с помощью машины, все, что захочешь, для тебя сделаю...

— Ничего мне от тебя не нужно. Хватит с тебя и Лильки. Ну, чего ты сидишь? Расставляй книги. Это дело тоже надо с умом делать.

— Как всякое дело. Справочники и учебники — вот на эту полку, чтобы под рукой были, а поэзию загоним наверх, до нее дело пока не дошло...

— Ты узко и односторонне воспринимаешь мир: ты прямолинеен и прагматичен, а я, например, полифонична.

— Как ты сказала? Полифонична? — переспросил, насторожившись, Демид. Слово редкое, но где-то он его уже слышал.

— Вот именно, полифонична — продолжала Лариса, как бы любуясь собой со стороны.— Для тебя книга имеет только одно назначение — давать информацию...

У Демида словно пелена с глаз спала, он даже слегка улыбнулся, но Лариса, занятая собой, этого не заметила.

— Конечно, главное назначение книги — давать информацию или вызывать эмоции, обогащать духовно человека. Все это правильно, и никто с этим не спорит, но у книг может быть и еще одна роль, о которой почему-то мало говорят: они могут быть украшением интерьера. Особенно, если корешки подобрать по цвету, как гармоничную радугу...

Ну конечно же, то же самое говорила и Лиля! Лариса почувствовала перемену в настроении Демида и оборвала себя на полуслове.

— Чему ты улыбаешься? — спросила она.

— Он как, групповые занятия проводит с вами или читает лекции индивидуально?

— Кто он?

— Разумеется, Тристан Квитко. Я уже слышал эти слова от одной знакомой, слово в слово.

— Лиля Барсук?

— Она. Имей в виду, что и у нее, и у тебя один учитель. Слова эти, если не вдумываться в их смысл, производят впечатление, а поразмысли — и на поверку окажутся откровенным мещанством. Лилю еще понять можно, она бронзовые краны в ванной поставила, книгу в руки взять не разрешает — не дай бог испачкаешь; прежде чем на стул сядешь, посмотрит, во что ты одет, не пострадает ли новая обивка. А ты? Ты же умная девчонка! Книга — часть интерьера, украшение комнаты! Как ты на это клюнула, понять невозможно! Почему-то мне казалось...

— Что тебе казалось?

— Ничего. Можешь молиться на своего «учителя». Только скажи ему, чтобы он не повторял вам одно и то же, пусть меняет пластинки, а то сам же себя в смешное положение ставит.

— Не говори, чего не знаешь,— Лариса положила книгу, взглянула на Демида,— он умный, начитанный, образованный. А как он читает стихи! Ты ему просто завидуешь. Не может быть, чтобы он кому-то, кроме меня...

— Может быть, все может быть, Лариса,— сказал Демид.— Подай-ка мне томик. Расставим книги, скажем, так, как размещаются буквы на пишущей машинке. Те, что чаще встречаются,— в центре, реже — на фланги.

В этот момент в дверь снова позвонили. Демид открыл. В комнату стремительно вошла Лиля, красивая, яркая, громкая.

— О, кого я вижу! — воскликнула она, взглянув на Ларису. — Ты что здесь делаешь? Прочно обосновалась и прописалась? А Тристана насмарку?

— В гости зашла.

— Всего-навсего?

— Всего-навсего, — спокойно ответила Лариса, и Лиле вдруг расхотелось выяснять, почему девушка оказалась в комнате у Демида.

— Впрочем, мне теперь все равно, я попрощаться забежала,— объявила Лиля,— послезавтра улетаем в Москву, оттуда прямиком в мой эмират. Омар вскоре вернется сюда, защищать диплом, а я там, может, останусь навсегда.

Лариса не сводила с Лили испуганных и одновременно восторженных глаз.

— В чужую страну? И не страшно, не боишься?

— В чужой стране плохо быть чернорабочим или прачкой, а королевой — всюду хорошо.

— А ты будешь королевой? — с детским ужасом спросила Лариса.

— Пока только женой будущего эмира. Люди ведь не вечны, помрет же когда-нибудь его отец...

— А королевство большое? — Ларису захватывало волнующее чувство: на ее глазах совершалось почти чудо. Лиля, которую она знала, часто встречала на улице, в магазинах, обыкновенная Лиля становилась королевой.

— Нет, эмират маленький,— так, словно речь шла о Синем базаре или Бессарабке, рассказывала Лиля,— но разве в величине дело? Там есть еще меньше, но куда богаче. Обживусь там немного, маму вызову, вам подарки пришлю, а надоест — на месяц-два махну сюда. Люблю рисковать, мама говорит, что я вся в отца, такая же отчаянная.

— Люблю подарки,— то ли в шутку, то ли всерьез сказал Демид. Лариса сверкнула на него глазами, но промолчала.

— Последний вечер отвела на прощание с друзьями. Холод собачий, но что поделаешь, повидаться со всеми надо. Давай, Демид, поцелуемся. Прощай.

Обвила его шею руками, прижалась щекой, словно кто-то собирался силой оторвать ее от Демида, и ему подумалось, что у Лили не так радужно и спокойно на душе, как казалось на первый взгляд.

— А тебе, рыжая кошечка, я вот что скажу,— оторвавшись от Демида и вновь став прежней, веселой и раз-

удалой, Лиля остановила свой взгляд на Ларисе.— Кончай школу и перебирайся сюда, к Демиду. А на своего Тристана плюнь!

— Ты что, свахой заделалась? — Лариса зло прикусила нижнюю губу, золотисто-карие глаза ее полыхнули темным огнем.

— Нет, в свахи я не гожусь,— засмеялась Лиля,— просто вы подходите друг другу, сами, наверное, того не знаете, со стороны-то виднее.

— Я, например, Лиля, вижу со стороны, что ты со своим королевством немного умом тронулась. Что за глупости несешь?

— Одним словом, и не мечтай,— Лиля, словно не слыша Демида, не видя его рассерженного лица, уставилась на Ларису.— Тристан на тебе никогда не женится, так, поиграет и бросит... У него таких, как ты да я,— целые эскадроны...

Лариса вдруг встала, сложила руки на груди.

— Эти вопросы позволь мне самой решать. Еще неизвестно, кто кем играет: Тристан мной или я Тристаном. И еще неизвестно, кто себя чувствует королевой.

Демид с удивлением вдруг убедился, что вот так, на глазах, за какое-то одно мгновение Лариса превратилась во взрослую девушку. Перемена была настолько разительной, что показалась неправдоподобной.

Все трое молчали. Демид смотрел на ворох книг, Лариса в темный квадрат окна, а Лиля на свои яркие, искусно расшитые рукавички.

— Ну, друзья мои,— наконец сказала она, взмахнув рукавичками.— Не поминайте лихом. Будьте здоровы и счастливы. С королевским приветом!

И вышла. Дверь, щелкнув замком, закрылась.

Вновь стало тихо в квартире, только слышно было, как за окном с грохотом проехала машина.

— Ты ей поверил? — наконец нарушила молчание Лариса, по-прежнему глядя в окно.

— О чем ты?

— О Квитко, адвокате.

— Извини, но здесь ты абсолютно права, это твое личное дело, и решать его имеешь право только ты.

— А тебе... тебе это безразлично?

— Мне? — оторопел Демид.— Лично мне Квитко не нравится. Но ты уже взрослая девушка, через полгода тебе исполнится восемнадцать, люби, кого хочешь.

— А тебе все равно? И это называется друг! Вот так вы все, не способны на настоящую ревность, на любовь, на отчаянные поступки, на смелость и ненависть, на великую мечту. Только одного человека я знала, смелого, дерзкого, одержимого настоящей мечтой, и тот не успел ее осуществить...

— Это ты о ком? Опять о деде?

— Да, о нем! О «медвежатнике» Баритоне. Дело всей жизни своей тебе завещал, а ты...

— А я книги на полках расставляю,— сказал Демид.

— Вот именно.

— Дуреха ты, Лариска, и в голове у тебя каша. Не беспокойся, влюбляться в тебя я не собираюсь, а поклонников у тебя и без меня хватает, есть из кого выбирать... Давай сюда поэзию. Хороший был поэт Гоголь.

— Мне казалось, что ты... ко мне хорошо относишься, — горько заметила Лариса, — а ты, оказывается... Ну да ладно, хватит об этом. Держи Гоголя, он был, между прочим, прозаиком, к твоему сведению, а я далеко не дуреха.

— Ну вот, обиделась. Я же в шутку. А Гоголь все-таки поэт. Большой поэт. Я его именно так воспринимаю. Давай сюда, вот тут ему место.

Лариса послушно протянула книгу, и в этот момент снова стала девчонкой-десятиклассницей в школьной коричневой форме с белым кружевным воротничком, с нескладными большими руками. Просто удивительно, как это ей удавалось так быстро меняться.

— Ты в самодеятельности, случаем, не участвовала?

— Пробовала когда-то. Да пустое все это, не интересно...

— Подай мне Лермонтова. А учишься ты хорошо или средне?

— Прилично,— скромно ответила девушка.

— Я так и думал. Когда мне Ольга Степановна сказала, что ты способная, мне показалось, что она преувеличивает, она часто преувеличивала.

— Ты прав, она всегда преувеличивала мои способности.

— Только, может, твоя судьба — не технические науки, не математика и физика, а биология или литература.

— Моя судьба, — очень тихо сказала Лариса, — лингвистика. Я знаю три иностранных языка.

— Что?!

— То самое, что слышал. У меня способности к языкам, я знаю немецкий, английский, испанский. Сейчас работаю над венгерским.

— Не может быть! О тебе бы в газетах писали!

— А я и не стараюсь убедить тебя. Хочешь — верь, хочешь — не верь. Способность к языкам — это от бога, так мама любит говорить, как у тебя талант к математике. Ну и, конечно, труд...

— Кто тебе обо мне сказал?

— Все в школе знали. Давай сюда Пушкина — все-таки красиво, когда получается цветовая гамма.

— Ну, Квитко... Дождется он у меня, засело в вас его влияние, теперь клещами не вытащишь.

— А что ты злишься на него? Тебе же все равно.

Демид смотрел на Ларису и не мог разобраться в своих чувствах. Кто бы мог подумать, что в этакой девчонке, малявке, заложен такой заряд динамита? Да нет, просто похвасталась, и все тут.

— Сознайся: ты все это выдумала, хвастунишка? Придумать только надо — три языка!

Лариса, взглянув на него, молча пожала плечами.

— Давай сюда Достоевского. Ты читал его?

— Немного. «Преступление и наказание», «Идиот». Сильно написано.

— Не знаю почему,— сказала Лариса,— но он мне не нравится. Раздражает он меня, спокойно жить не дает. Гений, бесспорно, а раздражает. Возможно, потому, что герои у него в основном злые, жадные, мстительные. А разве это правда? На свете значительно больше добрых и честных людей, чем злых и подлых.

— Ольга Степановна тоже так всегда говорила.

— Вот видишь. Почему же он меня волнует? Почему страсти прошлого века кажутся современными?

— Может, потому, что они вечные?

— А как же тогда коммунизм? Ведь если в основе человека, в душе его заложено прежде всего зло, то никакой коммунизм не возможен. А это неправда! Не зла, а добра всегда жаждет человек.

— А что говорит по этому поводу адвокат Тристан Квитко? — спросил Демид.

— Он полностью согласен с Достоевским, хотя и защищает всяких воров и вообще злодеев,— с неожиданной горечью в голосе ответила Лариса,— и хватит нам говорить о литературе и о Квитко тоже.

— А Лильку мне почему-то жаль,— неожиданно сказал Демид.

— Она или завладеет всем этим эмиратом, или скоро вернется, — засмеялась Лариса.—Как у тебя обстоит дело с горячими напитками?

— Сейчас заварю чай.

— Может, я? — спросила девушка. — Кухни у всех одинаковые, я все найду.

— А у меня особенная: не кухня — лаборатория.

И действительно, кухня у Демида была радиотехнической мастерской, в которой всего-навсего один маленький угол занимала двухконфорочная плита да две полочки с посудой над нею.

— Холодильник нужно купить,— сказал Демид.— Скоро куплю.

— Невесело тут будет кухарничать твоей жене,— сделала вывод Лариса.

— А у меня жены не предвидится.

— Лильками будешь обходиться?

У Демида дух перехватило от неожиданно причиненной боли. Он глубоко вздохнул, хмуро взглянул на девушку.

— Неужели ты такая... злая? — через силу спросил он.

— Нет, я не злая,— чуть обиженно ответила Лариса и потом сразу, не желая ничего скрывать или утаивать, резанула: — Это я от зависти! Если хочешь знать — от ревности, сам ты мне безразличен, а завидно. У вас с Лилей хоть какое-то счастье было, хоть какая-то радость, хоть намек на любовь, я же видела, как она тебя на прощание целовала... А у меня никогда ничего подобного не было и не будет. Все может случиться, может, за умницу адвоката замуж выйду, может, не выйду, а вот, чтобы кто-нибудь просто так, как ты когда-то, замерзший палец оттирал, такого счастья у меня больше никогда в жизни не будет. Мне почему-то тогда показалось... Впрочем, не придавай моим словам никакого значения,— вдруг небрежно добавила она, откидывая со лба прядь легких волос, — это не сцена ревности и не признание в любви.

— А у тебя новая прическа...— остановив взгляд на ее волосах, густыми прядями спускавшихся на плечи, сказал Демид.

— Уже давно, а ты только сейчас заметил... Что у тебя к чаю? Есть хочется.

— Голодной не будешь. Я теперь организованный холостяк с неограниченными финансовыми возможностями.

— Часа через полтора мне уже можно будет идти домой.

— Я рад, что ты еще со мной побудешь.

— Разве это важно для тебя?

— А как же? Хорошо, когда рядом с тобой кто-то есть, а такой давний друг, как ты, особенно. И на Фабричной улице, и здесь я все время один, а это, сама понимаешь, не весело.

— Да, веселого мало. Только не просто кто-то... А полтора часа — это большой срок. За полтора часа можно столько успеть натворить...

— И ты уже успела?

— Эта пакость, о которой ты сейчас подумал, не займет полтора часа,— спокойно сказала Лариса.— Интересно, почему ты хочешь казаться хуже, чем есть на самом деле?

— Я не хочу казаться ни лучше, ни хуже. Какой есть — весь тут.

— Возможно, что и так. Просто я не всегда тебя понимаю.

Низкий столик стоял между креслами, поблескивая полировкой (последнее приобретение Демида), новые вилки и ножи тоже куплены недавно, кого хочешь принять можно. Удивительно, как меняются вещи в зависимости от того, чьи руки к ним прикоснулись. Например, обыкновенный кусок колбасы на тарелке. Демид его положил — никакого вида, а Лариса порезала ломтиками, разложила веером — век бы ел, так аппетитно смотрится. И чай на редкость вкусный... Огляделся немного удивленно — и комната другой стала. Неужели всему причиной присутствие Ларисы? Все вроде бы осталось на своих местах, а вот поди ж ты...

— Я тебе не мешаю? — по-своему истолковала его взгляд девушка.— У тебя не было никаких планов?

Демид с улыбкой посмотрел на нее.

— Тебе мало визита Лили? Нет у меня никаких планов.

И они вдруг весело рассмеялись.

— Ты делай, что тебе надо,— сказала Лариса, вымыв чашки,— а я посижу в кресле и почитаю. Не обращай на меня внимания.

— Хорошо.

Он сел за письменный стол: вот уж чего-чего, а работы ему не занимать. Ну, как ты поживаешь, товарищ математический анализ, ведь весной придется держать экзамен?.. Мудреная вещь высшая математика, чем глубже в нее вгрызаешься, тем больше возникает новых вопросов. Недаром когда-то они с Лубенцовым говорили про математику образов. Интересно было бы на такую хоть одним глазом взглянуть... Но для этого нужно иметь особую силу воображения и дерзость. Вот так однажды скромный, никому не известный студент Казанского университета (к слову сказать, во времени учения с Лениным они разминулись совсем не на много) взял и позволил себе роскошь допустить, что параллельные линии где-то в бесконечности все-таки сходятся, а сумма двух прямых углов не равна ста восьмидесяти градусам. И попробовал с такими мерками и представлениями подойти к обычной Эвклидовой геометрии. Особенного ничего, конечно, не произошло, если не считать, что на основе идей Лобачевского возникла совсем новая геометрия, над многими тайнами которой еще и до сих пор бьются ученые...

Взглянул на Ларису и улыбнулся. Сняв тапочки и подобрав под себя ноги, девушка сладко спала, уютно устроившись в кресле. Длинные золотистые ресницы прикрыли темно-карие глаза.

Осторожно поднялся, укрыл девушку одеялом, она даже не пошевельнулась. Пусть спит. Демида охватило удивительное настроение радостного покоя. Неужели от того, что в его комнате так доверчиво и сладко уснула девушка? Ну, что-то подобное можно было ощутить, если бы это была его любимая, а то ведь Лариска, девчонка. О какой любви здесь можно говорить? Просто смешно, а все-таки душу охватывает неведомая прежде нежность и хочется, чтобы ничто нигде не стукнуло, не потревожило ее покой.

Не на то ты обращаешь свое внимание, Демид, на страницы с формулами математического анализа надо тебе смотреть, а не на девичьи ресницы!

Переход к математическому анализу дался ему без особого напряжения, он лишь взглянул на разрумянившееся лицо девушки, чтобы уверовать в то, что Лариса как была для него подругой детства, так и осталась. А отголосок нежности в душе звучал тихо, мягко, и поймал Демид себя на том, что страницы учебника перевертывает особенно осторожно и бесшумно.

— Интересно,— вдруг прозвучал за спиной ничуть не сонный, даже будто бы раздосадованный голос Ларисы,— если бы я сейчас не проснулась, ты бы не разбудил меня до утра?

Часы с длинными стрелками показывали половину второго.

— Конечно,— просто сказал Демид.

— Ну, выходит, жаль, что я проснулась, хорошо у тебя, тихо, спокойно. Теперь уж ничего не поделаешь, придется идти домой. Проводишь меня?

— А как же, какой бы я был хозяин? Может, еще чаю хочешь?

— Нет, спасибо, — надевая сапожки и вязаную красную шапочку, сказала Лариса,— пойдем. Я поняла, чем ты мне нравишься: не расспрашиваешь, что у нас творится дома.

— Чего расспрашивать, я и без того знаю.

— О, ты далеко не все знаешь. Пойдем.

В передней надела шубку, подпоясалась кожаным ремешком с металлической пряжкой и сказала:

— Хороший был вечер. Я давно такого не припомню.

— А Лиля? Она не испортила тебе настроения?

— А что Лиля? Она только лишний раз подтвердила, какой это был чудесный вечер. Ну, побежали!

На улице встретил их мороз, градусов двадцать пять, не меньше, даже ноздри слипались, если посильнее вдохнуть колкий, будто похрустывающий воздух, а они бежали, весело и беспричинно смеясь, и Демиду подумалось: «Жаль, что Лариса живет так близко».

Около подъезда остановились и разошлись сразу, не медля, ведь они не какие-нибудь влюбленные, которые часами целуются, не в силах расстаться, они просто друзья.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Демид вернулся домой, одеяло на кресле еще сохраняло тепло Ларисы. Хорошая и несчастная девчонка! И нужно было, чтобы именно у нее отец оказался пьяницей. А если бы это случилось с кем-то другим, было бы легче? Неужели она действительно знает три языка?

Взял одеяло, с сожалением сложил его, бросил на тахту. Ему еще с часок надо посидеть, поработать, не такая это штука — матанализ, чтобы одолеть его с налета, тут думать надо.

Глава двадцать первая

Утром в цехе Павлов спросил:

— Ты, случаем, не заболел? Глаза что-то красные?

— Нет. Матанализ доконал.

— А, старый знакомый. Ничего, не горюй, казак, атаманом будешь, все равно пятерка тебе обеспечена на экзаменах. Меня к начальнику цеха вызывают на полчаса, потом мы с тобой примемся за будущую машину. Из отдела укомплектования вроде бы передали все, да надо проверить. Вот тебе список агрегатов, тэзов, канальных соединений — одним словом, всего, из чего состоит машина. Проверь, не напутали ли они чего.

— Ясно.

Павлов ушел, а Демид принялся за работу, только забрала она не полчаса, а куда больше, потому что выяснилось, как многого недодали комплектовальщики. Когда он закончил, подоспел уже обеденный перерыв.

Павлов пришел от начальника цеха веселым.

— Хорошо идут у нас дела, и премия приличная будет за январь. Ну, все укомплектовал?

— Все.

— Смотрю я на тебя, Демид, и в голове моей рождаются некоторые идеи относительно твоего ближайшего будущего. Например, мне хочется, чтобы ты сейчас пошел домой, хорошенько выспался, а где-то часов в одиннадцать, в начале третьей смены, появился бы в цехе.

— Зачем?

— Образно выражаясь, для свидания с таинственной незнакомкой.

— Действительно сказано образно. Что-то я не вижу таинственных незнакомок в нашем цехе. Девушки как девушки, я их давно знаю.

— Я имею в виду другую незнакомку, смотри — вот она.— Павлов указал на хорошо отлаженную машину М-4030, стоявшую в центре участка и находящуюся сейчас в работе: она помогала отлаживать другие машины. Ей, например, с помощью соответствующей программы одним нажатием кнопки можно приказать: «Проверь, пожалуйста, точность работы оперативной памяти». И вскоре начинает трещать алфавитно-цифровое печатающее устройство (АЦПУ), на широкой ленте бумаги крупными буквами написано: «Тест завершен, сбоев 000, ошибок 000, непроверенной информации 000, коррекции 004». И это означает, что оперативная память теперь в

норме, а машина сама выдала четыре рекомендации по коррекции работы системы триггеров.

Показывая машину, Семен Александрович Павлов поглядывал на нее так, словно и в самом деле организовывал Демиду любовное свидание.

— Ты только не улыбайся,— сказал он,— у нас с тобой серьезный разговор. Ты уже порядочно работаешь в цехе, к людям и машинам пригляделся, и люди к тебе пригляделись. В электронике ты свой человек, это бесспорно. И машину эту теоретически знаешь, как свои пять пальцев...

— Можете проверить.

— Не сомневаюсь. А теперь я хочу тебе устроить с ней свидание, как говорится, с глазу на глаз. Так, будто ты с девушкой много раз встречался в компании, и вот вы решили встретиться впервые наедине. Ты хочешь сказать ей: «Я люблю тебя». Не новые, но всегда очень важные слова, она тоже хочет их услышать, хочет любить тебя...

— Ну, Семен Александрович,— удивился Демид,— я никогда не думал, что вы можете говорить о машине так поэтично.

— Спроси Валерию Григорьевну, она засвидетельствует, что я не всю свою нежность истратил на машины. Так вот, очень мне хочется, чтобы состоялось это свидание и чтобы вы смогли понять друг друга. Чтобы машина поняла тебя, а ты машину.

— Разве это сложно?

— А разве тебе не приходилось замечать, что при людях ты с девушкой разговариваешь легко и просто, а оставшись наедине, и двух слов связать не можешь?

— Вы правы.

— Разумеется, эта аналогия, прямо скажем, до некоторой степени вольная,— засмеялся Павлов,— но все же не такая далекая, как это может показаться на первый взгляд. Так вот, ночью машина не будет загружена, и тебе никто не помешает. Я хочу, чтобы ты с ее помощью решил одну задачу: число «а» сложи с числом «б» и сумму, если она получится равной числу «в» или будет чуть больше, помести в регистр под номером 400, если меньше, то в регистр под номером 404. Вот и все.

— Семен Александрович, это же пустяки!

— Посмотрим, дело покажет, насколько это просто, особенно если рядом нет опытного товарища и нужно

впервые находить общий язык с машиной. Общий взаимопонятный язык людей и машин — одна из коренных проблем кибернетики. А задача эта действительно не сложная, но для человека, впервые оказавшегося наедине с машиной, простых задач не бывает.

— Нет, задача простая, тут и делать-то нечего,— решительно заявил Демид.

— Буду рад услышать то же самое от тебя завтра. А сейчас марш домой, отсыпайся и подумай над программой.

— Хорошо, подумаю,— легко согласился Демид,— тоже мне мировая проблема: сложить два и три.

— Удачи тебе,— пожелал ему вслед Павлов.

Демид зашел в столовую, пообедал и вернулся домой. Теперь воспоминание о Ларисе не вызывало никаких эмоций. Смешная девчонка, которой хочется казаться независимой и главное — взрослой. Разделся, лег и сразу уснул, как засыпают в двадцать лет,— будто отключили сознание.

Проснулся в пять, сначала не понял, почему он спит дома днем, потом вспомнил Павлова и рассмеялся: выходит, и в самом деле его ждет первое свидание. Он лежал, наблюдая, как за окном сгущаются сумерки: сначала небо было светло-голубым, чистым, звонким, затем в него будто брызнули зеленью, и оно нахмурилось, потемнело, стало синим, плотным, похожим на кристалл медного купороса, а потом налилось густой, до черноты, синевой.

И на этой синеве вдруг вспыхнули, словно ярким огнем очерченные цифры: $2+3=5$. Всего и дела-то! Но странно: сейчас эта задача почему-то такой простой не казалась и, хотя он в принципе представлял, как можно решить ее на машине, способной вычислить орбиты спутников или энергетические бюджеты целых республик, все-таки абсолютной уверенности в успехе не было. Притом условие задачи осложнялось: если сумма, скажем, больше пяти или равняется точно пяти, то результат должен был идти в одну сторону, если меньше — в другую. Ох, наверное, далеко не так все просто на практике, как представляется мысленно. Все дело здесь в том, что это не простая арифметика, действия осуществляются здесь несколько необычно: единица и единица, именно «и», а не «плюс», равняется тоже единице. Нет в этой двоичной системе никаких цифр, кроме нуля и единицы, кроме ответа «да» или «нет», кроме утверждения «есть» или «нет».

И от этого даже действия высшей математики до крайности упрощаются, потому что в данном случае становятся необходимыми только два понятия: нуль и единица. Да, да, теперь они не цифры, а понятия, и потому так сложно от заученной в школе арифметики перейти к работе с двоичной системой.

Ответ машина даст абсолютно точный в обыкновенных числах, но придет она к этому своим логическим путем. И этот путь нужно себе отчетливо представить. Знает он схему машины? Конечно, здесь ему краснеть не придется. Тогда в чем же закавыка? Итак, вперед! И давай проверим, имел ли Павлов основание лукаво улыбаться.

Когда он пришел в цех, там было почти пусто. Вахтерша, взглянув на пропуск, сказала:

— Зачем идешь, там же нет никого?

— Машина есть...— ответил Демид.

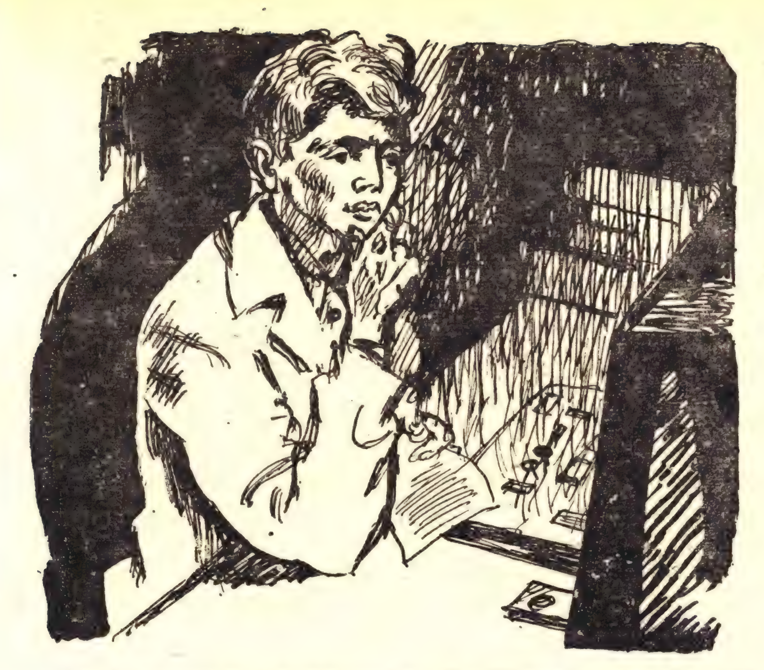
Она стояла в дальнем пролете цеха за колоннами, выключенная, темная, молчаливая. И Демид улыбнулся, подумав, что вот назначил он девушке свидание, она ждет от него признания в любви, великих подвигов, а он всего-навсего спросит: «Сколько будет два и три?»

Демид сел за пульт машины, включил освещение и, положив перед собой лист бумаги, авторучку, почувствовал, что волнуется. Вот еще новости! Опомнись! Перед тобой машина, обыкновенная машина, и, если ты не протянешь руку к тумблеру в правой верхней плоскости пульта и не включишь питание, она останется мертвой, не способной ни на какое действие. Все зависит от тебя, от твоего движения, от твоего желания, потому что ты — человек.

Оглядел цех: нигде никого, хотя он ничуть не удивился, если бы вдруг увидел рядом с собой Павлова. Нет, Семен Александрович нарочно оставил его наедине с машиной. Он хочет знать, на что способен Демид.

Что ж, включим питание. Загорелась лампочка, все в порядке. Чтобы почувствовать уверенность, включим все лампочки сразу, проверим, не перегорела ли какая-нибудь. Он хорошо знает, какие провода куда идут, сам их не раз паял.

Щелкнул тумблером — вспыхнули все лампочки на пульте (а их здесь, может, больше сотни), и машина стала праздничной, нарядной, чем-то напомнила убранную новогоднюю елку. Выключил — все стало строгим, темным, только светился огонек, обозначающий питание. Что ж, начнем.

Взял карандаш, написал: «а=2». Нажал на тумблер — сразу зажглась красная лампочка. Правильно — есть двойка.

Потом записал: «б=3». В другом ряду тумблеров нажал на первый и на второй (первый — единица, второй — двойка, вместе составят три), зажглись соответствующие лампочки. Все правильно.

Теперь дадим команду их сложить. Вверху слева включаем нужный тумблер. Команда дана. Теперь нажмем на кнопку «пуск»... На пульте ничего не изменилось. По-прежнему светится двойка и тройка, светится команда «1А», и только. В чем же дело? Может, испортилась машина? Красная лампочка схемного контроля внизу справа не зажглась — все правильно, все работает. И все-таки... Что же случилось?

А произошло то, что ты, Демид Хорол, и в самом деле, как влюбленный на первом свидании, несешь какую-то чепуху, а машина тебя не понимает. Ты не просто набери на пульте двойку, а еще вложи ее в память машины, по точно обозначенному адресу. Запиши ее в память машины, как когда-то вкладывала в твою память твоя первая учительница элементарные знания.

Отнесись к машине, как к самому себе, ведь ты хочешь, чтобы она выполнила разумную человеческую работу, вот и веди себя с ней соответствующим образом. Ты же все это хорошо знаешь. Техника мышления человека никому пока точно не известна, а технику «мышления» машины ты знаешь прекрасно, не раз и не два прошелся паяльником по всем ее «мозговым извилинам».

А сейчас почему ничего не получается? Потому что машина еще не знает, не поняла, чего ты от нее хочешь.

Вспомни, что тебе Семен Александрович говорил. Прежде чем включить тумблеры, запиши программу. Пропусти вперед математику, она всегда выручит.

И он стал записывать программу так, как учили в техучилище, и все это время его не покидало чувство благодарности к Павлову, давшему ему возможность проделать все это одному, ночью, когда никто не видит, как он мучается, складывая два и три.

И точно так же, как влюбленный на первом свидании через какое-то время перестает запинаться и, скажем, вспоминает, что на свете существуют стихи, так и Демид стал понемногу успокаиваться, нажимая на тумблеры, начал точно представлять, в какой тэз пойдет ток, какой триггер откроет, а какой закроет, начал понимать язык машины... И понемногу, часам к трем ночи, программа оказалась совершенно ясной, а главное, стало понятным, как машина ее выполняет. Руки освоились, стали будто бы каналами, по которым его команды поступают в машину. Повторил задание раз десять — все верно, все он понял.

А теперь переключим машину с ручного управления на автоматику, положим перфокарты, на которых записана программа (результат работы всей ночи), на устройство ввода и тогда уже нажмем на черную кнопку с надписью «пуск» внизу пульта. Короткой пулеметной очередью отозвался «Консул» — все верно. Пятерка лежит в четырехсотой ячейке оперативной памяти. Теперь с машиной можно делать что угодно — общий язык с ней найден.

Настала минута, когда неизвестно даже, кто кого понял: он машину или машина его. Только горько ошибся, пожалуй, тот, кто подумал бы, что понимание это наступило вдруг за эти несколько часов. К этой минуте Демид шел не только два года своей работы на заводе, но всю жизнь, если иметь в виду его увлечение электрони-

кой. Интересно, именно этого добивался Павлов, когда оставил его на третью смену?

Конечно, сложить два и три просто, но разве не с таких же простых, но осмысленных действий начинаются расчеты траектории полета на Марс или, скажем, модели молекулы белка?

— Подожди, подожди, я еще научусь тебе в любви объясняться,— сказал, обращаясь к машине, Демид и засмеялся...

— Что тебя развеселило? — вдруг послышался рядом голос Павлова.— Выполнил задание?

— Да. Спасибо вам, Семен Александрович.

— За что?

— Вы сами прекрасно знаете, за что.

— Во всяком случае, не стоит благодарности. Долго бился?

— Часов до четырех. А потом все встало на свое место.

— Так и должно было быть. Все, теперь иди домой.

— А вы?

— А мне поработать надо на машине, пока смена не начнется. Есть, понимаешь, в моей старой башке некоторые идеи, нужно их проверить.

— Можно мне посмотреть?

— Нет,— строго ответил Павлов,— во-первых, ты сейчас не поймешь, что я буду делать, а во-вторых, нужно, чтобы мне никто не мешал.

Он уже заложил в аппарат перфоленту с длинной программой. Вот бы узнать, что он надумал, а уж наверняка что-то надумал... Но ослушаться нельзя, и Демид пошел, позволив себе оглянуться лишь на пороге цеха. Павлов сидел, внимательно всматриваясь в строки, которые с пулеметной скоростью вылетали из-под клавишей «Консула», и довольно, словно в такт неслышной музыке, кивал головой. Наверняка все шло так, как он предвидел.

Глава двадцать вторая

Если отношения человека к машине позволительно было бы назвать «порой влюбленности», то Демид Хорол переживал именно такое время. Теперь он старался проводить в цехе не восемь, а десять, если не двенадцать часов. И не для того, чтобы выполнять наряды, а просто, чтобы наблюдать, как работают другие наладчики, осо-

бенно Павлов, как подсоединяется машина с канальными устройствами, как на удивление быстро записываются данные в «память» на магнитные диски, одним словом, как если бы его интересовала девушка и он хотел бы знать о ней все, каждое ее дыхание, каждое желание — вот так сейчас Демид хотел все знать о машине.

Машина была умной настолько, насколько был мудр человек, ее создавший. Она обладала высочайшей точностью в расчетах, невероятной скоростью, но в ней не было главного: способности мыслить, чувствовать, самой принимать решение. И Демид влюблен был, конечно, не в машину, а в гениальность человеческого разума, создавшего такое чудо.

Именно это чувство благоговения помогало ему безошибочно определять, где произошли повреждения: так подчас влюбленный, увидев грустные глаза своей избранницы, знает, что нужно сделать, чтобы на лице ее вновь расцвела улыбка.

А Павлов будто нарочно подбрасывал Демиду задания, когда нужно не просто проверить и исправить повреждения, а понять, интуитивно почувствовать, где разладилась взаимосвязь, нарочно развивал в нем это обостренное восприятие, напоминавшее чуткие пальцы слепого, во многом заменяющие ему утраченное зрение.

Так прошла зима, наступила яркая, веселая киевская весна, а Демид все еще находился под впечатлением той ночи, когда он душой, сердцем почувствовал поразившую его сопричастность с человеческим гением. Вообще-то, тайн, которые нельзя было бы понять, в ЭВМ нет, неполадок, которые нельзя было бы исправить, тоже, все обозначено в чертежах и схемах. Дело в том, насколько быстро ты найдешь место повреждения, и именно эта быстрота и точность определяют квалификацию наладчика. А в этом Демид настолько преуспел, что даже Павлов диву давался. Уже не раз он нарочно, незаметно сдвинув с места регистры оперативной памяти, нарушал взаимосвязь, и юноша моментально находил повреждение.

Но неожиданно Павлов заметил, что Демид словно утратил интерес к машине М-4030. Нет, он по-прежнему исправно налаживал ее, регулировал, но вечерами в цехе его уже не было видно. Как-то в разговоре промелькнуло — «достигнутое перестает интересовать». Возможно, и так. Но тогда на месте достигнутого должно появиться что-то другое, новое. Что?

«Девушка или какая-нибудь интересная задумка?» — спросил себя Павлов, но с ответом не спешил. Однажды, дело было уже в июне, поинтересовался как бы между прочим:

— Ты где вчера вечером был?

— Дома.

— Один?

— Один.

— Не скучно?

— Нет. Мне есть над чем подумать. Да и экзамены на носу. Не очень-то разгуляешься.

Демид сказал это искренно, и Павлов сразу отбросил мысль, что в жизни парня появилась девушка.

— А гости-то к тебе заходят? — все-таки спросил он.

— А как же, я люблю гостей. Правда, что-то их меньше у меня становится, редеют их ряды. Помните, у Гоголя: «Поредели ряды казачьи...» Вот так и у меня. Позавчера, в субботу, заглянул Альберт Лоботряс из шестого цеха... И еще Данила Званцов с девушкой...

— Знаю их,— улыбнулся Семен Александрович.

— Ужинали, танцевали... А вчера узнаю, что Роксана Альберту сына подарила. Будто вот только виделись, еще посмеивались над Альбертом, а уже полтора года промелькнули, как один день. Теперь Роксану и Альберта долго не увижу, сын для них — и жизнь и друзья... Что сегодня прикажете делать, товарищ начальник комплекса?

— Ты песни современные знаешь?

— Ну... конечно.

— Так вот, эта машина с полным правом могла бы запеть: «Что-то с памятью моей стало, то, что было не со мной, помню...» Нечто подобное творится с ее сверхоперативной памятью. Посмотри, пожалуйста, что с ней происходит. Как легкомысленная девица: что ей говоришь — не слушает, что случайно услышит — век не забудет. Разберись.

— Будет сделано.

Он принялся разбираться: придвинул осциллограф, проверил тактовые импульсы. Все в порядке. В чем же причина? Ага, кажется, вот здесь...

И все время будто сама собой звучала песня: «...что-то с памятью моей стало...» Словно не о человеке она, а о машине,— они всегда помнят только то, что случалось не с ними. Демид работал весело, с азартом, а где-то на втором плане неизвестно почему вспыхнула, словно на

экране, все яснее и яснее обозначаясь, схема машины, о которой мечтал «медвежатник» Баритон.

Так что же, будешь строить машину?

Обязательно.

А почему это стало ясно только сейчас?

Может, потому, что приспело время, накопились знания, опыт, практика...

Каждая машина должна иметь свое имя или номер, вот сейчас и окрестим ее. Какое же ей имя дать? Пусть носит простое — «Иван». Прекрасное имя! Неизвестно почему, подумав так, Демид неожиданно рассмеялся.

— Нашел память? — по-своему понял его Павлов.

— Нашел,— улыбнувшись, ответил Демид.

Смешная история: дал имя машине, хотя даже схемы ее пока нет, и вот, пожалуйста, она заняла свое место в его жизни, словно появился рядом добрый друг.

Если честно сказать, то «Иван» — далеко не добрый друг, скорее профессиональный ворюга. Ну и пусть, а мы его будем крепко держать в руках, не дадим разгуляться. А захотим — перевоспитаем, научим делать что-то полезное... Хорошее настроение, появившись, не исчезало. Не зря говорят, когда у человека настроение хорошее, все ладится в его руках, не страшны ему никакие секреты, припрятанные в машинной памяти. Демид наладил машину так быстро, что Павлов удивился: «Ну и руки у тебя!»

— Не руки, а друг,— ответил Демид.— Новый друг у меня появился! — и сверкнул в улыбке зубами, ослепительными, как утренний голубоватый снег.— «Иваном» зовут.

— Что-нибудь придумал? — отлично понимая настроение Демида, спросил Павлов.

— Придумал.

— И помалкивай до поры. Сделай, отладь хорошенько, тогда говори. А пока давай дисками займемся.

Домой в тот день Демид шел, торопясь и волнуясь, словно его ждал кто-то близкий и дорогой. Да, зрительно он представлял свою первую машину. Прежде всего необходимо поразмыслить над ее математической основой, а уж потом — над материальным воплощением.

— Математика, вперед! — крикнул Демид, бросая на тахту книги Вовгуры. Ему предстояло создать душу машины — память будущего «Ивана», и работа эта показалась ему захватывающе интересной. «Душа» — это, конечно, громко сказано, откуда ей взяться в машине, но

«память» — точное слово, память у его «Ивана» должна быть надежной. Работу эту он начал уже давно. Была сделана математическая запись почти каждого ключа по коду, разработанному самим Демидом: завод, год выпуска, количество бородок у ключа и выступов на бородках, особенности в размерах выступов, характерные данные... Но прежде чем машина сможет читать и перерабатывать эту информацию, Демиду придется немало поработать.

А может, поступить проще: выбросить из головы эти тома, пусть лежат себе, полеживают, как и раньше лежали, а себе найти занятие поинтересней? Нет, не получится. В том-то и дело, что пока интереснее ничего нет — этот «Иван» успел занять свое место в жизни Демида, и избавиться от него можно, только создав его. Вполне вероятно, что Демид, сконструировав машину и убедившись, что она работает, тут же забудет о ней, потому что его мысли займет другая. Но какая? Какая она будет, машина его мечты, всей его жизни?

Технические идеи никогда не возникают на пустом месте, их порождают работа, воображение, ассоциации, опыт. Может, когда-нибудь и придет минута, когда вдруг его озарит мысль, не ведомая никому прежде... И не нужно стремиться во что бы то ни стало изобрести, сделать открытие. Изобретение, открытие — это как озарение, как рождение стихов. Поэт ведь не садится за стол, ставя перед собой задачу во чтобы то ни стало написать гениальное стихотворение. Нет, он живет, страдает, влюбляется, мучается, а потом однажды из глубины души вырывается: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...» Когда, где родились эти строки, за рабочим столом или во время прогулки, не столь важно. Главное, чтобы они были произнесены. Так и с изобретением.

Правда, он, Демид, стихов никогда не писал, не знает, как они рождаются на свет божий, может, совсем иначе... В муках или в радости? Об этом еще будет время подумать. Сейчас нужно сконструировать «Ивана», доказать себе, что это в твоих возможностях, а потом подумать над более сложной задачей.

Над чем?

Над машиной, перед которой ты только ставишь задачу, подаешь идею, а она сама расписывает программу (и делает это не годами, как современные программисты, а за считанные минуты) и выдает тебе ответ.

Мысли бежали, подгоняя одна другую, и карандаш Демида скользил, исписывая широкие полосы бумаги формулами, до тех пор, пока не надоело, пока, взглянув в окно, не увидел синеву июньского вечера и не вспомнил, что именно на сегодня назначены занятия в секции самбо. Схватил спортивный костюм, кеды, бросил в маленький чемоданчик и выбежал на улицу, на прощание с неприязнью посмотрев на Вовгурины книги — не было у бабы хлопот, так купила порося.

Но он уже ясно сознавал, что без этих «хлопот» ему просто нет жизни, и потому машину он сделает!

Что ему предстоит? Спроектировать все схемы, собрать на платах, которые тоже придется чертить самому и самому протравливать хлористым железом, построить и пустить машину. В своем ли ты уме, Демид? Это же колоссальная работа!

А ему такая работа и нужна, ему хочется почувствовать свои творческие возможности, свое рабочее мастерство. Вот в чем дело, если хотите знать!

Демид думал об этом по дороге в спортивный зал, шел, не глядя по сторонам. Он не умел делать несколько дел одновременно. Раздумья поглотили его целиком.

Сейчас на повестке дня было самбо, и он со всей страстью отдался этим занятиям. Володя Крячко похвалил его.

— У нас с тобой сейчас не самбо, а обыкновенный кулачный бой получился,— сказал Демид, садясь на скамеечку, когда Крячко объявил перерыв.

— Можно подумать, что в темном переулке, где на тебя нападут хулиганы, ты будешь обдумывать, какой прием использовать.

— Ты прав, только мне кажется, что физическое самбо необходимо дополнить психологическим.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне думается, в наше время атака мысли и самооборона мысли не менее важны, чем физическая сила и ловкость. Самбо учит физической обороне, но зачастую случается, что попадаешь в ситуацию, когда нужно самбо интеллектуальное. Если мне придется защищаться в драке, я знаю, как это сделать, ты меня научил. А когда мне нужно остро и быстро ответить на остроумно поставленный вопрос или злую реплику, я пасую, иногда просто теряюсь.

— Ну, — засмеялся Крячко,— это не по моей части. Мое дело — довести до совершенства приемы.

— Понимаешь,— заметил Демид,— в интеллектуальном самбо тоже есть определенная система приемов. И главный из них — знать, где ложь, которой тебя атакуют.

— А чему вас учат в университете?

— Университет дает прекрасное образование, но к такому острому интеллектуальному бою, увы, не готовит.

— Готовит. Широкое образование и есть основа твоего интеллектуального боя,— заявил Володя Крячко.— Перерыв окончился, поработай с гантелями.

Демид работал с гантелями как всегда добросовестно, с полной отдачей, но мысль о психологическом, или, вернее, интеллектуальном, самбо не покидала его. Странно, почему это пришло в голову именно сейчас? В чем причина?

Предчувствие событий, когда от него потребуется не физическая, а интеллектуальная, нравственная сила, было настолько реальным, что начинало беспокоить. Жизнь шла своим чередом. Возможно, в этом ее течении и скрывалось беспокойство?

— Молодец,— снова похвалил Володя,— на сегодня хватит.

Подошла Софья Павловна. Демид только взглянул на нее и сразу увидел, что она чем-то взволнована.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, все хорошо.

Не может же она сказать этому славному парню с такими внимательными глазами, что наступил момент, когда ей нужно решать свою судьбу: выходить замуж за Лубенцова или нет? До сих пор он не говорил об этом ни слова, как-то само собой разумелось, что совершенное им преступление навсегда лишило его права быть счастливым. Но, если человек однажды оступился, почему он должен расплачиваться всю жизнь? Разве он не понес наказание? Или это клеймо будет на нем до конца дней? Нет! Лубенцов имеет право на счастье! Но сказать Софье про свою любовь он, очевидно, так и не решится.

А для Софьи Павловны проблема была одновременно и проще и сложнее. Они проводят вместе почти все вечера: он заезжает за ней в спортзал, она дожидается его после вечерних занятий или консультаций в университете. Им необходимы эти встречи, это очевидно. Почему же на сердце и радостно и тревожно? Может, пугает то, что придется быть все время вместе, всегда... Придется принять на себя ответственность за другого человека.

Но ведь она любит его.
Любит?

Софья Павловна почувствовала, что сердце ее вдруг болезненно сжалось. Вот что значит произнести только одно это заветное слово. Да, она любит этого человека, большого, шумного, с сильными руками и светло-голубыми, как степное прозрачное озеро, глазами, любит таким, каков он есть, с его страстями, бурными эмоциями — и в горе, и в радости, и в дружбе, и в неприязни. Любит! И что ей до всех кривотолков? Должен же быть человек, на которого Лубенцов может опереться в жизни, или так и ходить ему в одиночку до гробовой доски, карая себя за случившееся?

А посоветоваться не с кем, вот в чем беда. Кому ни скажи, только руками разведут в ответ: «Ты что, с ума сошла? Ведь он не владеет собой...»

Трудно, невозможно решиться заговорить о своей любви первой, а Лубенцов все молчит, обрекая себя на одиночество. Что же делать? А ведь они могли бы быть счастливы! Он просто замечательный, умный, тонкий... Да, умный, тонкий, внимательный — все так. Но вдруг однажды, скажем, хлебнет пересоленный борщ и в ярости потеряет над собой контроль... Господи, какие глупости лезут в голову! Вот сейчас он, наверное, сидит в своих синих «Жигулях» у подъезда спортзала и мучается, решая тот же вопрос... Что же все-таки делать?

Глава двадцать третья

Каждый раз, приходя в спортзал, Софья невольно вспоминала, как они познакомились с Лубенцовым. Профессор ставил опыты по динамике сокращения мышц, изучал, какие перегрузки может выдержать человеческий организм. Здесь они и встретились. Он сидел на скамеечке около стены в спортзале, смотрел на спортсменок, изредка бросая ассистенту несколько слов, тот записывал, а потом подошел к ним, четырем гимнасткам, и попросил уделить полчаса для беседы с профессором.

Они собрались в кабинете директора Дворца культуры, немного удивленно разглядывая выразительное сухощавое лицо профессора с большими светло-голубыми глазами, еще молодое, но с глубокими морщинами на лбу и в углах рта.

— Простите, что задержал вас,— сказал тогда Лубенцов,— я профессор математики, работаю над проблема-

ми биомеханики. Для решения некоторых задач нам необходимо поставить ряд опытов. Я просил бы вас вместо занятий в спортзале на следующей неделе в эти же часы провести тренировку в моей лаборатории.

— Эта работа оплачивается,— добавил ассистент.

— Что придется делать? — поинтересовалась Софья.

— Выполнить эту же программу с той лишь разницей, что к вам будут подключены датчики, которые и зафиксируют, где, когда и как возрастают перегрузки. И еще нужно будет сделать анализ крови до и после тренировки.

— Почему вы выбрали именно нас?

— Не знаю,— ответил Лубенцов,— вы показались мне наиболее гармоничными, что ли.

— Это нужно расценивать как комплимент? — улыбнулась Софья.

— Нет, просто в таком случае нагрузки будут наиболее типичными.

— Ну, что, девушки, послужим науке? — спросила Галя Ковтун, наладчица с ВУМа, «королева памяти», как ее называли в десятом цехе.

— Почему только женщины? — вновь спросила Софья.

— Мужская группа работает отдельно.

— Придется согласиться,— решила Галя,— чего не сделаешь ради прогресса.

На следующую неделю в лабораторию, столы которой были уставлены непонятной аппаратурой, ассистент внес четыре стула.

— Проходите, пожалуйста,— попросил он.

— Здравствуйте,— прозвучал басовитый сочный голос. Это вошел Лубенцов, высокий, худощавый, в белом халате и шапочке. На женщин — никакого внимания.

— Датчики все подключены?

— Все.

— Итак, товарищи, начинайте вашу тренировку, в полную силу.

— Простите,— вдруг спросила Софья,— вы сказали, что занимаетесь математикой, а при чем здесь биология?

— В наше время трудно провести грань между науками. В биологии математика занимает огромное место.

— В каждой естественной науке столько настоящей науки, сколько в ней присутствует математики? — спросила Софья, вспомнив слова Демида.

— Откуда вы это знаете?

— От одного будущего ученого.

— Возможно, и так.— Профессор скользнул по ее лицу странным взглядом, значения его тогда Софья понять не могла, но почувствовала себя на удивление беззащитной. Стояла перед ним, крупным сильным мужчиной, вся облепленная датчиками, и совсем неожиданно для себя сказала:

— Значит, мы для вас подопытный материал?

— Разве это не ясно?

— Сегодня,— решительно сказала Софья,— я поработаю с вами, ведь на эти датчики затрачена уйма времени, а завтра — не буду.

— Тогда вы не нужны мне и сегодня,— резко бросил профессор.— По-моему, вас никто не обидел. Если мы поменяемся местами, подопытным материалом стану я.

— Простите.

Разговор был коротким и злым. Началась работа.

Но как бы ни поворачивалась Софья, сколько бы ни прыгала, ни нагибалась так, что прямо сердце заходилось (именно в эти моменты ассистент, глядя на аппаратуру — маленькие экраны телевизоров, на которых мелькали зеленые линии,— казался особенно довольным), она все время ощущала на себе взгляд Лубенцова. Он не обжигал, не пронзал, напротив, словно помогал, и, хотя глаза профессора были скрыты дымчатыми стеклами очков, чувство это не проходило.

Когда Софья вышла из дверей института, Лубенцов шагнул ей навстречу так, будто ждал ее целую вечность.

— Не удивляйтесь,— сказал он.

Софья почувствовала, что не только не удивлена его появлению, а, наоборот, рада его видеть, и именно это чувство, непонятное и тревожное, поразило ее.

— Почему вы здесь? — прямо спросила она.

— Не знаю,— сказал Лубенцов,— мой ответ прозвучит бессмысленно, но я убежден, что вы мне поверите. Я бы мог придумать какую угодно банальность, объяснение, но не хочу этого делать. Не знаю, почему я здесь... но иначе поступить не мог.

— Зачем я вам нужна?

— Может, только для того, чтобы побыть с вами еще несколько минут или довезти вас до дома.

— Вы понимаете, что после этого разговора мне прийти в лабораторию будет трудно?

— Понимаю.— Он вымолвил это слово так обреченно, что Софья неожиданно для себя улыбнулась.— Я ничего не смог с собой поделать...

— А я, против всякого ожидания, возьму и приду,— вдруг сказала она, озорно поглядывая в его глаза.

С того вечера прошло почти два года.

— Вы все знаете про меня? — как-то спросил профессор на исходе первого года их знакомства.

— Да, информации больше чем достаточно...

— И вы... боитесь меня?

— Немного боюсь,— честно призналась Софья.

Разговор произошел в машине, остановившейся в этот момент у светофора; треугольник — поликлиника, спортзал и дом Софьи — Лубенцов уже мог бы проехать с закрытыми глазами.

— Мне жаль, что я не могу сказать вам что-то более приятное,— промолвила Софья, когда машина остановилась около ее подъезда,— но мне кажется, что честность и искренность в отношениях между людьми — главное.

— Может, он пройдет, этот страх?

— Не знаю,— ответила женщина.

Она была уверена, что на следующий день не увидит синих «Жигулей» около спортзала, и даже задержалась дольше обычного, разговаривая с девушками, настолько глубокой была эта уверенность, но синяя машина стояла на своем привычном месте, и ничего не изменилось в голубых внимательных глазах профессора.

После этого прошел еще год, и Софья почувствовала, что надо что-то решать, дальше так продолжаться не могло. Лубенцов любит ее, она это видела, но никогда не позволит себе сказать первым решающее слово. Но и она не может в конце концов броситься ему на шею: ах, я вас люблю, хочу за вас замуж. Где же выход? Так и будут ездить по киевским улицам то зимой, то весной, то летом?..

Софья даже вздрогнула от внезапно нахлынувшего чувства, желания быть постоянно с любимым, делить с ним все, ничего не опасаясь, не думая ни о прошлом, ни о будущем, прижимать к груди их сына... Почему пришла эта мысль? Может, пробил ее женский час, проснулось чувство материнства, подоспела пора, когда она должна решить, иметь ли детей? Нет, дело в том, что она по-настоящему полюбила, любит и хочет повторения любимого человека в маленьком, таком же голубоглазом, как и он, существе...

В тот вечер Софья в смятении присела на скамеечку рядом с Демидом, и он тут же почувствовал ее настроение. Почему он сразу, как приемник, настроился

на волну ее переживаний? Откуда в нем, простом рабочем, эта чуткость? Трудно сказать, может, потому, что сам хватил в жизни немало лиха, а может, оттого, что работает на удивительном заводе, создающем умные машины. Новая жизнь рождает и новую психологию.

Поняв ход ее мыслей, Демид, однако, не решился заговорить первым. Он был уверен, что и отец его, и дед не стали бы расспрашивать человека, у которого болит душа: сам пожалуется или попросит помощи — другое дело, а вмешиваться — только навредишь.

— Как твое колено? — спросила Софья.

— В порядке.

— А я, наверное, скоро брошу спорт. Надоело что-то, видно, старею...

— Ну что вы, Софья Павловна! — протестующе воскликнул Демид.

— Ладно, Демид, спасибо. Я знаю, ты добрый парень,— и помолчав немного, спросила: — Слушаешь лекции Лубенцова, нравятся они тебе?

— И лекции слушаю, и консультации посещаю, и даже вижу, как он частенько одну мою хорошую знакомую после тренировок подвозит домой...

— А ты, оказывается, немножко сплетник...— Софья сказала вроде бы в шутку, а получилось грустно. И голос, и поза ее: поникшие плечи, бессильно брошенные на колени руки,— все говорило о том, как ей сейчас трудно.— Что мне делать? — вдруг неожиданно с горестным отчаянием спросила она.

— Софья Павловна,— удивленно воскликнул Демид,— я вас не узнаю! Вы для меня всегда были образцом здравого смысла.

— Особенно, наверное, когда я проводила эксперименты с Колобком... Это ты имеешь в виду? — криво улыбнулась Софья.

— И это тоже. Встретился вам человек, он показался порядочным, мальчишку чужого воспитывает. Это не так-то часто встретишь... И человек этот был влюблен в вас по уши. Он и сейчас вас любит, этот Колобок, будь он трижды неладен... А потом оказалось, что он — не пара вам.

— Сколько тебе лет, Демид?

— Разменял третий десяток.

— Не похоже. Уж очень рассудителен...

— А это оттого, что я стараюсь делать выводы из ошибок прежних поколений,— засмеялся юноша.

— Богатый опыт. Только когда беда коснется тебя самого — об этом опыте забываешь. Помнишь пословицу «Чужую беду руками разведу, а своя придет — ума не приложу»? Так и у меня. И пришла не беда, а радость, а вот как поступить, не знаю...

— А я вам посоветую.

— Подумать только,— всплеснула руками Софья Павловна,— советчик нашелся!

— Вы подождите смеяться, сначала выслушайте. Сделаем так: завтра суббота, и я приглашаю вас в оперный театр...

— Час от часу не легче! Зачем мы с тобой пойдем в театр?

— Для выяснения ваших отношений. Но, поверьте мне, мы до театра не дойдем. Не успеем дойти... А пока сегодня, из дома, позвоните нашему общему знакомому, скажите ему, что завтра у него свободный вечер, потому что вас пригласили в оперу.

— Он просто плюнет и на меня, и на тебя, и на оперу, и на все на свете! Ты его не знаешь. Он гордый. — Софья Павловна с негодованием отодвинулась от Демида.

— Тем лучше, значит, будет ясно, что никогда не любил вас. Только не думаю. Глаза у него, когда он смотрит на вас...

— Какие?

— Особенные. Нежные.

Они долго молчали, сидя рядом. На ковре перед ними одна из гимнасток выполняла вольные упражнения, отрабатывала прыжки. И было в этом столько пластики, силы, ловкости, что не смотреть на нее, не любоваться было просто невозможно. Но они оба словно и не видели ее.

— Нет, ничего из этого не выйдет,— сказала Софья Павловна.

— Выйдет! — заверил Демид.— В математике часто случается, что негативное решение результативнее позитивного. А ему надо немного помочь, немного подтолкнуть...

— Так это в математике... Славный ты, Демид, добрый, и главное — верный. Спасибо тебе, поговорила с тобой и вроде бы легче стало, — и вдруг озорно улыбнулась,— что ж, будь по-твоему, пойдем в театр.

— Вот это другой разговор! Интересно знать, когда он заберет вас к себе: еще сегодня или завтра?..

Глава двадцать четвертая

Из спортклуба до бульвара Ромена Роллана полчаса ходу, в июне это просто чудесная прогулка. Летит, кружит в воздухе тополиный пух, ветер сбивает его легкими белыми, как снег, ворохами к тротуарам, и они кажутся словно запорошенными. Демид шел не спеша, и на душе у него было не так спокойно и весело, как хотелось бы. Может, и в самом деле затеял глупость с оперой? Зачем ему, в сущности еще мальчишке, встревать в дела взрослых, поживших и повидавших всякого? Сами бы разобрались...

— Демид! — крикнул Геннадий, рядом с ним у скамьи стояли Тристан Квитко и Данила Званцов.

Почему-то именно теперь эта встреча была особенно неприятна Демиду, но не повернешь же обратно, не свернешь в сторону, когда тебя уже окликнули. Пришлось подойти, поздороваться.

— Послушайте, молодой человек,— любезно улыбаясь, проговорил Квитко,— не составите ли нам компанию в кафе «Элион»?

Один раз, помнится, Демид уже отказывался от подобного предложения, если откажется и на этот раз, подумают, что боится, струсил. А чего и кого ему бояться?

— Охотно.

— Вот и прекрасно. Удачно, что мы вас встретили,— Тристан Квитко стоял справа от Демида, чуть поодаль Геннадий со Званцовым.— Вы, наверное, знаете, Лариса школу окончила. Теперь она совершеннолетняя, с паспортом. Это ли не событие? Его надо отметить. Надеюсь, наши юные леди не заставят нас ждать?

И действительно, Лариса и ее подруга Клава вскоре показались на дорожке. Обе в белых платьях, сияющие, как сама юность.

Увидев Демида, Лариса нахмурилась:

— А ты почему здесь?

— Шел мимо, пригласили... Тоже хочу тебя поздравить.

— Спасибо. Ну, пойдемте. Праздновать хочется, танцевать хочется, смеяться, петь... Все теперь можно! Подумать только — школа позади!

Кафе, размещавшееся на втором этаже бытового комбината, называлось «Элион» не случайно. Его составили начальные буквы слов: энергия, лирика, изобретатель-

ность, образованность, находчивость. И в самом деле, в кафе зачастую проводились молодежные вечера, конкурсы песни, танцев, всевозможные викторины. Порядок в нем поддерживали дружинники, выпивохам и хулиганам там места не было, и кафе пользовалось доброй славой.

Они сели за столик, уютно расположившийся в углу. Столик им предложили сразу же, как только Тристан Квитко появился на пороге: по всему было видно, его здесь знали и уважали. Официантка Тоня, с которой он поздоровался, как с доброй знакомой, принесла на подносе и поставила перед каждым по бокалу золотистого, пронизанного солнечным светом вина.

— Я правильно вас поняла, Тристан Семенович?

— Правильно, Тоня, абсолютно правильно,— ответил Квитко, с удовольствием любуясь пенистым шампанским в запотевших бокалах.— Сегодня выпускной бал у наших подруг, и на столе пусть будет только шампанское! Никаких коктейлей!

— Спасибо, Стан! — сказала Лариса.— Сегодня веселый праздник, веселое вино. И хотя я вино ненавижу, иногда все-таки приятно взять в руки красивый бокал.

— Итак, друзья,— произнес Квитко,— выпьем за счастье наших подруг, за то, чтобы жизнь, которая распахивает сейчас перед ними свои двери, была красивой, веселой и солнечной, как этот божественный напиток. Пусть сбудутся их заветные мечты и желания!

Они отпили по глотку, смакуя вино, и Лариса окинула взглядом большой зал: да, сегодня и в кафе праздник, за столиками немало ее подруг, вчерашних школьниц, рядом с темными мужскими костюмами здесь и там ярко белеют нарядные платья, на столах — цветы.

Вот и Тристан выглядит празднично: темный костюм, ослепительно белая рубашка выгодно контрастирует с матовой смуглостью лица, галстук, как всегда, безукоризненный. Да, ничего не скажешь, Тристан любит и умеет одеться, эффектно выглядеть. Старается не отстать от моды, от жизни, быть всегда в центре внимания. Ну, ну, послушаем, что он еще скажет...

— Кончилась школа, кончилось детство,— продолжал Квитко,— перед вами распахнула свои двери жизнь. У кого впереди университет, у кого интересная работа. Но всегда в памяти останутся эти дни, и мне очень хотелось бы, чтобы потом всю жизнь вы вспоминали о них без привкуса горечи или разочарования в себе или в своих знакомых и друзьях.

Хорошо поставленный голос адвоката звучал мягко, задушевно и только к концу речи в нем отчетливо послышалась жесткость, и Демид насторожился. Какой намек содержали его гладкие, как галька, слова?

— Пойдем потанцуем,— сказала Лариса.— Данила, я тебя приглашаю.

— А я тебя, Клава,— сказал Геннадий.

— Пойдем, только знай: танцы — не твоя стихия. Ты интересен, когда играешь на гитаре.

За столиком остались Демид и Квитко.

— Удивительная девушка Лариса,— сказал адвокат.— Умна, красива, пластична. Посмотрите, как она танцует, чудо! Для мужчины с умом и вкусом — бесценная находка.

Квитко задержал на нем взгляд, словно вдруг открыл для себя что-то неожиданное. Они помолчали, отпили немного вина. Оркестр играл так оглушительно, будто намеревался сотрясти стены этого прочного бетонного сооружения. Под потолком медленно вращался подсвеченный яркими лампами зеркальный многогранник, и отблески от него, как игривые солнечные зайчики, весело разбегались по стенам зала.

— Так какую же тайну раскрыл вам перед смертью «медвежатник» Баритон? — невозмутимо, спокойно, так, словно он поинтересовался погодой, спросил Квитко.— Недавно отбыл срок заключения еще один «медвежатник», Колун. Я в свое время присутствовал на его суде, проходил тогда адвокатскую практику. Он меня запомнил, и знакомство сохранилось. Так вот, он-то и поведал кое-кому о книгах Баритона. Я же просто сделал логический вывод, сопоставив некоторые факты. Так какие тайны в них хранились?

«Ага, вот где собака зарыта! Вот что вас интересует, уважаемый товарищ Квитко. А любопытно, с точки зрения закона эти описания замков и ключей криминальны или нет? Скорей всего нет».

— Тайны там не было. Там была идея,— сказал Демид.

— Кроме идеи, были и сокровища, да немалые. Открыл вам Баритон, где они спрятаны?

— Сокровища? — Демид усмехнулся, в вопросе Квитко он почувствовал фантазию Ларисы.— Были. Да еще какие — целый клад! Вот только взять их непросто.

— А вам не кажется, что они должны принадлежать Ларисе? Или вы думаете, что ее почти детский возраст...

— При чем здесь возраст? У нее просто еще маловато образования, чтобы воспользоваться сокровищами Баритона.

— Допустим, сейчас в какой-то мере вы правы, но ведь пройдет время, она наконец выйдет замуж, и ее муж... Такая красавица в девках не засидится.

Демид завороженно посмотрел туда, где весело мелькало, как белый мотылек, платье Ларисы, и почему-то пришла мысль: вот никогда не думал о Ларисе как о женщине, чьей-то жене.

И тут же вспомнилась зима на Фабричной улице, лютая стужа и побелевший от мороза пальчик на девичьей ноге, который немедленно нужно было растереть, отогреть, иначе могла случиться беда. Почему он вспомнил сейчас о том случае? Почему все на свете отдал бы, чтобы в жизни еще раз повторилась минута вот такой святой чистоты?

— И большие богатства? — вернул Демида к действительности вопрос Квитко.

— Огромные! — заверил Демид.

— А вам не кажется, что их следовало бы сдать государству?

— Сначала их надо найти.

Демид говорил спокойно, приветливо, и Тристан Квитко забеспокоился, не понимая его невозмутимого тона.

— Имейте в виду, если за дело берутся профессионалы, то как бы хитроумно ни был спрятан клад, его отыщут.

— И я так думаю.

— И все-таки не боитесь?

— А чего мне бояться? Сокровища-то не мои.

Танец кончился. Девушки в сопровождении своих кавалеров вернулись к столу.

— Можно пригласить тебя на следующий танец? — сказала Клава, обращаясь к Демиду.— С Геннадием не танцевать, а дрова рубить, все ноги отдавил.

— С удовольствием,— согласился Демид,— только боюсь, что я танцую не лучше.

Оркестр заиграл, танцующие пары двинулись в центр зала, ближе к эстраде. Квитко танцевал с Ларисой, густые темные волосы, небольшая квадратная бородка делали его лицо немного жестким, но, бесспорно, привлекательным. Когда окончился танец, Демид отметил, что за столом сидел один Данила Званцов, Геннадия не

было. Тристан подвел Ларису к столику и, улыбаясь, поцеловал ей руку.

— Мне, Клава, никогда не научиться такой галантности, ты уж извини,— сказал Демид.

— Ничего, переживем,— ответила девушка,— не тужи.

— А жаль,— заметила Лариса.— Мне это нравится. Красиво!

— Не уверена, что у Демида будет случай выучиться,— Клава ободряюще улыбнулась парню,— да и вряд ли появится желание целовать тебе ручки...

— Кто знает,— неопределенно ответила девушка и вдруг, меняя тему разговора, спросила: — А где же Геннадий?

— Кстати, кто он, этот Геннадий? — поинтересовался Демид.— Работает где-нибудь или только играет на гитаре?

— Напрасно вы иронизируете,— заметил Квитко,— Геннадий — честный труженик. Днем он ремонтирует женские сумочки и прочую кожаную галантерею, а вечером выполняет мои особые поручения. Он человек с образованием, и когда-то работал в милиции...

— Почему же теперь не работает?

— Выгнали,— бросила Лариса.

— Ты жестокий человек, Лара,— сказал Квитко.

— Неправда! — вступился Демид.

Он до сих пор не мог понять, ради чего его пригласили сюда. Сидел бы сейчас дома, заканчивал чертеж «Ивана», делал бы расчеты. В принципе монтажная схема машины была готова... Может, надо просто встать, заплатить деньги, попрощаться и уйти, но что-то в поведении адвоката настораживало, и, не понимая почему, Демид остался.

Уже было выпито немало шампанского, вечер в «Элионе» заканчивался (кафе закрывалось в одиннадцать).

Неожиданно появился Геннадий, что-то сказал на ухо Квитко и вышел. Тристан расцвел победной улыбкой.

— Лариса, объявим, чтобы все знали, или еще подождем немного? — многозначительно спросил он.

— Что же вы такое собираетесь объявить? — удивленно проговорила Лариса.— Не понимаю.

Черная бородка Тристана Квитко подалась вперед, как танк, двинувшийся в атаку. Но поразил Демида не этот волевой подбородок адвоката, его решительно сжатый рот, а глаза Ларисы, их взгляд — острый и безжалостный.

— Сейчас поймешь,— сказал Квитко.— Товарищи, мы с Ларисой собираемся пожениться.

— Поздравляю,— бросила Клава.

— Вы не забыли старую пословицу «Не кажи гоп, пока не перескочишь»? — сказала Лариса, ноздри ее тонко очерченного носа нервно дрогнули, и было видно, какое она делает над собой усилие, чтобы не сорваться.

— Я могу сказать «гоп»,— веско проговорил адвокат,— я выполнил все поставленные тобой условия, и если ты дорожишь своим словом...

— В самом деле? — спросила Лариса.— Вы совершили подвиг?

— Конечно,— уверенно ответил Квитко.— Уговор был таким: мы объявляем о нашей свадьбе тогда, когда мне удастся совершить поступок, равный подвигу. Такой поступок я совершил.

«Почему так невыносимо болит сердце,— подумал Демид,— почему хочется врезать со всего маха правой по этой дурацкой бороде?»

— Да, я такой поступок совершил,— повторил Квитко, довольно улыбаясь,— в наше время подвиг из сферы физической перенесся в сферу интеллектуальную. Сейчас главное не овладеть несметными сокровищами, а догадаться, где их найти.

— И по вашему мнению, это действительно подвиг? — спросила Лариса.

— Разумеется. На это способен не каждый...

— Извините, мне пора,— сказал Демид, доставая деньги из кармана. — Я должен...

— О, вы ничего не должны,— остановил его предостерегающим жестом адвокат.

— Что с тобой, Демид,— испуганно спросила Лариса, заметив, как тот, поднимаясь со стула, пошатнулся, побледнел.— Не заболел ли?

— Нет, извините, я пойду,— положив десятку на стол, он поднялся, окинул взглядом сидящих за столом. Они смотрели на него по-разному. Квитко насмешливо, Клава с сожалением, Званцов с любопытством. И только взгляд Ларисы терялся в опущенных вздрагивающих ресницах. Демид вышел, унося в памяти эти тяжелые, веером лежавшие на щеках ресницы.

— Да он просто влюблен в тебя, Лариса! — воскликнула Клава.— Разве не видишь!

— Нет,— спокойно, хотя и слегка напряженным голосом возразила Лариса,— мы давние и добрые друзья.

И только. Так какой же подвиг вы совершили в мою честь, Тристан Семенович?

— Сегодня узнаешь об этом.

— А мы? — спросила Клава.

— Вы — нет.

Клава хмуро посмотрела на адвоката и, обернувшись к Даниле Званцову, сказала:

— Проводишь меня домой?

— О, мы, оказывается, обидчивы, — иронически протянул Тристан.— Посидите еще...

— Как говорится, благодарим за приглашение,— сказал, поднимаясь, Данила.— Десятки, надеюсь, хватит? Пойдем, Клава.

— И я могу добавить десятку, если мало,— сказала девушка.— Лариса, на твоем месте я бы тоже ушла.

— А я останусь,— медленно проговорила Лариса,— мне интересно, что можно совершить в мою честь?

Они остались за столиком вдвоем: веселый, самоуверенный Тристан Квитко и напряженно улыбающаяся Лариса. Квитко откровенно любовался ею, в душе признаваясь, что при всем своем житейском опыте такой девушки ему встречать еще не приходилось. А может, это только кажется, может, это всего-навсего прихотливая игра золотого шампанского? Нет, Тристан Квитко не ошибается. Ему нужна такая жена. А с характером ее он справится, не велика хитрость обломать строптивую девчонку. Пусть будет благодарна ему за честность его намерений. Другой давно бы воспользовался первым удобным случаем, а их у Тристана было немало.

— Вы думаете, что Демид влюблен в меня? — вдруг спросила Лариса.

— Это думает Клава, не я. Но если ты спрашиваешь, отвечу. Вряд ли он способен на высокое чувство. Простоват, по-моему. Оценить тонкую женскую красоту не в его силах. Хотя иногда с ними и такое случается.

— С кем это с «ними»?

— С этими простачками из народа.

— Я тоже принадлежу к этой категории людей.

— Допустим, но мне это не повредит, я женюсь на тебе этой осенью.

— Вы так говорите, будто мое желание не имеет значения: подвиг уже совершен, не так ли?

— Да, совершен. Идем!

Он расплатился щедро, размашисто, краем глаза видя, как жадно следят за ним молодые парни, сидящие

за соседним столиком. Еще бы! Он для них пример для подражания, кумир... А может, ему все это только кажется? Может, они усмехаются, поглядывая на его ухарство?

— Пойдем! — твердо, как приказ, повторил он.

— Куда? — не тронувшись с места, спросила Лариса.

— Ты узнаешь обо всем у меня дома.

— Ну что ж,— сказала Лариса,— пойдемте.

Они вышли из кафе, еще полного шума и веселья, и вечер обнял их своей ласковой прохладой.

Тристан Квитко жил неподалеку, в однокомнатной квартире, стены которой были увешаны литографическими копиями абстрактных картин Пикассо и Кандинского. Большой стеллаж с книгами, преимущественно справочниками, занимал почти всю стену. Теория о подборе книг по цветовой гамме для самого Квитко, видимо, была не обязательна, книги ему требовались для работы.

Он распахнул перед Ларисой дверь и сказал:

— Проходи и будь как дома, хозяйкой в своем царстве. Оно скоро и впрямь будет твоим.

Неизвестно почему, может, от этих высокопарных слов, может, от того, что так неожиданно и странно ушел с вечера Демид, а возможно, от самоуверенности адвоката, Ларисой овладело иронически-насмешливое настроение, когда все люди, вещи и явления словно нарочно открываются с наиболее смешной стороны.

— Ну, что ж,— сказала она,— до сих пор я смотрела на эту квартиру с точки зрения девчонки-несмышленыша, теперь взглянем на нее с позиции хозяйки.

Сказала и остановилась в дверях. Около небольшого стола, стоявшего посредине просторной комнаты, сидел Геннадий, а на столе, на видном месте, как гордость, как трофей, как знамя победителя лежали три переплетенные в кожу книги. Лариса узнала их сразу и замерла, не понимая, как они здесь очутились.

— Полюбуйся,— широким театральным жестом Квитко показал на книги,— принадлежавшие королеве и украденные у нее сокровища возвращены. Разве это не подвиг?

— Как они сюда попали, эти сокровища? — насмешливо спросила Лариса, мгновенно ощутив острую радость за Демида.

— С моей помощью. Геннадий через одного из ста-

рых друзей Баритона — «медвежатника» Колуна — дознался о месте их нахождения.

И вдруг Лариса рассмеялась, громко, весело, заразительно. Она пыталась сдержаться, но вид книг, стопой сложенных на краю стола, фигура замершего в недоумении Тристана, Геннадий, отпрянувший на спинку кресла, вызывали новый приступ смеха.

— Замолчи! — крикнул Квитко.— Слышишь, замолчи!

— Уже замолчала,— тихо, с сожалением поглядывая на адвоката, сказала Лариса.— Как вы просчитались, Тристан Семенович: ведь это я сама отдала их Демиду и когда-то сожалела, что дед завещал их не мне. Подвига никакого нет. Это не сокровища, а всего-навсего описание, технически грамотное и точное, всех сейфов, которые видел мой дед, и ключей, побывавших в его руках. Сейчас это обыкновенная статистика. И вы думали, что украсть эти книги у Демида и вернуть мне — подвиг! Смешно! Не вышло из вас рыцаря, Тристан Семенович, вы стали всего-навсего наводчиком мелкого квартирного вора, не больше. Для того чтобы эти книги превратить в несметные богатства, нужен гений.

— Что ж, Демид Хорол и есть этот гений?

— Не знаю. Возможно, что здесь мой дед допустил промашку. Почему он так поступил, понять не могу. А для вас, Тристан Семенович, или для этого мелкого воришки, вашего помощника, когда-то выгнанного из милиции, книги — не сокровища, а макулатура. Для меня, к великому сожалению, тоже.

— И все-таки их можно продать,— подал голос Геннадий,— если поискать, покупатель найдется...

— Помолчи лучше,— покосился на него Квитко и перевел взгляд бархатистых темных глаз на Ларису.— А вы понимаете, уважаемая Лариса Павловна, что в глубине души вы жаждете какого-нибудь криминального приключения... Это, наверное, у вас в крови, семейное.

— Нет,— спокойно возразила Лариса,— дед, если откровенно говорить, был человеком, которого я очень любила, даже восторгалась им. Сейчас это прошло. И в моей душе живет вовсе не жажда уголовной романтики, а желание встретиться с необыкновенным человеком, хотя бы приблизиться, дотронуться до него. Понимаете, Тристан Семенович? Из вас такого человека не вышло.

— Ты очень скоро откажешься от своих слов,— сказал Квитко.— Мое предложение и любовь остаются по-прежнему неизменными.

— Спасибо за высокую честь,— сквозь зубы процедила Лариса,— если разрешите, я пойду, уже поздно, и отец, наверное, волнуется. Книги я забираю.

— Но послушай... — спохватился Геннадий.

— Не беспокойся, я тебя не выдам, ты даже этого не заслуживаешь, — без тени презрения, равнодушно сказала Лариса, взяла книги и вышла.

— Крепкий орешек, — незлобиво бросил Геннадий.

— Ничего, моей будет,— сказал Квитко,— бьюсь об заклад на бутылку коньяка...

— Может, и будет,— согласился Геннадий,— вы мужчина красивый, таких девушки любят. Но одно хочу сказать: больше ваших поручений я выполнять не стану.

— Ларисы испугался?

— А что, и испугался. Говорю откровенно. Но главное не в этом, главное в другом, нет в вас, Тристан Семенович, глубины помыслов. Все есть: ум, внешность, влияние на женщин, а вот помыслы — мелковаты. Вы сегодня этого Демида пригласили в кафе, чтобы дать мне возможность выкрасть книги. Не знаю, как это произошло, почему, только когда я вернулся в кафе, они не ваши речи, а молчание Демида слушали. Вот так. Выходит, этот парень сильнее вас. Всего вам лучшего!

Глава двадцать пятая

Демид, вернувшись домой, не заметил, что книги Вовгуры исчезли. Он уже давно переписал все формулы ключей в тетрадь. Теперь эти математические символы нужно будет перенести на магнитную ленту. Ключей здесь больше полтора десятка тысяч, и работы, следовательно, будет немало, но если хочешь, чтобы твоя машина когда-нибудь ожила, придется сделать и эту работу.

Взглянул на часы: начало первого. Чаю выпить, что ли, да возиться не хочется... Какой-то странный вечер был в «Элионе», зачем его пригласил Квитко? Объявить о своей помолвке с Ларисой? Так какое Демиду дело до этого?

Прозвучал короткий звонок.

Лариса! Он узнавал ее звонок безошибочно. Чего ради она к нему на ночь глядя?

Открыл. Девушка, как утренний цветок, в белом платье, стояла на пороге. В руках три книги. Интересно, это же ведь книги Вовгуры!

— Удивлен?

— А как же? Логичнее было бы тебе быть у адвоката.

— Совершенно верно, но я, как видишь, пришла к тебе. Бери свои книги.

— Как они у тебя очутились? Проходи, садись...

— Спасибо... Это не имеет значения. Важно, что очутились. И еще важно, что ты забыл о просьбе моего деда.

— Откуда ты знаешь, что забыл?

— Потому что иначе давно бы похвастался. Вы все хвастуны, и ты — не исключение. Не можешь ты создать такую машину.

— Ты пришла, чтобы сказать мне об этом?

— Нет, я пришла, чтобы вернуть тебе книги. Их у тебя украли, а ты и не заметил. Все. Будь здоров. Жаль, что не оправдал ты надежд деда. Спокойной ночи.

— Подожди, я провожу тебя.

— Проводи, буду благодарна. И вправду страшновато: на улице темень, а я в белом платье...

— Вот видишь. Идем.

Он подошел к девушке, неожиданно взяв за талию, легко приподнял на вытянутых руках.

— Какая ты красавица!

— Не смей меня трогать! Все вы одинаковые.

Демид бережно опустил девушку и, не отрывая от нее взгляда, распахнул дверь.

Они вышли на бульвар и долго шли молча. Теплый, но по-ночному свежий ветер дремотно, тихо перебирал легкие пряди Ларисиных волос, дотрагивался до ее обнаженных рук, ласково касался разгоряченного лица Демида.

— Ты и вправду пойдешь за него? — наконец нарушил он молчание.

— Нет,— ответила Лариса,— не пойду.

Демид молча внимательно поглядел на нее и вдруг обнял за хрупкие плечи, прикрытые легким шелком. «Ты же совсем замерзла».— «Нет, мне тепло». Шли они по ночному пустынному городу, казавшемуся от этого торжественным и чужим.

— Теперь отпусти меня,— сказала девушка.— Вот я и дома. Отец ждет у подъезда, а от него не знаешь чего ждать... Удивительное дело все-таки, книги украсть можно, а знания, талант — нет.

Демид остался один. Видел, как из подъезда вышел отец Ларисы, как прощально мелькнуло и исчезло белое

платье. Удивительный покой охватил душу. Он чувствовал около груди тепло Ларисиного плеча, тепло ее ладони... Век бы стоял так, не трогаясь с места и глядя в ее окна. Он и не знал раньше, что это и есть счастье...

Теперь он обязательно докажет всем, и в первую очередь Ларисе, на что он способен, он непременно сделает и запустит свою машину!

С первого августа ему идти в отпуск, но он никуда не поедет, примется за работу, за месяц многое можно успеть.

На следующий день в цехе Павлов, присмотревшись к своему наладчику, весело спросил:

— Что хорошего случилось в твоей жизни, Демид?

— С чего вы взяли, Семен Александрович?

— Выглядишь ты сегодня, как именинник. Весь так и светишься, уж не влюбился ли часом?

— Нет, эта забота не для меня. Невесту еще в люльке качают, — ответил Демид.

— Ошибаешься, она уже по земле ходит совсем близко, рядом с тобой. Подожди немного, постучится и к тебе радость. Она никого не обходит стороной. А пока, чтобы не скучать в ожидании, принимайся за отладку канальных отводов.

Эту работу Демид любил больше всего. ЭВМ со своим комплексом канальных разветвлений — это особый мир, с множеством различных проблем и возможностей. Разобраться в этом, сделать так, чтобы все хитросплетения схем раскрыли свои секреты, — как этого хотелось Демиду! Но он понимал, сколько еще темных закоулков, непройденных коридоров, непознанных возможностей встанет перед ним, как многому еще надо учиться, многое знать, чтобы стать настоящим мастером. И верил, настанет эта минута, счастливая для мастера-наладчика, когда его ум, словно подключившись, сольется с мозгом электронной машины...

Странная мысль.

А почему странная? Может, будущее электронно-вычислительной техники и состоит в том, чтобы суметь подключить мозг человека непосредственно к машине.

Беспочвенная эта фантазия или реальность? Сможет ли человек когда-нибудь достигнуть подобного? Поговорить бы с кем-нибудь, разбирающимся в этой головоломке.

Лубенцов! Демид вспомнил это имя и взглянул на часы. Через две минуты перерыв. Вряд ли в ближайшее

время ему удастся поговорить с профессором о будущем кибернетики. Разговор состоится, но скорей всего по другому поводу.

— Галя, посмотри-ка сверхоперативную память, кажется, она барахлит, не все команды проходят, — попросил Демид, уже шагая к выходу.

— После перерыва, — послышалось в ответ.

Демид выбежал из цеха, через проходную — к телефону-автомату. Набрал номер регистратуры поликлиники, попросил позвать Софью Павловну, страшась услышать что-то неожиданное, но в трубке голос медсестры спокойно ответил: «Сейчас позову». Демид вздохнул с облегчением, а когда услышал ровный голос Софьи, обрадовался и тут же спросил, как идут ее дела.

— Сложно. Когда я вчера сообщила ему, что иду в театр, он только и смог сказать: «Я так и знал, иначе и быть не могло». Слышал бы ты его голос! Тусклый, будто мертвый. Пожалуй, мы напрасно...

— Нет, не напрасно!

— Понимаешь, Демид, мы неправы, так нельзя... Слышал бы ты его голос. Я... — и добавила совсем тихо: — Люблю его...

— Давайте сделаем так: я зайду к вам сразу после работы, а от вас пойдем слушать «Запорожца за Дунаем».

— Разве сегодня идет «Запорожец»?

— Вот так раз! — засмеялся Демид. — Собираетесь в театр, а не знаете, что там идет. Все будет хорошо, Софья Павловна.

— Все должно быть хорошо, — неуверенно сказала Софья, и, как бы подбадривая себя, добавила: — А как же иначе! Мы с тобой делаем из простого посещения театра целое событие — смешно! Я всегда ходила и буду ходить в оперу, когда хочу и с кем хочу.

Жила Софья Павловна в большом доме на бульвар Шевченко. Прямо из окна виден памятник Щорсу, а если вглядеться в даль, то и шумная улица Коминтерна, и вокзал. Квартира была коммунальной, Софья с матерью занимали в ней две комнаты, но Демиду показалось, что живет она отдельно, такая стояла тишина.

— Хорошо у вас, — сказал он, оглядывая книжные полки, стол, кресла, какие теперь найдешь в любой квартире.

— Ничего особенного, — окинула критическим взглядом свое жилье Софья.

И в самом деле все было просто, обычно — комната как комната, но Демид понял, что по-особому уютной ее делает присутствие Софьи, она здесь хозяйка, и потому все освещается ласковым светом, комната будто тепло улыбается гостям.

— Вы сегодня очень красивая, — сказал Демид.

Она была уже одета в праздничный костюм — синий с низким вырезом, открывавшим высокую белую шею, нитка жемчуга оттеняла ее матовую белизну, светлые волосы, зачесанные вверх, открывали маленькие уши, в которых сверкали, как капельки росы, сережки. Красавица? Вряд ли можно сказать это о Софье, но наверняка многие были бы счастливы почувствовать, не увидеть, а именно почувствовать ее улыбку.

— А волноваться нет причин, — мягко сказал Демид, желая ее успокоить.

— Садись. Давай чаю выпьем, перекуси, ведь после работы, наверное, голодный?

Демид не успел ответить на приглашение, как в дверь позвонили, тихо и коротко.

— Он! — выдохнула Софья.

Вышла в коридор и вскоре возвратилась с Лубенцовым. Он окинул Демида непонимающим взглядом.

— Почему ты здесь?

— Мы с ним идем в оперу, — поспешила ответить Софья.

— Как же так, Софья Павловна? А я? Или мне уже нет места рядом с вами? Разве вы не видите... Я... Я никогда в жизни не сделаю вам ничего дурного, я люблю вас...

Софья видела только его глаза, ликующие и одновременно измученные, глаза умоляли ее, были полны любви. Им можно было верить. Она почувствовала неловкость от того, что объяснение происходит при Демиде. Но Демида в комнате не было. Как удалось ему выйти, осталось загадкой, она готова была поклясться, что дверь не открывалась...

— Вы поняли? Вы слышите меня? — тревожно спросил Лубенцов.

— Слышу, — тихо ответила женщина. — и, пожалуйста, простите меня.

— Вы не согласны быть моей женой?

— Согласна. Всю эту историю... с оперой... простите.

— А что? — воскликнул Лубенцов. — В оперу мы обязательно пойдем. Великолепная идея! А потом вер-

немся сюда, упакуем ваши вещи. Вы сегодня же переедете ко мне!

— Только не сегодня, подождите немного, дайте мне привыкнуть. — Софья замолчала на мгновение и вдруг спросила: — А почему не сегодня? Конечно, сегодня! Сейчас же. Помоги мне достать чемодан...

Демид вышел на бульвар, залитый мягким светом предзакатного солнца, оно победно пылало между зеленью тополей, весело сверкало на крышах машин, окнах домов, пламенело в высокой синеве неба, перечеркнутого двумя белыми линиями, оставшимися от самолета.

Взглянул на прощание на четвертый этаж, улыбнулся грустно: в кои веки собрался в театр... пропадут билеты. А может, они догадаются пойти? Может, и догадаются...

Глава двадцать шестая

Первого августа, в жаркий киевский день, когда начинают блекнуть зеленые листья каштанов, Демид вышел из проходной. Впереди у него был целый месяц отпуска. В цехкоме профсоюза можно было приобрести с тридцатипроцентной скидкой путевку в какой-нибудь санаторий Крыма или на Кавказ. Отказался, потому что знал, как проведет отпуск. Во-первых, нужно перейти с заочного отделения на вечернее. Это, конечно, много времени не отнимет, в крайнем случае можно обратиться за помощью к Лубенцову... Во-вторых, настало наконец время закончить работу над своей машиной, утвердить себя в качестве наладчика, мастера своего дела.

Первый блок, который даст возможность занести на магнитную ленту все данные, выписанные пока на полях Баритоновых книг, можно сделать уже сейчас. Потом пойдут платы, на них он смонтирует схемы сравнительных данных, расчеты, регистры, схемы, которые добавят к уже известным данным иные, взятые из другого, а может, и из третьего или четвертого источника, и все это для того, чтобы машина выдала размеры нужного ключа.

А как у вас, товарищ Хорол, с финансовыми возможностями? По старой, воспитанной Колобком привычке, он откладывал понемногу денег на книжку, собралась какая-то сумма. Плюс отпускные. Хватит? Должно хватить. Кусается «Иван»! Правда, много деталей к машине можно найти в радиоклубе. Там их навалом. Еще и спа-

сибо скажут, что взялся разобрать, навести порядок. Но есть вещи, которые в радиоклубе не валяются, это прежде всего интегральные схемы, большой кусок текстолита, необходимый для пульта управления, алюминиевые переплеты для рам, около сотни тумблеров, — все это придется купить... Где-то весной, если работать регулярно, Демид машину закончит.

Для любого радиолюбителя магазин «Юный техник», находящийся на площади Космонавтов, — сущий рай. Все отбракованное радиозаводами в уцененном виде стекается сюда и, откровенно говоря, долго не залеживается на прилавках, потому что ребят, у которых голова полна радиоконструкторских и радиоэлектронных идей, немало на белом свете.

Демид вошел в магазин и еще издали увидел то, что ему было нужно: алюминиевые углы рамы. Для какой машины они готовились, неизвестно. Да и какая ему разница! Размер и форма немного не те — не беда. Здесь подрежем, а тут подклепаем, будет прекрасная рама для «Ивана». Вот видишь, как меняются понятия: для кого-то это бросовый материал, а для него основа машины. «Заверните, пожалуйста, вот это. Сколько? Пять двадцать? Прекрасно».

Так, начало сделано, пойдем дальше. Возьмем два куска фольгового текстолита. Один пойдет на пульт управления, из другого сделаем платы, на которых начертим нитрокраской соответствующие схемы, потом протравим хлористым железом, просверлим дырочки для контактов микросхем, и будет у нас все не хуже, чем на ВУМе.

— Девушка, у вас есть интегральные схемы?

— Есть. Но предупреждаю, продается сразу вся упаковка, тысяча штук. Там есть и исправные и бракованные, поэтому они и уценены.

Демид запустил руку в белый полиэтиленовый мешочек, достал горсть интегральных схем. Посмотрим. Именно то, что надо. А если здесь сплошной брак? Ничего, что-нибудь да пригодится.

— Господи, сколько еще на свете сумасшедших, — тихо вздохнула продавщица, выписывая чек и явно симпатизируя парню с синими глазами.

«И в самом деле, купил кота в мешке, — подумал Демид. — Теперь тумблеры. Их тоже потребуется немало — почти сто штук. Выдержим? Конечно. Ну, можно ехать домой. Основные материалы для машины заготовлены».

Он хорошо понимал, что его «Иван» будет куда проще современных электронно-вычислительных машин, потому что сможет решить только одну задачу. Не больше. Но и с этой задачей не так-то легко справиться.

Итак, за работу! Сначала склепаем раму. Потом в середину параллелепипеда поместим шестнадцать плат из фольгового текстолита. На переднюю стенку прикрепим панель с отводами, сюда-то с обратной стороны и подключатся контакты плат. На панели будем проводить генеральный монтаж, который и соединит воедино все компоненты машины. Сверху рамы, над панелью, — пульт управления, большой, восемьдесят на восемьдесят сантиметров квадрат текстолита. Вот так, собственно говоря, и будет выглядеть «Иван». От него пройдут провода к магнитофону «Комета». Там, на магнитной ленте, вся его душа, вся его память. На пульт управления вверху устанавливаем шестьдесят четыре тумблера в два ряда, на них и будут набираться формулы ключей: ручка поднята — единица, ручка опущена — нуль. Над каждым тумблером лампочка, чтобы было видно всю формулу. В правом углу пульта еще двадцать тумблеров — это расчетчик.

Однако все быстро делается на бумаге, а если резать текстолит, клепать раму, проверять интегральные схемы... Но, как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Начинаем собирать первый блок...

Демид горячо принялся за работу. Не успел и оглянуться, как промелькнула половина августа. Не мешало бы зайти в университет, давно не был.

Он ехал на троллейбусе, с наслаждением любуясь предосенним Киевом — теплым и тихим. Подумал, что жить так, как живет он, невозможно: проторчал за работой две недели и не видел всей этой сказочной красоты. Позор! Завтра же поедет на Труханов остров или в Гидропарк, а то отпуск пройдет — не искупаешься ни разу! И с друзьями не повстречался, и Софью Павловну не повидал...

Правда, секцию самбо он все-таки посещал. Крячко им остался доволен. Что же выходит: весь смысл жизни в машине да самбо? Надо хоть позвонить Софье Павловне... Вышел из троллейбуса, рядом с остановкой — телефонная будка, набрал номер поликлиники.

— Слушаю. — Голос Софьи прозвучал для него как музыка.

— Софья Павловна, это я — Демид.

— Где ты пропадаешь? Мы даже на завод звонили, сказали, что ты в отпуске...

— Кто это мы? — обеспокоенно спросил Демид.

— Мы с Александром Николаевичем. Слушай, приходи к нам в гости.

— Вы... вы счастливы? — пугаясь смелости своего вопроса, проговорил Демид.

— Да, о таком счастье я и мечтала. Беспокойное, тревожное, но счастье.

— А он?

— Об этом ты его и спроси при случае, — засмеялась женщина.

Демид, довольный, повесил трубку: есть, выходит, на свете счастье! От этой мысли поднялось настроение, глаза засверкали, словно он выпил бокал веселого, игристого вина, название которому еще не придумали люди.

Университет, как пчелиный улей, полон новичками — ребятами и девушками, пришедшими сдавать экзамены. Лица у них то веселые, как солнечное утро, то грустные, как хмурая ночь. Каждому хочется стать студентом...

Быстро взбежал по железной рисунчатой лестнице вестибюля. И вдруг навстречу ему засветилось улыбкой удивительно знакомое девичье лицо. Каштановые волосы уложены в модной прическе, в темных, почти черных глазах еще живет отзвук только что пережитого волнения. Девушка шла легко и свободно, не замечая устремленных на нее взглядов.

— Лариса! Просто узнать невозможно. Совсем взрослая стала. — Демид, улыбаясь, загородил ей дорогу.

— Поздравь меня, — сказала девушка, подавая ему руку. — Сегодня сдала последний экзамен. Историю.

— О результатах не спрашиваю, по глазам видно.

— Да, пятерка.

— На филологический? Языки будешь изучать?

— Нет, на юридический.

— На юридический? — Демид неприятно удивился, будто тень адвоката Квитко промелькнула в коридоре.

— Юристы-международники, владеющие несколькими языками, всегда нужны. Понимаешь, сейчас только язык, допустим, даже два или три, знать мало, нужно уметь делать какое-то конкретное дело, применяя там знание языков.

— Влияние адвоката? — спросил Демид, стараясь не выдать неприязнь.

— До известной степени, — просто ответила Лари-

са. — Чтобы стать настоящим юристом, необходимо быть знающим, образованным, ну и, конечно, толковым человеком, а он...

— Что, не отвечает этим параметрам?

— Почему же, отвечает, все при нем. Только, как это лучше выразиться, он для себя умный и образованный, как актер с ограниченным репертуаром. Выглядит умнее многих, пока позволяет репертуар...

— Он, помнится, о вашей помолвке говорил...

— Да, был такой разговор. Исчерпался. Мы не поссорились, встречаемся и теперь. Тут другое... Интересно и весело с ним всегда, не хватает одного — любви, а без любви... Ну, да ладно, хватит об этом, не хочется вспоминать... Ты знаешь, просто не верится, что я уже студентка.

— Подожди, тебя еще не зачислили.

— Можешь не сомневаться, у меня все пятерки.

Они стояли в коридоре и почему-то не могли расстаться, хотя у каждого была целая прорва дел. Демид опомнился первым.

— Послушай, — сказал он, — у меня есть конкретное предложение: завтра едем в Гидропарк. Ты когда в последний раз видела Днепр?

— Тысячу лет не видела, — засмеялась Лариса, — а зачем мы туда поедем?

— Как зачем? Купаться, загорать, дышать свежим воздухом.

— А что? Может, и поедем, — услышав свои слова, Лариса удивилась, настолько они ей показались неожиданными.

— Прекрасно, — обрадовался Демид, — встречаемся в десять около «Элиона».

— В десять около «Элиона», — повторила Лариса.

— Смотри не опаздывай!

— Не опоздаю.

Они разошлись в разные стороны: Демид — в деканат мехмата, Лариса — к выходу.

— Хорошо же будет выглядеть ваше личное дело, — сказала секретарша, — когда я покажу его декану. Он, по-моему, выгонит меня с работы. Где были ваши глаза?

— Какие глаза?

— Обыкновенные. Нет ни одной фотографии! Это просто несерьезно, товарищ Хорол, или, может, вы думаете, что рабочим с ВУМа многое позволено и вы имеете право нарушать инструкции и положения? И это

называется дисциплинированный рабочий класс! Без фотографий ваше дело недействительно. Все.

Пришлось Демиду, выйдя из университета, направиться в парк, где в уютном уголочке разместился фотопавильон. В парке было много детей, с игрушками, дудками, на детских велосипедах; на скамейках, расставленных поодаль, отдыхали пожилые люди, скорее всего бабушки и дедушки, молодые мамы с колясками. И был особый смысл в том, что в центре этой веселой круговерти возвышался памятник Тарасу Шевченко. Великий кобзарь словно наблюдал за детьми, любуясь их веселой и деятельной сутолокой, радуясь счастью, о котором мог только мечтать.

Подойдя к высоким стеклянным дверям павильона, Демид увидел, что к ним приварены железные скобы: двери на ночь, наверное, закрывают на висячий замок. Он отметил это абсолютно автоматически, подумал и улыбнулся: неужели настолько сильно влияние Аполлона Вовгуры, что и он, Демид, начал приглядываться к замкам. Вошел в просторную комнату, стены которой были увешаны прекрасно исполненными фотографиями писателей, художников, артистов, даже знаменитый когда-то футбольный вратарь тоже оказался в этой галерее.

Но поразили его в комнате не эти фотографии, а присутствие Ларисы. Она сидела в кресле у окна, посматривала вокруг своими спокойными огромными глазами, ожидая, когда мастер вызовет ее.

— И тебе понадобилась фотография? — засмеялся Демид.

— Так же, как и тебе, — сердито ответила девушка, ей показалось, что Демид нарочно пришел вслед за нею, но через минуту, убедившись, что он не собирается ей докучать, оттаяла.

За невысоким барьером около письменного стола сидела женщина, заведующая фотоателье, и что-то обстоятельно рассказывала Ларисе, будто поставила перед собой задачу подробно информировать девушку о своем хозяйстве.

— Вот здесь, — плавно поведя рукой, она указала на стены, — вы можете увидеть художественно исполненные фотографии выдающихся людей Украины. Я уверена, что когда-нибудь издадут соответствующие альбомы, и моя скромная заслуга будет отмечена.

Лариса слушала, а взгляд Демида был прикован к холеным, красивым рукам заведующей, точнее, к ее пра-

вой руке, державшей ключ. Демид сразу понял, что это ключ от сейфа. У ключа две бородки, семь выступов, знакомая форма. Белокриницкий завод. Попробуем приблизительно запомнить выступы... Рядом на столике целая куча рекламных проспектов. Взял один, наскоро записал цифры, сунул в карман, и сердце почему-то обдало веселым озорным холодком.

— Ты улыбаешься? — недобро спросила Лариса.

— Интересно товарищ рассказывает, — ответил Демид.

В эту минуту из-за портьеры, висевшей над входом в другую комнату, вышел раскрасневшийся от духоты пожилой мужчина в костюме при всех орденах и медалях.

— Прошу, — обратилась к Ларисе заведующая, — ваша очередь. — Она отпустила орденоносца, выдала ему квитанцию и снова принялась рассказывать про писателей и артистов, которых ей доводилось встречать в жизни, и все это время словно играла ключом, который то появлялся, то исчезал в ее холеных руках. У Демида было достаточно времени проверить свои наблюдения, хотя глазомер остается глазомером. — Один раз выступ показался двойкой; присмотрелся — вроде бы тройка. Теперь понятно, почему Вовгура все записывал: нельзя полагаться на память.

Лариса вышла из комнаты, тоже раскрасневшаяся и будто слегка уставшая от духоты.

— Пожалуйста, прошу вас, — обратилась заведующая к Демиду.

— Счастливо, — кивнула Лариса.

Демид вошел. Фотограф, не отрываясь от фотоаппарата, попросил его сесть на стул, стоявший около белого экрана. Демид послушно замер перед объективом и в этот момент в правом углу увидел сейф белокриницкого завода, выпуска 1960 года. Улыбнулся ему, как старому знакомому.

— Прошу вас не улыбаться, — строго предупредил мастер, — фотографии с улыбкой для документов не годятся.

Глава двадцать седьмая

Утро, а солнце уже палило нещадно, август набирал силу. Демид стоял около «Элиона», дожидаясь Ларису. Вопроса, придет она или не придет, почему-то не возникало. Подумал об этом, лишь глядя на часовую стрелку, перескочившую за цифру десять.

«Это влюбленные терзают себя сомнениями, — подумалось ему, — а мы просто друзья. Если не смогла прийти, пойду на Днепр один, никакой трагедии».

С удивлением отметил, что кривит душой. Трагедии, конечно, нет, а все-таки обидно. Но о том, что Лариса может не прийти, думалось как о чем-то абсолютно невозможном. И вправду, через минуту она уже появилась, размахивая в такт шагам большой спортивной сумкой.

— Здравствуй. Прости, что немного опоздала.

— Не имеет значения. Поехали? Давай-ка мне сумку.

Он взял девушку за руку, и они побежали к автобусу.

Когда вагон метро вдруг вылетел из темного тоннеля на станцию и могучая река своей сверкающей голубизной распростерлась перед ними, Лариса вдруг сказала:

— Как же хорошо жить на свете!

— Хорошо! — серьезно согласился Демид.

Нежась на горячем песке, греясь на солнце, Лариса все время ловила себя на том, что ей хочется запеть.

— Понимаешь, до меня только сейчас дошло, что экзамены позади, — сказала она.

— Давай я тебя брошу в воду, — предложил Демид, — ты быстрее осознаешь этот исторический факт.

— Не смей! — обиделась девушка, но Демид легко поднял ее, как большую куклу, отметив при этом, какая она легкая, килограммов пятьдесят, не больше, и бросил прямо с берега в воду. Сам он тотчас же кинулся вслед за ней.

Позже, когда они, задыхаясь от восторга, какой всегда охватывает человека, плавающего в сверкающей солнечными бликами реке, легли рядом на горячий золотой песок, Лариса, казалось, вовсе не к месту спросила:

— А интересно, ты изучал когда-нибудь иностранный язык?

Демид с удивлением взглянул на девушку. Была в ней какая-то непонятная ему сосредоточенность, умение вот так, сразу, перейти от пустой болтовни к серьезному разговору.

— Я знаю английский, — улыбнувшись, сказал он.

— Ну да... — не поверила девушка.

— Почему тебе это кажется невозможным? Все ЭВМ разговаривают по-английски. Правда, я знаю язык весьма ограниченно. С тобой, например, вряд ли смогу объясниться, а вот с машиной договорюсь обо всем.

— Ну-ка, скажи что-нибудь.

Демид произнес фразу по-английски и тут же перевел ее на русский: «Быстрая лисица прыгает на ленивую коричневую собаку».

— Что за чепуха?

— Это не чепуха, а предложение, в которое входят все знаки английского алфавита. Когда налаживаем машину, даем ей задание написать печатным шрифтом именно это предложение, и тогда сразу видно, если она где-то ошибается.

— Вот что можно, оказывается, сделать с языком великих Шекспира и Байрона, — вздохнула Лариса.

— Одно другому не помеха.

Лариса молчала некоторое время, пропуская между тонкими пальцами струйку сухого белого песка. На жарком солнце волосы ее быстро высохли, распушились, будто кто-то надел ей на голову мохнатую шапку.

— Когда заканчиваются занятия на вашем вечернем? — неожиданно спросила она.

— Примерно в десять тридцать.

— Мы сделаем так, — решила Лариса. — Юристы занимаются иногда в первую, а иногда во вторую смену. Вторая смена заканчивает занятия примерно в то же время, что и вы. Я подожду тебя в читалке на первом этаже, и мы вместе поедем домой. А по дороге будем упражняться в языке. Это же почти час! Даже если нам удастся заниматься лишь один раз в неделю, твой «машинный» язык оживет! Я знаю секрет...

— Послушай, Лариса, — засмеялся Демид, — а зачем это тебе?

— Сама не знаю. Возможно, еще с Фабричной улицы повелось. Когда у тебя что-то не в порядке, мне тревожно. В жизни нужно делать все лучшим образом. Вот так и твой английский язык... Я воспринимаю его как свой промах...

— Хорошая ты девушка, — почему-то смутившись, сказал Демид.

— Ты так думаешь?

— Да, так.

— Ошибаешься, я плохая...

— Надоела мне эта самокритика, — оборвал ее Демид. — Ты мне нравишься такой, какая есть. Что ты скажешь на предложение немного перекусить? Зайдем в кафе?

— Я взяла бутерброды.

— Вот видишь, ты не только хорошая девчонка, ты просто прелесть.

— Давай без преувеличений, — думая о своем, даже не улыбнулась девушка.

Потом, когда до вечера оставалось часа два, а все тело гудело от сладкой истомы после купания, ветра и солнца, Демид сказал:

— И все-таки человек должен есть что-нибудь поосновательнее бутербродов. Пойдем в ресторан!

— Пойдем, — согласилась Лариса, — одну минуту — я переоденусь.

Она зашла за куст чернотала и вскоре вернулась в простом светлом платьице и легких босоножках, на ходу выжимая купальник.

Ресторан — огромное деревянное стилизованное здание — возвышался неподалеку. Ради экзотики к нему было пристроено большое мельничное колесо, полуопущенное в воду, и именно поэтому ресторан назывался «Мельница».

По звонким, за целый день насквозь прогретым солнцем ступеням с выступившими каплями смолы они прошли на веранду, отыскали в уголке свободный столик.

— Деньги у тебя есть? — осторожно спросила Лариса.

— Не беспокойся, есть. Что будем заказывать?

— Все подряд.

— Вино?

— Не нужно.

— Нет, нужно, — твердо сказал Демид.

Официантка, еще совсем молоденькая, хорошенькая, но уже располневшая женщина, приветливо улыбнулась Демиду, потом перевела взгляд на Ларису, на ее золотисто-каштановые глаза, на пышные волосы, разметавшиеся по плечам от ветра и речной воды, и улыбка ее исчезла.

Демид взглянул на Ларису и удивился: такой сердитой он видел ее впервые.

— Что с тобой? — спросил он, когда официантка отошла.

— Ты с ней встречался прежде?

— Впервые в жизни вижу, — честно ответил Демид.

— Почему же она тебе так улыбается?.. Впрочем, прости меня, все это, конечно, глупости. Прекрасный ресторан. Вот, казалось бы, примитивная стилизация, а впе-

чатление производит и настроение создает. Дерево, красная медь, кованое железо — нравится мне это.

Официантка принесла заказ. Прозрачное, золотистое вино будто жило своей отдельной веселой жизнью в бокалах.

— Твое здоровье, — сказала Лариса и пригубила вино, внимательно следя за тем, как пьет Демид. — Ты часто выпиваешь?

— Редко. Хорошее вино, очень вкусное. Твое здоровье...

Уже поздно вечером, когда они медленно шли по бульвару Ромена Роллана, Лариса тихо призналась:

— У нас сегодня был счастливый день, и я тебе очень благодарна за него. Понимаешь, эта беда с отцом сделала мою жизнь трудной...

— Как он сейчас?

— Пока держится, но я просто с ужасом жду дня, когда он сорвется. После долгого перерыва это бывает особенно страшно.

— Приходи тогда ко мне, может, смогу помочь.

— Возможно и приду... Я хочу, чтобы ты понял меня: когда постоянно в тревоге, постоянно ждешь беды и вдруг такой прекрасный день — спокойный, надежный и солнечный, как само счастье, это настоящий подарок.

— Ты мне сделала подарок, и для меня этот день как само счастье. Ты умница, Лариса.

— А как же иначе, ведь я внучка человека, имевшего заветную мечту. Не забывай! — девушка уже словно жалела о минутной слабости. — Еще раз спасибо тебе за чудесный день. Если захочешь, денька через два-три опять съездим. С тобой хорошо, просто и свободно.

— Боюсь, что для меня это плохой комплимент. Для парня даже обидный.

— С точки зрения Тристана Квитко, действительно плохой. Он говорит, что девушка всегда должна следить за тем, где пребывают руки парня. А мне надоело следить за его руками. Поедем послезавтра. Встретимся на том же месте и в то же время.

Пожала ему руку, крепко, почти по-мужски, и исчезла в дверях своего подъезда.

Демид вернулся домой, чувствуя во всем теле блаженную усталость. Почему-то вспомнился запах чернотала, речного ветра, теплой воды и уже совсем неожиданно едва ощутимый запах Ларисиной кожи... Этого еще

не хватало! Сейчас он быстренько прогонит эти воспоминания.

Прошел в кухню, где на железном столике от швейной машины «Зингер» стоял будущий «Иван». Взял паяльник и углубился в работу. Очнулся лишь тогда, когда за окном забрезжил рассвет.

Демид остановился не потому, что в окно постучалось утро. Просто он припаял последний контакт. Первый блок был готов. Ну, сейчас проверим, какой получился из него наладчик.

Еще раз пристально оглядел широкий пульт управления, где вверху по тридцать две штуки в ряд выстроились тумблеры, все ручки подняты, все показывают единицы.

Волнуясь, взял вилку с проводом питания, вставил в пятивольтный штепсель — все лампочки над тумблерами загорелись. Так и должно быть. Подключил к «Ивану» магнитофон, для чего заранее были приготовлены провода, поставил катушки (странно, в электронике их называют, как книги, тома). Ура! Все в порядке.

Взял фолиант Аполлона Вовгуры, нашел первую формулу ключа к сейфу Гальперина, который стоял когда-то в доме на Банковской улице. Нет на свете ни Гальперина, ни его пароходства, ни его сейфа, осталась лишь запись в книге Баритона.

Что ж, попробуем. Опуская и поднимая ручки тумблеров, записал параметры этого ключа. Теперь верхние два ряда лампочек выглядели как неровная пунктирная линия, будто бы хаотичная, а в действительности математически организованная.

Еще раз проверил — все верно. Нажал кнопку слева «запись» и вслед за этим — «пуск». Шевельнулись магнитофонные катушки, чуть-чуть покрутились и замерли. «Иван» включил магнитофон, записал формулу и выключил.

Демид вытер со лба холодный пот. Свежий ветер ворвался в окно. Все-таки ожила его машина! Пусть пока не полностью, пусть частично, но работает!

Глава двадцать восьмая

К городу в золоте кленов, багрянце каштанов приближалась осень. Порывистый ветер гнал тяжелые облака.

За работой над машиной, встречами с Ларисой (жаль,

мало их было, всего три поездки в Гидропарк) и занятиями в спортивном зале Демид не заметил, как подкралось первое сентября, кончился отпуск, и начались занятия в университете.

В понедельник после работы он забежал домой только на минуту (перекусить, захватить папку с тетрадями) и поспешил на лекцию.

Он пришел на свой мехмат как в родной дом: все тут давно знакомо, два года заочного обучения не прошли даром.

Сердце Демида всегда охватывало чувство особой гордости и торжественности, когда он подходил к красным колоннам университета, входил в прохладный вестибюль, шел длинными коридорами.

Около читального зала, находившегося там, где начинался юрфак и факультет кибернетики, увидел Ларису. Девушка шла навстречу, глаза — ну просто боязно о них обжечься.

— Разве здесь ваш факультет? — спросила она.

— Мы сегодня в двести шестидесятой аудитории.

— А мы в первую смену. Жаль. Не придется вместе ехать домой. Но раза два-три в неделю я буду заниматься в читалке, и тогда ты будешь иметь урок английского языка...

«Не забыла», — с непонятной радостью подумал Демид, а вслух произнес только:

— Очень приятно.

— Да и мне веселее домой ехать. И потом очень люблю заниматься языком.

— Не все такие способные, как ты.

— Неспособных людей нет, бывают ленивые.

— Я принадлежу к этой категории?

— Нет, не принадлежишь. — И исчезла в толпе студентов, только мелькнула пышная копна темных от вечернего освещения волос. Потом так же неожиданно появилась вновь, окликнула Демида.

— Послушай, у тебя до начала лекции полчаса, давай сбегаем за фотографиями, а то в учебной части на меня волком смотрят.

— Гениальная идея.

Они выбежали из университета в топазовое киевское предвечерье, нежное и грустное. Фотоателье было закрыто. На массивной металлической раме стеклянных дверей — скоба для замка, крепкая, кованая.

— Мой дед такие замки открывал одним взглядом, — с вызовом сказала Лариса.

— Я тоже могу, — сказал Демид, — правда не взглядом. И потом, что это даст?

— Далеко нашему куцему до зайца... Ну ладно, фотографии возьмем завтра. Беги, а то на лекцию опоздаешь. Пока!

И, кивнув на прощание, не торопясь, пошла к метро.

На следующее утро Павлов подошел к участку Демида и долго смотрел, как он работает. Книга диагностических тестов-испытаний лежала на столике, и наладчик одну за другой включал программы тестов, добиваясь абсолютной безупречности работы машины.

Тут же на столике — пишущая машинка, на длинной, вложенной в нее ленте появляются записи: «Тест логических операций завершен», «Тест десятичной арифметики завершен», «Тест команд прямого управления завершен», «Тест СХОК (схемно-оперативного контроля, прежде всего обнаруживающего ошибки в машине) завершен».

Не все проходит гладко, иногда «Консул» начинает бунтовать, тогда Демид в поисках ошибки прослеживает весь путь сначала.

Внимательно следил Павлов за работой Хорола. Что изменилось в нем за последние месяцы? Почему такими уверенными стали его движения, точными распоряжения товарищам? Почему почти всегда безошибочно определяет он причину неполадок машины, словно она сама подает ему сигнал: помоги мне? И неожиданно пришла мысль, что Демид обходится с машиной как с другом, как с близким человеком, чьи помыслы ему хорошо известны.

Такое не могло прийти само собой. Учеба в университете, конечно, дает теоретические основы, но на «чуткость пальцев», которую невольно демонстрировал Демид, вряд ли влияет. В чем же тогда дело? Каков новый могучий источник, питающий талант Демида?

Наступил перерыв.

— Обедать, ребята, — скомандовал подручным Демид, — сегодня мы сдадим свою работу, осталось совсем немного...

Поднялся со стула и только тогда увидел Павлова.

— Семен Александрович, вы ко мне? Давно ждете?

— Нет. Любовался вашей работой. Выросли ребята!

— Стараемся.

— Однако не на всех фронтах стараетесь, — все-таки счел необходимым заметить Павлов.

— Как понимать?

— Имею в виду комсомольскую работу. Как парторг участка, скажу: уткнулись мы носом в свою технику и, кроме нее, ничего не видим. А вокруг — жизнь, интересная, яркая. Понимаешь, строим машины, хорошие, умные машины, и расходятся они по всему миру. А кто на них работает? Какие люди? Чем они живут? О чем думают, мечтают?

— Как же мы можем это узнать?

— А вот послушай. Во многих вузах учатся иностранные студенты. Комитет комсомола запланировал организовать месяца через два-три встречу молодых комсомольцев — рабочих ВУМа со студентами зарубежных стран. Думают сделать это в кафе «Элион», чтобы можно было и познакомиться, и потанцевать, и повеселиться. Студенты у нас учатся разные, не только трудовой народ. Господа тоже поняли преимущества нашей системы образования. Я говорю это к тому, чтобы ты знал: если парень из-за рубежа учится у нас, это еще не означает, что он находится на одной с нами идейной позиции. Но хотят они того или не хотят, наш советский образ жизни оставляет в их душах психологический след, и такая встреча молодежи для каждого останется хорошим воспоминанием.

— Есть идея, — сказал Демид, — вернее, не идея, а девушка, свободно владеющая тремя языками. Это просто находка для такой встречи.

— Не Лариса ли Вовгура?

— Она. Учится в университете на юридическом.

— Вот и прекрасно. Ольга Степановна мне когда-то говорила о ее удивительных способностях к языкам. С отцом ей не повезло.

— Да, страшный, когда выпьет.

— Хорошо бы ей повезло с непьющим мужем... Зайди сегодня в комитет комсомола.

Как-то странно посмотрел на него Павлов, или это только показалось? Нет, конечно, показалось. И почему-то задели слова о непьющем муже. Да, рано или поздно Лариса встретит парня, полюбит его, у них появятся дети...

— Что с тобой? О чем задумался, загрустил? — Павлов, уже собравшись уходить, задержался.
— Нет, ничего. Думаю, как лучше выполнить ваше задание.
— Ну, думай.

В тот день в университет Демид пришел пораньше, чтобы застать Ларису, и увидел ее у входа в аудиторию. Рядом с ней стоял высокий интеллигентный на вид парень, они о чем-то увлеченно говорили, и Демид почувствовал, как забилось сердце. Он уже хотел было отойти, чтобы не мешать беседе, но в этот момент Лариса увидела его и, извинившись перед собеседником, подошла к Демиду.
— Ты ждал меня? Случилось что-нибудь?
Бедная девочка, она все время живет в ожидании беды, даже побледнела, глаза округлились.
— Нет, успокойся, ничего не случилось. Просто мне нужна твоя помощь. Мы собираемся провести в «Элионе» встречу рабочих ВУМа с иностранными студентами, которые учатся в Киеве. Хотим устроить встречу весело, с танцами, с песнями. Понимаешь, нужен человек, который вел бы вечер на нескольких языках. Я сразу подумал о тебе, если ты действительно...
— Что действительно?
— Знаешь три языка...
— А ты сомневаешься? — Лариса явно обиделась. — Между прочим, сейчас я, можно сказать, знаю уже четыре. Занимаюсь венгерским, правда, разговариваю пока неважно, но все понимаю.
Демид посмотрел на девушку с уважением.
— Ты умница, Лариса. Будешь иметь возможность попрактиковаться и в венгерском, в Киеве есть студенты из Будапешта.
— Когда состоится этот вечер? — деловито спросила девушка.
— Наверное, в декабре, в канун Нового года.
— Вот и прекрасно. У нас есть в запасе месяца три.
— Для чего?
— Для того чтобы хоть немного поднатаскать тебя в английском.
— Ты думаешь, это нужно?
— Нужно... На встрече наверняка будет много молодежи, знающей языки, и мне не хотелось бы краснеть

за моего соседа по Фабричной улице. Можешь не беспокоиться: заниматься с тобой я буду только три месяца, до этой встречи. Потом, если захочешь, подыщешь себе других учителей. А у меня найдутся дела поинтереснее.

— Дела или люди? — спросил Демид.

— И дела и люди, — отрезала Лариса, — меня избрали комсоргом курса. Итак, в десять тридцать я жду тебя около читалки.

— А до этого времени где ты будешь?

— Извини, но это уже мое дело, — вовсе не собиралась утрачивать своей независимости Лариса. — Гуд бай.

— Ты уже принялась за мое обучение?

— Да, принялась...

— Гуд бай, — машинально ответил Демид, проводил ее взглядом и направился в двести пятьдесят третью аудиторию. Смотри-ка, еще и командует! После лекций, если она и в самом деле будет ждать его около читалки, он подойдет, предложит проводить ее домой и скажет, что английский язык ему ни к чему. Не нужен! Вот так и поступит, а то уж очень заважничала уважаемая Лариса Павловна.

Лекции сменяли одна другую, и он с удивлением отметил, что от раздражения на Ларису и следа не осталось, наоборот — на сердце было радостно и тревожно от ожидания встречи.

Казалось бы, чему радоваться, ведь тебе ясно сказали: эта забава только до Нового года. Интересно, кто этот высокий парень? Нет, пора выбросить из головы эти ненужные мысли и попытаться понять, что там рассказывает профессор про молекулярную физику...

Демид постарался сосредоточиться, ему это удалось, и до звонка он уже не думал о Ларисе, однако из аудитории выбежал первым и бросился к читалке. Еще издали увидел — стоит, ждет. Даже стыдно стало за свои сомнения. Разве он, пообещав, не пришел бы?

— Оказывается, — сказала девушка, — и мне от этих занятий польза, не помню, когда так хорошо работалось в последний раз: знаю, что времени у меня много, домой ты меня проводишь, и занимаюсь спокойно.

В вагоне метро сели рядом, и Лариса сказала:

— Начинаем. Сейчас ты назовешь мне по-английски все, что видишь перед собой.

— Лариса, с моим знанием языка это просто невозможно, да и стыдно, — Демид старался оттянуть время.

— Стыдно целоваться в метро, хотя многих это не смущает. Ну, давай, я слушаю.

Демид глядел на Ларису, поражаясь ее перемене: перед ним была совсем другая девушка — строгая, требовательная.

— Конечно, сейчас у тебя в голове сплошная каша, — Лариса была неумолима. — Ничего, сосредоточься, и английские слова вспомнятся, ты их знаешь куда больше, чем кажется. Начинай.

Демид в смятении оглянулся по сторонам, никто в вагоне не обращал на них внимания. Парень, сидевший рядом, читал, положив на колени хорошо знакомый учебник по матанализу.

— Давай, давай, — уверенно сказала Лариса.

— Я вижу метро, — сказал он по-английски.

— Молодец, — похвалила Лариса, — только английское метро не «метро», а «сабвей», подземка, запоминай. — И потом спросила по-английски: «Что ты видишь в вагоне?»

— Я вижу в вагоне красивую девушку.

— Почти правильно, только слово «девушка» ты выговариваешь слишком твердо. Нужно будет отдельно поработать над произношением.

Когда они наконец добрались до бульвара Ромена Роллана, Демид окончательно уверился, что пользы от таких занятий никакой. Он так и сказал Ларисе, но она только улыбнулась.

— Через три месяца сделаем выводы. Завтра повторим. Я буду ждать тебя там же. Спокойной ночи.

Демид пошел домой, неся в себе заряд ее абсолютной уверенности в успехе. Нужно будет заглянуть в английский учебник, пусть убедится, что он не такой дурак, каким кажется. И еще как-то само собой стало ясно, что ему все время хочется думать о Ларисе, представлять ее глаза, касаться ее руки.

Что это с ним?

Он не стал особенно задумываться в поисках ответа на этот щекотливый вопрос — скоро двенадцать, пора спать.

Глава двадцать девятая

Вот так пролетели три месяца, и незаметно подошла пора вечера интернациональной дружбы молодых рабочих завода с зарубежными студентами. Демид Хорол

очень удивился, когда узнал, что вечер поручили вести ему.

— Как же так? — недоумевал он. — Я же не член комитета комсомола. Не справлюсь.

— Еще как справишься, — заверил его секретарь. — Подыщи себе хороших помощников и не волнуйся, если что-то заест, мы будем на подхвате.

Демид составил программу вечера: кроме рабочих ВУМа, будут выступать студенты семнадцати стран. Есть на свете такие песни, которые знают всюду, музыку к ним надо записать на пленку — наверняка наступит момент, когда всем захочется петь. Попросил ребят из фотолаборатории сделать фотомонтаж памятных человечеству событий. «Аврора» бьет по Зимнему дворцу. Солдаты интернациональной бригады в Испании идут в наступление. Гагарин взлетает в космос.

Большие, ярко освещенные фотографии изменили вид кафе. Если прежде «Элион» представлял нечто среднее между старой корчмой и ультрасовременным баром, то сейчас в зале словно слышен был отзвук революции, героической борьбы народов всех стран за лучшее будущее.

— Очень прошу, приди пораньше, — попросил Демид Ларису, — откровенно говоря, я здорово волнуюсь.

— Я тоже.

— По тебе незаметно.

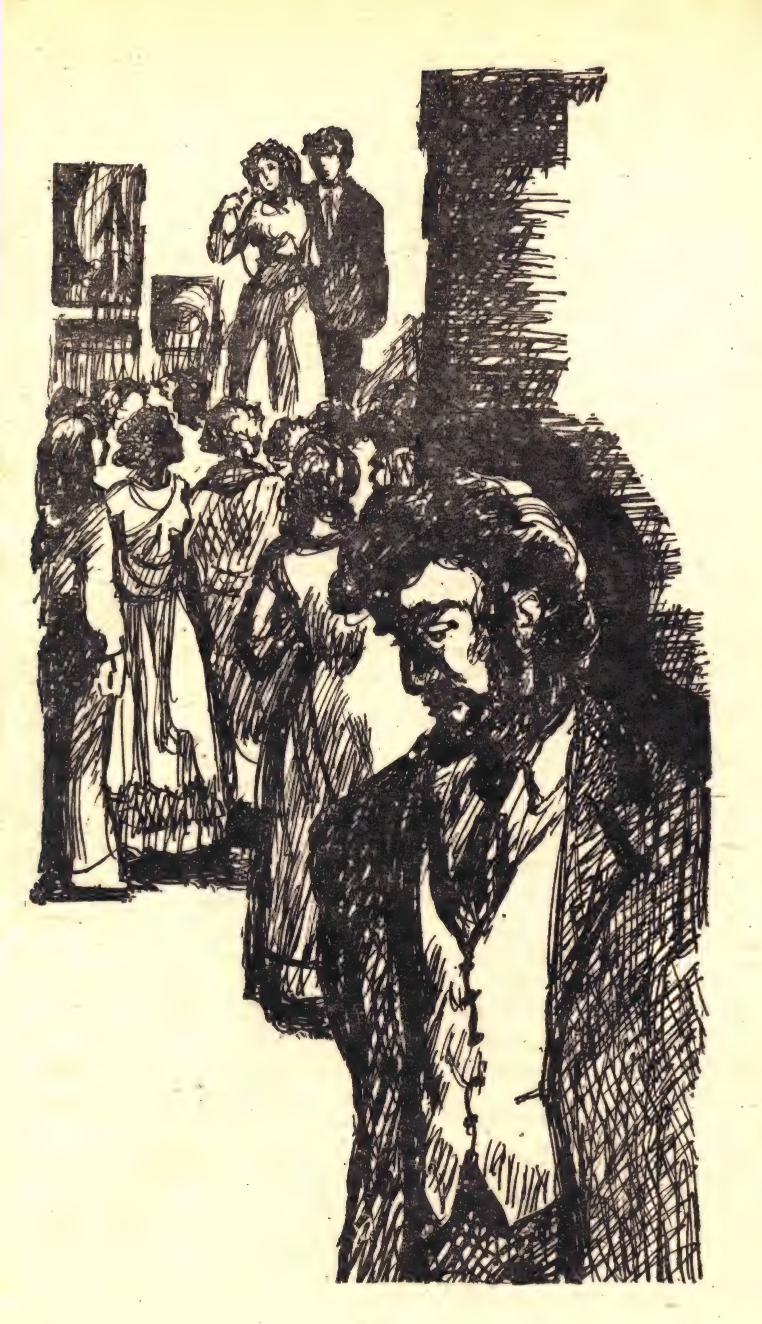
— Это только кажется.

Гостей встречали девушки в национальных украинских костюмах, каждому подарили по алой гвоздике. Это сразу создало праздничное настроение. Четверо кубинцев пришли с гитарами. Лариса встретила их как старых знакомых. Неужели они ее понимают? Смеются, говорят... Вот чудо!

Вскоре обнаружилось, что не одна Лариса знает языки. То там, то тут стали образовываться группки, послышалась разноязыкая речь.

Демид поднялся на невысокую сцену, подозвал девушку, взял микрофон, постучал по мембране. В зале сразу стало тихо.

— Товарищи студенты, дорогие гости из дружественных нам стран и дорогие хозяева, вумовские комсомольцы! Мы собрались на вечер интернациональной дружбы, чтобы познакомиться, повеселиться, лучше узнать друг друга. Этот вечер первый, но, надеемся, не последний.

Передал микрофон Ларисе, и зазвенел ее голосок на испанском языке, на немецком, английском. Сначала зал притих, а потом, в зависимости от того, на каком языке говорила девушка, раздавались возгласы одобрения, аплодисменты.

Краем глаза Демид заметил, как в зал вошел Тристан Квитко, остановился в углу, понаблюдал, потом заговорил с чернокожим студентом, через некоторое время вокруг них сгруппировались люди, послышался смех. Геннадия не было. Значит, ниточка оборвалась. Ну что ж, тем лучше.

— Мы говорим на разных языках, товарищи, — снова взял микрофон Демид, — но объединяет нас, роднит русский язык, язык Ленина и Октября, язык, которому научились и вы.

Словно в ответ на его слова из громкоговорителя послышалась хорошо знакомая мелодия «Подмосковных вечеров», которую подхватил весь зал. Она будто прошла через молодые сердца и затихла так же незаметно, как началась. Нежные, лиричные звуки песни сменила иная, тревожная музыка. На большом экране появилось изображение Сальвадора Альенде.

— И тут политика, — сказал адвокат, остановившись рядом с Ларисой.

— Разумеется, — весело ответила девушка. — Политика, если она подкреплена дружбой, — великая сила!

— Может быть, и так, — усмехнулся, отходя, Квитко. Остановился около группы студентов, вынул что-то из кармана, наверное фляжку коньяку, и сразу вокруг него стало напряженно-весело.

Демид направился было в их сторону, но парень из комитета комсомола остановил его:

— Не заводись, все это пустяки. Ну, сколько он мог принести? Бутылку, две? Вот и вся его сила...

А Квитко смотрел на Ларису, любовался ее оживленным лицом, слушал звеневший уверенный голос и думал, как могло случиться, что на таком вечере в центре внимания не он, образованный светский человек, а эта простенькая девочка? Он понимал, что с Ларисой у него не все так ясно, как представлялось. Она оказалась крепким орешком, разгрызть который ему не по зубам. Но он не привык уступать и потому решил: посмотрим еще, чья возьмет.

Когда наконец вечер закончился и зал опустел, Лариса подошла к Демиду.

— Проводишь меня домой?

— Конечно. Ты сегодня просто чудо!

— Не преувеличивай. Здесь где-то Квитко. Он предложил меня проводить, но я отказалась. По-моему, он немного пьян. Неприятно мне это.

— Можешь не бояться, — просто сказал Демид. — А вот английский мне не пригодился, напрасно старались.

— Кто знает? Время покажет, — ответила Лариса.

Они оделись в гардеробе и вышли на улицу, не замечая морозного ветра, согретые теплом молодых сердец, счастливые ощущением дружбы и доверия.

— Я тебя поджидаю, — неожиданно прозвучал голос Тристана Квитко.

— Буду рада, если вы оба проводите меня, — ответила Лариса, и адвокату ничего не оставалось, как присоединиться к ним. «Ну, ничего, — подумал он, — хорошо смеется тот, кто смеется последним». Квитко перешел на английский язык. Странно, Лариса охотно ответила ему по-английски, не чувствуя неловкости перед Демидом. А Демид вдруг догадался, что Лариса специально для него выстраивает беседу так, чтобы ему было все понятно, поэтому, когда она обратилась к нему с вопросом об очередной премьере в оперном театре, легко ответил по-английски. Правда, накануне они с Ларисой, возвращаясь из университета домой, освоили эту тему. Демид сказал только одну фразу, но произнес ее правильно и уверенно.

— Ты знаешь английский? — удивленно спросил Квитко.

— Немного, — ответил Демид.

— Откровенно говоря, вечер был неинтересный, — сказал Квитко. — Петь в хоре — не мое призвание.

— Ваше призвание — дирижировать хором? — спросил Демид.

— Да, дирижировать и определять репертуар. А то что же получилось, сплошная политика... чуть-чуть замаскированная гавайскими гитарами.

— Эти ребята из Африки и из Индии, вернувшись домой, будут вспоминать об этом вечере, о том, как пели «Бандера росса». Вы об этом не подумали? — вел свое Демид.

— О, они сыты этим по горло.

— А дружба?

— Слова, слова, слова...

— Нет, не слова, — вступилась Лариса. — Мы сегодня сделали большое дело: зародили дружбу...

— Вернее, скуку.

— Потому и вечер закончился на целый час позже, нежели рассчитывали, — иронически усмехнулся Демид, — так они спешили разбежаться от скуки.

— Вы еще молоды меня учить, — сердито бросил Квитко.

— Молоды, тут ваша правда, а подумать о вечере и вам придется, Тристан Семенович. Есть опасность, что вы отстаете от жизни.

— Я? — удивился Квитко.

— Вот именно, вы, — уверенно, словно ставя точку, сказала Лариса.

К счастью, они подошли к ее дому, и девушка, улыбнувшись и тому и другому, попрощалась:

— Доброй ночи, чудесный был вечер. Помнишь, Демид, ты говорил про интеллектуальное самбо? Всего доброго! — И исчезла в подъезде.

А Демид и Квитко остались на холодном зимнем ветру.

— Зайдем ко мне, выпьем. Обмозгуем, как нам лучше выполнить заповедь Аполлона Вовгуры, — стараясь перевести разговор в другую плоскость, сказал адвокат.

— Спасибо, поздно уже. Мне завтра в первую смену.

На следующий день в университете Лариса, пробегая мимо Демида с книгами и тетрадями в руках, кинула:

— А ты говорил, что не понадобится аглийский язык!

Сверкнула улыбкой и уже хотела было убежать, но Демиду удалось ухватить ее за руку. И сразу же вспомнился Гидропарк, едва заметный пьянящий запах девичьей кожи и травы...

Тем временем наступили каникулы, и у Демида появилось больше времени для работы с машиной. Демид почти все вечера проводил дома. А за окном потрескивали январские морозы, и злой ветер ударял в стекло, словно любопытствуя, над чем там колдует Демид.

Хорошо чувствовать ласковое тепло, когда рядом, за окном завывает и бесится вьюга; зима чувствует свой скорый конец и злится, демонстрируя уже убывающую силу. Машина готова только наполовину, но эта половина может исполнить волю конструктора. Смонтирован пульт

управления со всеми его тумблерами и лампочками. Готов к включению важнейший ряд из тридцати двух лампочек, способных указывать номера выступов на бородках ключей. Теперь нужно смонтировать на платах схемы управления, расчетные и информационные регистры, они помогут машине не только отыскать формулу записанного на пленку ключа, но и подобрать несколько схожих вариантов.

Схемы на бумаге давно готовы, теперь нужно их собрать. Тогда и посмотрим, на что будет способна его машина. Он потянулся рукой к папке с чертежами, когда вдруг в дверь позвонили, резко и требовательно.

Посмотрел на часы — десять. Открыл дверь и отступил пораженный: Лиля.

— Узнал? — В голосе вызов, подчеркнутое презрение ко всему на свете.

— Конечно, узнал. Проходи, рад видеть тебя!

Демид и вправду обрадовался, увидев свою бывшую подругу, обнял ее, поцеловал, и именно этим поцелуем смягчил, растопил злость в глазах Лили. Она прошла в комнату, села на тахту, закрыла лицо руками и, опершись на колени, заплакала.

Что делать в таких случаях, Демид не знал. Гладил ее по плечу и приговаривал: «Лилечка, успокойся, успокойся, я тебе говорю, все будет хорошо...»

Лиля перестала плакать так же неожиданно, как и начала.

— Чего ты гладишь меня, как кошку! — сказала она, уклоняясь от его руки. — Расскажи лучше, как поживаешь?

— Хорошо живу. Как же иначе?

— Вижу. Вон какую машину сделал. Открытие?

— Как тебе сказать... До меня было открыто, я повторяю сделанное, по-своему осмысливая и чему-то учась.

— Ты выучишься. Еще и свое откроешь, весь мир удивишь.

— Ну, скажешь тоже...

— Точно, я знаю, что говорю, — голос ее звучал уверенно, будто не она только что рыдала, уткнувшись в ладони. — Не женился? Не окрутила тебя твоя рыжая?

— Знаешь, Лилька, язык у тебя как помело. Лучше подержала бы его за зубами.

— Обиделся? Значит, влюблен, по уши, а она делает вид, что упирается? Ведь так?

— Перестань!

— Уже перестала. Извини.

— Ты про себя рассказала бы. Что делаешь, чем занимаешься? Интересные люди вокруг тебя?

Лиля искоса взглянула на него, губы дрогнули в снисходительной усмешке.

— «Чем занимаешься? Интересные люди?» — передразнила она. — Сейчас расскажу. Выпить у тебя чего-нибудь покрепче чая не найдется?

— Нет.

— Все такой же — красная девица, не переменился. Ну, да ладно, обойдемся... Ты хочешь знать, где я работаю? Я семнадцатая жена сына шейха Омара. Представляешь? На плантации хлопок собираю, копаю арыки, рабочим обеды варю, а кроме того, электропроводку исправляю, если испортится. Обедаем мы в общей столовой, живем в большом бараке, правда, у каждой есть отдельная комнатка. Раза два в месяц наследный шейх удостаивает меня своей высокой милостью, иначе говоря, приходит переспать. Его так называемая любимая жена Матильда, немка, за нами наблюдает, на работу наряды дает... Правда, кормят хорошо и, как видишь, одевают неплохо. Он не скупой, Омар, и очень богатый. Нажился... Подумать только: бывают на свете такие дурехи! Ехала на край света, думала буду королевой, а оказалось, что это просто организованный набор рабочей силы. После меня еще две жены заявились: одна из Голландии, другая негритянка из Конго, обе рослые и сильные, как кобылицы, он их, видно, по этому принципу и подбирает...

— Ты тоже не дюймовочка, — вставил Демид.

— Правильно, и в обиду себя не дам, не на ту напал! У меня советский паспорт, а ты знаешь, какая это сила — советский паспорт?

— Представляю.

— А он меня, радиомонтажницу третьего разряда, арыки рыть?! Я с ним один раз мирно поговорила, другой — он только свои белые зубы скалит. Тогда подговорила француженку, одиннадцатую жену, и мы объявили забастовку. А они нам есть не дают! Мы тогда давай посуду бить. Он свою Матильду с двумя наемниками прислал нас утихомирить, а мы вилками отбиваемся. И что ты думаешь? Отбились. Тогда сам приходит, ласковый, нежный, ловко умеет менять личины, и спрашивает: «Чего ты хочешь?» Я говорю: «Хочу быть женой

шейха, а не батрачкой». А он: «На, возьми перстень, только замолчи». Перстень-то я взяла, вот он, смотри, а молчать не стала. «Что же ты мне, — говорю, — перстнем хочешь рот заткнуть?» А он так просто, смеясь, и отвечает: «Хочу». Я ему говорю: «Мало», а он говорит: «Подожди, отец даст денег, что-нибудь придумаем». Чувствую я, надолго меня не хватит. Не может моя душа эксплуатацию терпеть! Обещание свое забыл, поставил меня чернорабочей, меня, радиомонтажницу третьего разряда!

— А где он сейчас?

— Там. Институт закончил, диплом инженера получил. Если правду сказать, он неплохой парень, только капиталист закоренелый... Чаем угостишь?

— Конечно. Только что закипел.

— Так вот, терпела я, терпела, а потом говорю: «Не могу я больше жить без моей родной мамочки», хотя, если хочешь знать правду, моя мама там пришлась бы ко двору, ее стихия. Он сначала и слушать не хотел, а я голодовку объявила, консулу нашему сумела письмо передать. Там у них существует один закон — золото. Представляешь, ближайший друг Омара — Матильда — мое письмо консулу переслала. Я понимаю, это она затем, чтобы поскорее от меня избавиться. Только черта лысого, я тут дома немного поживу и снова туда вернусь. Я еще свое возьму! — Она с удовольствием откусила бутерброд, отхлебнула чая. — Одним словом, за меня можешь не беспокоиться.

— Это уж точно, — сказал Демид. — За тебя я спокоен.

— В понедельник иду работать в четвертый цех. Не могу без ВУМа, не могу без работы, пойми ты, не могу! Дня два в отделе кадров волынку тянули, потом согласились. Я в цех как на праздник пойду...

Глава тридцатая

В марте ветер над Киевом становится тяжелым и влажным, будто на небо набросили огромное мокрое одеяло. Вдруг набегут тучи, и на землю обрушится снег, наметет такие сугробы, что и зимой в редкость. Потом так же неожиданно просветлеет, очистится небо, словно старательно вымытое, засияет солнце, пригреет, припечет, хлынут ручьи, а к вечеру снова ударяет веселый,

похрустывающий морозец. Старые люди объясняют это неспокойное время «мартовскими планетами»: по поверьям, все зависит от расположения планет в марте. Точно такие же изменчивые «мартовские планеты» и на душе у Демида Хорола: то метель и трескучий мороз, то ясное солнышко и настоящая голубая весна. Понять ничего невозможно, потому что неподвластно это настроение его воле.

Дня через три после вечера в «Элионе» Лариса встретила его в коридоре и строго сказала:

— Сегодня жду тебя около читальни. Будем продолжать учебу.

— Зачем? Ведь встреча уже прошла.

— Затем, чтобы знать английский язык. Это, чтобы тебе было известно, работа не на один год, зато будешь свободно говорить. Каждое начатое дело должно быть закончено. Больше всего в жизни ненавижу дилетантов, которые знают обо всем понемногу и ничего по-настоящему.

— Согласен. Только через год захочется ли тебе со мной водиться?

— Через год и посмотрим, — сказала, как отрезала, и пошла по коридору, только каблучки стучат по паркету. Демид проводил ее взглядом, пока она не затерялась в толпе студентов, слонявшихся между сменами в коридоре, и почувствовал, что грудь заливает волна счастья: теперь они опять будут вместе ездить на Борщаговку.

И вот они снова сидят в углу вагона метро на обтянутых коричневым дерматином лавках. Народу немного, поздно — скоро одиннадцать часов.

— Какая у тебя мечта? — по-английски спрашивает Лариса, а Демид, прежде чем ответить, проявляет сомнение:

— Я не знаю, смогу ли выразить.

— Сможешь. Я задаю тебе простые вопросы.

— Как тогда в разговоре с адвокатом?

Девушка посмотрела на Демида:

— Вот именно, как в разговоре с адвокатом. Но мы уклонились от темы. Расскажи про мечту, пусть это будет упрощенное, но попробуй.

И Демид, запинаясь, подыскивая слова и радуясь каждой находке, стал рассказывать про голубое море, которое он никогда в жизни не видел и куда он в следующем году обязательно поедет.

— У тебя несомненные успехи, — похвалила Лариса своего ученика, когда они остановились у подъезда ее дома, и подала руку на прощание.

Он постоял еще немного, потом медленно, не чувствуя колючего ветра, пошел домой.

Влюбился он в Ларису без памяти. Как-то не думалось об этом раньше и вдруг стало ясно: влюбился. И что же теперь делать? Сказать ей: «Я люблю тебя, будь моей женой»? От одной этой мысли его как жаром обдало. Даже подумать об этом страшно. Если правду сказать, то какая он пара Ларисе? Тот, высокий, красивый, интеллигентного вида парень, вот он — пара.

Ну хорошо, допустим, решится он признаться Ларисе. А она? Засмеется в ответ и постарается с ним больше не встречаться. Нет, пусть остается все, как есть, потому что не видеть Ларису он не сможет. Умрет.

Демид подумал об этом совершенно серьезно.

Любовь, как известно, вызывает прилив сил, энергии. Эта энергия кипела в груди, требовала выхода, и потому он набросился на свою машину, видя в ней единственное спасение.

— Что с тобой случилось? — спросила Лариса, когда на следующий день вечером они снова оказались в вагоне метро.

— Ничего, — совершенно искренне ответил Демид.

— Ты не захворал?

— Вчера в спортзале врач проверял. Здоров.

— Нет, что-то в тебе изменилось, — словно почувствовала его состояние Лариса, — серьезным стал, сосредоточенным. Может быть, ты слишком много работаешь? Это хорошо, конечно, но...

«Я люблю тебя!» — хотелось крикнуть Демиду, но он сдержался.

Если кто и выиграл в этой ситуации, так это «Иван». Демид смонтировал все платы, перепроверил схемы, не торопясь, начал отлаживать машину, ставя перед ней все более сложные задания. Теперь она умела сама искать и находить в формулах других ключей то, чего не хватало в заданном типе, могла даже соотносить индивидуальные особенности разных мастеров, изготовлявших эти ключи и замки.

Демид посматривал на свою машину с иронической улыбкой. В начале столетия она наверняка казалась бы чудом, фантастикой, сейчас, в эру технического прогрес-

са, воспринимается как игрушка. Забавная игрушка. И только.

Он знал, что Павлов заметил, как вырос в профессиональном плане, стал подлинным мастером Демид Хорол. Только причины не понял. И не надо... И Лариса о ней не догадывается... Подумал — и сразу защемило сердце. Лариса... Всегда деловитая, собранная, до любви ли ей? У него сердце разбито, а ей хоть бы что...

Во вторую половину мая, когда солнце припекало весело и горячо, а каштаны вспыхивали белыми, желтыми, розовыми, а иногда даже красными соцветиями, Демид решил осуществить генеральную пробу своей машины.

Сразу после смены он, пообедав, пришел домой и подсел к пульту управления. Объект наметился сам собой — сейф белокриницкого завода, стоявший в фотоателье парка напротив университета. Вот и попробуем дать задание машине подобрать к нему ключ. Какие есть данные? Завод. Год выпуска. Записи высоты выступов на бородках, которые удалось определить, когда заведующая своими красивыми пальцами играла ключом, — данные приблизительные, глазомер мог подвести. Особенности ключей белокриницкого завода взяты из книги Аполлона Вовгуры, данные абсолютно точные. Соединить все это воедино и выдать размеры ключа — вот задача машины.

Что ж, для начала, как всегда, начнем с математики. Как на войне говорили, «без разведки ни шагу», так и в электронно-вычислительной технике, кибернетике установилось правило — «без математики ни шагу». Взял лист бумаги, карандаш и почему-то испугался. Собственно говоря, чего ему волноваться? Если сейчас его машина окажется не в состоянии решить задачу, он продолжит над ней работу и добьется своего. Даже если выяснится, что избрал неверный принцип, он построит новую машину, а все-таки замысел Аполлона Вовгуры проверит.

«Каждое начатое дело должно быть завершено... ненавижу дилетантов», — прозвучал голосок Ларисы так отчетливо, что Демид невольно оглянулся. Нет, в комнате он один, кому еще быть?..

Записал формулу ключа. Знает он его не очень-то точно, но именно здесь и понадобятся записи Вовгуры и логические возможности, память машины.

Теперь все шестьдесят четыре цифры выстроились перед ним на листе бумаги, как бойцы на параде. Математика сделала свое дело. Включил питание, проверил, не перегорела ли какая-нибудь из лампочек, и на верхних двух рядах тумблеров набрал формулу выведенного ключа. Дал команду машине и взглянул на пульт управления. Красиво выглядят созвездия индикаторных лампочек. Разве ради того, чтобы только кончиками пальцев ощутить, точно представить путь каждого импульса, его роль, задачу, не стоило работать?

Демид достал из футляра с надписью «№ 1» магнитофонную катушку: здесь написаны первые четыре тысячи формул ключей Аполлона Вовгуры. Поставил ее на магнитофон, оглядел машину. Можно начинать.

Еще раз окинул взглядом свое хозяйство, нажал на кнопку «чтение», а следом — «пуск». И сразу завертелись катушки на магнитофоне, побежали, будто догоняя друг друга, по верхним рядам лампочек разноцветные огоньки. Они бежали то поодиночке, то стайками, в зависимости от формулы, которую в эту минуту передавал магнитофон, а внизу справа, на счетчике, лампочки вспыхивали методично и спокойно, отсчитывая количество записей.

Катушки вертелись долго, с полчаса. И все эти полчаса Демид смотрел на бег огоньков и думал о Ларисе и о том, что жить без нее он уже не сможет.

Вдруг щелкнул, остановившись, магнитофон, машина выключилась. Кончилась лента. Или не нашлось в ее записях похожего ключа, или просто «Иван» не смог его отыскать. Оба варианта допустимы, но не будем терять надежды. Взял коробочку с надписью «№ 2», поставил катушку, пустил машину, снова побежали огоньки. Правда, теперь о Ларисе уже не думалось, в сердце вкралась тревога. Неужели ошибка?

И вторая лента прокрутилась безрезультатно.

Уже волнуясь, нервничая, взял третью катушку, поставил, пустил машину и, томясь ожиданием, подошел к раскрытому окну, стал смотреть вниз, где слабый вечерний ветер колыхал молодые, в белых букетах кроны каштанов. Остановился магнитофон, или только показалось? Резко обернулся, взглянул: нет, крутятся катушки. Отчего же он нервничает? Ну, пусть даже будет неудача... Все возможно. Но он-то своего дела не бросит, вновь все проверит, как не раз приходилось проверять на заводе,

снова начнет с азов. «Каждая работа должна быть доведена до конца».

И вдруг щелкнуло резко, громко, как выстрел, как сломанная сухая ветка, остановился магнитофон, и тут же загорелся нижний ряд лампочек. Подошел, не чувствуя ног под собой, посмотрел — все правильно. В левой стороне ряда загорелось семь пар лампочек — правая бородка, потом четыре темные, и снова семь пар левой бородки. Взял лист бумаги, дрожащей рукой записал размеры выступов на бородке первого ключа.

Снова включил машину, снова побежала магнитофонная лента, и минут через пять снова щелкнуло — загорелись нижние лампочки. Комбинация, схожая с первой, но немного иная. Запишем ее и пойдем дальше. В третьей катушке схожих ключей не нашлось. Зато в четвертой в первую же минуту отыскался похожий ключ.

Хотел выключить машину, не дождавшись конца четвертой ленты, но все-таки заставил себя набраться терпения. А вдруг еще один вариант? Нет, магнитофон, не останавливаясь, докрутился до конца. Демид выключил машину, пошел на кухню, где стоял старый железный столик от машинки «Зингер» с привернутыми к нему тисками. Положил перед собой лист бумаги с записями, достал старые колодочки для ключей, штангенциркуль, напильник и стал нарезать бородки. И хотя в этом деле он был не новичок, ведь не раз приходилось чинить замки, изготовлять разные ключи, работа затянулась за полночь. Странное им овладело чувство: удалось сделать все, что хотел, о чем мечтал, а радости нет. Посмотрел на «Ивана» разочарованно, взял ключи, бросил в ящик кухонного стола, достал полотенце, умылся, поставил будильник, чтобы не проспать, и упал на постель, как подкошенный.

Проснулся Демид от резкого звонка будильника. Вскочил: времени хватит и под душем сполоснуться, и позавтракать, выспался отлично, голова свежая, и весело выбежал из квартиры.

Поймал себя на поразившей его мысли: долгие годы шел он к вчерашнему вечеру, учился мыслить категориями электроники, проектировать и собирать сложные схемы, а когда научился, пропал всякий интерес к «Ивану». Нечто подобное он испытал, когда строил свою первую машину, которая умела всего-навсего складывать единицу с единицей. Так с ним было, когда смонтировал счетчик

из десяти триггеров. Потом «Иван». Интересно, какова будет его следующая машина?

— Доброе утро! — послышалось рядом.

Лариса. Вышла из магазина с сумкой, нагруженной свертками, пакетами, бутылками с молоком и кефиром, хлебом. Раннее утро, а девушка уже хлопочет по хозяйству, хотя, наверное, хотелось бы еще поспать часок-другой.

— Здравствуй. Очень рад видеть тебя. Добрая примета ранним утром первым встретить хорошего человека. В Германии, например, встреча с трубочистом — к счастью.

— Я, что, по-твоему, трубочист?

— Наоборот, ты — фея!

И они оба весело рассмеялись без особой на то причины.

— Ты какой-то сегодня не такой, как обычно.

— Послушай, — вдруг решился Демид, — давай вечером погуляем. Ты не занята?

— Нет, но раньше девяти не смогу. Ко мне товарищи придут, сессия на носу. А потом я их провожу и выйду. Идет?

— Около «Элиона»?

— Да.

— Спасибо. Я побежал.

И он действительно побежал, потому что иначе опоздал бы на работу. Теперь в его сердце почти не осталось места для электроники, оно все до краев наполнилось острой до боли любовью к Ларисе.

Что ему делать с этим чувством?

Сказать об этом! Все люди испокон века поступали именно так, и последствия большей частью бывали положительные. Почему же он боится?

А потому, что они с Ларисой друзья, давние товарищи, и переступить этот порог, перейти от дружбы к любви не просто.

Так что же выходит — так и молчать всю жизнь? Ну, не будем загадывать наперед, посмотрим, как оно выйдет.

— Что-то с тобой сегодня творится неладное? — спросил Павлов, заглядывая в его усталые глаза. — Не выспался?

Оказывается, люди уже начали обращать внимание

на его состояние. Раньше с ним этого не случалось. А все потому, что в жизни его появилась Лариса. Только она одна нужна ему, его мечта, радость, а может быть, и великое горе. Он вдруг ясно, словно воочию увидел ее полыхнувшие усмешкой глаза в прищуре золотистых ресниц, улышал резкое слово — «нет».

И вздрогнул, лицо сделалось несчастным, горестно сомкнулись губы.

— Возьми себя в руки, — строго приказал Павлов. — Не нервируй машину!

— Все будет в порядке. Не беспокойтесь, Семен Александрович.

И вправду все постепенно наладилось.

— Теперь ты молодец, — сказал Павлов, заглянув к нему через час. — Начальство вызывает, придется мне ехать в командировку. Надо отлаживать наши машины.

Демид не удивился. Наладчикам ВУМа частенько приходилось наведываться туда, где работали их машины, особенно если операторы были неопытные. Следили за здоровьем машин, осуществляли профилактический осмотр. Дня через два Павлов вернется в хорошем настроении. А какое оно будет сегодня вечером у Демида?

После смены немного задержался с ребятами. Поймал себя на мысли, что тянет время, не торопится домой, потому что не может себе представить, что он будет делать, как доживет до девяти часов. И все-таки пришлось идти, не торчать же в цехе до вечера. Пришел, заглянул в кухню, на ключи даже не взглянул — пройденный этап. А вот самой кухней не вредно бы заняться, грязь он развел за последнее время изрядную. И ванной тоже... Запустил все из-за «Ивана», в сущности, совершенно неинтересной идеи. Демид решительно переоделся и принялся за уборку: собрал в кучу все детали, казавшиеся такими важными и интересными, когда строил свою машину, и, выйдя на лестничную клетку, выбросил в мусоропровод.

Начал уборку с ванной: все вымыл, вычистил, лампочку над зеркалом сменил на более яркую. Потом принялся за кухню, оставил только столик с тисками и инструменты, а целую прорву всякого технического хлама тоже выбросил. Вот и кухня стала походить на человеческое жилье. Теперь очередь за комнатой!

Глава тридцать первая

Стрелки часов приближались к девяти, Демид приказал себе набраться терпения, прийти на свидание точно в девять, но не выдержал. Быстро, торопясь, сбросил спецовку, надел джинсы, красную рубашку, на плечи набросил куртку из искусственной кожи — просто и удобно.

В передней взглянул на себя в зеркало. Побриться надо бы, не успел утром. Сказано — сделано.

Ну как? Можно в таком виде идти объясняться в любви? Жаль, в наше время для этого не существует строгих правил. Раньше надевали черный фрак или сюртук, белые перчатки, цилиндр, приезжали к родителям невесты просить ее руки. Правда, рабочий класс никогда белых перчаток и тем более фраков не носил, а все-таки во всей этой торжественности было что-то привлекательное.

У «Элиона» он очутился минут за десять до назначенного времени. Майские ночи короткие, дни долгие, и небо только-только начало синеть, предвещая приближение вечера.

Сравнялось девять часов, а Ларисы все не было. Пять раз перепрыгнула минутная стрелка, пошел десятый час, а ее все нет.

Что-то случилось... Может, заболела?

И тут увидел ее. Девушка явно спешила, даже немного задохнулась от быстрой ходьбы.

— Прости, что опоздала, дома у нас неспокойно...

— Отец?

— Он. Не сорвался, не запил, только какой-то хмурый и возбужденный. В таком случае мне лучше быть дома. Мы недолго погуляем, хорошо?

— Сколько скажешь.

— Пойдем, побродим по «лабиринту». Час, думаю, у нас есть.

— Пойдем.

Борщаговка когда-то была застроена маленькими одноэтажными домиками, стояли они в садах, вишневых, яблоневых, грушевых. Высокие дома выросли теперь на месте этих садочков, но между бульваром Ромена Роллана и Брест-Литовским проспектом еще остался большой участок старой киевской окраины с немощеными улицами, где около каждых ворот стоят лавочки, чтобы вечером можно было выйти посидеть, поговорить с соседом.

Вот эти переплетения улиц, спрятавшихся в цветущих садочках, Демид с Ларисой и называли лабиринтом. Они, свернув с асфальта, углубились в узенькую, малоприметную улочку, и сразу их окутала душистая радость весеннего цветения. Это был огромный сад, разгороженный на отдельные маленькие садочки, глухая, далекая киевская окраина с гавканьем собак, кукареканьем петухов, воркованием голубей.

— Хорошо здесь, — тихо сказала Лариса, садясь на маленькую скамеечку, поставленную у старого, заброшенного дома, едва проглядывавшегося темными, заколоченными окнами в гуще зелени. Но неподалеку, в соседнем доме, на полную мощь работал телевизор, и дальше виднелись освещенные, словно размытые весенней зеленью окна. «Лабиринт» не собирался так просто сдаваться.

— Хорошо здесь, и дышится легко, — сказал Демид.

— Попробуй сказать это по-английски.

— Не хочется сегодня, кругом такая красота и тишина... Мне совсем другое хочется сказать, и если хочешь, попробую по-английски. Может, так будет легче.

— Попробуй, если ошибешься, поправлю.

— На этот раз не ошибусь.

Сказал и почувствовал, как бледно, немощно, не выражая его подлинных чувств, прозвучали английские слова.

— Что? — отшатнулась Лариса.

— Я люблю тебя, — собрав всю волю, сказал Демид. — Люблю! Понимаешь? И прошу стать моей женой.

Лариса странно отреагировала на его признание. Сначала она будто подалась к Демиду, потом уперлась руками ему в грудь, хотя он и не думал ее обнимать, и, сдерживая гнев, сказала:

— А я тебя не люблю. И замуж за тебя не пойду, потому что ты недостоин такой девушки, как я. Мой избранник должен быть человеком, которым можно гордиться, а ты? Ты — один из тех, кто пропускает свое счастье, даже тогда, когда оно само плывет в руки.

Демид почувствовал, что ему, как удавкой, перехватило горло — не вздохнуть, не выдохнуть. Он резко вскинул руки, как учил Володя Крячко, когда надо было прийти в себя после тяжелого удара, и правда — дыхание выровнялось.

— Как ты мог подумать об этом? — теперь девушка почему-то чуть не плакала. — Наконец, что ты сделал такого, чтобы я согласилась стать твоей женой?

— Я люблю тебя, — тихо, но твердо сказал Демид. — А больше, ты права, я ничего не сделал.

— А мог бы сделать! Больше того, обязан был сделать. Мой дед завещал тебе такие книги!

— Подожди, — вытирая ладонью пот, который вдруг холодной росой выступил на лбу, сказал Демид. — Я, конечно, не выдающийся ученый, не актер и не герой труда, но машину я сделал.

— Какую машину?

— О которой говорил твой дед. Она может подобрать ключи к любому сейфу. Между прочим, ничего интересного в ней нет, хотя работает исправно.

Лариса резко поднялась, свет из окон соседнего дома осветил ее лицо, и Демиду показалось, что в глазах ее вспыхнули золотые искры.

— Ты к тому же, оказывается, еще и лгун, — зло выдохнула девушка.

— Я? Ну подожди, не пришлось бы тебе просить у меня прощения. — Демид схватил Ларису за руку, крепко сжал запястье. — Пойдем!

— Куда ты меня тащишь?

— Не рассуждай, твое дело шагать. И не смей вырываться, все равно не выпущу.

Со стороны они являли собой необычное зрелище: коренастый паренек уверенно и быстро шагал вперед, не обращая внимания на девушку, едва поспевавшую за ним, будто тянул ее на буксире, крепко схватив за руку. Девушка и упиралась, и одновременно боялась отстать. Дотащив таким образом Ларису до бульвара Ромена Роллана, Демид подвел к своему подъезду, пропустил в лифт и, захлопнув дверь, нажал на кнопку седьмого этажа... Все это он проделал серьезно, деловито, не говоря ни слова. Только в квартире, усадив ее на тахту, разжал руку: белые вмятины от его пальцев остались на тонком запястье.

— Смотри!

Включил машину в розетку пятивольтового питания. Нажал на кнопки «чтение» и «пуск», взглянул в книгу Баритона, на счетчике справа набрал число.

— Видишь?

Как завороженная, смотрела Лариса на стремительный бег огоньков по рядам лампочек, на движение магнитофонных катушек и испуганно вздрогнула, когда машина, щелкнув, остановила магнитофон.

— Вот тебе формула ключа сейфа лондонского отде-

ления американского Манхеттен Чейз банк, как его описал твой дед. Пойдем дальше.

Снова нажал кнопки, набрал другой номер ключа, и снова побежали, догоняя друг друга, веселые огоньки лампочек, снова закрутился магнитофон и снова щелкнул.

— А это тебе формула ключа от сейфа нашего славгородского завода выпуска девятьсот шестьдесят первого года, она проще лондонской.

Лариса поднялась с тахты, прошлась к окну и обратно, улыбнулась насмешливо, прихватив зубами пухлую нижнюю губу, сказала:

— А ты, выходит, не только болтун, но и фокусник. Неужели ты думаешь, я поверю в эту твою иллюминацию? Если бы все это было так просто, люди давно понаделали бы себе таких машин, а сейфы вообще перестали существовать.

— Ты ошибаешься, все это далеко не так просто, как тебе показалось. Твой дед жизнь положил, подготавливая исходные данные, математику этой машины. Много ты знаешь таких случаев?

— Он — единственный.

— Вот видишь. Поэтому и машина эта единственная в своем роде, а если ты думаешь, что она сложная, то глубоко ошибаешься. Современные ЭВМ намного сложнее и умнее ее.

— Вот потому-то я и думаю, что ты мне морочишь голову, пользуешься моим незнанием кибернетики. Дед представлял себе гигантскую машину и задачи перед ней ставил гигантские. А ты мне подсовываешь какой-то гибрид радиоприемника и магнитофона.

— Так оно и есть. Но это все-таки машина, о которой мечтал Баритон.

— Докажи.

Лариса разрумянилась от возбуждения, глаза азартно сверкали. Она была очень хороша в эту минуту.

— Я люблю тебя, — сказал Демид. — И жить без тебя не могу.

— И это все аргументы? — горько усмехнулась Лариса. — Небогато.

— А если докажу, что будет тогда?

— Просто буду знать, что ты не болтун и достоин уважения. Разве этого мало?

Демид минуту помолчал. Выхода не было: не докажет свое — потеряет Ларису навсегда.

Он вышел на кухню, достал из ящика стола ключи, сделанные этой ночью (а ведь собирался и их выбросить при уборке), и, вернувшись в комнату, сел рядом с девушкой.

— Помнишь фотоателье, где мы с тобой фотографировались?

— Конечно.

— Видела сейф во второй комнате?

— Видела. Он стоит возле белого экрана.

— Правильно. Так вот, я ввел в машину данные этого сейфа, ключ от него видел в руках заведующей ателье. Помнишь, у нее еще такие красивые руки, и она играла этим ключом?..

— У кого красивые руки? У нее?

— Не о руках сейчас разговор. Я ввел в машину все данные этого ключа, и машина выдала размеры трех ключей, наиболее похожих на подлинный. Одним из них наверняка можно открыть этот сейф.

— Ты пробовал? А знаешь, что это — восемьдесят первая статья Уголовного кодекса УССР?

— Догадываюсь.

— И как же ты проверишь?

— Если бы можно было просто зайти к заведующей, сказать, что нашел несколько ключей, спросить, не она ли потеряла их? Трудно представить, чтобы она их не проверила...

Демид говорил медленно, как бы размышляя вслух, и почему-то грустно. У Ларисы сжалось сердце: неожиданно она сама оказалась в довольно сомнительном положении. Теперь не оставалось ничего другого, как идти до конца, просто сказать: «Я тебе верю» — было невозможно. Конечно, можно встать, сказать «до свидания» и уйти, поставив на всем точку, но почему-то она не могла сделать этого, просто не хватало сил. Нужно было что-то решить, что-то ответить Демиду, и, не зная, как поступить, Лариса выбрала самое трудное. Она бросилась к двери.

— Мы сейчас пойдем и проверим!

— Ты хочешь открыть сейф?

— Да, хочу посмотреть, как они выглядят, эти несметные сокровища...

Демид задержался, будто прислушиваясь к движению маятника, медленно колебавшегося из стороны в сторону, потом сказал:

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Вот тебе книга, если не понравится, возьми другую, а я с часок поработаю, тогда и пойдем.

— Поработаешь? Это еще что за выдумки?

— Понимаешь, там на дверях висячий замок, ключ к нему я хорошо знаю, и двери из передней в ателье тоже открываются простым ключом. Их надо выпилить, у меня есть только заготовки... Не взламывать же двери.

— Что ж, иди.

Взяла книгу, сбросила белые туфельки и, поправив подушку, уселась, прислонившись к ней спиной. И Демиду на мгновение представилось, что пришла она к нему навсегда, его, родная, на всю долгую жизнь... Управилась на кухне и присела с книгой, поджидая его с работы. Склоненная голова, волосы тяжелой волной, колыхнувшись, закрыли щеку, нежные полуоткрытые губы...

Вздохнув, Демид вышел на кухню и вскоре послышалось размеренное шарканье напильника. А Лариса, не в силах отвести взгляд от пульта управления машины, где светилась формула ключа от сейфа славгородского завода, застыла, погруженная в свои мысли... Напильник размеренно шаркал в умелых руках, и почему-то в душе было странно, неспокойно, тревожно...

— Ну, вот, готово. Можем идти. — Демид появился на пороге, и Лариса, вздрогнув от неожиданности, заколебалась.

Демид это сразу отметил.

— Испугалась?

— Я? Ну нет... — Вскочила с тахты, сунула ноги в туфли. — Я готова.

Майская ночь — теплая, хотя и свежая, ласковая ночь. Автобусы уже не ходят, вся надежда на случайную машину. На окраине города вечерами их много — люди после театра, кино, из гостей часто возвращаются домой в такси. Вон уже засветился зеленый огонек на углу улицы Тулуза. Демид поднял руку, шофер тут же остановился, довольный, что в центр не придется возвращаться порожняком.

— К университету.

Сидя рядом в машине, они молчали, казалось, остро ненавидя друг друга. Мимо мелькали знакомые улицы, дома, и каждое мгновение приближало их к событию, которое, начавшись вроде бы с шутки, могло закончиться далеко не весело. Остановиться на полпути? Отступить, не проверив, не убедившись до конца, что сумел сделать,

построить? И понять, что ты струсил, испугался... Как потом вернуть уважение к самому себе? Но и утверждаться таким способом... Как быть? Повернуть назад?

Машина стрелой пересекла улицы ночного города и остановилась около университета. Они перешли улицу, миновали памятник Тарасу Шевченко, прошли, не торопясь, словно через силу, по пустынным, уже темным аллеям сквера, присели на скамейку. Тишина и покой вокруг. Говорить не хотелось.

— Захватил фонарик? — вдруг спросила Лариса.

— Захватил. Пошли.

Майская ночь прозрачная, можно без усилий разглядеть и дверь, и замок, висящий на ней. Он отомкнулся просто, будто Демид вложил в него не поддельный, а настоящий ключ.

— Семнадцатая статья нам уже обеспечена, хотя в сравнении с восемьдесят первой она просто пустяк, — стараясь унять нервную дрожь, сказала Лариса.

— Может, вернемся?

— Нет.

Дверь бесшумно закрылась за ними. Второй замок, висевший на двери в прихожей, — детская игрушка, его

наверняка можно было открыть обыкновенным гвоздем. Комната изредка освещалась бледным отсветом фар редких в эту пору машин, проезжающих по бульвару Шевченко. Писатели, артисты и известные спортсмены, освещенные скользящим лучом света, пристально смотрели из темноты.

— Сюда, — Демид отодвинул портьеру, загораживающую вход, достал фонарик, посветил. — Вот он.

Лариса увидела сейф, простенький железный ящик, и замерла в напряженном ожидании.

— Попробуем первый ключ, — тихо сказал Демид, Лариса удивилась его спокойному голосу, медлительным движениям.

Юноша вставил ключ в замочную скважину, повернул, потянул за ручку тяжелую дверцу, сейф отворился. С горечью подумал, что машина все рассчитала правильно.

Посветив фонариком, Демид заглянул внутрь. На полочке лежали деньги: пятерки, несколько десяток. Какие-то бумаги, в глубине — коробки от пленки, может, ценные негативы.

— И это все? — выдохнула Лариса. — Вся мечта?

— Все! — неожиданно взорвался Демид. — Вот оно, твое желание; твоя душа. Любуйся! Сокровища мира! Убедилась? Красивая мечта? Понравилась?

И вдруг сердце Демида сжала тоска. Он смотрел на тоненькие пачечки денег и думал о старике Вовгуре, который так рвался к ним, взламывая железные дверцы, шел на риск и в награду получил двадцать пять лет заключения. Тоска была острой, как нож, полоснувший по сердцу, хоть кричи от боли.

— Подожди, я проверю другие ключи, — с трудом произнес Демид. — Смотри, этот тоже подошел. А этот нет. Все правильно.

Он запер сейф. Тревоги в ателье завтра, пожалуй, не будет, ведь все осталось нетронутым. Тревога была в душе. Вышли из ателье, медленно побрели по аллее, сели на ту же скамейку. Опять долго молчали.

— Теперь иди, — тихо сказал Демид. — Неси домой свои богатства, не растеряй по дороге. Повеситься хочется от тоски!

На бульваре остановилась милицейская машина с синим фонарем на крыше. Двое милиционеров подошли к павильону, обошли его, посветили в большое окно фона-

рями, вглядываясь в глубину комнаты, и, не заметив ничего подозрительного, сели в машину и уехали.

— Иди! — дрогнувшим голосом сказал Демид.

Лариса встала и пошла, сначала медленно, будто бы лениво, а потом все быстрее и быстрее, пока не побежала по бульвару Шевченко, поднимая на бегу руку проходящей мимо машине.

Демид долго еще сидел неподвижно, почти без мыслей, и не желая того, видел жалкие пачечки пятерок и коробки с негативами, которые так берегла заведующая ателье. Медленно отступало возбуждение, и рана в сердце ныла глубоко, затаенно. «Что я наделал? И Лариса... После всего, что произошло, разве сможет она полюбить меня?..» Понемногу приходило успокоение, а с ним и способность чувствовать свежесть майского ветра, напоенного густым ночным ароматом каштанов.

Крупный, сильный мужчина сел рядом с Демидом, тот оглянулся и чуть было не вскрикнул от неожиданности — Лубенцов!

— Ты что тут делаешь ночью?

— Гуляю, — вяло ответил Демид.

— Вот и я гуляю, — отчаяние слышалось в голосе профессора, — гуляю и жду решения своей судьбы.

— Александр Николаевич, что случилось?

— Софья в больнице, уже третий день. Поднялось кровяное давление, она сына собирается мне родить... Говорят, ничего опасного нет, но наверняка только успокаивают... Страшно подумать, человек, которого ты любишь больше жизни, мучается, — он кивнул на клинику, расположенную на бульваре Шевченко, — здесь, рядом, а ты ничем ему не можешь помочь. Если с ней что-то случится...

— Да ничего с ней не случится, — перебил его Демид. — Молодая женщина, спортсменка, легко родит здорового парня...

— Вот отвезешь свою жену в больницу, тогда и поговорим, молокосос, — неожиданно рассердился профессор.

— У меня такого счастья не будет, — тихо сказал Демид.

— Это почему же?

— Вы помните «медвежатника» по кличке Баритон? Он вместе с вами когда-то лес на Севере валил? — удивляясь собственной смелости, спросил Демид.

— Помню, еще бы... Аполлон Вовгура. Почему ты о нем заговорил?

— Есть причина. Может, вам покажется странным, но в какой-то мере вы виновник моего несчастья...

— Рассказывай толком, в чем дело, — сухо приказал Лубенцов. — И давай без эмоций.

Демид посмотрел в темную аллею, прислушался к тихому шепоту каштанов над головой и принялся рассказывать. Потом достал из кармана ключи, показал Лубенцову. Тот взял, повертел в руках и молча сунул в карман.

— Вот и все, — закончил свой рассказ Демид, — чепуховой оказалась мечта, а отравить мою жизнь сумела.

— Ну, будем надеяться, еще не все пропало, — сказал Лубенцов.

— А Лариса? Я ее потерял навсегда.

— Или наоборот, привязал навеки, — возразил профессор. — Ей это тоже послужит уроком. Поехали.

— Куда?

— К тебе, конечно. Меня дежурная сестра раньше четырех часов и на порог не пустит. Я ей уже надоел, как горькая редька. Так что часа два у нас есть. Вы там ничего не взяли? Влюбленные идиоты...

— Нет, не взяли. И мы не влюбленные. Лариса меня ненавидит, да и мне она сейчас просто опостылела.

— Правильно, все так и есть. Сейчас. А что будет завтра, посмотрим.

Лубенцов ехал быстро, уверенно ведя машину по пустынной улице, каштаны махали им вслед белыми султанами соцветий.

В квартире у Демида профессор, взглянув на пульт управления машины, на горящие лампочки, криво усмехнулся.

— Ничего не скажешь, хорош мастер, из дома ушел, а машину не выключил.

— Некогда было...

— Ну-ка, посмотрим схему.

Впился острыми глазами в чертежи, минут десять смотрел, думал, потом взглянул на Демида и улыбнулся. Сев к пульту управления, сказал:

— Давай первый том.

Демид послушно протянул квадратную коробку с магнитофонной лентой. Профессор поставил ее на место, нажал на кнопку «запись», а потом «пуск».

— Что вы делаете? — крикнул Демид.

— Стираю с ленты все твои записи, чтобы и следа не осталось. Покажи книги Баритона.

Демид безропотно подал книги. Лубенцов раскрыл тяжелые кожаные переплеты, полистал пожелтевшие от времени жесткие страницы.

— Талантливым мог бы быть работником, займись он настоящим делом...

А тем временем «Иван» стирал с ленты свои записи. Это заняло почти два часа, и Демид, не отрываясь, смотрел в лицо профессора, моложавое, хоть и изрезанное глубокими морщинами, мудрое лицо. Может, Демиду прежде всего нужно было посоветоваться с этим человеком? Он бы наверняка помог, подсказал что-то, и тогда бы Демид не запутался... И Лариса была бы с ним. Лариса... Теперь разве достучишься до ее сердца, разве подберешь к нему ключи? Он криво улыбнулся — это ведь не сейф старика Вовгуры. Как она добралась до дома, кто ее подвез?

Наконец выключился магнитофон. Профессор проверил катушки, все ли стерлось, и сказал:

— Книги эти я забираю с собой, сдам в музей. Они уникальные... И не жалей об этой потере, они — чем шут не шутит — могли тебя далеко завести. Соблазн велик.

— Не завели бы. И соблазна в них нет, во всяком случае, для меня. К машине потерял интерес, как только убедился, что она работает. Теперь нужно думать о другом, искать новую мечту... Настоящую, ради которой стоило бы жить. Посмотрели бы вы на эти деньги в сейфе... Тошно вспомнить!

— Есть тут над чем подумать... Сознаюсь, машина твоя — довольно любопытна, есть в ней кое-что... Умение мыслить, работать. Это немало и, главное, здорово пригодится тебе в скором времени... Ты, как говорится, мастер милостью божьей. А вот мечта, Демид, это совсем другое. Мечта Баритона — бескрылая, жалкая. Ты сам в этом убедился. Настоящая же мечта возвышает человека, побуждает к познанию нового, казалось бы, на сегодняшний день неразрешимого. И главное — в ней заложен огромный нравственный потенциал. Она ведет не к достижению личного счастья, а к труду на общее благо... так-то. Тебе сколько лет?

— Двадцать три скоро исполнится.

— Вот и запомни: кибернетика — наука молодых. Таким, как ты, принадлежит ее будущее. У тебя нет телефона? Жаль, надо бы в клинику позвонить... А машину свою демонтируй, она свою службу сослужила — многому научила тебя. Отныне начнем мечтать вместе.

Глава тридцать вторая

И снова Демид Хорол пришел в свой цех, поспав всего-навсего четыре часа и не чувствуя усталости: так бывает только в молодости. Минуту за минутой восстанавливал он в памяти минувший вечер, будь он проклят. Если бы можно было все вернуть назад! Сердце сжимала тревога за Ларису. Неужели он потерял ее? За несколько часов — крушение мечты, которой жила всю жизнь. Пережить такое разочарование, своими глазами убедиться, насколько жалко и убого то, что казалось романтическим и прекрасным! Лучше бы он остался в ее глазах хвастливым болтуном... А теперь Лариса ему не простит, никогда не простит своего унижения.

Вспомнился Лубенцов, его взволнованное, счастливое лицо, когда он говорил о Софье. Во время перерыва надо будет позвонить Софье Павловне, узнать, все ли там хорошо.

Странно, но сама история с сейфом ушла в прошлое, как тяжелый, изматывающий сон, от которого спасает только пробуждение. Прошли они вчера по краю пропасти, которая называется преступлением, а ведь и в мыслях не было совершить кражу. «Влюбленные идиоты», — сказал профессор. И был прав: баловство, легкомыслие могло бы кончиться катастрофой... Хорошо, что все позади. Узнать бы только, как вчера добралась домой Лариса... Если бы она простила его!

Данила Званцов безуспешно бился над машиной чуть ли не всю ночь. Машина «зависла». Этот профессиональный термин наладчиков означал, что машина встала перед дилеммой: какое выбрать решение из двух равных. Она попала в положение человека, оказавшегося на распутье.

Известный математик Гедель допускал такую вероятность уже тогда, когда об электронных счетно-вычислительных машинах еще и речи не было. А Демид лишний раз убедился, что машина без человека, какие бы сложные вычисления она ни делала, беспомощна и мертва. Помочь ей было необходимо и интересно...

— Иди, Данила, отдыхай, — сказал он, неожиданно для себя ощущая радость от предстоящей сложной работы. Все может случиться на свете: неприятность и подлость, разочарование и предательство, но только работа

всегда остается радостью и, если ты ее сделаешь умело и красиво, воздаст тебе сторицей. Секрет тут не в деньгах, не в славе, а в неизменной способности настоящего дела восстанавливать душевное равновесие человека. От всех горестей и бед лучшее лекарство — работа.

К машине Демид подошел как к доброму другу, которому нужно помочь. Здесь он чувствовал себя уверенно, в своей стихии, как рыба в воде. «Сейчас запустим программу заново, а когда дойдем до «зависания», начнем проверять по тактам, тогда и докопаемся до причины, найдем, где машина споткнулась, побоявшись забрести на окольную дорогу».

Но приняться за работу Демиду помешал раздавшийся из динамика голос секретаря начальника цеха: товарища Хорола просили немедленно зайти. Что могло случиться?

Начальник цеха, поглядывая то на вошедшего в кабинет Демида, то на Павлова, сидящего около стола, сообщил о предстоящей командировке от института при Академии наук.

— Должен был лететь Павлов, — сказал он, — но его посылают на другой объект. Полетите вы, Хорол.

Демиду не раз приходилось бывать в ответственных командировках с товарищами по заводу, но самостоятельно он ехал впервые.

— Рад за тебя, — сказал Павлов, когда они вышли из кабинета. — Летишь на такую красивую работу, прямо дух захватывает. Счастливо тебе, — и тихо подтолкнул в плечо.

Возможно, так ласточка подталкивает своих птенцов из гнезда в первый самостоятельный полет, хорошо зная, что у них выросли и окрепли крылья.

В институте, куда он явился часа через два, встретил Лубенцова, осунувшегося и почерневшего от переживаний: Софья по-прежнему была в клинике. Выяснилось, что профессор отправляется вместе с Демидом и, хотя он многое бы отдал, чтобы быть рядом с женой в такую минуту, лететь в командировку было необходимо.

В шестнадцать тридцать самолет Ту-134 взлетел с Бориспольского аэродрома. Все, вместе взятое, — и почти бессонная ночь, и события вчерашнего вечера, и разрыв с Ларисой, и внезапный вылет — создало в душе Демида ощущение нереальности происходящего. Казалось, сделай он резкое движение, и тут же проснется, очутившись в своей комнате.

Самолет приземлился на огромном аэродроме. За все время полета Лубенцов не сказал ни слова, у Демида тем более не было оснований затевать разговор.

На аэродроме к трапу самолета подошла «Волга», профессор сел рядом с шофером, Демид — на заднем сиденье.

— Пожалуйста, сначала к аэровокзалу, — сказал Лубенцов.

Он выскочил из машины и бросился к телефону-автомату (целую пригоршню пятнадцатикопеечных монет наменял еще в Киеве). Набрал номер клиники.

Спокойный голос медсестры сообщил, что пока все обстоит по-прежнему, трудно, но нормально. «Дети всегда рождаются трудно, и беспокоиться нет причин», — спокойно увещевала медсестра.

Красива весенняя степь, покрытая ковром красных, желтых, синих, фиолетовых, сиреневых цветов! Тут и маки, и тюльпаны, и одуванчики, и яркие огоньки лютиков — и все это тонет в пышной, сочной, еще не выжженой солнцем молодой траве, промытой и расчесанной солоноватым морским ветром. Даже курай, который позже, осенью, станет жестким перекати-полем, будто сделанным из пластика или из легкого металла, сейчас зеленеет нежно, ласково, нежась под лучами предзакатного солнца.

Демид никогда не видел такой красоты, но и Лубенцов, видевший степь не однажды, поддался ее очарованию, отмяк душой, жесткие губы тронула улыбка. Все будет хорошо, думал он, глядя на эту благодать, на это буйное цветение и ликование природы.

Машина бежала по шоссе на запад, будто старалась с разгона врезаться в пылавший, как расплавленный металл, шар солнца, устало повисший над горизонтом.

— Куда мы едем? — наконец решился спросить Демид.

— В Центр управления космическими полетами, — ответил профессор.

Впереди, ярко освещенные солнечными лучами, показались огромные чаши космических антенн, нацеленных в синеву предвечернего неба. Видеть их на иллюстрациях в журналах приходилось и раньше, но сейчас они появились наяву, как воплощенная сказка, и от этого ощущение нереальности происходящего только еще больше усилилось.

Машина остановилась у подъезда двухэтажного дома.

— Здесь будем жить, — сказал профессор.

В вестибюле дежурная вручила им ключи от комнат.

— Умыться и через десять минут прошу спуститься в вестибюль, — слова Лубенцова прозвучали как приказ.

Демид почувствовал, что им овладело чувство удивительной торжественности. Он не только умылся, но и побрился и надел свежую белую сорочку, словно собрался на праздник. В вестибюль профессор явился не один, среди его окружения были и военные. К его словам внимательно прислушивались, и Демид отметил с удовлетворением, что и здесь математика была ударной силой.

— Знакомьтесь, — сказал профессор, — Демид Хорол, специалист-наладчик с ВУМа.

— Будем надеяться, что ваша помощь нам не понадобится, — улыбнулся высокий седой человек в сером костюме.

— Зачем же тогда я прилетел? — спросил Демид.

— Наладчик — фигура крайне необходимая, но мы в нашем деле бываем рады, если его помощь не требуется. Понимаете? — ответил человек, которого позже все стали называть руководителем полетов. — Запуск в двадцать три часа, у нас еще есть время поужинать. Прошу к столу.

После ужина профессор провел Демида в вычислительный центр и указал на стул около хорошо знакомой электронно-вычислительной машины.

— Твое рабочее место. Сиди и гляди в оба. Если что-то будет не так, тебя позовут.

— Можно взглянуть на машину?

— Взгляни.

Обследовал один шкаф, другой, улыбнулся, и сразу на сердце стало спокойно: все будет хорошо.

— Чему ты улыбаешься? Что-то не так?

— Нет, все в порядке. Встретил старого знакомого. Видите клеймо контроля на этом тэзе? Это мое персональное контрольное клеймо. Я когда-то его сам поставил.

— И впрямь приятная встреча.

— Можно посмотреть на командный пункт?

— Одного тебя не пропустят. Пойдем вместе.

На втором этаже в большой длинной комнате на одной стене разместилось электрическое табло, где вспыхивали цифры и надписи, вдоль других — несколько телевизионных экранов, перед каждым — оператор, ближе

к дверям — обычный сосновый стол, покрытый красной скатертью. Около стола три металлических стула с никелированными ножками и сиденьями, обитыми синим дерматином, такие обычно бывают в курортных кафе или столовых. На стене портрет Ленина. Строгая простота казалась особенно заметной на фоне грандиозных решений, принимаемых в этой комнате.

Руководитель полетов уже сидел на среднем стуле перед микрофоном и сразу обратился к Лубенцову:

— Александр Николаевич, вы мне нужны.

— Я пойду к своему месту, — сказал Демид.

— Иди, — уже думая о своем, ответил профессор.

Внизу, в комнате, где размещались электронно-вычислительные машины, было много народа.

Демид вскоре отметил, что все будто ходят по большому кругу, в центре которого стоит экран, немногим меньший телевизионного. Сюда, на этот экран, подаются все данные для первичной обработки информации: сведения о самочувствии космонавтов — их пульс, давление, температура, сюда же поступают и технические данные с корабля, который через два часа должен был взять старт с Байконура и через двое суток состыковаться с орбитальной станцией.

Демиду казалось, что в центре всего происходящего находится не руководитель полетов, а этот небольшой экран, что было недалеко от истины, потому что именно с этого экрана представители различных служб получали свои данные и, уже в обработанном виде, передавали их руководителю полетов. Опасность, что кто-нибудь может упустить очередное сообщение, была исключена: постоянно работал автоматический счетно-записывающий аппарат. Записывалось все, и рядом с каждой записью значилось ее точное время.

Демид следил, как на экран передаются все команды, поданные на далеком Байконуре, увидел команду «ключ на старт», означавшую, что ракета сейчас взлетит, потом несколько промежуточных команд, написанных красными буквами на сером фоне экрана, а еще через минуту прочитал: «объект в полете». И сразу — данные о перегрузках, о температуре, о пульсе космонавтов, о давлении в отсеках... Вокруг него сновали люди, и только он один сидел неподвижно на своем стуле и со жгучим стыдом вспоминал вчерашний вечер...

Спустя некоторое время к Демиду подошел начальник вычислительного центра и сказал:

— Вы пока можете отдыхать. Все идет нормально, и ваша помощь и присутствие сейчас не нужны. Понадобитесь позже, когда мы будем проводить коррекцию орбиты. Новая машина великолепна, но мы еще не успели к ней привыкнуть.

Демиду нечего было беспокоиться, его контрольное клеймо стояло на одном из тэзов, и почему-то казалось, что это гарантия надежности всей машины. Жизнью своей Демид отвечал за нее, но высказать это ни за что бы не решился и потому просто сказал:

— Я живу в семнадцатой комнате.

— Доброй ночи.

Демид вышел из здания, где размещался вычислительный центр, и сразу весенние запахи степной южной ночи перехватили ему дыхание. Он не был степняком и не мог отличить запах чебреца от душицы или полевой мяты от иван-чая, но аромат полыни знал хорошо, и сейчас ему казалось, будто весь мир наполнен этой горьковато-сладкой свежестью.

В маленькой комнате пахло чистым, хорошо проглаженным бельем. Демид сел на кровать и задумался. Как все-таки удивительно устроена жизнь: то целые месяцы и даже годы текут медленно, не отмеченные яркими событиями, то вдруг, будто подстегнутые, устремляют бег, и за один вечер совершается столько, что другому, может, хватило бы на всю жизнь.

Лариса. Что она сейчас делает? Спит, конечно, и думать забыла про смешного, наивного Демида Хорола, построившего никому не нужную машину и выбравшего самое неподходящее время для объяснения в любви. И все-таки раскаиваться ему не в чем, все, что он сказал ей в последний вечер, правда.

Распахнув окно, он осмотрелся. Огромная, параболическая чаша космической антенны чуть заметно вращалась на своем пьедестале, отыскивая в бездонных просторах космоса далекий спутник. Чтобы пережить эту минуту и почувствовать себя сопричастным к происходящему здесь великому действу, он жил и будет жить впредь.

Утром в вычислительном центре около пульта отображения людей заметно поприбавилось. Демид, поздоровавшись, сел на свой стул, по-прежнему чувствуя неловкость от своей ненужности.

Удивительно все-таки освоение космоса! Когда читаешь об этом в газетах или смотришь по телевизору, все

представляется чем-то фантастическим, сверхъестественным, а здесь, на месте, оказалось обычной работой. Например, нужно было быстро нанести непрерывно поступавшие данные на перфокарту и еще быстрее ввести в машину. Космос здесь утрачивал свою романтичность, становясь обыденным делом. Такова судьба всех великих открытий. Когда-то в незапамятные времена в воздух поднимались лишь герои-романтики на своих первых испытательных аппаратах, теперь же воздушным транспортом перевозят мясо и картофель. Когда-нибудь наши правнуки повезут на Марс капусту и будут негодовать, что им неправильно оформили накладные...

На второй день напряжение в большой комнате вычислительного центра заметно усилилось: приближался момент стыковки космического корабля с орбитальной станцией, самый ответственный момент полета.

И вот на экране вспыхнули слова: «До объекта один километр».

Включились телевизоры, установленные во всех комнатах вычислительного центра и командного пункта. Они отчетливо покажут, как произойдет стыковка.

«Расстояние до объекта десять метров».

На экранах телевизоров уже виден «объект» — огромное продолговатое тело орбитальной станции.

Чтобы лучше видеть, Демид, весь напряженный, собранный, затаив дыхание, привстал со своего стула. Экранная строка сообщала: «Расстояние до объекта один метр». Корабль был отчетливо виден во всех своих деталях. И тут же появилась надпись: «Расстыковка. 14.02.40», что означало, что корабли еще не полностью соединились, а также время происходящей операции. Надпись сохранялась несколько секунд, потом вдруг появилась строка: «Стыковка. 14.02.45». Корабль коснулся станции, но это было еще не полное соединение, они словно нащупывали друг друга, примеривались, и снова надпись: «Расстыковка. 14.02.50», а через несколько секунд снова: «Стыковка. 14.02.55». И сразу же побежали кодовые названия систем, которые должны были состыковаться, потому что соединение двух кораблей — это соединение многих электрических и гидравлических систем. И наконец на экране большими буквами вспыхнула надпись: «Состыковано. 14.02.58».

Казалось, в это мгновение должны были грянуть оркестры, вспыхнуть праздничные фейерверки, ударить в небо сверкающие фонтаны, но ничего подобного не про-

изошло. Стыковка — это только первый этап работы, теперь нужно все проверить, сделать полет абсолютно безопасным и только тогда позволить космонавтам перейти из корабля в орбитальную станцию. Но стыковка прошла благополучно, и от этого у всех появилось приподнятое, радостное настроение. Хорошее начало любого дела — как удачный запев песни: запев хороший и песня будет хорошей. Появилось даже время для шутки: вдруг на пульте отображения информации между двумя рядами букв и цифр появились слова: «У профессора Лубенцова родился сын. Вес — 3 600 граммов. Самочувствие матери хорошее. Температура 36,7. Пульс — 72, кровяное давление 120/80. Поздравляем».

Появились, мелькнули перед глазами и тут же исчезли, все произошло настолько быстро, что Демид не понял: действительно он это увидел и прочел или ему только показалось. Можно проверить, на широкой бумажной ленте АЦПУ записывается все.

Демид вышел из вычислительного центра, поднялся на второй этаж. Дежурный сидел возле столика. Перед ним два телефона, у стены ряд стульев.

— Ваш пропуск?

— Пропуска у меня нет, я из вычислительного центра, но мне необходимо видеть профессора Лубенцова.

— Боюсь, что ему сейчас некогда. Как ваша фамилия?

— Хорол. Демид Хорол.

Дежурный поднял телефонную трубку:

— Здесь товарищ Хорол спрашивает профессора Лубенцова.

Долго ждал, потом сказал:

— Понимаю. Спасибо, — и к Демиду: — Вас просили подождать. Садитесь, пожалуйста.

Демид послушно сел, прислушиваясь к тихому говору и шуму, наполнявшему центр. Не зовут ли его?

Шла хорошо продуманная, организованная работа, в которую так легко вписалось сообщение о рождении маленького Лубенцова, о котором еще долго будут рассказывать с ласковой улыбкой, как о необычайном событии, будто крошечный, еще не имеющий имени Лубенцов родился в космосе.

Демид сидел, терпеливо дожидаясь Лубенцова, как вдруг двери командного пункта распахнулись и Александр Николаевич вышел в коридор. В этот момент, казалось, он начисто забыл о космических кораблях, в его

жизни были подобные стыковки и еще много будет впереди, но сын — сын был первым, единственным, долгожданным.

— Слышал? Знаешь? — бросился он к Демиду. — Сын! Я доктора спрашиваю, трудно было, а он отвечает: «Нормально». Значит, трудно!

Провел рукой по широкой лысине, вздохнул и выдохнул шумно, сильно, как кузнечный мех.

— Все окончилось благополучно и здесь, и в Киеве. В восемнадцать академик собирает всех математиков на совещание, а в двадцать два вылетаем домой. Знал бы ты, как я хочу домой!

— А мне спешить некуда, — хмуро ответил Демид.

— Хочешь остаться, посмотреть?

— Да нет. Человек, слоняющийся без работы, вызывает раздражение.

— Пойдем к морю. У меня пока есть свободная минута. И отбрось свои глупые мысли, вся твоя работа еще впереди.

Самая высокая космическая антенна стояла за бетонной оградой почти на самом берегу моря. Нацелившись в космос, она словно видела то, что людям увидеть не под силу. За ней раскинулась степь, широкая, зеленая, цветущая, неподалеку от антенны резко, обрывом ниспадающая к воде. Между степью и пенистой бушующей мощью прибоя оставалась неширокая, метров в тридцать, песчаная полоса.

Они спустились с обрыва, присели на теплый песок.

— Может, искупаемся? — предложил Демид.

— Нет, — отказался Лубенцов. — Температура воды восемь градусов. Холодно.

И снова надолго замолчали. Потом Демид сказал:

— Александр Николаевич, я недавно читал одну книгу, Мерфи, «Как создаются и работают электронно-вычислительные машины».

— Знаю, очень хорошая книга.

— И я так думаю, но имею в виду другое. Написана она в середине пятидесятых годов, именно тогда, когда сменились два первых поколения машин, когда от ламп переходили к полупроводниковым транзисторам. Описана там и первая английская электронно-вычислительная машина, и, откровенно говоря, поразила меня одна вещь.

— Какая? — заинтересовался профессор.

— Понимаете, все изменилось: лампы, транзисторы, размеры машин. Та машина занимала целый дом, а на-

ша М-4030 в тысячи раз превосходит ее и по мощности и по быстроте, а место занимает с обычный шкаф. Изменилось все, кроме принципиальной схемы. Какой она была, такой осталась и по сей день. А ведь прошло без малого тридцать лет! Сначала на кибернетику молились, считали, что она все может: легко заменить мозг человека, его память и вообще все, что угодно. Потом, насколько я понимаю, наступило прозрение, люди трезво увидели ее возможности, и машина стала на свое место — помощника человека.

— Ты, я вижу, не только собирал своего «Ивана», но и думал, — сказал Лубенцов.

— А как же иначе. Мне кажется, что кибернетика не только не исчерпала своих возможностей, но пока еще не обозначила точно границу их отсчета. Но для того чтобы сделать новый рывок вперед, необходимо найти новый принцип работы ЭВМ. Я понимаю, для этого нужен гений, но мечтать-то об этом никому не запрещено.

— Чем тебя не устраивают современные машины?

— Ну, вы же видели, как мы вели стыковку. Данные подаются на пульт отображения информации, отсюда или с ленты печатной машинки разбираются специалистами, которые все анализируют быстро или медленно, это уж зависит от человека, и дают свои рекомендации. А на пульте управления должна появиться всего одна комплексная надпись: «Все по программе, продолжайте работу». А когда что-то не так, машина сама должна дать команду. В наших ЭВМ огромная быстрота, но мы пока не имеем возможности быстро передать ей свои требования, потому что все упирается в программирование, в математику. Вот здесь-то и есть то звено, над которым нужно еще думать и думать, создавая принципиально новые машины.

Они снова замолчали, глядя, как море катит пенистые волны, как на отмелях утрачивает свою силу, из грозных волны становятся ласковыми, покорными, игриво подползают по песку к ногам.

— Ты ведь на третьем курсе унверситета? — вдруг спросил профессор.

— Да, на третьем.

— Вот и отлично. У тебя большое преимущество перед другими студентами: ты можешь не только думать над этими проблемами, но и своими руками воплощать новое в жизнь. Сам знаешь, как это плодотворно, когда теория соединяется с практикой, а в кибернетике это

особенно важно. Интересно будет на тебя посмотреть лет этак через десять, кем ты станешь?

— Вы считаете, что из меня что-то путное выйдет?

— Не знаю, станешь ли ты знаменитым ученым, но наладчиком машин ты будешь отменным. Это точно.

Учитель и ученик снова молча смотрели на неутомимую, упорную атаку волн и думали уже не о космической антенне, математике и кибернетике, а об обычном, простом — о своей жизни. Только для Лубенцова эти мысли наполнялись счастьем, еще не вполне осознанным, но уже ясно ощутимым, а для Демида будущее представлялось безнадежно горестным. Не отрываясь, он смотрел, как медленно поворачивается антенна. Заметить это движение почти невозможно, но, если приглядеться к ее тени на песке, можно различить это живое, непрерывное, как течение времени, перемещение. И почему-то на фоне южного неба и этой величественной антенны всплыло воспоминание — распахнутая дверца сейфа и аккуратно сложенные тощие пачки пятерок. И снова с горечью подумалось о Ларисе, захотелось уткнуться в теплый песок...

Нет, плакать он не станет. Эти несколько дней много ему дали: повзрослел, посерьезнел. Слезы остались в детстве.

— Не терзай себя, все будет хорошо, — словно прочитав его мысли, сказал профессор.

— Нет, Александр Николаевич, хорошо мне уже никогда не будет.

Лубенцов ничего не ответил, только посмотрел на него улыбчивыми прозрачно-светлыми глазами.

— Пойдем-ка лучше обедать, друг. В шесть — совещание, потом — в Киев. А там посмотрим, где оно прячется, твое счастье.

Глава тридцать третья

В третьем часу ночи профессор высадил Демида на бульваре Ромена Роллана, а сам направился в клинику.

— Простите, гражданин, — сказала дежурная сестра, — в такую позднюю пору мы принимаем только рожениц, а вы, по-моему, к ним не относитесь.

Лубенцов взорвался громким смехом. Сестра испуганно замахала на него руками.

— Тихо! Тихо! Детей разбудите!

И профессор сразу умолк.

...Демид вошел в комнату, зажег свет, распахнул окно. В комнату ворвался свежий ветер, но разве можно его сравнить с тем, степным, настоянным на душистых травах! Достал чистое белье, и запах выстиранного полотна напомнил комнату в доме приезжих... Надел наволочку на подушку, бросил ее на тахту и тогда отчетливо расслышал шорох возле двери. Не постучали, не позвонили, но Демид сердцем почувствовал, что за дверью стоит она, потому что ждал этого, желал, надеялся, сам себе не признаваясь. Бросился к двери, открыл: да, сердце не ошиблось.

Стоит, на лице отчаяние, светло-зеленое платьице в темных пятнах, губы полуоткрыты — от них слегка попахивает вином. Демид взял ее за плечи, ввел в комнату, силой усадил на тахту.

— Что случилось?

Лариса пыталась что-то сказать, но судорога сдавила горло.

Демид принес воды, заставил отпить глоток, с пронзительной жалостью видя, как дрожат ее губы, касаясь белого в розовых цветочках фарфора, как стучат о край чашки зубы.

— Ну, теперь можешь говорить?

— Я его убила. Ты единственный человек, к которому я могу обратиться, кому я верю... Я сейчас пойду в милицию и во всем признаюсь. Но мне нужно... Понимаешь, в эту ужасную минуту рядом должен быть родной человек... Вот я к тебе и пришла.

Такую несчастную, в горе, Ларису он любил еще больше, еще острее. Только, может, не время об этом думать?

— Рассказывай, что произошло. Кого убила?

— Тристана Квитко... А что я могла сделать? Убийство с целью самообороны. Девяносто седьмая или девяносто восьмая статья... три года лишения свободы. И правильно! Он же все-таки человек, хотя и свинья.

— Подожди ты со своими статьями. Как все произошло?

Лариса оглянулась, скользнула взглядом по закрытой двери, провела рукой по волосам, коснулась глаз, щеки, немного успокоилась.

— Позавчера запил отец, — тихо сказала она, — почти год держался, а тут как с цепи сорвался. Убежала из дома... Первую ночь прослонялась в парке, потом при-

ехала домой, мама только руками замахала. Пришла к тебе — заперто.

— Я только что приехал.

— Куда мне деваться? Решила пойти к Тристану. Он все-таки всегда был джентльменом. Принял меня как дорогую гостью, весь стол бутылками уставил, стихи стал читать... Так хорошо было, так приятно чувствовать, что к тебе относятся со вниманием. Я выпила немного вина и уснула на тахте... Устала очень... А проснулась от того, что мне дышать нечем, он навалился на меня... Попробовала закричать... А он мне: «Ларисочка, что тебе терять? Одним больше, одним меньше, какая разница?» Демид, это ужасно. У меня никогда никого не было. Это так мерзко, гадко... И я не раскаиваюсь в том, что сделала. Это дорогая плата, но пьяному хаму владеть собой не позволю...

— А дальше что было?

— Дальше все просто. На крик мой он, конечно, внимания не обратил, а я уже устала сопротивляться... Дотянулась рукой до стола, благо он был рядом с тахтой, схватила бутылку — и по голове. Даже вспомнить страшно... Он свалился с тахты, а я — бежать. Хотела сразу в милицию, потом подумала, может, ты приехал... Одна до милиции я бы не дошла... Теперь легче, ты со мной. Ты меня не бросишь?..

— Никогда. Я люблю тебя больше всего на свете, — сказал Демид.

— Что ты на меня так смотришь? Ведь я же убийца! Но пойми, не могла я иначе, не могла! Позволить всякому хаму...

— Я понимаю тебя.

— И ты все эти годы будешь меня ждать? Если меня в тюрьму...

— Буду. Мне без тебя нет жизни. Но давай подумаем...

Глаза Ларисы наполнились слезами, она шагнула к Демиду, охватила его шею обеими руками и поцеловала, потом отшатнулась и сказала, подавляя рыдание:

— Ну почему счастье пришло в такую горькую минуту?

— Хорошо, что пришло, — тихо ответил Демид, не выпуская рук Ларисы.

Они какое-то время стояли молча, глядя в глаза друг другу, веря и не веря в свое счастье. Лариса первой пришла в себя, просто сказала:

— Спасибо тебе за все. Я тебя очень люблю. Давно люблю. А сейчас надо идти...

— Куда идти? — не понимая, словно просыпаясь от сладкого сна, спросил Демид.

— В милицию...

— Сначала давай-ка заглянем к нему в комнату. А вдруг он живой и тебе только показалось?

Лариса в ужасе отшатнулась.

— Не пойду, боюсь!

— Пойдем, — решительно схватил ее за руку Демид. Вошел на кухню, чем-то звякнув. — Нужно взять ключи, вдруг замок в двери защелкнулся.

— А ты откроешь?

— Дверной замок куда проще замка от сейфа. А по сейфам мы с тобой уже специалисты.

— Еще и это! — Лариса в отчаянии схватилась за голову. — Если узнают про сейф, меня засудят как самую отпетую уголовницу.

— Тогда была только наша глупость. Книги Аполлона Вовгуры в музее криминалистики, мои записи стерты, «Ивана» я завтра разберу... Увидела бы ты чаши космических антенн, тогда поняла бы, что такое настоящая мечта! Ну, ничего, мы еще с тобой помечтаем. Нас же сейчас двое, и нам ничего не страшно. Я с тобой.

Он взял ее за руку, и, как прежде, когда вел показывать свою машину, они вышли из квартиры, спустились по лестнице. Со стороны, глядя на них, можно было подумать, что старший брат ведет домой провинившуюся сестренку.

— Сюда, — сказала Лариса, — пятый этаж. Вот его квартира.

Демид взял ключ, вставил в замочную скважину, повернул, дверь отворилась. Взглянул на Ларису: она стояла, не в силах переступить порог, лицо, как восковая маска, искажено гримасой ужаса.

— Какой там черт ломится? — послышался из комнаты зычный голос Тристана Квитко.

Лариса прислонилась к дверному косяку, чтобы не упасть от неожиданности. Сделав шаг вперед, она увидела адвоката: пьяный, рубашка залита багряным вином, тот сидел на тахте и смотрел на них очумелыми глазами.

— Заявилась, паскуда, — взревел он, увидев Ларису и поднимаясь. — Утром пойду в милицию... ты же мне голову чуть не проломила. — Только теперь заметив Де-

мида, он с ехидной усмешкой обратился к нему. — Извольте полюбоваться на королеву Марго! Недотрогу из себя строит. Бутылкой по голове шарахнула. Нет, я этого так не оставлю! Завтра пойду в милицию. Под суд упеку!

Демид резко шагнул к адвокату и толкнул его обратно на тахту:

— Сиди! Я бы тебя проучил, как к девушкам лезть,— брезгливо проговорил он, крепко, обеими руками сжав адвоката за плечи и не давая подняться, — только противно...

Слегка тряхнув потерявшего человеческий облик Квитко, Демид повернулся к Ларисе:

— Пойдем!

Адвокат сидел на тахте с открытым ртом и, как рыба, выброшенная на берег, со всхлипом хватал воздух. Волосы его слиплись, квадратная, когда-то холеная бородка свалялась.

— Пойдем, — ответила Лариса.

Они дошли до двери, когда из комнаты донеслось:

— Подождите.

Остановившись, они удивленно оглянулись. К Квитко уже вернулась его обычная ироническая усмешка, он держал в руках бутылку, собираясь разлить в бокалы вино.

— Подождите, чертовы души. На то мы и люди, чтобы в наших сердцах пылали страсти. Давайте выпьем по чарке — мировую!

Поворот событий был неожиданный, но Демид даже не улыбнулся.

— Не буду я с тобой мириться, — бросил он резко, как отрубил. — Лариса — жена моя. А ты... Уйди с дороги!

Эпилог

На бульвар Ромена Роллана они добрались в полном молчании. Небо над Киевом синело, скоро должно было взойти солнце. Поднялись на лифте на седьмой этаж, вошли в квартиру, и только тогда Демид сказал, повернув к себе девушку и глядя ей прямо в глаза:

— Ну-ка раздевайся. Быстро.

Глаза Ларисы вспыхнули гневом.

— Ты с ума сошел!

— Раздевайся.

И совсем неожиданно для себя Лариса послушно, покорно, скрестив руки, взялась за подол и через голову сняла свое зелененькое, запачканное вином старенькое платье.

Не сказав ни слова, он подхватил ее обеими руками так, как когда-то на пляже, отнес и положил в ванну. Набрал в пригоршню жидкого мыла из розовой пластмассовой бутылочки, вылил ей на плечи, на волосы. Закатав рукава сорочки, тщательно, чуть ли не яростно вымыл ее всю с головы до ног, словно смывал все тревоги последних дней, и, может, впервые за все время услышал, как может счастливо смеяться Лариса. Затем укутал в огромную махровую простыню, с наслаждением чувствуя прикосновение молодого родного тела, и отнес в комнату, полную ясного утреннего розового солнца.

Собко В. Н.

С 54 Ключ: Роман/ Авториз. пер. с укр. Н. Крючковой. — М.: Профиздат, 1981. — 320 с. — (Б-ка рабочего романа).

1 р. 40 к., 1 р. 20 к.

Новый роман известного украинского писателя дважды лауреата премии ВЦСПС и СП СССР Вадима Собко посвящен молодым рабочим электронной промышленности. В центре романа образ Демида Хорола, наладчика электронно-вычислительных машин, человека нелегкой судьбы. Автор проводит своего героя через сложные жизненные ситуации, в которых проявляется его нравственная и гражданская зрелость.

С $\frac{70302-276}{081(02)-81}$ 64—81 4702590200

ББК 84Укр7
С(Укр)2

ИБ № 1124

Собко Вадим Николаевич

КЛЮЧ

Роман

Авторизованный перевод с украинского
Надежды Крючковой

Зав. редакцией *В. Е. Вучетич*
Редактор *А. Н. Панкова*
Художник *А. П. Ерасов*
Художественный редактор *С. Г. Михайлов*
Технический редактор *Г. Г. Гаврилова*
Корректоры *Г. С. Милютина, Т. П. Конова, Т. А. Дунцева*

Сдано в набор 03.03.81. Подп. в печать 17.06.81.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 18,35.
Тираж 500 000 экз. Заказ 250. Цена в переплете 1 р. 40 к.
в обложке 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство ВЦСПС
Профиздат, 101000, Москва, ул. Кирова, 13

1-я типография Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18

1 р. 20 к.

ПРОФИЗДАТ 1981

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕГО РОМАНА
Вадим Собко